

INSPIRIA

**УДАЧНЫЙ
БРАК**

**КИМБЕРЛИ
МАККРЕЙТ**

 INSPIRIA

Кимберли Маккрейт

Удачный брак

*Посвящается Тони.
Начало всегда хорошее.
Важно то, чем все заканчивается.*

*Любовь никогда не умирает своей
смертью.*

Анаис Нин. Четырехкамерное сердце

Kimberly McCreight
A GOOD MARRIAGE

Copyright © 2020 by Kimberly McCreight

Фотография на переплете:
© Javier Diez / Stocksy United / Legion Media.

Перевод с английского *Натальи Власовой*

© Власова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Я никогда не хотел, чтобы это произошло. Глупо говорить такое. Но это правда. И очевидно, что я никого не *убивал*. И никогда не стал бы. Ты знаешь это. Ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было.

Допустил ли я ошибки? Определенно. Я лгал. Я был эгоистичным. Я обидел тебя. Об этом я жалею больше всего на свете. Что я причинил тебе боль. Потому что я люблю тебя больше всего на свете.

Ты же это знаешь, правда? Что я тебя люблю?

Я надеюсь. Потому что не могу думать ни о чем другом. А в одиночной камере у тебя так много времени, чтобы подумать.

(Не волнуйся. Мой язык привел меня в «ящик». Так тут называют одиночную камеру. В общей камере слишком шумно. Всю ночь напролет кто-то бубнит, кричит, спорит и бормочет какую-то чушь. Если ты попадаешь сюда в здравом уме, то в итоге слетаешь с катушек. Но я не псих. Я знаю, что и ты это знаешь.)

Объяснения. Они что-нибудь изменили бы? Могу для начала хотя бы начать с ответа на вопрос «почему?». Потому что все это оказалось куда труднее, чем я ожидал — брак, жизнь. Все это.

Вначале все так просто. Встречаешь кого-то классного, умного и забавного. Кого-то, кто лучше тебя, по крайней мере в чем-то, и вы оба это знаете. Влюбляешься. Но еще сильнее влюбляешься в его или ее представления о себе. Чувствуешь, что тебе повезло. Потому что тебе *и правда* повезло.

Проходит время. Вы оба слишком сильно меняетесь. При этом сам ты остаешься почти тем же. Правда выплывает наружу, и горизонт темнеет. В итоге вы оба оказываетесь рядом с человеком, который видит вашу настоящую суть. Рано или поздно ваша половинка поднимет зеркало и заставит вас посмотреть на себя.

Кто, черт побери, смог бы с этим существовать?

Поэтому вы делаете все возможное, чтобы выжить. И начинаете искать новую пару глаз.

Лиззи

6 июля, понедельник

Солнце садилось все ниже в лесу небоскребов за окнами моего офиса. Я представляла, что сижу за столом, пока вокруг сгущается тьма. Интересно, поглотит ли сегодня она меня целиком. Как же я ненавидела этот идиотский офис.

В высотке напротив зажегся свет в одном окне. Скоро зажжется в другом, потом в третьем. Люди работали, люди жили. Учитывая все обстоятельства, стоит признать, что я в очередной раз задержалась после окончания рабочего дня. Наконец я потянулась к выключателю и включила свет у себя.

В маленьком круглом пятне света — нетронутый ланч, который утром собрал для меня Сэм. Индейка с перцем по особому рецепту и швейцарский сыр на правильном ржаном хлебе с морковью, поскольку Сэм обеспокоен, причем весьма справедливо, что у меня нехватка витаминов. Он упаковывает мне ланч все одиннадцать лет, что мы живем в Нью-Йорке — восемь из них в браке, — даже в те дни, когда ничего не берет с собой.

Я нерешительно отодвинула контейнер с ланчем и посмотрела на время на компьютере. Семь часов семнадцать минут. Не так уж и поздно, но в нашей конторе «Янг & Крейн» время для меня всегда ползет еле-еле. Я сгорбилась, пытаюсь сосредоточиться на довольно невнятном письме в Министерство юстиции, которое правила для еще одного старшего юриста с полным отсутствием опыта в уголовных делах. Наш клиент — производитель аккумуляторов для мобильных телефонов. В отношении нескольких членов правления ведется расследование по поводу разглашения инсайдерской информации третьим лицам. Обычное уголовное дело для подобной компании: неожиданная загвоздка для ранее существовавшего корпоративного клиента.

У «Янг & Крейн» нет конкретной программы ведения процессов по экономическим преступлениям. Вместо нее у нас есть Пол Гастингс,

бывший шеф нью-йоркского управления по борьбе с организованной преступностью и преступлениями против личности. А теперь вот и я. Пол трудился до меня в прокуратуре и близко общался с моей наставницей и боссом Мэри Джо Браун, которая четыре месяца назад настояла, чтобы Пол нашел мне работу в этой конторе. Вообще-то Пол был впечатляющей фигурой, известным юристом с многолетним опытом, но в «Янг & Крейн» он всегда напоминал мне недавно вышедшую в тираж скаковую лошадь, которая отчаянно жаждет, чтобы ворота с треском открылись по сигналу еще один последний раз.

«Эм энд эмс». Вот что мне нужно, чтобы покончить с этим письмом, которое, несмотря на все мои потуги, так и оставалось тремя неубедительными абзацами уклончивых витиеватых фраз. Шоколадные драже лежат в этой многолюдной конторе почти в каждом шкафу с закусками — дополнительный бонус, чтобы облегчить каторжный труд любителей поработать по ночам. Я собиралась было отправиться за конфетами, как на экране телефона всплыло оповещение о новом письме, которое пришло по электронной почте. Я специально положила телефон на дальний край стола, чтобы он меня не отвлекал. Это было письмо на мой личный ящик от Милли, тема «Позвони мне!». Уже не первое за прошедшую пару недель. Обычно Милли не проявляла подобной настойчивости, но прецеденты бывали. Это не обязательно означало, что дело и правда не терпит отлагательств. Я провела пальцем по экрану, перемещая сообщение в папку «Старые письма», даже не открыв. В конце концов я обязательно прочту это и предыдущие письма Милли, как всегда бывает, но не сегодня.

Я все еще не сводила глаз с мобильного, когда начал трезвонить рабочий телефон. Уже по одной только мелодии я поняла, что звонят на мой прямой номер, но не из конторы, а извне. Наверное, Сэм. Не так уж много людей знают мой новый рабочий телефон.

— Вам поступил телефонный звонок за счет абонента из исправительного учреждения города Нью-Йорк от заключенного по имени... — произнес механический голос, после чего повисла бесконечно долгая пауза.

Я затаила дыхание.

— Зак Грейсон, — произнес человеческий голос.

Затем снова заговорил робот:

— Если вы согласны взять на себя расходы, нажмите «один».

Я с облегчением выдохнула. Но Зак... Ничего не понимаю! Стоп, это Зак Грейсон, с которым мы вместе учились на юрфаке в Университете Пенсильвании? Я не вспоминала о нем по меньшей мере пару лет после того, как прочла об успешном логистическом стартапе ЗАГ, которым он управлял в Пало-Альто. Эта фирма предлагала эквивалент премиального членства многочисленным маленьким компаниям, пытаясь соревноваться с «Амазоном». Перевозки — не ахти как гламурно, но явно прибыльно. Но мы с Заком не общались с самого выпускного. Механический голос повторил инструкции, предупредив, что время на исходе. Я нажала «единицу», чтобы принять звонок.

— Это Лиззи.

— Слава богу! — дрожащим голосом выдохнул Зак.

— Зак, что происходит... — Задать подобный вопрос значило допустить промах с профессиональной точки зрения. — погоди, не отвечай. Эти звонки записываются. Ты же в курсе, да? Если ты звонишь мне как юристу, то не стоит думать, что это конфиденциально.

Даже искушенные юристы порой до смешного тупы, когда сами решают свои юридические проблемы. А в криминальных делах и вовсе никуда не годятся.

— Мне нечего скрывать, — сказал Зак. Так говорят все юристы, которые обнаружили себя не на той стороне закона.

— С тобой все нормально? — поинтересовалась я. — Давай начнем с этого.

— Ну, я в Райкерсе, так что... — негромко произнес Зак. — Бывало и получше.

Я с трудом могла себе представить Зака в Райкерсе, тюрьме, которая разрослась настолько, что занимала целый собственный остров. Это безжалостное место, где содержались члены банды «Латинские короли», убийцы-садисты, но рядом мог ждать суда и парень, толкнувший пакетик травы за десятку. Зак отнюдь не был воротилой преступного мира. Он всегда казался мне... как бы это выразиться... мягкотелым. Его на части разорвут в Райкерсе.

— В чем тебя обвиняют? Мне нужны только формулировки обвинения, а не детали того, что там произошло.

Очень важно не предавать огласке ничего, что инкриминировано, и об этом слишком легко забыть. Однажды у нас все обвинение строилось на одном-единственном записанном звонке из тюрьмы.

— Нападение на офицера полиции. — В голосе Зака слышался стыд. — Это вышло случайно. Я был расстроен. Кто-то схватил меня за руку, а я дернулся и попал офицеру локтем в лицо, отчего у него из носа пошла кровь. Мне очень жаль, но я не нарочно. Я даже не знал, что он стоит позади меня.

— Это случилось в баре?

— В баре? — озадаченно переспросил Зак, и мои щеки зарделись. Странный вопрос. Проблемы у большинства людей начинаются отнюдь не в баре. — А! Нет, не в баре. Это случилось в нашем доме в Центр-Слоуп.

— Центр-Слоуп? — По соседству с нами, ну, или почти по соседству. Технически мы жили в Сансет-Парк.

— Мы переехали в Бруклин из Пало-Альто четыре месяца назад, — сказал он. — Я продал свою компанию и полностью отошел от дел. Тут я запускал новый проект. Совершенно новая территория. — Его голос напрягся.

Зак всегда был таким, слегка чудаковатым. Моя соседка по комнате в общежитии Виктория называла его «долбанутым», а то и похуже, когда была не в духе. Но лично мне Зак нравился. Да, он был ботан, но надежный, умный, он умел слушать и не боялся рубить правду-матку. Еще он был одержим учебой, как и я, и меня это радовало. Но у нас было и еще кое-что общее. Когда я поступила в Пенсильванский университет, то только-только выкарабкалась из горя, поскольку в старшей школе лишилась обоих родителей. У Зака умер отец, и он понимал, каково это — тянуть себя вперед самому. На нашем юрфаке не все это осознавали.

— Я живу в Центр-Слоуп, — подала я голос. — На углу Четвертой авеню и Восемнадцатой улицы. А ты?

— Монтгомери-Плейс, между Восьмой авеню и Проспект-Парк-Уэст.

Ну конечно. Единственный раз я ходила в эту дорогушую часть Центр-Слоуп, чтобы прицениться (и только лишь) к продуктам на таком же дорогушем фермерском рынке на Гранд-Арми-Плаза.

— Что полиция делала у тебя дома? — спросила я.

— Моя жена... — Зак осекся. Он молчал довольно долго, а потом продолжил: — Аманда лежала у подножия лестницы, когда я вернулся домой. Это было очень поздно. Мы в тот вечер ходили на вечеринку к соседям, но вернулись по отдельности. Аманда ушла домой раньше, а когда я вошел... Господи! Все было залито кровью, Лиззи. Просто море крови. Честно говоря, меня чуть не вывернуло наизнанку. Я с трудом заставил себя проверить ее пульс. Гордиться особо нечем. Что за мужик, если так испугался вида крови, что не бросился на помощь собственной жене?

Его жена мертва? Вот черт!

— Мне очень жаль, — выдавила я.

— Но я заставил себя набрать 911, — продолжал он. — Потом попробовал сделать искусственное дыхание... но она уже умерла, Лиззи, и я понятия не имею, что с ней произошло. Я так и сказал полиции, но они не стали меня слушать, хотя это именно я их вызвал. Думаю, все из-за того парня в костюме. Он буравил меня взглядом из угла комнаты. Но от Аманды меня попытался оттащить другой детектив. Она лежала там на полу, и я не мог просто взять и уйти... — Его голос снова дрогнул. — Прости, но твой голос — первый дружелюбный голос, который я слышу. Честно говоря, мне трудно уложить случившееся в голове.

— Это понятно, — ответила я. И правда понятно.

— Неужели они не видели, в каком я состоянии? Стоило бы дать мне минуту прийти в себя.

— Стоило бы.

Тот факт, что полицейские не дали Заку очухаться, не сулил ничего хорошего. Наверняка полиция заподозрила, что Зак ответственен за смерть жены. А лучше всего контролировать потенциального подозреваемого, заперев его в тюрьме за менее серьезное правонарушение.

— Мне правда нужна твоя помощь, Лиззи, — произнес Зак. — Мне нужен хороший... даже нет, *отличный* адвокат.

Не в первый раз бывшие однокашники звонили мне за помощью в уголовных делах. Очень непросто найти высококлассного защитника, и мало кто из выпускников юрфака Пенсильванского университета занимается уголовным правом. Но обычно это всякая ерунда: вождение в нетрезвом виде, хранение мелких доз наркотиков,

экономические преступления. И всегда для родственников и друзей. Но никогда они не просили о помощи для себя и уж точно не называли из Райкерса.

— С этим я точно тебе смогу помочь. У меня есть несколько знакомых адвокатов...

— Знакомых? Нет, нет. Мне нужна *ты*.

Положи гребаную трубку.

— Ой, я тебе совершенно не подхожу. — Слава богу, это абсолютная правда. — Я только недавно начала работать защитником, а весь мой опыт ограничен экономическими...

— Прошу тебя, Лиззи. — В голосе Зака сквозило ужасающее отчаяние. Но он был мультимиллионером, и ему на выручку готовы были броситься уймы адвокатов. Почему я? Если подумать, мы с Заком отделились задолго до выпуска. — Мы же оба знаем, что происходит? Мне скорее всего придется сражаться не на жизнь, а на смерть. Ведь обычно все заканчивается тем, что обвиняют мужа. Нельзя, чтобы в этот момент рядом со мной стоял какой-то хлыщ в костюмчике. Мне нужен кто-то, кто понимает, кто знает меня. Кто-то, кто сделает все возможное и невозможное. Мне нужна именно ты, Лиззи.

Что ж, я ощутила прилив гордости. Я всегда была в хорошем смысле амбициозной до ужаса. Это моя основная характеристика. Я определенно не могла считаться самой умной ни в Стэвисент Хай Скул, ни в Корнелле, ни на юрфаке в Пенсильванском. Но не было никого, более сосредоточенного на учебе. Родители научили меня безыскусной решимости. Особенно папа, это правда. Наше усердие сослужило и мне, и отцу одинаковую службу: оно стало той веревкой, за которую мы неоднократно вытягивали себя из трясины, но на ней же нас могли и вздернуть.

Я все равно не собиралась брать дело Зака.

— Мне лестно слышать комплимент, Зак. Правда. Но тебе нужен адвокат, у которого больше опыта в защите подозреваемых в убийстве и правильные завязки в бруклинской прокуратуре. У меня нет ни того ни другого. — Все так и есть! — Но я смогу найти тебе великолепного адвоката. Кандидат придет к тебе прямо утром, до того, как предъявят обвинения.

— Слишком поздно. Мне уже предъявили обвинения. И отказались выпускать под залог.

— Ох. — Видимо, его арестовали раньше, чем я думала. — Это несколько удивительно, когда человека обвиняют в нападении на полицейского.

— Нет, если они считают, что я убил Аманду, — сказал Зак. — Это следующий шаг, да?

— Не исключено, — согласилась я.

— Наверное, стоило позвонить тебе до того, как мне предъявили обвинения. Но я был так... шокирован происходящим. Мне выделили государственного защитника. Довольно приятный парень и даже, кажется, вполне компетентный. Определенно радует за результат. Но если быть совсем уж честным, то я был в прострации во время слушаний. Словно бы притворялся, что ничего этого не случилось и быть такого не может. В итоге я выглядел полным придурком, я знаю.

Вот тут я могла бы расспрашивать его о подробностях. Когда его арестовали? В какой именно последовательности происходили события тем вечером? Все эти вопросы задаст Заку адвокат. Но я-то не его адвокат и меньше всего хочу, чтоб он меня в это втягивал.

— Это обычная человеческая реакция, — вместо этого сказала я. По моему опыту, когда тебя обвиняют в преступлении, с катушек слетают и самые здравомыслящие люди. А если обвинение ложное? Даже хуже.

— Мне нужно выбраться отсюда, Лиззи, — испуганно проговорил Зак. — Немедленно.

— Не волнуйся. Какова бы ни была стратегия обвинения, тебя не смогут держать в Райкерс по обвинению в нападении на полицейского, ни при каких обстоятельствах. Найдем тебе подходящего адвоката, и прошение о залоге удовлетворят.

— Лиззи, — взмолился Зак. — *Ты* и есть подходящий адвокат.

О нет. Я неподходящий адвокат без нужных связей. И не случайно я никогда не бралась за дела об убийствах и впредь не планировала. Но даже если оставить эти доводы в стороне, моя жизнь и так уже вышла из-под контроля, и меньше всего мне нужно было участвовать в балагане вокруг моего давнего приятеля, а ситуация, в которую угодил Зак, напоминала именно это, если уж на то пошло.

— Зак, прости, но я...

— Лиззи, прошу тебя, — прошептал он, и теперь в его голосе явственно звучало отчаяние. — Честно говорю, я в ужасе. Можешь ты

хотя бы меня навестить? Чтобы мы просто поговорили.

Черт. Я не собираюсь представлять интересы Зака ни под каким соусом. Но у него погибла жена, а мы раньше дружили. Может, мне и впрямь стоит его проведать. Наверное, Заку будет легче принять, почему я не могу быть его адвокатом, если я скажу это ему в лицо.

— Ладно, — наконец процедила я.

— Отлично! — Зак явно испытал огромное облегчение. — Сегодня? Посещения разрешены до девяти.

Я посмотрела на часы. Семь часов двадцать четыре минуты. Надо пошевеливаться. Я снова взглянула на черновик письма, взывающий с экрана моего компьютера, а потом подумала о Сэме, который ждет меня дома. Мне не придется задерживаться в офисе. Может, одной только этой причины достаточно, чтобы рвануть навещать Зака в Райкерсе.

— Еду, — сказала я.

— Спасибо, Лиззи! — воскликнул Зак. — Спасибо!

Свидетельские показания перед большим жюри

Люси Дельгадо вызвана в качестве свидетеля шестого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Миссис Дельгадо, спасибо, что согласились дать свидетельские показания.

О: Меня вызвали повесткой.

В: Спасибо, что пришли по повестке. Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, второго июля этого года?

О: Да.

В: А как вы там оказались?

О: Меня пригласили.

В: Кто вас пригласил?

О: Мод Лагё.

В: А как вы познакомились с Мод Лаг?

О: Наши дочери несколько лет назад учились в одном подготовительном классе в Грейс-Холл.

В: Эта вечеринка проводилась ежегодно или нет?

О: Я не знаю.

В: Не знаете?

О: Нет.

В: Давайте перефразирую. Вы бывали на такой вечеринке в предшествующие годы?

О: Да.

В: И что там происходит?

О: Ну... все общаются, едят, выпивают. Это же вечеринка.

В: Вечеринка для взрослых?

О: Да. Детей не приглашали. В любом случае большинство из них разъехались по всяким летним лагерям и тому подобное. В этом смысл вечеринки. Подразумевается ночевка, понятно?

В: Понятно. Имеют ли место половые контакты на подобного рода вечеринках?

О: Что?

В: Кто-то занимается сексом во время вечеринки?

О: Понятия не имею.

В: Вы под присягой. Вы ведь это помните, да?

О: Да.

В: Задам вопрос еще раз. Имеют ли место половые контакты во время таких вечеринок с ночевками на Первой улице, 724?

О: Да. Но не половые... Зачем заниматься сексом на полу? Там есть кровати.

В: У вас когда-либо был половой акт во время таких вечеринок?

О: Нет.

В: А какие-либо сексуальные контакты?

О: Были.

В: С вашим мужем?

О: Нет.

В: С чьим-то чужим мужем?

О: Да.

В: Остальные тоже участвовали в подобном?

О: Иногда. Но не все и не всегда. Ничего серьезного.

В: То есть обмен партнерами не был чем-то серьезным для участников этой вечеринки?

О: «Обмен партнерами» звучит как нечто целенаправленное. А тут просто развлечение. Шутка. Чисто выпустить пар.

В: Вы видели Аманду Грейсон на вечеринке второго июля?

О: Да. Но я тогда не знала, кто это.

В: А как тогда вы узнали, что это была она?

О: Полицейские показали ее фотографию.

В: Они показали фотографию Аманды Грейсон и спросили, была ли она на вечеринке?

О: Да.

В: А где вы ее видели?

О: В гостиной. Она налетела на меня и пролила вино мне на рубашку.

В: Когда это было?

О: Мне кажется, между половиной десятого и десятью часами. Точно не знаю. Но я пробыла на вечеринке до одиннадцати. Так что где-то до этого времени.

В: После этого вы ее видели?

О: Нет.

В: Какой она вам показалась, когда вы ее видели?

О: Расстроенной. Она показалась мне расстроенной.

В: Она плакала? Или злилась?

О: Она была напугана. Действительно напугана.

В: Вы разговаривали с Мод Лагё на вечеринке в тот день?

О: Я хотела поговорить с ней, но когда подошла, мне показалось, что они с мужем Себом ссорятся из-за какой-то женщины.

В: Почему вы так говорите?

О: Потому что я слышала, как Мод что-то говорила про «ее фотки в обнаженном виде», и она очень-очень злилась. Я никогда не видела ее такой.

В: Спасибо, миссис Дельгадо. Можете быть свободны.

Аманда

За шесть дней до вечеринки

— Что думаете? — спросил дизайнер по интерьерам, обводя рукой с безупречным маникюром кабинет Аманды в «Хоуп Фест Инициатив», где красовались новенький оранжевый диван, серый шерстяной коврик с широкими белыми полосами и абсурдно дорогие журнальные столики «ручной работы» из какой-то мастерской в Уильямсбурге.

Аманда разглядывала интерьер, а дизайнер — высокая решительная дама, похожая чертами лица на хищного ястреба и предпочитающая в одежде драпировки всех оттенков серого — пристально смотрела на нее в ожидании ответа. Нужно было сказать что-то правильное. Аманда понятия не имела, что именно, но когда она не знала, что конкретно говорить — а такое случалось довольно часто, — то обнаруживала, что пара умных слов очень может восполнить много лакун.

К счастью, Аманда выучила немало умных слов с тех самых пор, как они с мамой сидели, уютно устроившись в большом кресле-мешке с вельветовой обшивкой в отделе детской литературы в библиотеке Сент-Коломб-Фоллс. Это закончилось, когда Аманде было одиннадцать, а ее мама заболела и сторела за несколько недель от рака легких, хотя в жизни не выкурила ни единой сигареты. После этого Аманда сомневалась, что сможет когда-нибудь снова пойти в библиотеку. Но спустя всего несколько дней после маминой смерти она пришла туда в поисках безопасного места.

Мрачная библиотечка вынырнула из ниоткуда со стопкой книг для Аманды во второй или третий раз, когда она пришла туда одна. Она ничего не спросила о ее маме, только сказала, нахмурившись:

— Вот, держи.

Она с грохотом опустила внушительную стопку на стол: *«Повелитель мух»*, *«Над пропастью во ржи»*, *«Маленькие женщины»* и еще несколько таких же серьезных произведений. После этого такие

«особые» заказы стали обычным делом. Именно из этих книг Аманда черпала самые лучшие слова. Они становились ее собственными словами. Порой Аманде приходилось время от времени напоминать себе об этом. Она прочитала все эти книги. Эта часть ее была настоящей.

А сейчас дизайнер все еще ждала ответа.

— Блистательно! — наконец отважилась Аманда.

Дизайнер просияла, с восхищением оглядывая плоды своего труда.

— Ох, Аманда, как вы хорошо сказали! Клянусь, вы моя самая восхитительная клиентка.

— Блистательно? — В дверях кабинета Аманды стояла, скрестив руки, Сара. Она выглядела великолепно: гладкая оливковая кожа, темно-русые аккуратно подстриженные волосы и огромные голубые глаза. — Полегче, Джейн Остин! Это всего лишь диван! — Сара вошла и шлепнулась на диван, чтобы подкрепить свое высказывание, и похлопала по сиденью рядом с собой. — Ну же, Аманда. Садись! Это *твой* диван, а не ее. По крайней мере, опробуй новинку!

Аманда улыбнулась, подошла и села рядом с Сарой. Несмотря на миниатюрную фигурку, Сара производила внушительное впечатление. В ее присутствии Аманда всегда ощущала себя сильнее.

— Спасибо за вашу помощь! — сказала Аманда дизайнеру.

— Ага, а теперь до свидания! — Сара жестом выдворила женщину.

Дизайнер поджала губы, взглянув на Сару, но, подойдя к Аманде, весело улыбнулась и расцеловала ее в обе щеки.

— Аманда, звоните мне в любой момент, если вам еще что-то потребуется.

— Пока! — повторила Сара.

Дизайнер фыркнула, развернулась на тонких шпильках и вышла за дверь.

— Нет ничего противнее, чем такая дурища, которая настаивает, что ты должна спустить четырнадцать штук на дебильный диван, который она себе никогда в жизни не сможет позволить! — заявила Сара, когда дизайнер ушла, не поднимая головы, потому что, видимо, заканчивала набирать сообщение своему мужу Керри. Эта парочка переписывалась без остановки, как подростки. — А эта улыбка до ушей, что скулы сводит? Люди, которым правда нравится, никогда так старательно не улыбаются. Ты ведь в курсе?

Сара росла в Талсе у матери-одиночки, с трудом сводившей концы с концами, но семья Керри унаследовала состояние, которое их предки сколотили на пуговицах. На самых настоящих пуговицах. Предыдущие поколения спустили значительную часть денег, поэтому Керри в итоге досталось не так уж много, а Саре пришлось провести много времени, ухаживая за богатыми родственниками.

— Это Зак ее нанял. Она явно знаменита. — Аманда оглядела новый интерьер. — Мне правда нравятся вещи, которые она выбирает.

— Ох, Аманда! Ты дипломат до мозга костей. — Она похлопала подружку по коленке. — Никогда не скажешь ничего неприятного, да?

— Я говорю! — слабо запротестовала Аманда.

— Только очень-очень тихо, — прошептала Сара и пожала плечами. — А вот мне не помешало бы научиться держать язык за зубами. Ты бы слышала, как я напала сегодня с утра пораньше на Керри. — В ее глазах на миг появилось отсутствующее выражение. — Хотя в свою защиту скажу, что он слишком старый и пузатый для ярко-красных кроссовок «Эйр Джордан». Он выглядит смешно. Я видела парочку парней, с которыми он играет. Они молоды и в отличной форме, привлекательны и отнюдь не смешны. Кстати, хочешь сходить со мной на игру как-нибудь? Там есть один мальчик с голубыми глазами и бородкой...

Аманда рассмеялась:

— Нет, спасибо.

Сара обожала шутить о других мужчинах, которые в отличие от Керри были привлекательными, но их брак был очень крепким. Они были женаты уже много лет и воспитывали трех очаровательных сыновей. Они познакомились еще в выпускных классах. Керри был звездой футбола, а Сара — чирлидершей. Их даже выбрали королем и королевой выпускного, и этот факт Сару немного смущал, но вместе с тем она очень им гордилась.

Сара вздохнула:

— Как бы то ни было, мне кажется, что Керри и правда обиделся, когда я прошлась по его кроссовкам. Есть некая черта, даже если просто шутишь, но иногда я забываю, где она.

Сара была очень жестким человеком, это правда. Она постоянно требовала от мужа то одного, то другого: забрать сыновей, прибрать листья, которые забили дождевой водосток в углу, помочь Аманде

поменять лампочку на крыльце. Керри иногда ворчал, особенно по поводу листьев, которые ему казались проблемой в масштабах всего города, но всегда выполнял поручения с радостью, словно наслаждался этим. Сару это ставило в тупик.

— Мне кажется, Керри любит тебя такой, какая ты есть, — сказала Аманда. — Кроме того, я уверена, что Зак хотел бы, чтобы я была такой же решительной, как ты. Тогда я бы разруливала все дела в фонде куда эффективнее.

— Но тогда Заку пришлось бы и жить с такой занозой в заднице, как я. Давай будем честны, мы с твоим мужем не протянули бы вместе и одного вечера.

Представив себе эту ситуацию, обе так расхохотались, что Аманда едва не задохнулась от смеха.

Ей очень нравилась Сара. Она перебралась в Центр-Слоуп всего четыре месяца назад, но сблизилась с Сарой куда сильнее, чем с кем-то из своих подруг в Пало-Альто, которые безжалостно охраняли собственную безупречность, как голодные псы. Разумеется, Сара не могла занять место Кэролин, с такой историей дружбы невозможно соревноваться, но Саре и не нужно было соревноваться с Кэролин. В жизни Аманды хватало места для обеих подруг.

А еще Сара оказывала неоценимую помощь в фонде. Она раньше работала в сфере образования. Мамочка друга ее сына в частной школе Грейс-Холл, президент родительского комитета, Сара знала все тонкости запутанной нью-йоркской системы образования. Сара не работала после рождения детей, но согласилась занять в фонде должность замдиректора просто потому, что хотела протянуть руку помощи. Несмотря на все возражения Сары, Аманда настояла, чтобы ее труд щедро оплачивался.

Возможность не разбираться со всем в фонде одной стоила любых денег. Поскольку Аманда сама росла в бедности, она всем сердцем верила в благородную миссию фонда — предоставлять стипендии, которые позволят нуждающимся ученикам средних школ попасть в лучшие частные школы Нью-Йорка. Но работа в «Хоуп Фест Инициатив» была связана с постоянными стрессами. Аманде нужно было все делать правильно. В конце концов, это ведь было детище Зака.

Родители Зака — парочка героиновых наркоманов из Покипси — отказались от него, когда Заку исполнилось девять. После этого он мотался из одной приемной семьи в другую. Зак рассказал все это Аманде вскоре после знакомства и признался, что, взрослея в тени шикарного Вассарского колледжа, он всегда знал, что есть и другая жизнь. И он хотел себе этой жизни. Во всей ее полноте.

Зак постарался вырваться из нищеты. В четырнадцать он начал незаконно подрабатывать в ночную смену в супермаркете, чтобы скопить достаточно денег на необходимые тестирования и заявки в школы-интернаты. Его приняли сразу в три, включая Дирфилдскую академию, где ему выделили полную стипендию. Оттуда он перешел в Дартмутский колледж, а потом отучился параллельно на юрфаке и в школе MBA в Пенсильванском университете. Тогда Аманде это казалось очень впечатляющим. Да и сейчас тоже.

Начав встречаться с Амандой, Зак резко пошел вверх по карьерной лестнице, начиная один успешный стартап за другим по всей Калифорнии — в Дэвисе, Саннидейле, Сакраменто, Пасадене, Пало-Альто. В Дэвисе Аманда родила Кейза, и когда ему исполнилось четыре, Зак решил, что если он хочет чего-то по-настоящему добиться, ему нужно создать что-то свое. Именно тогда родилась корпорация ЗАГ (это часть слова «зигзаг», а еще инициалы самого Зака, между которыми он решил расположить «А», поскольку у него не было второго имени). Спустя пять лет корпорация оценивалась в сотни миллионов долларов. Но Аманда не удивилась, когда муж решил отойти от управления корпорацией, сообщив, что готов начать что-то новое. Ему всегда очень нравилось бросать самому себе вызов. Чем бы конкретно ни занималась новая компания, которую Зак открыл в Нью-Йорке — они никогда не обсуждали подробности его работы, — Аманда не сомневалась, что здесь Зак тоже добьется большого успеха.

— Какого черта моему мужу приспичило присылать мне сообщения с вопросами, что у нас на ужин, посреди дня? — пропыхтела Сара, набирая очередное сообщение. — Еще даже время обеда не наступило. Заняться, что ли, нечем?!

У Аманды зазвонил телефон. Она вздрогнула, но не сделала попытки встать и пойти снять трубку, хотя он продолжал трезвонить.

— Ты вообще в курсе, что у тебя пока нет секретаря? — поинтересовалась Сара. — Звонок сам на себя не ответит.

— Ну да... — после третьего звонка Аманда с неохотой поднялась с дивана и поплелась к столу. Она взяла трубку. — Аманда Грейсон.

Молчание.

— Алло?

Молчание. В этот момент ее вдруг охватил ужас.

— Алло? — еще раз повторила Аманда, но в трубке молчали, правда, на заднем плане раздавался знакомый шум. Тяжелое, ужасное дыхание. У нее сжался желудок.

— Это кто? — спросила Сара с дивана.

На автоответчике высвечивался длинный ряд нулей. Аманда бросила трубку.

— Эй, потише, я тут чуть не обделалась от страха! — прикрикнула Сара. — Что там тебе такое сказали?

— Ничего. Прости, я даже не знаю, почему я так бросила трубку. Никто не отвечал. — Аманда улыбнулась, но улыбка вышла нервная. Нужно сменить тему. — Просто Кейз сейчас так далеко, поэтому я не в себе. Мне даже вчера дурацкий кошмар приснился. Будто я босая бегу по лесу, и колючки вонзаются мне в кожу. Мне кажется, я пыталась спасти от чего-то Кейза. Одному богу известно, от чего. — Когда Аманда посмотрела на Сару, та сидела с широко раскрытыми глазами, а ведь Аманда даже не упоминала самые неприятные моменты: она была вся в крови, на ней было какое-то нарядное платье, может быть, даже свадебное, а потом посреди деревьев внезапно выросла, будто дом с привидениями, дешевая закусочная «У Нормы» из ее родного городка. Кому снятся такие странные дикие сны? Уж точно не Саре. — Понятное дело, это просто кошмар. Но всякий раз, как звонит телефон, я волнуюсь, уж не из лагеря ли Кейза.

Аманда знала, что Кейз в лагере в полной безопасности. Просто без него чувствовала себя неприкаянной. Единственный раз, когда его так долго не было дома, был, когда его положили в больницу с отравлением в совсем еще маленьком возрасте, но даже тогда Аманда ночевала у него в палате.

Лицо Сары смягчилось.

— Это я отлично понимаю. — Она подошла и наклонилась к столу рядом с Амандой. — В первую неделю лагеря у меня обычно все ногти

сгрызены под корень. Пока я не получаю от мальчишек первое письмо. Но мои мальчишки обычно каждое лето ездят в одно и то же место.

— Ты тоже волнуешься? — спросила Аманда.

Младший сын Сары Генри учился в одном классе с Кейзом, так они с Амандой и познакомились. Но Сара была из тех супермамочек, у которых все всегда под контролем, какую бы новую катастрофу ни устроило их чадо. А катастроф было превеликое множество.

— Пусть тебя не обманывает моя внешняя стойкость! — воскликнула Сара. — Мне легче не позволять себе думать про это. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Чем-то напоминает тот случай, когда перед окончанием учебного года мне из школы написали по поводу Генри: «Просим прийти к нам». Хочешь знать, как я поступила?

— Как? — спросила Аманда, примостившись на краешке стула. Она бы все отдала за толику напускной храбрости, как у Сары.

— Я *проигнорировала* это сообщение! Можешь себе представить? — Сара покачала головой, словно бы испытывала сама к себе отвращение, но при этом казалась слегка польщенной. — Честно? Я просто не могла с этим справиться. Мне нужна была передышка от всего, что связано с детьми. Разумеется, теперь мы в срочном порядке собираем экстренное заседание родительского комитета сегодня вечером. Догадываюсь, это и по мою душу.

— Что за экстренное заседание? — уточнила Аманда.

— Но я же тебе говорила. Помнишь? Якобы произошла утечка списка контактов. — Она прижала ладони к щекам, на секунду распахнула глаза, а потом ухмыльнулась. — Такое впечатление, что все родители учеников нашей школы подпадают под программу защиты свидетелей ЦРУ или что-то типа того. Они сразу психуют.

Да, Сара ей это говорила, но у Аманды вылетело из головы. Зак бы тоже психанул, если бы обнаружил, что кто-то хакнул контакты. Он был помешан на неприкосновенности их частной жизни. Если их данные попадут не в те руки, то Зак наверняка предъявит претензии школе. Он даже может захотеть забрать оттуда Кейза, а этого не должно случиться. Грейс-Холл — единственное светлое пятно в жизни Кейза в этот непростой переходный период.

Аманда надеялась, что они смогут переехать после окончания учебного года Кейза, но в итоге не вышло. По крайней мере, Кейз в

свои десять легко заводил друзей. Это облегчало ему привыкание к множеству новых мест. Кейз был тусовщиком, бейсбольным фанатиком, но в то же время и вдумчивым художником, мог с удовольствием сидеть часами в одиночестве и рисовать свое любимое животное — ягуара.

Но перейти в новую школу, когда до конца пятого класса оставалось всего несколько месяцев, — непосильная задача для любого ребенка, даже очень легко приспособляющегося. Были и слезы, и кошмары. Один раз Кейз даже обмочился во сне. Аманда, которую частенько мучили кошмары, считала крепкий сон своего ребенка подтверждением, что она что-то делает правильно. Теперь это уже осталось позади. Кейз оживился, когда Аманда согласилась отправить его в лагерь: восемь недель в Калифорнии с лучшим другом Аше. Но что, если сынок снова загрустит, когда лагерь закончится и придет пора возвращаться в Центр-Слоуп?! Об этом Аманда не хотела думать. Она всегда шла на уступки ради карьеры мужа, но никогда не делала этого за счет сына. Ее самая важная работа — защищать сына, но сложно бывает балансировать между интересами Зака и Кейза.

— А вот теперь и ты в бешенстве, — сказала Сара. — Узнаю это выражение лица!

— Нет, я не в бешенстве, — солгала Аманда.

— В любом случае школа использует все возможные ресурсы, чтобы расследовать произошедшее, — сообщила Сара, но ее голос звучал так, будто она пыталась убедить саму себя. — Наняли какую-то модную фирму, которая специализируется на кибербезопасности.

— Я... понятия не имела, — пробормотала Аманда.

— Потому что администрация школы помалкивает. Я им постоянно говорю, что создается впечатление, будто они что-то скрывают. Так ты пойдешь со мной на собрание?

Аманда до сих пор успела побывать только на одном собрании родительского комитета и сочла это мероприятие пугающим.

— Не знаю, смогу ли я...

— Разумеется, сможешь. Мне нужна моральная поддержка. Родители ищут, на кого бы переключиться, — сказала Сара таким тоном, будто не могла пресечь все их попытки на корню. — В восемь. У меня. И я не приму отказа!

Сара прекрасно обошлась бы без Аманды, но хотела, чтобы подруга пошла. Этого было достаточно.

— Приду! — пообещала Аманда. — Обязательно!

Лиззи

6 июля, понедельник

Тюрьма Райкерс выглядела куда хуже, чем я помнила, даже в темноте.

Более крупные тюремные корпуса, казалось, специально были спроектированы так, чтобы напирать друг на друга, зато здания поменьше и куча всяких трейлеров — администрация, бараки для охранников и склады с оружием — безо всяких опознавательных знаков, словно бы просели. Массивная бетонная тюремная баржа, которая каким-то чудом держалась на воде, стала прибежищем еще нескольким сотням заключенных, которые, как я читала, недавно умудрились отвязать баржу и чуть было не сбежали, медленно отплывая прочь.

В темноте поблескивало ограждение из колючей проволоки, перекошенное, местами покрытое чешуйками ржавчины. Проволока то вытягивалась в прямые линии, то складывалась в квадраты, изгибалась в круги, отчего появлялось неприятное чувство, будто ты заперт сразу и внутри, и снаружи. Но больше всего я боялась после прошлого визита в Райкерс — это было несколько лет назад, когда я приехала допросить свидетеля — резкого запаха нечистот и крыс.

В отличие от обычных снующих туда-сюда по ночам грызунов, райкерские крысы вольготно шастают посреди бела дня, агрессивно отстаивая свою территорию. Еще одна причина любить темноту. Когда я вошла в «Бантум», корпус, где содержался Зак, еще пятнадцать минут ушло на все формальности, прежде чем я наконец оказалась в крошечной кабинке, где пахло мочой, луком и спертым дыханием, и, уставившись на мутную плексигласовую перегородку, ждала, когда охрана приведет Зака.

По дороге сюда в памяти всплыли обрывочные воспоминания о нашей дружбе с Заком. Мы не так уж долго были близки, но провели вместе добрую часть первого курса: учились, обедали и ужинали, ходили в кино. То, что я забыла, какой была наша дружба,

необязательно отражало отношение к Заку. Просто у меня всегда была избирательная память. Но сейчас-то я все вспомнила. Зак мне нравился, поскольку все в нем казалось знакомым, причем и хорошее, и плохое. Как-то раз наш любимый преподаватель по контрактному праву вместо лекции устроил вдруг занудную «профориентационную консультацию». Когда тем же вечером мы пошли ужинать в «Махоуни», паб на Риттенхаус-сквер, Зак все никак не мог угомониться.

— Не, ну ты можешь поверить, какую чушь нес профессор Шмидт?! — восклицал он, щедро сдабривая кетчупом свой бургер, когда в паб ввалилась шумная толпа университетских футболистов.

— Про бездушные фирмы, которые специализируются на корпоративном праве?

Зак покивал, не сводя взгляда с бургера, скорее всего для того, чтобы не встречаться глазами ни с кем из очень крупных и весьма нетрезвых футболистов, окруживших нас.

— Ужас! А мне ведь он нравился! Теперь может проваливать ко всем чертям.

— То есть ты считаешь такие фирмы... душевными? — поддразнила я Зака, косясь на гиганта, стоявшего рядом со мной и опасно покачивавшегося из стороны в сторону.

— Не притворяйся, что ты не понимаешь, о чем я. Ты же самая амбициозная из всех моих знакомых!

Зак начал подергивать ногой, как делал всякий раз, когда нервничал, а нервничал он часто.

— Почему здесь все думают, будто амбициозность превращает тебя в чудовище? Да, я отказываюсь проигрывать и не боюсь в этом признаться.

Он не имел в виду ничего плохого, но порой вел себя как мой отец, когда его не видели обожавшие его клиенты, сослуживцы и соседи. Для них он был приятным в общении шутником, бестолково очаровательным. И это так и было. Но еще он был помешан на статусе, достижениях ради достижений, и ради них мог плевать на что-то по-настоящему важное, например на людей вокруг. На маму и меня. А еще отец всегда был чем-то недоволен. Все, что родители создавали для себя — закусочную и «уютную» двухкомнатную квартирку на Западной Двадцать шестой в Челси, — мама наполняла домашней

стряпней и бесконечной заботой. И это было здорово. Просто идиллия. Но отцу всегда было мало, и вот мы лишились и этого.

— То есть ты считаешь, что студенты нашего юрфака недостаточно стремятся чего-то добиться? — Это все равно что сказать, что проблема в прайде львов в том, что они предпочитают овощи.

— Но они *притворяются*, что они не стремятся ничего добиться. Это лицемерие! — Зак многозначительно сверкнул глазами в мою сторону. В этом весь Зак: или избегает зрительного контакта, или буравит тебя взглядом. Он никогда не отличался умеренностью. Но и я тоже. По крайней мере, Зак не пытался скрыть свое настоящее «я» под личиной весельчака, в отличие от моего отца. Зак был честен с другими, и я уважала его за это.

— Моя мать работала официанткой и уборщицей, а отец пахал на сталелитейном заводе. Обычные работяги, без образования, они вкалывали, как лошади. Посмотри на своих предков. Такие же трудяги, как мои, у них обманом отобрали честно заработанные деньги, сведя их тем самым в могилу! — Он ткнул в меня пальцем. — Успех — это абстракция только для богатых.

Я пожала плечами:

— Лично я собираюсь служить обществу.

Зак приподнял одну бровь:

— Служить обществу? Это, конечно, очень благородно и все такое, но у таких, как мы, нет подобной опции.

— Говори за себя! — отрезала я. — Я собираюсь всеми правдами и неправдами устроиться в прокуратуру, а на деньги я плевать хотела.

Еще мне не нравится, когда меня недооценивают. Я собиралась посвятить жизнь тому, чтобы защищать простых людей, таких как мои родители, трудолюбивые иммигранты, которых один из завсегдадаев, с виду такой душка, убедил взять сто тысяч долларов под залог закусочной и инвестировать в «секретный» проект «Гудзон-Ярдс». Собственно говоря, убедил он только моего отца, и тот вложил деньги, не посоветовавшись с мамой. Затем — пшик! — деньги исчезли, тот завсегдадай тоже. С молниеносной скоростью банк арестовал закусочную без права выкупа. Милли, наша клиентка, понемногу ставшая другом семьи, которая служила сержантом в Десятом участке, рьяно взялась за дело и всю плешь ФБР проела, чтобы они нашли того парня. В итоге его таки нашли, но вовсе не из-за давления со стороны

Милли. Его нашли, но в самом худшем виде. Это ничего не изменило. Все, ради чего в поте лица трудились родители, было разрушено. Как и моя семья. Мне в тот момент было шестнадцать, и я потеряла родителей еще до того, как мне успело исполниться семнадцать.

Я с трудом доучилась в школе, совершенно раздавленная горем. Жила с теткой, сестрой матери, считая минуты, когда она наконец уже свалит обратно в Грецию. Мир внезапно стал таким враждебным и непостижимо темным. Долгие месяцы я пребывала в опасной депрессии. Вернуться к жизни хоть отчасти мне помогла учеба, в которую я погрузилась с головой.

По крайней мере, благодаря маниакальному упорству я заслужила бесплатное обучение в Корнелле и к последнему курсу бакалавриата начала подумывать о юридическом факультете и о том, чтобы работать обвинителем в делах о мошенничестве. Идея в будущем связать свою карьеру со спасением таких людей, доверчивостью которых воспользовались аферисты, как в случае с родителями, стала брошенным мне спасательным тросом. Нужно ли говорить об остальном, что случилось? Это дало мне силы вытащить себя на берег.

— Эй, без обид. — Зак поднял руки, снова уставившись на свой бургер. — Из тебя получится великолепный обвинитель. Я просто хочу сказать, что ты пашешь в десять раз усерднее и фанатеешь от учебы сильнее, чем кто бы то ни было на нашем чертовом факультете. Может, стоит пожинать плоды?!

— Не беспокойся. Это будут плоды, которые я сама для себя выбрала.

— Знаешь, а я ведь верю! — Зак улыбнулся. — И ни капельки не сомневаюсь!

Но как бы мы с Заком ни были близки какое-то время, он не сможет меня уговорить представлять сейчас его в суде. Я, конечно, послушаю, покиваю, а потом — как и обещала — найду ему по-настоящему хорошего адвоката, но это буду не я. Именно так я и поступлю, решила я.

Наконец по ту сторону перфорированной плексигласовой перегородки раздалось какое-то жужжание. Когда дверь открылась, передо мной предстал Зак. Вернее сказать, его правый глаз. Поскольку сначала я увидела только его. Опухший, превратившийся в узкую щелочку, с глубоким порезом в районе брови. Вся правая половина его

лица приобрела эффектный фиолетово-малиновый оттенок. Мне даже смотреть было больно.

— Господи, Зак! — выдохнула я. — Ты в порядке?

Он слабо улыбнулся и кивнул:

— Я занял чье-то место в очереди. Тут столько правил. Я учусь, но это процесс не быстрый. Все не так плохо, как выглядит.

Даже побитый Зак выглядел привлекательнее, чем я помнила, его черты заострились, он явно возмужал за эти годы.

— Мне жаль, что это случилось. Тебе же больно...

— Ну, это точно не твоя вина. — Он потупил взгляд в своей обычной манере. — Спасибо, что пришла. Давненько мы не виделись. — Он помолчал пару минут. — К счастью, я не зарабатываю на жизнь модельным бизнесом. Но в идеале хотелось бы выйти отсюда хотя бы с чем-то отдаленно напоминающим лицо.

— Напоминаю, они не должны записывать эти разговоры, но...

— Но кто знает, да? — перебил Зак. — Мне нечего скрывать, но я тебя услышал. Я внимательно тебя слушал. Правда.

Он быстро посмотрел мне в глаза, а его тело еле заметно завибрировало — он снова тряс ногой, которую мне было не видно. Бедный Зак. У него были серьезные неприятности. Он грустно улыбнулся, и у меня засосало под ложечкой.

— Я приехала помочь, Зак, чем смогу... — начала я. — Но, как я уже говорила раньше, я не буду представлять тебя в суде.

Зак беспомощно развел руками, не сводя с меня единственного здорового глаза.

— Ладно. Ну, то есть это не то, что я хотел услышать, но ты вольна сама решать, что тебе по силам.

Грудь уже не так сильно сжимало тисками. Я сильнее, чем могла себе представить, боялась, что Зак рассердится. Хотя я никогда не видела его злым. Значило ли это, что он не способен убить свою жену? Разумеется, нет. Кроме того, одиннадцать лет так просто не сотрешь. Я ничего не знаю о нынешней жизни Зака, кроме того, что прочла в «Нью-Йорк таймс», когда как-то раз гуглила, что случилось с моими знакомыми парнями, с которым я общалась до Сэма.

— Честно, эта моя новая работа... — озвучила я настоящую и легитимную отмазку, лучшую, какая только пришла мне на ум, пока я целую вечность добиралась в Райкерс на автобусе. — Я старший

юрист в «Янг & Крейн». Дела берут только партнеры, мне нужно уважать внутренний распорядок.

— А как ты вообще оказалась в частной конторе? — спросил Зак. — Ты же всегда спала и видела, чтоб стать прокурором. Я тебя не осуждаю, просто удивился, когда увидел, что ты ушла.

— Увидел? — переспросила я.

И тут я поняла. Ежегодные выпуски «Выпускников Пенсильванского юрфака». У Виктории со времен университетского женского клуба сохранилась неумная жажда деятельности, которая заставляла ходить на все встречи выпускников и обновлять информацию о выпускниках ежеквартально. Думаю, ею двигали благие мотивы, как-никак работа в «Янг & Крейн» очень престижна, фирма имеет высокие доходы, занимается сложными делами, у нее безукоризненная репутация, и зарплаты ого-го. Я даже имела шансы стать партнером, пусть и в далекой перспективе. Но я не по своей воле отказалась от изначального плана посвятить свою профессиональную карьеру государственной службе, честной работе за маленькие деньги в прокуратуре.

— Я бы меньше удивился, если бы ты вообще забросила юриспруденцию, чем тому, что ты переключилась на защиту корпоративных клиентов.

Я поморщилась, попытавшись скрыть это за улыбкой.

— Это жизнь. Не всегда получается так, как хочешь.

— Что это значит? — спросил Зак. — Тебя не могли уволить. Ты слишком хороша для этого.

— Мы не могли себе позволить, чтобы я и дальше там работала.

Это была правда, хотя и далеко не вся. Из-за моего мужа наша жизнь пошла под откос, и моя работа в «Янг & Крейн» должна была помочь нам выбраться обратно.

Около года назад Сэм напился на работе во время обеденного перерыва, послал главного редактора журнала «Мужское здоровье», где трудился, куда подальше и уснул в туалете. Лицом вниз, прямо под писсуаром. Это стало последней из множества остановок по пути вниз по карьерной лестнице, который начался с «Нью-Йорк таймс». Его вышибали с одного места за другим из-за пьянства. Сэм допускал фактологические ошибки в текстах, срывал сроки. Враждебно относился к окружающим.

К счастью, когда Сэма наконец уволили из журнала, у него уже был контракт с издательством, пожелавшим издать книгу на основе его популярной колонки советов. К несчастью, мы давно уже истратили довольно скромный аванс, а книга была далека от завершения. Сэм вообще сейчас очень мало писал. Но, быть может, мы и протянули бы на моем мизерном жалованье госслужащего, если бы не то ДТП.

Через неделю после увольнения мы отправились на дешевом маршрутном такси к нашему приятелю в Монток, чтобы развеяться, вкусно поесть и пропустить по стаканчику. В какой-то момент, когда я отправилась спать, Сэм, по-видимому, решил, что он «совершенно трезвый, чтоб сесть за руль» и «позаимствовал» у нашего приятеля отреставрированный ретроавтомобиль с откидным верхом, чтобы сгонять за пивом. В итоге он въехал в паб «Англерс», нанеся огромные повреждения как историческому зданию, так и автомобилю. Что примечательно, Сэм, слава богу, не получил ни царапины, но необходимо было компенсировать разрушение бесценных семейных реликвий, поскольку на Сэма подал в суд владелец «Англерса» за преднамеренное поведение, последствия которого не покрывает страховка, другими словами, за вождение в пьяном виде. Нас обязали выплатить двести тысяч долларов из собственного кармана в течение ближайших двух лет. Этот факт я намеренно утаила, когда заполняла в «Янг & Крейн» финансовую декларацию. Иск был подан лично против Сэма, а потому оставался за скобками моей кредитной истории. Разумеется, я была осторожна. Я понимала, что мне нельзя говорить правду во избежание ее толкований. Юридические фирмы не хотят нанимать специалистов, погрязших в долгах, поскольку появляется риск злоупотреблений с их стороны, а внушительный долг считался нашей совместной ответственностью. Выплачивать его было непросто даже с учетом зарплаты в «Янг & Крейн», но возможно без объявления себя банкротами при условии, что мы откажемся от всего «несущественного» типа процедуры ЭКО, которую рекомендовал репродуктолог в качестве следующего шага. Но это все и упрощало. Новорожденного мы с Сэмом потянули бы в последнюю очередь. Злилась ли я на все это? Разумеется. Иногда я была просто в ярости, но моей ярости никогда не хватало, чтобы надежда не одержала верх. Ведь если бы я перестала верить, что все наладится, доверять

радужным представлениям Сэма, то осталась бы один на один с реальностью. А реальность эта никуда не годилась.

— Не могла себе позволить работать в прокуратуре? — не унимался Зак. — Что это значит?

Мне всегда нравилась его прямота.

— У нас возникли непредвиденные финансовые затруднения. Это длинная и запутанная история. В любом случае работа в прокуратуре — не лучший способ подзаработать денег.

— Брак... — Зак уныло покачал головой.

— Ну, очевидно, это не конец света, — сказала я. — Я работаю в одной из лучших юридических фирм, а не на соляном прииске.

В единственном глазе Зака читалась грусть.

— Но я знаю, как важна для тебя была эта работа. Мне очень жаль.

Мне обожгло горло, и я отвела глаза.

— Это самое тяжелое в браке, да? — продолжил Зак. — Чужие проблемы становятся твоими. Не всегда это справедливо.

— Да, не всегда. — Зак озвучил абсолютно правильную мысль, причем куда вежливее, чем могла бы я.

— То есть все дело в твоём муже. Ричард, да?

— Ричард? — Я ощутила укол вины, когда вспомнила, откуда Зак знает это имя. — Нет, не Ричард. Его зовут Сэм.

— Как я понимаю, он не юрист...

— Писатель.

Зак попытался посмотреть мне в глаза.

— Писатель... творческая профессия. — Он улыбнулся. — Я рад, что ты счастлива. Я тебя вспоминал все эти годы, думал, как ты там. Хорошо, что все удачно сложилось.

Нет. Все сложилось неудачно.

Я молча потупилась, глядя на стол. Нужно вернуться к нашей теме.

— А где твой сын?

— В лагере в Калифорнии со своим лучшим другом. — Зак слабо улыбнулся. — Аманда не хотела его отпускать, но мы переехали сюда прямо посреди учебного года, и он очень скучал по ребятам. Аманда в этом плане молодец. Она всегда выбирала то, что лучше для Кейза, даже если выбор ей тяжело давался. Я не могу сказать Кейзу о случившемся по телефону, это было бы... Но ему нужно знать про Аманду.

— А твоя мама?

Он чуть помялся:

— Она умерла.

— Мои соболезнования. Может, родители друга Кейза могли бы сказать? — предложила я. — Как думаешь, они смогут забрать его из лагеря?

— Возможно, — тихо пробормотал Зак. — Если честно, то я не особо с ними знаком. Друга вроде зовут Билли.

— Я могла бы позвонить в лагерь и узнать, — предложила я. — Уверена, у них есть контакты родителей Билли.

— Это было бы классно! Спасибо! — сказал Зак. — Но я даже не знаю названия лагеря. Всем занималась Аманда. — Он помолчал немного. — Наверное, ты считаешь меня полным кретином, да? Но готов поклясться, ты тоже не мчишься каждый вечер домой, чтобы поставить на стол перед Ричардом горячий ужин.

Я рассмеялась чересчур громко.

— Нет. Но все семьи разные, — сказала я. Если уж речь о моем отношении к ситуации, а у меня, разумеется, сформировалось собственное отношение, то в моих глазах Зак не стал бы хуже, если бы у него была самая обычная семья при условии, что именно этого хотела и его жена. — У тебя дома где-то есть информация о лагере?

— Уверен, что есть. В гостиной есть маленький столик, где Аманда хранит все бумаги. Там должны лежать все документы и информация о лагере.

— У кого-то из соседей есть ключи от дома? — спросила я. — Это куда быстрее, чем если я буду рыться в конфискованных предметах в поисках твоего ключа.

— Запасной ключ лежит под кадкой с растением перед домом. Аманда хранила его там на случай всяких непредвиденных обстоятельств.

— Эээ... вы храните ключ от дома под горшком с растением перед входной дверью? — уточнила я. — В Нью-Йорке?!

— Ну, в свете произошедшего звучит очень глупо, — пробормотал Зак. — Если честно, то я никогда раньше об этом и не задумывался. Центр-Слоуп кажется таким безопасным местом.

— Нужно удостовериться, что полиции известно о запасном ключе. Это расширяет список потенциальных подозреваемых, — сказала я. —

Нужно ли еще кому-то позвонить? Родственникам? Другьям? Кому-то с работы?

Кому-то, для примера, с кем Зак встречался за прошедшие одиннадцать лет. Как минимум у него должны быть целые команды подчиненных, которые рвутся в бой, чтобы показать себя с лучшей стороны.

Зак опустил глаза и покачал головой:

— Люди, которые сейчас присутствуют в моей жизни, по-настоящему меня не знают. Понимаешь, о чем я говорю? — Он указал на свое опухшее лицо. — Нельзя, чтобы они видели меня в таком состоянии.

Я кивнула:

— Понимаю.

Но понимала ли я? Неужели у него нет ни одного близкого человека? И что это за трепет в груди? Мне польстило, что я исключение?

— Мы с тобой... — продолжил он, отвечая на вопрос, который я не задала. — Я всегда считал, что мы родственные души, понимаешь? Ты меня никогда не осуждала.

— Нет, — сказала я. — И не буду.

Зак посмотрел на меня, его здоровый глаз потускнел. Его черты стали не только привлекательнее, но и мягче.

— Как бы то ни было, входная дверь была заперта, когда мы ушли на вечеринку, поскольку я сам ее запер. Но сигнализация неисправна. Аманда вызвала мастеров, чтобы починить сигнализацию. Но я в последнюю очередь стал бы жаловаться на то, что она до сих пор этого не сделала. Классно, да? — Он зажмурился, словно от боли. — В любом случае Аманда закрыла за собой дверь, когда вернулась домой. Она нервничала.

— А почему нервничала? — Может быть, если была какая-то причина, то она указала бы на что-то или кого-то, кроме Зака.

Он пожал плечами:

— Она родом из маленького городка, из неимущей семьи, причем такой неимущей, что жили впроголодь. Жене не нравилось об этом говорить, но иногда мне кажется, что окрестности и местные жители производили на нее ошеломляющее впечатление. Даже домохозяйки и те были ого-го: прекрасное образование, активная общественная

жизнь. Аманда была умницей, но она даже в колледж не ходила. Мне кажется, она волновалась, что это поймут, и дергалась. Может, я слишком давил, чтобы она стала той, кем не была. — Кажется, он искренне сожалел. — Но она была более способной, чем осознавала. Я просто хотел, чтобы она раскрыла свои лучшие качества.

От того, как он сказал «лучшие качества», у меня свело зубы. Зак всегда был помешан на самосовершенствовании, даже когда речь шла не о нем самом. В его случае это принесло отличные результаты, но вот что касается других...

— Ну да, конечно, — сказала я, поскольку Зак, по-видимому, ждал от меня согласия. — Резонно.

Его лицо снова потемнело.

— Я бросился делать искусственное дыхание, но Аманда уже была ледяной. А кровь, когда я наступил в нее, показалась мне такой густой, словно клей... — Зак прижал ладонь к губам. Разве он мне не говорил по телефону, что *пытался* реанимировать жену? Не хотел сделать, а делал искусственное дыхание. Я могла бы поклясться, что именно так он и сказал, но, может, оговорился. Или ему стыдно было признать правду. — Полиция спрашивала меня в связи с этим. Почему на мне так мало крови? Переоделся ли я после того, как убил Аманду? Я не удосужился сделать ей искусственное дыхание, потому что не любил свою жену? По их мнению, третьего не дано. Но она была такой холодной, вот и все объяснение и я... всем кажется, что они знают, как поступят. Но на самом деле ничего не понятно до того момента, как что-то действительно с тобой случится. В итоге все оказывается куда хуже, чем ты думаешь.

Так и есть. Я это знаю, как никто другой. На прошлой неделе я проснулась и обнаружила Сэма без сознания на полу в гостиной, а у него на голове зияла глубокая рана. Было очень много крови: на его руках, на рубашке и на паркете под его головой натекла целая лужа. Я бросилась к нему, не сомневаясь, что он мертв. Но Сэм застонал, когда я до него дотронулась, и от его тела буквально исходили пары алкоголя. Я не могу себе представить, каково было бы, если бы он оказался холодным на ощупь.

— Ты прав, — сказала я. — Никто заранее не знает, как поступил бы.

Тем не менее чистая одежда Зака представляла проблему, поскольку полиция уже продемонстрировала, что данный факт можно интерпретировать множеством способов. Но, предположительно, они пока не обнаружили другой, окровавленный комплект одежды Зака, в противном случае его бы уже арестовали за убийство.

— Я не знаю, что случилось с Аmandой, Лиззи. Когда я вернулся домой, она уже была мертва, — продолжал Зак. — Но она могла бы жить, если бы я не был таким плохим мужем.

Что бы это ни значило, повторять это Заку не стоило. Это было равносильно признанию.

— Почему?

— Я оставил ее на той вечеринке, написав ей сообщение уже после ухода. Потому что я всегда так делал. Оставлял Аманду. Она должна объяснять мое поведение. Она должна строить нашу жизнь. И она всегда это делает. — Он замолчал, с шумом втягивая воздух. — Делала. Она всегда это делала. Наверное, я и тебя тоже ни разу не благодарил.

— Никто не идеален, — сказала я. — Особенно в браке.

Он мрачно улыбнулся:

— Мы не ссорились. Отдаю нам должное. Мы вообще не любители ссор. Наша семейная жизнь была вполне приятной. Кейз — чудесный парень. Были ли мы с Амандой исключительно близки? — Он покачал головой. — Честно говоря, я всегда рассматривал брак как некую практическую договоренность. И вот моя жена мертва, значит, должна быть причина? Я отстранен? Неэмоционален? Самое глупое, что я даже не должен был уходить с той вечеринки. Я ушел, потому что мне стало стыдно. Я пошел прогуляться по...

Я вскинула руку, как сотрудник патрульной полиции:

— Нет, нет. Без подробностей.

— Но моя история не изменится, Лиззи. Потому что это не выдумка, а правда.

— Это не имеет зна...

— Я пошел прогуляться по Бруклин-Хайтс. Пешком. Один. Вода, огни Манхэттена. Я любил гулять, когда мы учились в Филли^[1], помнишь?

Да? Я не уверена. А в чем я вообще уверена? Зак будет трудным клиентом. Он не слушал.

— В любом случае я уже рассказал полиции, где был. И еще рассказал про клюшку для гольфа все, что они хотели знать, а то они пристали: «Это типа ваша?» Я такой: «Ну да...»

— Зак! — В этот раз я прикрикнула на него так громко, что он вздрогнул. — Я серьезно. Хватит! Это не поможет в твоей ситуации.

— Но это был мой дом, и, *разумеется*, это была моя клюшка! — с вызовом ответил он. — Я не убивал Аманду. С чего мне врать о чем-то?!

Ну, признаваться полиции в том, что тебе принадлежит предполагаемое орудие убийства, это заявление в ущерб собственным интересам. Допустимое свидетельство, основанное на непроверенной информации. Я решила, что скажу защитнику, кому бы я в итоге ни передала дело Зака, об этих заявлениях — очень важно будет разобраться с ними. Нужно как-то выпутаться, пока я не сделала хуже. Мне просто нужно собрать достаточно информации, чтобы найти Заку адвоката и чтобы этот адвокат начал работать над заявлением о залоге.

— Можем вернуться к твоей стычке с офицером полиции? Преступлению, в котором тебя обвиняют. — Любой адвокат захочет об этом узнать прежде, чем браться за дело Зака.

— Очевидно, не я первый начал, — сказал Зак, предположительно намекая на свое субтильное телосложение. Хотя он и стал куда мужественнее, чем был раньше, но все равно не походил на человека, который стал бы нарываться на драку с копом.

— То есть первым начал офицер? — уточнила я.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «начал», но это полицейский вывел меня, тыча в клюшку для гольфа со словами: «Этой клюшкой вы ударили свою жену, да ведь? Почему? Она вас злила? Изменяла? Может, вы схватили клюшку, чтобы припугнуть ее? Вы размахнулись и даже сами не поняли, что случилось, а она уже рухнула на пол. Вы запаниковали». Он не отставал от меня. А потом в разговор влез кто-то еще, обозвал меня лжецом, якобы я все наврал насчет прогулки, и это глупая ложь. «Вы что, тупой?» — говорил мне тот парень снова и снова... — Это было уже слишком, хотя и такое возможно. Давить на подозреваемого, кричать на него — вот что произошло. — Как бы то ни было, потом появился этот парень в костюме, про которого я тебе рассказывал, а с ним еще несколько человек в штатском. Уже после того, как на месте преступления начали

работать криминалисты. Тот детектив подошел ко мне справа и сказал что-то типа: «Давайте выйдем, и вы мне расскажете поподробнее». Я ответил, что не оставлю жену одну. Тут меня кто-то схватил за локоть, и я резко дернулся. С силой. Но это было рефлекторное движение. — Он поднял локоть и продемонстрировал, как это было. — Короче, оказалось, что за мной стоит еще один офицер, и в итоге я попал ему по лицу.

— И тогда тебя арестовали?

— Сначала все забегали. Кто-то из врачей со «скорой» осмотрел нос копа, потом все успокоились, и было чувство, что все спустят на тормозах, — сказал Зак. — Потом парень в костюме снова переговорил с детективом. Я не слышал, что он ему сказал. Но через минуту меня арестовали за нападение на офицера.

— Но не за убийство?

Зак покачал головой:

— Нет, только за нападение. Мне кажется, даже коп, которого я ударил, хотел меня отпустить, хоть у него и шла кровь носом. Он все говорил: «У парня жена погибла». Но у меня было чувство, что другой коп, ну, тот, в костюме, искал предлог, чтобы упечь меня за решетку.

Очень даже похоже на правду. Если у тебя есть обоснованный повод задержать подозреваемого в убийстве, ты это делаешь. И точка.

— Ты все это рассказал тому адвокату, который представлял твои интересы, когда тебе предъявили обвинение? Ну, бесплатному защитнику.

Зак неуверенно нахмурился:

— Не помню точно. Я в тот момент, как уже говорил, был слегка не в себе.

— Ничего. Я найду твоего защитника и спрошу. Ты знаешь, как его зовут?

— Ммм... Адам... Рот-чего-то-там. Он новичок, живет на Стейтен Айленд. Мы обсуждали паром...

Я представила себе нервного новоиспеченного госзащитника из тех, кому выдают подобные дела, который все триндел и триндел о своей жизни Заку, пока тот пребывал в ступоре.

— Я отыщу его. Если он уже переговорил с прокурором, то может быть в курсе расклада.

— Значит ли это, что ты передумала? И берешь мое дело? — Зак протянул руки и ухватился за краешек плексигласовой перегородки перед ним.

— Прости, Зак! — сказала я чуть тверже, но надеялась, что все еще дружелюбно. — Тебе правда нужен кто-то с богатым опытом в уголовном праве. А именно в делах об убийстве. Кто-то, кто разбирается в ДНК, криминалистических экспертизах, группах крови, отпечатках пальцев. Я знакома только с судебной бухгалтерией. У меня никаких связей в прокуратуре Бруклина. В таких делах очень часто нужен неофициальный канал передачи информации.

— В первую очередь мне нужен *боец*, Лиззи. — В глазах Зака теперь горела ярость. — На карту поставлена моя жизнь.

— Но я не партнер. Я не могу приводить собственных клиентов в «Янг & Крейн». Точка.

— Я готов оплачивать все по вашим расценкам, какими бы они ни были.

— При желании ты мог бы позволить себе купить всю нашу фирму с потрохами, — заметила я. — Дело не в расценках.

Зак кивнул и откинулся на стуле.

— Они не хотят, чтобы название конторы ассоциировалось с подобными тяжкими преступлениями. Понятно-понятно.

— Ну, ты же знаешь, как устроены эти фирмы. Они ставят во главу угла свой моральный облик.

— Я бы тоже не хотел, чтобы моя компания ассоциировалась с именем человека, которого обвинили в убийстве. Цель — безукоризненная репутация.

— *Осталось пять минут*, — произнес чей-то голос в громкоговорителе. — *Часы посещения заканчиваются через пять минут. Пожалуйста, проследуйте к ближайшему выходу.*

Я встала и взяла блокнот.

— Мне нужно позвонить. Я найду тебе классного адвоката и передам всю информацию. Очевидно, первостепенная задача — вытащить тебя отсюда под залог. — Я посмотрела на его лицо в синяках и заплывший глаз. — В любом случае я не знаю, к кому обратиться в «Янг & Крейн», чтоб мне доверили это дело.

Зак вскинул подбородок:

— Погоди, ты могла бы спросить хоть кого-нибудь. Тебе же пока не отказали.

Черт. Я опустила глаза и выдохнула. Ну зачем я так сказала? Зачем?! Хотя, может, это и не худший вариант... «Янг & Крейн» точно откажутся. Пол как-то раз специально подчеркнул, что старшие юристы не могут брать себе дела. После того, как он официально мне откажет, я официально соскочу с крючка.

— Думаю, я могу спросить, — наконец промямлила я. — Но они точно откажутся.

— Ладно! — ответил Зак, но я поняла, что он меня не слушал.

— Зак, я серьезно. Это ничего не изменит.

— Я понимаю, правда. Спасибо тебе!

Он задержал на мне взгляд и даже еле заметно улыбнулся.

— Часы посещения подошли к концу! — Голос через громкоговоритель звучал громче и настойчивее. — Немедленно проследуйте к выходу.

— Мне пора, — сказала я. — К концу завтрашнего дня у меня будет больше информации, позвони мне. Скажем, в семь? Вот мой мобильный. — Я написала номер и подняла листок так, чтобы Зак смог его правильно переписать. — Я сразу подойду.

— Спасибо, Лиззи, — сказал Зак. Он прижал ладонь к мутной перегородке, глядя на меня с мольбой. — Спасибо!

Я помялась, а потом прижала свою ладонь с другой стороны. Это был дико интимный жест, хотя физически мы друг друга и не касались.

— Постарайся не волноваться, — сказала я, убирая руку.

— Потому что волноваться не о чем? Или потому, что это не поможет? — уточнил Зак.

— И то и другое, — сказала я и направилась к двери.

Я тяжело дышала, когда поднялась по лестнице к нам на четвертый этаж. По дороге домой я погуглила информацию об Аманде. Никаких новостей о ее смерти, зато попались статьи в «Пост» и «Дейли ньюс» об убийстве в Центр-Слоуп в выходные под заголовками «Жестокое убийство в Центр-Слоуп» и «Убита женщина в Слоуп». В обоих изданиях опубликовали одно и то же фото: «скорая помощь» припаркована рядом с красно-коричневым особняком, полдюжины полицейских машин, полицейская лента. Статьи обошлись без подробностей и не упоминали имена Зака и Аманды. «Впредь до

уведомления от родственников», — писали газеты. Не говорилось и о причине смерти, однако журналисты отметили, что был произведен арест и полиция не считает, что сохраняется риск для общественной безопасности. Мы с Сэмом были у нашего давнего приятеля в Джерси-Шор на День независимости, поэтому случившееся прошло мимо меня.

Я обнаружила большое количество фотографий Зака и Аманды в интернете: благотворительные вечера, биографические очерки о Заке. Аманда была красива. Ослепительно красива: стройная молодая женщина, похожая на газель, с длинными густыми светлыми волосами. Она была полной противоположностью мне с моими темными волосами, смуглой кожей и плотно сбитой фигурой. Я не нашла никаких упоминаний о ее возрасте, но с виду она была совсем молодой, даже юной.

Я пыталась представить, насколько же юной, когда вошла в прихожую, где меня встретила тишина и привычная духота. Было поздно, почти одиннадцать. Но Сэм обычно в такое время еще не спал. «Пусть он будет дома, — подумала я. — Пожалуйста».

Я оставила сумку в коридоре, сбросила туфли на высоких каблуках и отправилась на кухню, чтобы налить стакан воды и найти себе что-то поесть. Я запустила руку в большую упаковку «Твиззлерс», которую зачем-то убрала с глаз долой, и зачерпнула пригоршню конфет. Я достала из холодильника фильтр-кувшин для воды и увидела, что Сэм уже упаковал для меня обед на завтра. *Эх, Сэм, если бы в мире существовало достаточное количество сэндвичей с индейкой, чтобы все исправить.*

От дверей в гостиной я увидела Сэма, который спал мертвецким сном на диване. Я была уверена, что он именно спит, а не вырубился. Он лежал, свернувшись калачиком, на боку, а по телевизору шел матч «Янки» — «Ред Сокс», звук был приглушен. Я подошла и наклонилась к нему.

От него не пахло алкоголем. Вот до чего я докатилась — я обнюхиваю его. На столике стояла бутылка сельтерской воды. Я присела на краешек столика и смотрела, как он спит. Он выглядел просто идеально: взъерошенные рыжеватые волосы, острые скулы. У Сэма были очаровательные глубоко посаженные ярко-голубые глаза, но в последнее время слишком обеспокоенные. Во сне он был просто

красивым. Он старался. Очень старался. Я любила его за это. Сэм бросил пить на целых два месяца после той аварии. После того как я устроилась в «Янг & Крейн», он время от времени мог себе позволить пиво во время бейсбольного матча или бокал вина за ужином у друзей. Но он не напивался, по крайней мере вдрызг, до прошлой недели.

Раньше я бы сказала, что просто напиться вдрызг и напиться до отключки — это одно и то же. Человек просто вырубается, лежа лицом вниз на ковре. За восемь лет брака я стала настоящим экспертом по точному употреблению слов. Когда человек напивается вдрызг, то он — например, ваш супруг — продолжает двигаться, пусть и неуклюже. Он не вырубается, хотя он и не с вами, поскольку важная часть его «я» — того человека, которого вы любите, — исчезает. В итоге вы говорите с кем-то, кто только похож на вашего любимого, кто говорит его голосом, но это не он, а его оболочка.

Десять стежков и легкое сотрясение мозга — вот и все, несмотря на море крови. Вскоре шрам был уже так надежно скрыт под шевелюрой Сэма, что даже наши друзья в Джерси ничего не заметили. В глубине души я хотела бы, чтобы у Сэма остался страшный шрам прямо посреди его идеального лба. Никогда не забуду те минуты, когда я думала, что он погиб. Но с чего вдруг? Зак был прав: худшее в браке то, что чужие проблемы становятся твоими.

Лечебница. Очевидное решение. Однако, как всегда говорил Сэм, у нас нет денег на индивидуальный план лечения, который не покроет страховка. Единственное лечение, которое было бы эффективно. Протрезветь и оставаться трезвым — дорогое удовольствие. Но был и еще один вариант, который Сэм отказывался рассматривать, — его родители.

Сэм родился в очень зажиточной семье, сколотившей огромный капитал на железнодорожных акциях. Сейчас его отец Барон Чедвик был налоговым партнером в престижной бостонской юридической фирме, а мать, Китти Чедвик, не работала. Но детство Сэма не было счастливым. Нет, никакого насилия, просто невыносимая холодность, которая, застывая, превращалась в жестокость, поскольку отца Сэма расстраивало, что сын рос страстным, инициативным и эмоциональным. Он мечтал видеть спортсмена, президента класса, юриста. Ему хотелось вырастить корпоративного рейдера или могучего боксера, который вырубал врагов одним ударом и с той же

легкостью затыкал бы за пояс друзей. Делал бы все ради победы. Тем временем Сэм делился конспектами со всеми отстающими одноклассниками и как-то раз отказался проходить собеседование ради внушительной стипендии, которую всем сердцем желал заполучить его лучший друг. Отец Сэма не понимал, в чем смысл иметь такого сына. Он не видел смысла жизни самого Сэма. Они с родителями перестали общаться как раз перед нашей свадьбой. Мне казалось справедливым, если родители заплатят за нанесенный ущерб. Но Сэму невыносима была мысль о том, чтобы просить их о помощи, что было совершенно понятно.

— Привет, — сонным голосом поздоровался Сэм, поерзав на диване. Он посмотрел в сторону окна, из которого обычно высматривал такси, в котором я приезжала. — Прости, не встретил тебя.

— Ничего, — сказала я. — Все в порядке.

Но все не было в порядке. Внезапно меня охватила злость, похожая на липкий деготь, который прилипал ко всему вокруг. Разве не мило, что Сэм караулил, когда же я доберусь до дома? Конечно. Но предпочла бы я, чтобы он выразил свою любовь, раз и навсегда выбрав трезвость? Определенно.

Но я никак не могла объяснить, почему я одновременно злюсь и при этом хочу улечься на диван рядом, прижавшись к нему.

— Который час?

— Почти одиннадцать.

— И ты только сейчас добралась до дома? — Сэм сощурил голубые глаза, казавшиеся яркими даже в приглушенном свете. — Поздновато даже для каторги.

— Угу.

Вот тут бы мне и рассказать все Сэму. Про Зака и Аманду, про звонок, который раздался, как гром среди ясного неба. Про поездку в Райкерс и про то, как я загнала себя в угол, пообещав спросить у своего руководства в «Янг & Крейн». По дороге домой я недоумевала, с чего вдруг ляпнула такое в разговоре с Заком, но не хотелось копаться. Поэтому я решила ничего не говорить Сэму. Сохранить в тайне. В конце концов одной тайной больше, одной меньше.

— Тогда у тебя... — Сэм провел рукой по моим волосам, а его голос снова стал сонным, пока он пытался сосчитать в уме. —

Двенадцати-... нет пятнадцати-... даже шестнадцатичасовой рабочий день. — Он громко вздохнул. — Прости, Лиззи.

Я пожала плечами:

— Не ты же распределяешь дела.

— Но начнем с того, что ты работаешь там по моей вине, — сказал он грустным голосом, как это обычно бывало, когда он извинялся, а извинялся он часто. Я надеялась, что он говорит всерьез.

— Все нормально, — сказала я, поскольку не было смысла внушать ему еще большее чувство вины.

Я закрыла глаза, растворившись в теплом ощущении от сильных пальцев Сэма, запущенных в мои волосы, в воспоминании, как он так же гладил их на втором свидании, на втором году совместной жизни и на прошлой неделе. Разве не это главное в браке? Научиться притворяться, что несколько неиспорченных моментов могут восполнить все, что поломалось.

Я вспомнила первые выходные, которые мы с Сэмом провели в Нью-Йорке. Мне пришлось добираться почти три часа из Филадельфии, сначала на пригородной электричке, потом на поезде «Нью-Джерси Транзит», а потом еще и на метро, лишь бы добраться до Сэма и ощутить тот электрический разряд, который бежал по моим венам с момента нашей встречи. Мы три раза занялись сексом, а потом уснули на раскладном диване, единственном предмете мебели, который влезал в крошечную студию размером с почтовую марку, в Верхнем Вест-Сайде, прижимаясь головами к дебильному огромному холодильнику. Перед тем как пойти куда-нибудь позавтракать, мы заглянули в приют для бездомных по соседству, куда Сэм отнес карандаши и блокноты для тамошних ребяташек. Может быть, он это специально спланировал, чтобы произвести на меня впечатление, но он в тот момент завершал статью, в которой говорилось о необходимости субсидий из городского бюджета на покупку школьных принадлежностей. И блеск в его глазах был совершенно реальным. Потом он сказал мне:

— Немного, но это лучшее, что я могу сделать.

Что, если сейчас это «лучшее», что Сэм может сделать?

— Давай переберемся в кровать, Сэм, — сказала я, когда он притянул меня к себе. — Нас увидят. Надо купить уже эти чертовы занавески.

— Давай останемся тут, — пробормотал он, расстегивая мою блузку. Его пальцы скользнули под лифчик, другая рука залезла под юбку. — Давай никуда не пойдём.

— Хорошо, — прошептала я.

И закрыла глаза. Потому что Сэм хотел меня. И, несмотря ни на что, я тоже его хотела.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

24 июня

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Предварительный отчет об утечке данных и нарушении кибербезопасности

Данная справка служит подтверждением привлечения «Крелл Индастрис» со стороны школы Грейс-Холл для оценки потенциальной утечки данных, в результате которой скомпрометированы некоторые личные данные учащихся и их семей. Вся информация, представленная в данной справке, охраняется адвокатской тайной, считается строго конфиденциальной и не подлежит огласке.

Расследование, проводимое «Крелл Индастрис», будет включать следующие этапы (но не ограничиваться ими):

- **Обзор системы**

Подробный обзор всех доступных систем данных на предмет внутренних ошибок и внешнего вмешательства, которое привело к утечке.

- **Опрос свидетелей**

Опрос всех заинтересованных лиц. Интервьюируемых предупредят о том, что конфиденциальность крайне важна для успеха расследования. Необходимо будет заполнить форму о неразглашении.

- **Еженедельный отчет**

Будет передаваться, чтобы подытожить результаты расследования.

- **Отчеты о критичных мероприятиях**

Будут передаваться по мере необходимости, чтобы обратить внимание на сведения, которые требуют более срочного отклика.

- **Установление личности подозреваемого**

Будут установлены потенциальные подозреваемые, чтобы подать гражданский или уголовный иск.

Аманда

За шесть дней до вечеринки

Когда Аманда добралась до особняка Сары, где уже собралась целая толпа, Керри стоял у двери, прижавшись к ней спиной так, словно бы он пытается раствориться в ней. Большое облегчение — наконец-то увидеть дружелюбное лицо. Пока Аманда неспешно прогуливалась в сумерках до дома Сары, ей на мобильник дважды позвонили с неизвестного номера. От резкого звука у нее заходило сердце, хотя телефон звонил совсем недолго, и Аманда не успевала решить, отвечать или нет. Скорее всего эти звонки никак не были связаны с теми многочисленными звонками, которые поступали ей раньше, хотя всего пару недель назад Аманда не сомневалась бы, что это именно так. Но когда в трубке раздалось чье-то дыхание, притворяться стало бесполезно. Каким-то образом этот человек нашел ее. И он явно не хотел ничего хорошего.

Было трудно не завидовать всем этим родителям, набившимся, как селедки в бочке, в особняк Сары на собрание родительского комитета, чтобы обсудить вопросы «кибербезопасности». Но по крайней мере у Сары чувствовала себя в безопасности сама Аманда. Муж Сары Керри был очень здоровым: выше ста восьмидесяти сантиметров ростом, широкоплечий, как и положено бывшему полузащитнику. Но Аманде всегда было трудно вообразить, чтобы Керри с его карими глазами с тяжелыми веками и молниеносной улыбкой намеренно сбивал кого-то с ног, пусть даже на футбольном поле. Легче было представить его королем выпускного. Хотя Сара была права, его лицо с тех пор заметно округлилось. Аманда отметила это, глядя на старые фотографии, развешанные по стенам дома.

Сара почти сразу обозначила, что вышла замуж за Керри не из-за его внешности. Керри прибило к ногам Сары волнами благосостояния его пуговичной империи, хотя не последнюю роль сыграла и куртка-блейзер, которая обозначала принадлежность к спортивному клубу. В итоге эти самые ноги Сары тут же оказались в безопасности и были

окружены заботой. В конце концов, разумеется, они с Керри получили далеко не ту сумму, на которую рассчитывала Сара — про это она тоже не забыла рассказать, — но отнюдь не голодали. Керри был успешным юристом. Аманде казалось, что его заботливость была куда ценнее денег. Зак всегда радовался, если Аманда заполняла те лакуны, которые образовывались из-за ее напряженной карьеры, с помощью наемных работников: водопроводчиков, плотников, нянь, репетиторов, садовников, маляров. Но она ведь не могла нанять кого-то, чтобы достать с верхней полки коллекцию бейсбольных карточек Кейза. В прошлые выходные она упомянула об этом Саре, страшно смущаясь, но не прошло и часа, как на пороге Аманды уже стоял Керри.

— Меня прислали к вам, мадам, — пошутил он. — Что-то нужно сделать с бейсбольными карточками.

— Прости, — сказала Аманда. — Так поздно, да еще в воскресенье. Клянусь, я не просила ее отправлять тебя сюда.

Это правда, но Аманда была рада, что Сара прислала мужа. Кейз попросил прислать карточки ему в лагерь, и Аманда хотела с самого утра заняться этим вопросом. Она уже попробовала встать на стремянку, но до коробки все равно не дотянулась.

— Не беспокойся. Я знаю свою жену, — сказал Керри, оглядывая темный дом. — Зак на работе в половину девятого в воскресенье? Вот это жуть!

— У него собрание по поводу финансирования, — ответила Аманда. Муж и правда часто проводил подобные собрания, хотя она и не знала, касалось ли это сегодняшнего дня.

Керри достал коробку с карточками, даже не поднимаясь на верхнюю ступеньку стремянки.

— Не забудь передать Кейзу, что ему повезло, — сказал Керри, передавая ей коробку. — Если бы кто-то из наших мальчиков написал из лагеря, что ему что-то надо, Сара сделала бы вид, что письмо потерялось по пути. Хочешь, я почию дверцу шкафа, раз уж все равно пришел? Мне кажется, она не открывается из-за проблемы с петлей.

— Нет, нет, — Аманда ужаснулась, что Керри выдан весь список всех необходимых работ по дому. Она так часто говорит об этом? — Я уже вызвала мастера.

Неудивительно, что Керри присутствовал на собрании родительского комитета, хотя ему наверняка нужно было рано

вставать. Он всегда был там, где нужен был жене. Наконец Керри заметил, что Аманда мнетя у двери, и жестом подозвал ее.

— Можешь мне помочь? — прошептал он сквозь зубы, как только Аманда пробилась к нему через толпу. Он провел пальцами по всклокоченным темно-русым волосам, которые — Сара была права! — стоило бы подровнять. — Почему все эти люди тусуются в моем доме?

— Потому что твоя жена — председатель родительского комитета? — предположила Аманда.

— Но сейчас *лето*! — посетовал Керри. — Должен быть перерыв на лето.

— Не смотри на меня так! Она и меня заставила прийти.

— По моему сигналу бежим к дверям!

Аманде нравились шутки Керри. Когда он так шутил, она чувствовала себя другим человеком, не особенно привлекающим чье-то внимание.

— Ни за что. Я слишком боюсь твою жену! — заявила Аманда с улыбкой — настоящей улыбкой! — проскальзывая мимо Керри в гостиную. — И тебе бы стоило!

— Не волнуйся! — отозвался он с преувеличенно громким вздохом. — Я в надлежащем ужасе.

Она бы предпочла остаться с Керри в дальнем уголке, но нужно было встать так, чтобы Сара ее видела, чтобы присутствие засчиталось. Тогда, может быть, не придется оставаться надолго. После всех этих звонков Аманду не отпускало чувство — сегодня оно стало даже сильнее, чем вчера, — что находиться среди толпы родителей учеников Грейс-Холл само по себе стресс. Аманда поискала глазами Мод, но не увидела ее. Галерея Мод по выходным была открыта допоздна. Наверное, она на работе.

Гостиная Сары была обставлена со вкусом, и здесь было очень уютно, как всегда казалось Аманде. На стенах висело множество искренних фото, отражающих этапы развития их семьи: здесь были краснолицые плачущие младенцы, малыши, впервые пробующие что-то кроме грудного молока, дурацкие Хеллоуины, угрюмые подростки. Разительное отличие от девственных поверхностей в полностью перестроенном особняке Аманды. Ее собственный дом был, разумеется, прекрасен, но Аманде безумно хотелось такие же полы, как у Сары — чтобы они поскрипывали в одних местах и слегка

проседали под весом тела в других. Не то чтобы скрипучие полы сами по себе были чем-то чудесным. В трейлере, где прошло детство Аманды, полы постоянно издавали какие-то звуки, и каждый тяжелый пьяный шаг по пожелтевшему линолеуму отдавался эхом, напоминающим писк мыши, угодившей в ловушку. Но в доме у Сары и Керри звуки были другими. Это были звуки крепкой семьи, которая жила в старом доме.

Аманда оглядела разношерстную толпу родителей из Центр-Слоуп: женщины в деловых костюмах рядом с мужчинами в графичных футболках, родители таких преклонных лет, что сгодились бы скорее на роль бабушек и дедушек, рядом с теми, кто скорее напоминал студентов, представители разных рас и культур, одиночки и однополые родители. Это была во многих отношениях пестрая компания, хотя почти все они были очень богаты, а у Аманды почти все вызывали страх.

В их районе в Пало-Альто на собрания родительского комитета обычно приходили мамочки-домохозяйки, но в Центр-Слоуп мужчины и женщины делили тяготы родительства, и почти у всех была не просто работа, а *карьера*. В Пало-Альто жители были интеллигентными и образованными, но в Центр-Слоуп все были настоящими интеллектуалами. В их районе жили журналисты, профессора и художники. Эти люди хотели, чтобы вы говорили что-то осмысленное, раз уж открывали рот. Вам положено иметь мнение о политике, искусстве, книгах и путешествиях. Аманда очень много читала, но ее знаний не хватало, поскольку в Центр-Слоуп любое явление препарировали, подносили к свету и изучали в мельчайших подробностях. Это касалось и людей. Если бы они заглянули внутрь Аманды, то обнаружили бы там пустоту.

— Добрый день, друзья! — поздоровалась Сара, когда все наконец заняли свои места. Она подмигнула Аманде, а потом обвела взглядом комнату, чтобы напряжение сгустилось. Сара знала секрет, как справиться с родителями детей из Грейс-Холла. Помолчав, она наконец продолжила: — Не паникуйте. Все будет нормально. Обещаю. — В голосе сквозила резкость, которую Сара даже не пыталась скрыть. — Родительский комитет вместе с руководством школы работает над решением проблемы.

Лес рук.

— Каким образом проблему можно решить?! — спросил высокий темнокожий парень в идеально сшитом костюме из ткани «в елочку», который Аманда видела в «Барнис» на том этаже, где продавали особо дорогие товары. В руке он держал свернутый в трубочку номер «Уолл-стрит джорнал». — Нам ничего не говорят.

— Школа наняла фирму, которая специализируется на кибербезопасности, — пояснила Сара. — Они выяснят, что конкретно произошло, и предложат какие-то решения. Но на это уйдет какое-то время.

— Время, твою мать... — сердито пробурчала женщина, сидевшая рядом с Амандой. Она была неряшливой и плохо одетой, лицо оплывшее, на белой коже проступают вены. Аманде стало интересно, когда эта тетка в последний раз расчесывала спутанные светлые волосы.

На другом конце гостиной подняла руку миниатюрная женщина с темными волосами до подбородка, оливковой кожей, одетая в стильную юбку-карандаш. Ее шпильки почти не касались пола, и от нее исходила нервозность.

— Простите, но если школа не может сохранить в безопасности нашу личную информацию, то как мы можем доверить ей своих детей? — Она огляделась, ища поддержки, и несколько человек кивнули в знак согласия. — Не хочу вспоминать то, что случилось несколько лет назад, но с чем с чем, а с кибербезопасностью у школы никогда проблем не было. Казалось бы, школа уже должна научиться контролировать ситуацию.

По толпе прокатился гул. Аманда знала, что одна из учениц погибла из-за травли в сети, но подробности ей были неизвестны.

Щеки Сары вспыхнули.

— Послушайте, мой старший сын был знаком с Амелией. Я знала ее мать и была так же расстроена случившимся, как и все мы, — резко сказала она. — Но смерть Амелии никак не связана с тем, что нам придется терпеть экстраспам. Ведь все ограничится этим?

Аманда посмотрела на других родителей. У некоторых лица были мрачными, но, может быть, для них «этим» уже не ограничилось.

— Но что, если будет что-то помимо простого неудобства? — не унималась миниатюрная женщина. — Моя соседка работает в ай-ти, и лично она считает, что злоумышленники, возможно, планируют

получить доступ ко всем нашим облакам, — последнее слово она произнесла таким тоном, словно речь шла не об облаках, а о вагинах — как будто от него разило похотью.

— Я хотел бы добавить, — подал голос невозмутимый папаша в джинсах и полинялой футболке «Рамоунз». Его волосы были седыми, почти белыми, а кожа мертвенно-бледной. — Школа нас всех подвела. Это может кончиться плохо, а может и не кончиться плохо. Но по крайней мере они должны открыто рассказывать нам о том, что происходит. А тихариться — не слишком удачная идея. Грейс-Холл должна быть «открытой книгой», включить нас в процесс. Предполагается, что мы сообщество.

— А что, если человек, ответственный за утечку, является *частью* нашего маленького сообщества? — спросила Сара. — Например, ученик, обиженный бывший сотрудник? Что, если этот тип сейчас здесь?! У школы есть веские основания, чтобы сохранять расследование в тайне. Если потерпевшие захотят, чтобы школа подала иск от их имени, то нужно защитить доказательства.

— Погодите, у школы есть причины полагать, что это кто-то из своих?! — спросила высокая широкоплечая женщина с очень короткими белокурыми волосами и крупными чертами — неудачное сочетание. Глаза навывкате бегали из стороны в сторону. — Это было бы ужасно!

— Мне кажется, мы уже обсудили, что расследование конфиденциальное и оно как раз сейчас идет. — Ресницы Сары затрепетали, она явно была раздражена. Могу лишь сказать, что школа наняла одну из лучших в стране фирм, специализирующихся на кибербезопасности. Они начали расследование и доберутся до сути произошедшего. Вот чем они заняты. После того как расследование закончится, они поделятся своими ощущениями. Но в настоящий момент я не знаю никаких других подробностей.

— А мне кажется, им стоило бы пока хоть что-то нам рассказывать, — миниатюрная женщина снова заговорила, но на этот раз тише. Ее голос звучал почти потрясенно. — Я хотела сказать... что, если мы... ну, то есть вдруг происходит что-то подозрительное, что относится к делу?

Аманда оглядела комнату. Еще несколько родителей кивали. Как будто они тоже были жертвами какой-то подозрительной активности.

Но какой именно? Никто не хотел признаваться. Аманду замутило. Зака удар хватит, если он узнает.

— Ну, хорошая новость в том, что школа дала нам номер, что-то типа «горячей линии», куда можно позвонить и конфиденциально сообщить, если что-то происходит лично с вами. — Сара помялась, слегка приподняла бровь, словно надеялась, что кто-то откроет свой секрет прямо сейчас. — Кроме того, вы можете поделиться информацией о ком-то, кто, по-вашему, замешан. При условии, что вам *действительно* что-то известно.

— Я бы не отказалась от этого номера, — напряженно процедила темноволосая женщина рядом с Сарой. Ее глаза покраснели, под ними залегли тени. Она уже копалась в сумочке в поисках ручки.

Аманда снова перехватила взгляд Керри, пока Сара старательно зачитывала информацию.

— Бежим? — Он мотнул головой в сторону двери.

Аманда покачала головой и засмеялась. Больше всего на свете ей хотелось бы метнуться к двери. Но куда бы она побежала? Это, кажется, всегда представляло проблему. Отсутствие цели. Даже сейчас там, на улице, будет лишь тьма, которая сгущается все сильнее. Аманда обхватила себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Может быть, звонки снова прекратятся так же резко, как начались. Как в прошлый раз, когда ей кто-то звонил и бросал трубку. Кейз тогда был совсем маленьким, они жили в Сакраменто. Аманда знала, кто звонил. Тогда она тоже чувствовала его прерывистое дыхание на своем затылке. Но потом звонки прекратились. А теперь снова начались.

Шум в комнате усиливался, недовольные родители общались друг с другом. Сара несколько раз громко хлопнула в ладоши, пока не стало тихо.

— Эй! Повторяю: звоните на «горячую линию», только если вам есть что рассказать! — сказала она, повысив голос. — В этой фирме оплачиваются каждые шесть минут разговора, поэтому не пытайтесь названивать туда, чтобы что-то разнюхать. Весь ход расследования строго конфиденциален. Они вам все равно ничего не скажут, и к тому же придется оплачивать счета. — Сара как будто хотела добавить что-то еще, но потом передумала. — А теперь внимание! Сейчас лето, большая часть детей разъехалась по лагерям. Так давайте не будем тратить наше драгоценное время, заморачиваясь по поводу этой чуши.

Лиззи

7 июля, вторник

Было всего полдевятого, когда я направилась в кабинет Пола Гастингса. Абсурд по меркам манхэттенских юридических фирм, где, если засиделся в офисе за полночь, принято на следующий день приходить на работу не раньше десяти утра. Сам Пол приходил рано утром и уходил очень поздно. Но он был не просто бывший обвинитель, но и бывший старшина спецназа, который в свободное время бегал ультрамарафоны^[2]. Он не привык валять дурака.

Я начала сомневаться в своем решении, стоило мне последний раз свернуть за угол и увидеть стол перед кабинетом Пола. Вместо его обычной приветливой полноватой секретарши за компьютером сидела жесткая и язвительная Глория и яростно что-то печатала. Я совсем забыла, что секретарше Пола удаляют желчный пузырь. Было слишком рано, а я слишком нервничала, чтобы общаться сейчас с Глорией, которая взъелась на меня с того самого дня, когда я вежливо отказалась, чтобы ее навязали мне в качестве полноценного секретаря. Недавно ее бывший начальник уволился, и никто больше не захотел с ней работать, в итоге Глорию понизили с должности секретаря партнера до секретаря в приемной на неполный рабочий день, а потому она помогала мне в первые дни в «Янг & Крейн». Но я не могла больше выносить ее постоянные жалобы — на погоду, на синусит, на какого-то старпера, который не уступил ей место в метро. Может, Глория и не была виновата в том, что так несчастлива, но она и работу свою выполняла тят-ляп. По слухам, ее давно попросили бы на выход, если бы она заранее не пригрозила, что подаст в суд за дискриминацию по половому признаку. Зная Пола, можно было предположить, что он сам попросил назначить ему Глорию, чтобы он мог оценить ситуацию.

— У себя? — спросила я, мотнув головой в сторону открытой двери в кабинет Пола.

— Ну, разумеется, — Глория закатила густо покрашенные глаза. — Явился с утра пораньше, чтобы проверить все отчеты о работе практикантов по оказанию бесплатных консультаций. А все потому, что два практиканта добавили себе пару часиков, когда играли в гольф в Челси-Пирс. Безобидно же? Но Пол жаждет крови. В итоге только и делает, что орет.

Да, это именно то, что могло вывести Пола из себя. К этике он относился еще более маниакально, чем к работе на износ. Он увольнял юристов и за меньшие прегрешения. Накануне моего прихода он умудрился даже вытурить одного из партнеров за «неприличное поведение». Что под этим подразумевалось, никто, похоже, не хотел уточнять. При этом Полу нравилось считать себя чужаком в этом корпоративном мире, а значит, отщепенцем в «Янг & Крейн». Гремучая смесь.

Я пошла к двери и еще сильнее засомневалась насчет Зака. Вряд ли тот факт, что я водила дружбу с человеком, обвиняемым в убийстве жены, хорошо меня характеризует. Кроме того, когда я однажды слышала, как Пол обсуждает возможность отдать дело юристам, он был в ярости от одного только предложения. А мне не хотелось, чтобы его ярость обрушилась на меня.

Пол сидел лицом к двери, сгорбившись. Его седые волосы были аккуратно подстрижены под ежик. Он был в прекрасной физической форме, а его выдержанная, как хорошее вино, привлекательность с годами лишь усилилась. Я судорожно вдохнула и напомнила себе, что этот разговор — всего лишь формальность, чтобы я могла перейти к следующему шагу и найти для Зака нормального адвоката. Наконец я решительно постучала в дверь.

— Войдите! — гаркнул Пол, не поднимая головы.

Я увидела, что он, сдвинув очки для чтения на кончик носа, собирает небольшую деревянную головоломку, которая лежала у него на коленях. Я остановилась прямо перед его огромным столом, на котором все лежало на своих местах. На низком шкафу за его спиной стояли фотографии его четырех детей, учившихся в колледже, и его прекрасной первой жены, уже немолодой. Кажется, я слышала от Мэри Джо, что все его последующие жены были значительно моложе, но он питал особую любовь именно к первой.

— Подарок от старшего сына, — пояснил Пол, не отрывая взгляда от деревянного блока. — Сенегальская головоломка. Он там живет. Эту штуковину невозможно собрать. Возможно, он прислал ее, чтобы меня помучить. Очень в его духе. — Наконец он поднял голову и с надеждой глянул на меня поверх очков. — Хочешь попробовать?

— Прости, я не сильна в головоломках.

— Э-э-эх, — протянул он с явным разочарованием.

Мне часто казалось, что Пол меня оценивает и приходит к выводу, что я недостаточно хороша. Но с такой же досадой он смотрел на большинство людей. Никто не дотягивал до высоких стандартов Пола, может, это объясняло и то, что он трижды разводился. Держа головоломку в одной руке, Пол свободной рукой достал какие-то бумаги из аккуратной стопки, положил на угол стола передо мной и вернулся к своему занятию.

— Твои правки в ответ Министерству юстиции сделали письмо лучше, но все равно у нас не позиция, а полная хрень.

После того как Сэм уснул, я дописала-таки то письмо и отправила Полу. Это было в два часа ночи. Сейчас половина девятого, а Пол уже изучил документы. Вот основная проблема в «Янг & Крейн» — как бы усердно ты ни работал, всегда найдется тот, кто работает еще усерднее. А Пола особенно трудно обскакать.

Когда я впервые появилась в компании, то работала сразу с несколькими разными партнерами. В последнее время, правда, я работала только с Полом. Мы функционировали как мини-практика по консультированию «белых воротничков» внутри «Янг & Крейн», при этом я делала большую часть работы, а Пол критиковал мою работу и меня. Общение с Полом выматывало, однако он освободил меня от необходимости с ловкостью фокусника выполнять всевозможные требования партнеров, с чем сталкивались другие юристы. Однако я понимала, что это ничуть не облегчит мой путь к должности партнера, когда подойдет время (и если такое вообще случится). Партнерство предполагает наличие множества союзников и грамотной политической стратегии, а меня не интересовало ни то ни другое. Тем не менее тот факт, что последние четыре месяца я достаточно хорошо справлялась, чтобы Пол перестал изводить меня своей бесконечной критикой, — самое настоящее чудо. Томас, мой помощник,

рассказывал мне истории о десятках старших юристов, с которыми Пол расставался всего через пару дней.

— Согласно, — сказала я. — Доводы не слишком сильные, но единственные, какие есть.

Другими словами, клиент — клиент «Янг & Крейн», *наш* клиент — совершенно точно виновен. А все, что мы написали, — лишь попытка замаскировать этот факт. Как говорила моя начальница Мэри Джо, «если обвязать кучу дерьма бантиком, тяжелее будет смыть».

— Да, я так и думал! Ха! — победоносно воскликнул Пол, с треском собрав головоломку. Он водрузил ее на край стола, будто поставил какой-то знак препинания, а потом какое-то время разглядывал, прежде чем успокоиться. — Смею предположить по тому, как ты нервно мнешься тут, это письмо в министерство — не единственная причина твоего визита?

— Не единственная. — Я скрестила руки на груди, снова расцепила их, поскольку Пол считал такую позу проявлением слабости. — У меня есть вопрос относительно наших внутренних регламентов.

— Внутренних регламентов? — Пол ухмыльнулся. — Ради всего святого, да у нас тут даже нельзя уволить сотрудника за противозаконное поведение. Внутренние регламенты — чушь собачья, если тебе интересно мое мнение. — Он помолчал, недовольно пыхтя. — Но я постараюсь сделать все, что в моих силах. Выкладывай!

— Насколько я понимаю, старшие юристы не могут брать себе собственные дела, — начала я. — Один мой друг попросил меня о помощи, и я ему все это рассказала, но хочу удостовериться.

— Ты права, — сказал Пол. — Нам нужен хоть какой-то контроль качества. А то у нас тут один придурок пытается засудить какой-то алкомаркет в Верхнем Вест-Сайде, поскольку его дядя из-за него спивается. Может, мне и не по душе многая ерунда, которой они тут занимаются, но по крайней мере «Янг & Крейн» не навязывают юридические услуги жертвам несчастных случаев. Что там у тебя за дело?

— Уголовное.

Пол сощурился, откинулся в кресле.

— Что там конкретно?

— Арестовали приятеля, с которым я училась на одном курсе на юрфаке, — начала я, но дальше нужно было переходить к главному —

к преступлению. Лучше всего было выложить всю информацию. — Обвинили в нападении на офицера. Он утверждает, что это случайность. Его жена погибла, и он был в шоке. Он не специально ударил офицера.

Брови Пола взметнулись вверх. Он прижал к губам кончики указательных пальцев, сложив руки.

— Погибла?

Черт! Он заинтригован?

— Убита. Пока что моему другу не предъявили обвинения в связи с ее смертью, но, вероятно, предъявят. В любом случае ему нужен адвокат. Очевидно, я не гожусь на эту роль, но он...

— Почему? — Пол пристально посмотрел на меня.

— Почему не гожусь?

— Ну да. Ты теперь адвокат защиты или нет? И тебя бы не взяли, если бы ты не была хорошим адвокатом?

Ох, мы ступили на опасную территорию. Пол принудительно примирился с тем, что пришлось переключиться с обвинения на защиту. Он разозлится, если поймет, что я неспособна сделать то же самое.

— Да, но мой опыт ограничивается экономическими преступлениями.

— Пока ты работала в прокуратуре, ты занималась и другими уголовными преступлениями. Как и все.

Это правда. Я три месяца проработала в отделе по борьбе с общеуголовными преступлениями в Южном округе сразу после юрфака. Но все преступления, с которыми я имела дело, были ненасильственными. Вообще-то я даже гордилась тем, как ловко я избегала крови и увечий, поднимаясь при этом по карьерной лестнице без затруднений. Меня даже повысили и перевели в отдел по противодействию мошенничеству, где в поле зрения не попадалось ни капли крови.

— В основном я занималась нарушением миграционного законодательства и обвинениями в хранении и торговле наркотиками. Но никогда не сталкивалась с убийствами, — сказала я. — В любом случае, насколько мне известно, «Янг & Крейн» не берут тяжких насильственных, так что...

— А где это случилось?

— В Центр-Слоуп, — ответила я.

— В Бруклине, да? — Пол кивнул, по-прежнему щурясь. — Сам я рос в Проспект Леффертс, а детей растил в Бруклин-Хайтс.

Я внезапно ощутила, что ключ выскользывает из моих пальцев и вот-вот провалится в щель между половицами. Я перестала контролировать то, что привело меня в кабинет Пола. Перекрестный допрос вел куда более опытный человек.

— Как бы то ни было, моему другу, очевидно, полезнее был бы адвокат, у которого есть опыт в делах об убийстве.

— Я так понимаю, ты ему это сказала? — уточнил Пол.

— Да, сказала.

— А он что?

— Сказал, что его это не волнует. Он хочет, чтобы его интересы представляла именно я. — Я пыталась придать голосу твердости. — Он просто не в состоянии ясно мыслить. Ему нужен кто-то, кому он может доверять.

— Мне так кажется, что он очень даже ясно мыслит, — возразил Пол. — И совершенно точно ему нужна ты.

В том, как он это произнес, явно чувствовался вызов. *Так чего же ты боишься?* Страх — еще одно запрещенное у Пола чувство.

— Он испуган. — У меня неприятно сжался желудок.

— Понятное дело, — буркнул Пол. — Мы-то с тобой знаем, что невинные то и дело попадают в тюрьму. Даже мы лично парочку таких засадили.

«Нет», — подумала я. Если бы я так считала, то уволилась бы давным-давно. Как может Пол на голубом глазу говорить такие вещи?!

— Вернемся к моему первоначальному вопросу. Так почему же не ты?

Потому что я никогда не занималась и не буду заниматься делами об убийстве. Я даже не могу объяснить толком причину. Кроме того, моя жизнь и так в полном раздразе. Но я не могу ничем из этого с тобой поделиться, чтобы тебя не разочаровывать.

— Я старший юрист, а не партнер. Ты же сам говорил, что старшие юристы не берут себе собственных дел.

Пол взял со стола ручку, повертел в пальцах.

— Да, ты не партнер. Пока что. — Его глаза тревожно поблескивали. — Но я-то партнер. Я не говорю, что готов работать

ночи напролет вместе с тобой, но я готов оказать содействие.

Хоть ты тресни, я не понимаю, как этот разговор закончился тем, чем закончился — предложением представлять Зака.

— Ладно. Здорово... — пробормотала я, поскольку Пол, похоже, ожидал благодарности. Мое сердце гулко колотилось.

— Кто твой друг? — спросил Пол. — То есть наш клиент.

— Зак Грейсон, — ответила я. — Основатель...

— Я слышал это имя, — перебил меня Пол, — основатель логистической компании. Я читал о ней в «Гарвард бизнес ревью».

— ЗАГ.

— Да-да, она. Чтобы компании могли отправлять заказы, как «Амазон». — В его голосе звучала брезгливость. — Почему народ не может просто закупаться в магазинах, как в старые добрые времена?

Да потому что они впахивают сутками напролет на таких, как ты.

— Зак уже продал полный пакет акций компании, — сказала я. — Открывает что-то новое в Нью-Йорке.

— Его привлекли к суду?

Я кивнула.

— Вчера. За нападение на офицера. Наверное, ждут результаты от криминалистов. В залоге отказали.

— Отказали? — проворчал Пол. — Тогда первым делом готовим документы о рассмотрении законности его ареста. Чтоб вытащить его из этой дыры. Затем разнюхаем в окружной прокуратуре, выясним, что там у них есть по делу об убийстве. Похоже, особо предъявить нечего, иначе бы уже предъявили. — Пол помолчал. Его лицо полыхало от волнения. Я, как последняя идиотка, распахнула дверцу, и он тут же влез, куда не просят. — Думаешь, он виновен?

— Нет. Я так не считаю.

Это правда. Я так не думала. Мне ничего не было известно.

— Но даже если он виновен, у него есть право на защиту, так? — Пол посмотрел мне прямо в глаза. — Тебе придется поверить в это, иначе не сработает.

— Понимаю.

Я правда понимала. Но в тот момент я, как никогда, жалела, что ушла из прокуратуры. Всем положена защита. Но это не значит, что

эту защиту предоставлю я. Я для себя давным-давно смирилась с этим фактом. Пол еще пару минут разглядывал мое лицо.

— А чего ты тогда ждешь? — спросил он довольным голосом. — Иди и приступай к документам о законности ареста.

Я кивнула, постояла немного и нетвердой походкой направилась к двери.

— И дай мне знать, если не сможешь найти помощника окружного прокурора, который занимается этим делом! — крикнул мне вслед Пол. — У меня есть знакомые в окружной прокуратуре Бруклина.

Когда я добралась до уголовного суда Бруклина, чтобы переговорить с государственным защитником Зака, слушания уже были в полном разгаре. Я позвонила в его контору и оставила голосовое, но мне никто так и не перезвонил. Я какое-то время посидела в заднем ряду, все еще приходя в себя после разговора с Полом. В отличие от величественного федерального суда в Манхэттене с его темно-красными деревянными стенами и потолками с золоченой отделкой в этом суде все было сугубо практичным. Здание высокое и современное, а деревянная отделка внутри — сосна медового цвета. Никакой живописи маслом, никакого бремени истории. Зато полным-полно несчастных людей. Зал для слушаний был битком набит, тут же в галерее в бесконечном ожидании толпились ответчики, которых оставили на свободе, адвокаты, родственники и друзья. Ничего общего с самоуверенными богатыми ответчиками в федеральных слушаниях по делам о мошенничестве, которые всегда влетали в зал заседаний в последнюю минуту, слишком занятые, чтобы чего-то ждать. В этом суде большинство людей выглядели уставшими, печальными и испуганными. За барьером, отделяющим суд от ответчиков, в дальнем конце за столом слева сидела прокурор, коротко стриженная блондинка с кислым выражением лица, причиной которого, возможно, стало облегающее платье с запахом, не льстившее фигуре, а возможно, должностные обязанности. Если окружная прокуратура хоть чем-то напоминает генеральную, то такие слушания поручают младшим юристам прежде, чем через некоторое время поручить им более престижные задачи — разбираться с преступлениями на сексуальной почве и с уголовными преступлениями, включая убийства. Целый час я наблюдала стремительные монотонные слушания в надежде, что

перед судом появится Адам Рот-чего-то-там. Вместо этого перед моим остекленевшим взором подавались прошения, убирались пункты обвинений, перетасовывались какие-то папки. Вызывались фигуранты следующего дела. Я уже начала подумывать о том, чтобы все бросить, но тут начались следующие слушания.

— Дело номер 20—21345, Рэйм, Гарольд, убийство второй степени! — гаркнул секретарь.

Через вращающиеся двери справа, предназначенные для ответчиков, заключенных под стражу, завели невероятных размеров мужика с блестящей лысиной и могучими розовыми руками, сплошь покрытыми яркими татуировками. Он даже не шел, а еле волочил ноги. Такой мог бы вырубить Зака одним взмахом руки. Адвокат, мельтешивший рядом с ним — молодой долговязый парень, кучерявый, в очках, — скорее напоминал профессора литературы, чем защитника по уголовным делам. Он наклонился к своему устрашающего вида клиенту и ласково улыбнулся, а потом сказал что-то, отчего мужик злобно зыркнул на него.

— Адам Ротштейн, Бруклинская служба государственных защитников, ваша честь.

А вот и он.

Появился новый прокурор, чтобы забрать дело у блондинки, вероятно, потому что это было дело об убийстве. Сейчас в Нью-Йорке меньше трехсот убийств в год. Обвинения в убийстве стали чем-то особенным. Новый прокурор был значительно ниже ростом, чем Адам Ротштейн, но его костюм был тщательно отглажен, да и сам он выглядел куда более отдохнувшим. Новый игрок на поле — очень полезно, когда тебя вызывают на рассмотрение одного-единственного серьезного дела, а не бросают в людское море мелких преступников, многие из которых тем не менее заперты в Райкерс вместе с Заком и этим чудовищным мужиком.

— Подсудимый признает свою вину? — спросил судья монотонным гнусавым голосом.

— Не виновен! — заявил подсудимый.

Судья продолжал что-то изучать в своих записках.

— Что по поводу залога?

— У моего клиента трое детей, и ему нужно возвращаться на работу, — пылко начал Адам звеневшим от переизбытка чувств

голосом. Мне так и хотелось сказать: притуши фитилек. — Его семья местная. Его уже арестовывали в связи с мелкими хищениями, у него нет машины и паспорта. Он никуда не денется, ваша честь.

— Ваша честь, это дело об убийстве, — возразил прокурор, излучая спокойное моральное превосходство. Я вспомнила, каково быть на его месте — в буквальном смысле возвышаться над всеми в зале. Головокружительное ощущение. Господи, какой же душой я была, принимая власть, которую мне давало положение, за что-то, чего я добилась сама.

— Улики продемонстрируют, что это явная самозащита, — не унимался Адам. — Убийца заявился домой к моему клиенту, вооружившись охотничьим ножом.

— Обвиняемый застрелил его еще на подходе к дому на расстоянии более тридцати футов, — сообщил прокурор, манерно растягивая слова. — Хотите сказать, вашему клиенту не хватило силы духа просто запереть входную дверь?

Судья, похоже, не слушал ни одного ни другого.

— Назначен залог в двести тысяч.

Он ударил молотком, и слушание закончилось.

— Что за херотень? — зарычал подзащитный на Адама, пока его тащили прочь из зала. — Ты чего творишь, мудака!

Плечи Адама поникли.

На часах было всего одиннадцать тридцать, когда объявили перерыв на обед. Я подождала, пока Адам собрал свои вещи, и последовала за ним на выход.

— Адам Ротштейн! — окликнула я его в переполненном вестибюле.

Адам остановился, собираясь с духом и готовя себя к очередным нападениям — со стороны прокурора или семьи ответчика. Наконец он сделал глубокий вдох и повернулся, выдавив из себя слабую улыбку.

— Да?

— Я подруга Зака Грейсона, — начала я, не в силах заставить себя произнести, что я его адвокат.

Адам наклонил голову набок, словно бы пытаюсь понять, о ком я. Разумеется, у него десятки новых дел ежедневно. К моему удивлению, это заняло всего секунду.

— Ах да, Зак. — Он шагнул ко мне, его лицо было обеспокоенным. — Вы знали его жену? Такой ужас...

— Нет. Мы вместе с Заком учились на юрфаке, потом я работала в отделе по борьбе с мошенничеством в Южном округе, а сейчас ушла в коммерческую контору. Зак попросил меня взять это дело. У меня нет опыта представления клиентов в суде штата и по обвинению в тяжких преступлениях, но...

— Отлично! Я передам вам материалы дела, — сказал Адам. — Если вы работали в Южном округе, то определенно и с этим справитесь. Кроме того, мы с вами знаем, что самое важное — это ресурсы. Я пекусь о своих клиентах как о родных. — Он замялся. — Спросите мою жену. Она говорит, что это ненормально. Но дорогостоящий эксперт во сто крат лучше любой самоотверженности и опыта.

— Вашим клиентам с вами повезло.

— Если бы все решали только добрые намерения, — посетовал Адам. — Взять, к примеру, Зака. Его должны были выпустить под залог.

— Вы правы. Мы планируем поставить под сомнение законность его ареста. Мне поможет все, что вы можете рассказать о слушаниях.

Адам заглянул через стеклянное окошко в маленькую комнатку, так называемую переговорную адвокатов. Убедившись, что там никого нет, он придержал для меня дверь.

— Пойдемте сюда, — он подождал, пока я войду, вошел сам, закрыл за собой дверь и только тогда снова заговорил: — Судья принимает решение о залоге исходя из жестокости совершенного преступления. Ребята из окружной прокуратуры умудрились подсунуть ему фотографии с места убийства.

— Но это создает необъективное предубеждение!

Так-то оно так, но ничего особенно шокирующего.

— Да, именно, — проворчал Адам. — Обвинение о нападении на офицера при исполнении, а ему суют снимки кровавого убийства, на которых запечатлена красивая блондинка. Но прокурор возразил, что я сам упомянул место совершения преступления, когда сказал, что Зак был эмоционально подавлен из-за убийства жены. Раз! И судья уже разглядывает фотографии, чтобы оценить обоснованность возражения. — Он с отвращением покачал головой. — Прошу

заметить, это не имеет никакого отношения к слушанию о залоге, где должен рассматриваться исключительно...

— Риск побега, — закончила я за него мысль. Но я понимала, в какую игру играет прокурор. Я и сама раньше в нее играла.

— Именно! Побега! — воскликнул Адам. — Но потом судья взглянул на фото, и нас отбрили. Его будут держать в тюрьме, пока не предъявят обвинения в убийстве.

Я скрестила руки.

— Но это Райкерс. И это чья-то жизнь.

Мне тут же захотелось взять свои слова обратно. Как я и ожидала, лицо Адама посуровело.

— Это всегда чья-то жизнь. — И, разумеется, он был прав. — Слушайте, я бы побыстрее подал жалобу на незаконность удержания под стражей. Как только ему предъявят обвинение в убийстве, ни о каком залоге и речи не будет. А большое жюри предъявит официальное обвинение. Наверняка его отпечатки пальцев есть на той клюшке для гольфа. Это же его клюшка. Добавьте к этому какой-нибудь креативный анализ брызг крови и мелкие супружеские проблемы, и вот у них уже беспроектный вариант.

— Супружеские проблемы? — переспросила я. — Это вам Зак сказал?

— Нет, — Адам скривился. — Но он ведь был женат. В каком браке нет проблем? — Он встал и щелкнул пальцами. — А тут еще и действующий ордер на арест. Не то чтобы это стало решающим фактором в вопросе о залоге, но ситуацию определенно не улучшило.

— Ордер? — Я почувствовала, как краснеет шея.

— Зак сказал, что это, наверное, какая-то ошибка, — ответил Адам, но в его голосе сквозило сомнение. — Прокурор сказал нам только, что ордер был выписан тринадцать лет назад в Филадельфии за какой-то неуплаченный штраф, даже не за судебно наказуемый проступок. Но в те стародавние времена не было компьютеров, так что никто толком не знает, какое это было нарушение. Зак в упор не помнил, но ему пришлось признать, что в тот момент он действительно жил в Филадельфии. Поскольку волей судьбы он уже успел увидеть те жуткие фотографии, ему этого хватило.

— Вам показалось, что Зак и правда удивился, услышав про тот ордер?

Адам довольно долго размышлял над моим вопросом, что меня обнадежило. Наконец он ответил:

— Да, он искренне удивился. Он даже потребовал доказательств. По моему опыту, лжецы обычно так не делают. Это могла быть какая-нибудь ерунда типа жалобы на шум. Он ведь тогда был студентом. Я даже подумывал погасить эту задолженность, но это такая старина, что нужно ехать лично в Филадельфию, а мне это не по карману. Но ваша фирма ведь сможет кого-то послать? Я бы еще выяснил, какая прокуратура не унимается с этим делом и почему. Судьи ненавидят, когда им морочат голову по пустякам. Одного этого хватило бы, чтобы выпустить его под залог.

— Что вы имеете в виду? — спросила я.

— Зак рассказал вам о помощнике прокурора, который появился на месте преступления?

— Сказал только, что это был какой-то парень в костюме.

— Да, помощник прокурора Льюис. Он там на подхвате в делах по убийствам. Помощник из Бюро предварительной оценки, который изначально занимался делом Зака, мимоходом оговорился, что Льюиса вообще в тот вечер не должно было быть на вызове или что-то типа этого. Я почти уже уболтал его на то, чтобы обвинения вообще отозвали, учитывая произошедшее с женой Зака, но тут он позвонил этому самому Льюису, и весь разговор насмарку. Очевидно, убийство в Центр-Слоуп — резонансное дело, но у меня появилось ощущение, что кто-то дополнительно поддает жару.

Он был прав. Дело Зака было из разряда тех, которые Бюро предварительной оценки отфутболивало постоянно: преследование, если уж поразмыслить, было инициировано из-за накала эмоций на месте преступления.

— А что, по-вашему, на самом деле происходит? — спросила я.

— Это политика. Бруклинский окружной прокурор собрался в этом году в отставку. Насколько я слышал, началась подковерная борьба за место его преемника. Но Льюис, помощник окружного прокурора, тут ни при чем. Слишком мелкая сошка. От этого выигрывает кто-то другой. Такое громкое дело...

— Может помочь кому-то сделать карьеру.

Он взглянул на часы.

— Мне нужно перекусить, прежде чем снова вернуться сюда. Но если я могу еще чем-то вам помочь, дайте знать.

— Спасибо! — поблагодарила я. — Я очень ценю вашу помощь.

Адам направился к двери, но замешкался и обернулся:

— Так или иначе, я не думаю, что Зак убил жену. Я не такой доверчивый, как может показаться. Давайте взглянем правде в лицо: большинство моих клиентов виновны, как я не знаю кто.

Свидетельские показания перед большим жюри

Беатрис Бреттн вызвана в качестве свидетеля шестого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Спасибо, что пришли, миссис Бреттн.

О: Пожалуйста. Но я не знаю, что вам сказать. Я ничего не знаю о том, что случилось с той женщиной.

В: Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, в Центр-Слоуп второго июля этого года?

О: Ну да. Но я не знаю, что случилось с Аmandой.

В: Не могли бы вы отвечать на мои вопросы, только когда я их задаю?

О: Простите. Ладно. Я просто нервничаю.

В: Я понимаю. Но нервничать нет необходимости. Мы всего лишь пытаемся прояснить ситуацию, и все.

О: Да, разумеется.

В: Так вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, в Центр-Слоуп второго июля этого года?

О: Да.

В: Вы пришли на вечеринку с кем-то?

О: Да. Со своим мужем Джонатаном. Он знаком с Керри. Поэтому нас и пригласили.

В: Кто такой Керри?

О: Керри Таннер, муж Сары Новак. Она лучшая подруга Мод. Мы видели Керри мельком. Когда уходили. Мы не разговаривали с ним. Были слишком заняты тем, что пытались украсть надувной мячик.

В: Украсть надувной мячик?

О: Ну, не украсть... я хочу сказать... это глупо, конечно. Мы прихватили его домой. Он стоит-то бакса два. Да и вообще это были подарки для гостей, как мне кажется. Мы перебрали с алкоголем. Вечеринка была веселая, но все напились.

В: Вы вступали с кем-то в тот вечер в сексуальные отношения?

О: Что?

В: Вы вступали с кем-то в сексуальные отношения на вечеринке на Первой улице, 724, вечером второго июля?

О: А вам-то какое дело?

В: Вы не могли бы ответить на вопрос, миссис Бреттн? Нужно ли его повторить?

О: Нет.

В: Нет, не вступали в сексуальные отношения?

О: Нет, не нужно повторять вопрос. Он довольно бесцеремонный. Я не собираюсь рассказывать всем о своей личной жизни.

В: Это закрытое слушание.

О: Но члены жюри тоже люди. Вот они сидят прямо передо мной.

В: Миссис Бреттн, пожалуйста, ответьте на вопрос. Вы под присягой.

О: Да, у меня были сексуальные отношения в тот вечер. Но это вас не касается.

В: Вы можете описать характер этих сексуальных отношений?

О: Вы шутите?

В: Миссис Бреттн, это расследование убийства. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

О: Я сделала минет какому-то парню на втором этаже в спальне. Довольны? Это оскорбительный вопрос! Да, это не был мой муж, но обычно я таким не занимаюсь! Просто это была особая вечеринка, понимаете?

В: Нет. Я не понимаю.

О: Разрешены всякие безумства.

В: Безумства?

О: Ну, не в плохом смысле слова. Я имела в виду, можно повеселиться. Детей нет рядом. А мы все родители со стажем. А стаж семейной жизни и того дольше. Эти вечеринки, которые устраивали Мод и Себ, были безобидными. Потом никто о них и не вспоминал, как будто ничего и не было.

В: Безобидными?

О: Вы понимаете, о чем я.

В: Вы видели Аманду в тот вечер?

О: Буквально на секунду, когда уходили. Она как раз пришла.

В: В котором часу это было?

О: Около девяти вечера, мне кажется.

В: Она была одна?

О: Нет, с каким-то парнем. Но я не знаю, кто это. Никогда его раньше не видела.

Аманда

За пять дней до вечеринки

Всю дорогу до паба «Гейт», где планировался девичник, Аманде казалось, что за ней следят. Звонки — это одно, но Аманда никогда не верила, что за ними стоит кто-то из плоти и крови. Тем не менее в ту же секунду, как она вышла из дома, она готова была поклясться, что прямо-таки ощущает, как кто-то преследует ее по темным закоулкам Центр-Слоуп. Не просто кто-то, а *он*. Да, район безопасный, очень даже безопасный. Но безлюдный квартал и есть безлюдный квартал. Случиться может все что угодно, а рядом никого не окажется, чтобы помочь.

Ситуацию усугубляло то, что Аманда с самого утра была на взводе. Ей снова приснился все тот же идиотский кошмар о Кейзе... снова она бежит в платье, босиком, вся в крови, перед ней вырастает закусочная, а где-то вдалеке воют сирены, предупреждая насчет сына. В этот раз эпизодическая роль во сне досталась Кэролин. Еще до пробежки босиком в темноте. Аманда с Кэролин сидели, скрестив ноги на кровати, хихикая и перешептываясь, и ели пиццу. Обе в тюлевых платьях пастельных тонов: Аманда в персиковом, Кэролин в нежно-голубом, цвета морской пены. Почему ей каждый раз снятся платья? Аманда чувствует себя виноватой из-за ломящегося от всякого шмотья гардероба? Во сне ее разум превращает безобидные вещи во что-то куда более угрожающее?

Если бы только это — темный квартал и возможный незнакомец за спиной — оказалось сном. Как он вообще ее нашел? Да, Аманда сейчас живет ближе к Сент-Коломб-Фоллс, чем когда-либо за все эти годы. Но до Нью-Йорка все равно шесть долгих часов езды. Можно подумать, он отследил грузовой автомобиль, перевозивший мебель.

Аманда бросила взгляд через плечо, пока преодолевала остаток пути по Третьей улице. Она ничего не увидела. Но когда попыталась сделать глубокий вдох, легкие словно окаменели, а по коже побежали иголочки. Совсем как тогда. Непосредственно перед.

Она знала, что сказала бы Кэролин. *Расскажи Заку*. Сара тоже настаивала, что задача мужа — защищать жену, и наоборот. Но что, если проблемы ты навлекла сама на себя? Справедливо ли перекладывать их на супруга? Аманда должна уменьшить стресс для Зака, а не усиливать его. На него и так давят со всех сторон. По крайней мере она могла бы выполнять свою часть сделки.

Аманде было семнадцать, когда Зак переступил порог офиса мотеля «Владыка» одиннадцать лет назад. Он кардинально отличался от обычных постояльцев мотеля, где Аманда тогда не только работала, но и жила. Зак был в два раза сублильнее дальнобойщиков и лесозаготовителей и настолько же мягче. Этот парень за всю свою жизнь ни разу рук не замарал. Он, правда, и особо мужественным ей не показался, но бывают вещи и хуже. Намного хуже. И как бы то ни было, у него была очень милая улыбка.

А еще Зак по-особенному посмотрел на Аманду, когда они впервые увидели друг друга в тот первый вечер. Как исследователь, который только что открыл редкий вид на собственном заднем дворе — оживленно и нервно. Аманде всю ее жизнь говорили, что она красивая, но до того момента красота воспринималась как обуза.

У Зака было хорошее образование. Аманда все это узнала уже на следующий день, когда они снова столкнулись. Зак только что вернулся после долгой прогулки и выглядел подтянутым, спортивным и уверенным, несмотря на грязные походные ботинки, а легкая щетина лишь добавляла ему привлекательности. Он недавно окончил юрфак и бизнес-школу — причем одновременно! — и решил немного отдохнуть и полазать по горам Адирондак перед тем, как отправиться в Калифорнию работать. Зак наметил себе цель и направление.

— Ух ты, Калифорния! — воскликнула Аманда, ощутив легкий укол зависти. — Там так солнечно! А я никогда нигде не бывала, кроме Сент-Коломб-Фоллс.

— Так поехали со мной. — Зак пожал плечами. Прямо, просто и безумно. — Что бы там ни было, все лучше, чем здесь. Не думай о том, что я от тебя хочу, вообще обо мне не думай. Разве ты не хочешь уехать ради себя самой?

Как будто он все *знал*. Хотя он, разумеется, не знал. И никогда не узнает. За прошедшие годы Зак не потрудился заполнить даже самые очевидные пробелы в прошлом Аманды. Она осознала, что один из

самых выдающихся талантов ее мужа заключается в том, чтобы концентрироваться только на том, что для него важно. Наверное, это секрет его успеха.

Тогда в мотеле «Владыка» Зак протягивал ей блестящий золотой билет в Калифорнию. Прочь отсюда. Далеко-далеко. В конкретный пункт назначения. Аманде оставалось только протянуть руку и схватить его. Аманда спросила себя: что бы сделала Кэролин? Ответ был очевиден. Кэролин рванула бы вперед.

Вот так Аманда вдруг очутилась рядом с арендованной машиной Зака, пока он выписывался из мотеля. Он изобразил удивление при виде Аманды, но она была совершенно уверена, что он не удивился. Если только чуть-чуть.

Он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, от которой у нее становилось тепло на душе, и сказал:

— Поехали отсюда на фиг!

Они засунули три коробки с ее пожитками в багажник и помчались на запад, опутив крышу автомобиля, и ветер играл их волосами. В безопасности. Живая. Свободная. А над головой лишь тьма и звезды. Аманда поняла тогда, что сделает все от нее зависящее, лишь бы никогда не возвращаться в Сент-Коломб-Фоллс.

Вот только она никогда не рассчитывала — и даже не рассматривала такой вариант, — что Сент-Коломб-Фоллс сам настигнет ее.

Аманда ускорила шаг, пока в поле зрения не показался «Гейт» на углу Пятой авеню, ярко залитый огнями. В этом старомодном пабе Сара, Мод и время от времени другие мамочки собирались раз в две недели пропустить по стаканчику. В пабе был симпатичный интерьер, и здесь тусили юные бездетные особы, как любила говорить Сара, при этом в ее голосе в равных долях смешивались зависть и презрение.

Оказавшись в непосредственной близости от паба, Аманда остановилась и в последний раз посмотрела через плечо. За спиной никого не было. Ну или, по крайней мере, она никого не увидела.

Аманда увидела, что Мод и Сара устроились в одной из дальних кабинок, отделанных красным деревом. Мод сидела, подобрав под себя ноги по-кошачьи, и хохотала, запрокинув голову. Сара подалась вперед и что-то рассказывала ей с фирменной ухмылочкой. Аманда была рада,

что пришла. В уголке уютно устроились ее *подруги*. Нет, они не были ей как сестры, не были такими близкими подругами, как Кэролин, но такая близкая дружба складывается в течение всей жизни. За столь короткий период времени отношения с Сарой и Мод выстроились куда лучше, чем все, на что могла надеяться Аманда.

Аманда познакомилась с Сарой в коридоре рядом с классом, где шли уроки у Генри и Кейза, и они тут же поладили. Аманде всегда нравились уверенные общительные женщины типа Сары, которым было плевать на ее внешность, на то, сколько у нее денег или насколько она спортивна. Аманда при всем желании не могла считать себя спортсменкой, но могла с легкостью пробежать десять миль, причем даже она вынуждена была признать, что бегаёт быстро. За эти годы многие женщины изъявляли желание бегать по утрам вместе с Амандой, пить кофе или даже дружить. Но рано или поздно эти женщины всегда начинали пристально рассматривать Аманду и старались дистанцироваться, боясь не выдержать сравнения. Неизбежно эта ревность превращалась в острие, которым они тыкали в Аманду, не оставляя камня на камне.

Она *правда* не училась в колледже? Как интересно. Она *правда* не бывала в Европе? Стыд и срам! Она *правда* не участвует в делах мужа? Как... необычно. А сколько, кстати, ей лет?

Двадцать восемь. Аманде было двадцать восемь. Зачастую лет на пятнадцать меньше, чем мамам ровесников Кейза. Но иногда расстояние между ними казалось еще больше. Оно казалось бесконечным и непреодолимым.

Стоя в дверях паба, Аманда бросила взгляд на свою кипенно-белую блузу и босоножки на платформе от «Прада», которые носили все жительницы Нью-Йорка, как заверила ее продавщица в универмаге «Барнис», куда Аманда отправилась обновить гардероб в надежде, что купит то, что нужно. Правда, Аманда не уточнила, что под словосочетанием «местная жительница» она имела в виду «мамочку из Центр-Слоуп», а в Центр-Слоуп женщины носили совершенно иную униформу. Взвешенное безразличие — вот как они выглядели. Мамочки Центр-Слоуп были красивыми и подтянутыми, но были выше того, чтобы заморачиваться всякими глупостями типа моды. У них было полно других забот, таких как судебные тяжбы, дети и карьера. Другими словами, Аманде требовалось научиться наносить

точное количество консилера и туши, чтобы казаться безупречно ненакрашенной.

К несчастью, Аманда продолжала допускать промах за промахом в этом отношении. В этом вся проблема, когда ты кем-то притворяешься — не кем-то другим, а просто кем-то. Легко перегнуть палку.

Аманда старательно улыбалась, проталкиваясь к кабинке, где сидели Мод и Сара, по дороге она слегка взлохматила длинные волосы и закатала белые рукава, пытаясь придать себе более непринужденный вид.

— Простите, я чуть опоздала. — Аманда жестом показала на свой наряд и выдала невинную ложь: — Была на встрече доноров.

Вроде бы ничего и не сказала, но в то же время сказала так много.

— Посмотри на эти туфли, Мод! — заверещала Сара, тыча пальцем в ее босоножки. — Обалденные!

Мод потеснилась на диванчике и нагнулась посмотреть на туфли.

— Дай-ка взглянуть. Вау! Потрясные! Тебе нужно как-нибудь взять меня с собой по магазинам, Аманда.

Это была дружеская любезность. Обе отлично знали, куда ходить за покупками, и могли себе позволить делать это, когда им вздумается. Просто предпочитали не шататься по магазинам, поскольку у них имелись куда более важные дела.

Мод работала в галерее, ее муж был авторитетным акушером-гинекологом, и они растили дочь Софию, ровесницу среднего сына Сары Уилла. Их дети вместе учились в Грейс-Холл, в десятом классе, так они и познакомились. Но возраст детей был единственным, что у Мод и Сары было общего как у матерей. Сара частенько подшучивала, что Мод не просто насадка, а безумная насадка-камикадзе. Мод и София были очень близки, и Аманда видела, что Мод окружает дочь настоящей любовью.

Мод была не только успешной бизнес-леди и заботливой мамочкой, но еще и без особых усилий выглядела сексуально: кожа цвета слоновой кости с россыпью веснушек, темно-карие глаза и рыжие кудри. Ее муж Себ был французом, но учился на медицинском в Штатах. Аманда пару раз видела его, когда он подвозил Мод до паба. Высоченный, великолепно сложенный, Себ с его смуглой кожей и глазами цвета лесного ореха был потрясающе красив, и особый шарм

ему придавал акцент. В первый раз, увидев его, Аманда не могла отвести глаз.

— Ты бы видела свое лицо, — засмеялась Сара, когда Себ ушел.

— Мое лицо? — переспросила Аманда.

— Я тебя не осуждаю, но у тебя ж прямо слюнки потекли. Не переживай, я точно так же отреагировала, когда впервые увидела Себа. — Она повернулась к Мод, которая уткнулась в телефон. — Какой все-таки у тебя красавчик муж, Мод, а еще он талантливый, очаровательный, и благодаря ему рождаются дети. А теперь он занялся этим стартапом с генетическим тестированием онлайн. Как он называется? Цифровая ДНК? В итоге он тоже станет миллиардером. Это уже слишком!

— Ну, дети рождаются не благодаря Себу, — добродушно поправила ее Мод. — Их рожают женщины. А в той конторе он всего лишь медицинский консультант, так что больших выплат ждать не приходится. А еще он разбрасывает носки. Мужья — они и есть мужья, и не важно, как они выглядят.

— О, ты бы со стула упала, Аманда, если бы увидела Себа без рубашки, — предупредила Сара, увернувшись от Мод, которая попыталась ее в шутку шлепнуть. — Это правда. Мы были на пляже, когда я впервые увидела Себа с голым торсом. Меня чуть волной не накрыло.

Аманда даже еще сесть не успела, как к ним подошел официант — низкорослый самоуверенный бородач. Аманда заметила, что на столе уже стоят две кружки пива. Жители Бруклина предпочитали крафтовое пиво. Ее друзья в Пало-Альто почти всегда заказывали коктейли.

— Индийский пейл-эль, пожалуйста, — попросила Аманда.

Официант кивнул с недовольным видом, словно бы она обременила его какой-то безрассудной просьбой, и удалился.

— Мы тут как раз обсуждали, что наши гадкие дети еще не удосужились написать нам из лагеря, — прощепетала Сара. — Есть новости от Кейза?

— Видимо, их в лагере заставляют писать, — сказала Аманда, аккуратно продвигаясь на диване. — Это очень милое местечко на Западном побережье.

Многие, но, разумеется, не все дети из Центр-Слоуп разъехались. Остальные чуть позже тоже уедут в летние лагеря на смены покороче.

Аманде дико хотелось полететь на Западное побережье вместе с Кейзом и проследить, как он устроится. Но он настоял на том, чтобы ехать одному. Сама Аманда впервые полетела на самолете, когда познакомилась с Заком, не говоря уже о путешествии через полстраны в возрасте Кейза. Жизнь ее сына кардинально отличалась от ее детства. Он жил с уверенностью, что мир — безопасное место. И это хорошо, не уставала напоминать себе Аманда. Очень хорошо.

Когда пришло первое письмо, Аманда удостоверилась, что сделала правильный выбор. Кейз написал две страницы убористым почерком о том, как круто было лететь и как чудесно-расчудесно он проводит время. Его беспокоило только, что Аманда сильно по нему скучает, от чего ее охватило чувство вины. Она написала несколько писем, чтобы доказать Кейзу, что чудесно справляется без него, хотя это было и не так. Без сына Аманда чувствовала себя потерянной. Но в письмах она убеждала сына в обратном и писала, что в конце лета у них будет куча времени, чтобы рассказать друг другу все в подробностях. По предложению Сары Аманда уже арендовала на вторую половину августа домик на Файер-Айленд, в котором почти наверняка они будут одни с сыном. Заку не нравились пляжи. И отпуска.

Сара посмотрела на Мод и закатила глаза.

— Я же тебе говорила, Мод. Разумеется, Аманде уже пришли письма. Кейз — чудесный идеальный мальчик и любящий сын. Честно, Аманда, это просто отвратительно! Вы все еще держитесь за руки!

Аманда вспомнила Генри, младшего сына Сары. Да, она права. Он не был ни чудесным, ни любящим.

— У тебя самый красивый муж, Мод, — продолжила Сара, — зато у Аманды самый идеальный сын. Ну же, колись, сколько писем тебе уже прислал Кейз?

— Не знаю... может, шесть? — ответила Аманда, хотя знала точно.

Одиннадцать. Она получила одиннадцать писем за те восемь дней, пока Кейз был в лагере. Да, многовато, но все они были полны радости, в них совсем не ощущалась тоска по дому, так что беспокоиться было особо не о чем.

— София пару раз написала из Коста-Рики, — сказала Мод. Ее голос внезапно дрогнул. — Проблема не в этом.

— Стоп! Получается, я единственная мать, которая не получила ни единого гребаного письма? — воскликнула Сара.

— Проблема в том, как София пишет... Она просто... — Мод осеклась, и в этом было что-то необычное и тревожное. — ...не похожа на себя. Она... в депрессии.

— Уверена, все у нее в порядке, — заверила ее Сара. — Слушай, Джексон писал мне ужасные вещи, когда они собрались в турпоход, умолял приехать и забрать его. Разумеется, в итоге его выворачивало наизнанку, а потом он угодил в больницу с сепсисом... но в любом случае это был для него полезный опыт.

— Сепсис?! — Глаза Мод расширились. — Зачем ты мне рассказываешь такие ужасы?

Сара зажала рот ладонью.

— Господи! Прости, пожалуйста. — Второй ладонью она накрыла руку Мод. — Я не это хотела сказать. У Софии совершенно точно нет сепсиса. Лагерь, куда я тогда отправила Джексона, скорее напоминал исправительную колонию. Это была летняя программа «Воспитание испугом»^[3], помнишь? Они сами себе ловили рыбу, чистили и готовили. Он скорее всего за лето руки вымыл только разок. Лагерь, в который ты отправила Софию, совершенно другой, Мод. Там же все организовывала наша школа, а ты знаешь, с каким вниманием они относятся к деталям. Кроме того, София — это тебе не Джексон. Может, она и начала наконец-то вести себя как обычный проблемный подросток, а не как твоя лучшая подружка, но я уверена, что тебе не о чем волноваться.

Мод сделала еще глоток пива и улыбнулась, хотя не выглядела особо расслабленной.

— Надеюсь, ты права.

— Разумеется, я права. — Сара снова сжала руку Мод. — А теперь мы можем сменить тему, перестать говорить о детях и переключиться на что-то интересное? — Лицо Сары осветила озорная улыбка. — Например, про твою вечеринку с ночевкой, Мод. Тебе нужна помощь?

— Мне кажется, все готово, — рассеянно сказала Мод. — Приглашения разосланы. Мы вызовем ту же кейтеринговую службу, что и раньше. Они отлично справляются уже много лет. Мне, наверное, даже заранее приходить к ним не нужно. Если честно, с учетом ситуации с Софией эта вечеринка кажется...

— ...отличным способом отвлечься? — перебила ее Сара и изобразила, будто обмахивается веером. — Одни официанты там чего

стоят с этими их татухами и бородками, в хипстерских униформах в клетку. Знаете, девочки, два брата, которые владеют этим рестораном, — просто предел моих мечтаний, вышла бы замуж сразу за обоих.

Аманду не приглашали ни на какую вечеринку. Она в этом не сомневалась. Теперь она ерзала на диване, хотя силой воли и заставляла себя сидеть неподвижно.

— Да брось ты, Сара! — Вот теперь Мод по-настоящему засмеялась. — Я их обожаю, потому что они отлично делают свою работу. Но эти два парня как павлины, постоянно распускают хвосты. Тебя бы это бесило. Тебе же нравится, когда тебя любят. Вот Керри у тебя заботливый и милый.

— Я только лишь хочу сказать, что не возражала бы попробовать для разнообразия что-то погорячее.

— Ты же вроде уже попробовала разок? — Мод взмахнула ресницами.

Сара скорчила гримасу.

— В любом случае, Аманда, ты увидишь, почему я распинаюсь насчет официантов.

Аманда неловко улыбнулась.

— Погоди-ка, Мод, ты ведь пригласила Аманду, да?

— О нет! — Мод спрятала лицо в ладонях. — Я была так поглощена тревогами о Софии, что взяла прошлогодний список гостей. Прости, Аманда! Разумеется, ты приглашена. Я сегодня же отправлю приглашения!

— Ты просто обязана прийти, — сказала Сара. — То есть отказываться нельзя. Конечно, мало что сравнится с моими чудесными блюдами в день рождения Керри и сказочными попойками, которые мы устраиваем на каникулах. Но у Мод всем вечеринкам вечеринка. — Она многозначительно приподняла брови. — Это особая вечеринка. Настолько особая, что ради нее все даже отложили отъезд из города на День независимости.

— Да? — сказала Мод. — Я, наоборот, надеялась, что количество гостей уменьшится из-за общенационального выходного.

— Нет, Мод, твою вечеринку никто не пропустит. Вот насколько она особая.

— А что в ней такого особого? — поинтересовалась Аманда, но только потому, что Сара явно хотела, чтобы она озвучила этот вопрос.

— Ну, это типа вечеринка на тему летнего лагеря, но все с размахом: подарки для гостей, игры, тематическая еда, — сказала Мод. — Мы проводим такие вечеринки каждый год с тех пор, как София начала ездить в летние лагеря, то есть уже... семь лет, да? Сложно поверить, что уже столько времени. Она тогда была такой маленькой, всего восемь лет... Но ей отчаянно хотелось независимости... — Голос Мод сорвался, она снова волновалась о дочери.

— Ладно, Мод, — перебила ее Сара, взглянув в сторону Аманды. — Но я бы сказала, учитывая все *обстоятельства*, подарки для гостей — это самая неинтересная часть всего действия.

— Какие обстоятельства? — послушно спросила Аманда. — Ну, если вы не возражаете, что я задаю такой вопрос.

— Ой, можно я ей скажу, а? — взмолилась Сара. — Потому что я умираю, как хочу рассказать.

— Давай! — Мод закатила глаза. — Но то, что скажет Сара, тебя шокирует. Это необязательно соответствует действительности.

Сара вытянулась по струнке, положила ладони на стол и уселась с таким видом, словно собиралась сделать какое-то важное заявление. Ее глаза оставались закрытыми.

— Вечеринка у Мод — это... секс-вечеринка!

Она радостно распахнула глаза.

— Да брось ты! — со смехом закричала Мод. — Глупо ее так описывать!

— Если под словом «глупо»... — Сара тоже смеялась, — ты имеешь в виду «точно и емко», то да, глупо!

— Ничего не точно! — запротестовала Мод, но не слишком рьяно.

— Прости, но разве каждый год твои гости на вечеринке не занимаются сексом с кем-то, с кем не состоят в браке?! — строго спросила Сара. — Да или нет?

Мод состроила гримасу.

— Ну, это же не основная цель вечеринки, — сказала она. — А в твоих устах звучит как какая-то групповушка. Секс-вечеринка — это когда все приходят, раздеваются и расхаживают в масках.

— Хмм... — протянула Сара с лукавой улыбкой. — Когда ты так сказала, мне кажется, этот вариант даже лучше.

Теперь и Аманда смеялась. Они хохотали втроем достаточно громко, чтобы коротышка-официант оторвался от «Майн кампф» и бросил на них недобрый взгляд.

— Ладно, — проговорила Сара, задыхаясь от смеха. — Может, секс-вечеринка — это слишком подростковый термин, но мне он нравится. Тем более доля истины все же есть.

Мод потупилась:

— Ну да. Мы с Себом предоставляем второй этаж нашего дома во время ежегодной вечеринки с ночевкой для всех, кто решил там уединиться по обоюдному согласию. Занимаются ли люди сексом с кем-то, с кем не состоят в браке, пока их дети в сотнях миль от дома в летнем лагере? Наверное.

— Ой, хватит уже. Ты отлично знаешь, что занимаются, хоть потом все и отрицают. Тебе стоит пояснить, почему ты вдруг оказываешь такую услугу всем желающим. Тебе нужно обозначить контекст. — Сара мотнула головой в сторону Аманды. — Расскажи Аманде. Она не станет трепаться. Поверь мне.

— Мне ничего *не нужно*, Сара, — резко сказала Мод, и на миг показалось, что она и впрямь злится, но ее лицо почти сразу смягчилось. — Сара любит обсуждать мою сексуальную жизнь, поскольку у нее самой все строго.

— Каюсь, виновата! — Сара подняла руки. — Именно поэтому. Но если уж на то пошло, не у меня все строго, а у Керри.

— Можешь не рассказывать, если не хочешь, — сказала Аманда. — Правда.

Мод поколебалась пару минут, а затем тяжело вздохнула, и ее плечи обмякли.

— Нет, все нормально. Ты же близкая подруга. Мы с Себом время от времени занимаемся сексом на стороне. Всегда так было. Можно употреблять всякого рода эвфемизмы, но факт остается фактом. Да, у нас есть определенные границы и определенные правила, и нас все устраивает. Я не знаю, устроит ли такое другие семьи — почти не сомневаюсь, что нет. И нет, София не в курсе. Не потому, что мы считаем это дурным или неправильным, просто неправильно обсуждать свою сексуальную жизнь с пятнадцатилетней девочкой-

подростком, как бы близки вы ни были. — Лицо Мод снова напряглось. — По крайней мере, я не думаю, что она знает... Не хочу, чтобы знала. Не хочу, чтобы она настраивала себя на открытый брак. Если она сама этого захочет, отлично. Но это совсем другая история. Мне пришлось уговаривать Себа. Но в любом случае это наша последняя такая вечеринка.

— Что? — ахнула Сара.

— Да, — твердо заявила Мод. — Мы давно еще решили, что когда София... короче, мы так решили.

— Но, Мод... — взмолилась Сара. — Мне нужны эти твои вечеринки. Единственное, что мне осталось, так это порадоваться за других. Я замужем уже целую *вечность*!

— При необходимости ты отлично и сама справляешься! — Мод скривилась.

— Очко в твою пользу. Мод намекает на тот раз, когда я «изменила» Керри. Очевидно, она хочет, чтобы я тебе рассказала.

— Ого, — выдохнула Аманда и поняла, что выглядит слишком шокированной. Но что поделать? Ее застигли врасплох. Она была потрясена, это правда. Сара изменяла Керри?

— Не волнуйся, Аманда. Керри в курсе. Мы это пережили, — сказала Сара с серьезной миной. — Под изменой подразумевается то, что я обжималась с тренером Генри по футболу несколько месяцев назад, и длилось это пару секунд.

— Ого, — снова повторила Аманда, не в силах подобрать слов, так она была поражена.

— Тренер говорил с ирландским акцентом, он всегда заигрывал со мной, и я не знаю... — Сара пожала плечами. — В любом случае Керри отнесся к произошедшему с пониманием.

— Поверить не могу, что ты ему рассказала, — заметила Мод.

— У нас с Керри нет секретов друг от друга. Это не в нашем стиле. Мы вместе в горе и в радости, — сказала Сара. — Ему было больно, явно больно, но он же знает, как сильно я люблю его. В итоге все закончилось тем, что он сказал: «Я принимаю твои извинения, давай двигаться дальше». И это так. Я его годами попрекала. Керри всегда был более великодушным, чем я.

— Он любит тебя, — сказала Аманда, хотя не собиралась.

— Ага! — Сара кивнула. — Единственный раз, когда Керри на меня действительно рассердился — это когда я пыталась порвать с ним в колледже. Вот тогда он разъярился. — Она озорно улыбнулась. — Это было так сексуально.

— Сексуально? — засмеялась Мод. — Извращение какое-то, Сара.

— Не знаю... все хотят милого парня, но не слишком милого, правда? — сказала Сара. — Было приятно обнаружить, что под тихой-мирной оболочкой скрывается настоящий лев.

— Он бросает все и бежит делать то, что ты ему скажешь, — сказала Аманда.

— Так мужья и должны делать то, что им говорят, Аманда, — с досадой возразила Сара. — На то они и мужья. В этом вся соль.

— Я тебя умоляю! — воскликнула Мод. — Себ пальцем о палец не ударит, пока я не психану.

— Ну, Себ — это Себ, знаешь ли. — Сара вновь принялась обмахиваться. — Я бы позволила ему игнорировать все мои просьбы, лишь бы ходил без рубашки.

— Заткнись! — Мод в шутку бросила в Сару скомканную салфетку.

— Слушай, может, вы спокойно живете в открытом браке потому, что Себ — акушер-гинеколог. Ну, то есть он и так смотрит на чужие вагины?!

— Сара, фу! — Мод снова засмеялась, ее щеки порозовели.

— Я серьезно! — воскликнула Сара. — Это серьезный вопрос.

— Предпочту на него не отвечать! Спасибо! — Мод повернулась к Аманде: — А у тебя как, Аманда? Какой он, твой Зак? Поверить не могу, что мы пока так с ним и не познакомились.

— А я могу! — Сара хмыкнула. — Вторая половинка Аманды — призрак. — Но она тут же поправилась: — Прости, Аманда, это было... мне не стоило так говорить. Но что я, черт побери, знаю? Удачный брак — тот, который смог продержаться. И никто из нас не знает, долго ли продержится его брак, пока все не сказано и не сделано.

— Продержаться? — тихо переспросила Мод. — Это все, к чему мы стремимся.

— Заниженные ожидания — вот секрет счастья. — Сара подмигнула.

Впервые в жизни Аманде не казалось, что в браке нужно стремиться к идеалу. В конце концов подруги доверились ей и рассказали правду о своих семьях. Так что Аманда тоже может признаться хоть в чем-то.

— Зак очень много работает. Сара права. Мы порой почти не видимся.

Мод ласково улыбнулась.

— Как говорится, разлука большую любовь разжигает, — заверила она. — Но я надеюсь, что ты придешь на вечеринку. Вместе с Заком, разумеется. Что бы там ни говорила Сара, у нас весело, даже если вообще не подниматься наверх.

Аманда улыбнулась:

— Я обязательно приду. Спасибо.

— Ты слышала, как познакомились Мод и Себ? — спросила Сара у Аманды.

— Нет. — Аманда посмотрела на Мод.

— Это я пытаюсь спастись от того, что принизила их брак своим пошлым вуайеризмом, — сказала Сара. — Потому что это самая романтическая история из всех.

— И как же вы познакомились? — спросила Аманда.

— О, это и правда хорошая история, — задумчиво протянула Мод. — Я училась в магистратуре на историка в Колумбии и как-то раз отправилась на вечеринку, а там вдруг ни с того ни с сего рухнула без чувств, ударившись башкой о книжную полку и разлив напитки. Со стороны, разумеется, могло показаться, что я пьяна, но вообще-то я была трезва, как стеклышко.

— И Себ *спас* ее! — мечтательно воскликнула Сара. — Подхватил ее и нес на своих сильных руках, словно невесту, до Колумбийского Пресвитерианского госпиталя, где был интерном. Он спас ей жизнь!

— Он не спасал мне жизнь, — возразила Мод, — но доставил меня в больницу. Ему и правда пришлось меня тащить. А еще он заставил меня немедленно осмотреть.

— С тобой все было нормально? — спросила Аманда.

— Оказалось, что у меня диабет. Он всегда был, просто до того момента я знать не знала. Но теперь все под контролем.

— А остальное, как говорится, уже история, — добавила Сара томным голосом.

— Ого! — Аманде вдруг стало грустно. — Как романтично!

— Да ведь? — встряла Сара. — Мод, ты должна чаще рассказывать эту историю, но опускать ту часть, где Себ, возможно, уже становится миллиардером благодаря тому стартапу. Я на твоём месте размахивала бы ею, как флагом.

— Ну, не знаю... Мы с Себом так часто ссоримся в последнее время... — Мод уставилась куда-то вдаль. — Такое чувство, будто все это было не с нами.

— Ссоритесь? — переспросила Сара. — Я думала, вы никогда не ссоритесь.

— Вообще да. Но из-за всей этой ситуации с Софией... Себ любит ее, но ничего ей не запрещает. В Европе так принято. Лично он считает нашу дочку взрослой. А для меня она малышка. Мне все равно, сколько ей лет, мне всегда будет хотеться отогнать прочь все ее проблемы, и я не думаю, что в этом есть что-то неправильное.

Сара хотела что-то сказать, но Мод подняла руку в предостерегающем жесте:

— Не сегодня, ладно, Сара?

— Подростки. Вот и все, что я собиралась сказать, — не удержалась Сара. — Они разрушают все вокруг. Как было у вас с Заком, Аманда? Как вы познакомились? Если честно, вы такие... разные.

— Я подрабатывала летом администратором в отеле в северной части штата, — начала Аманда.

За эти годы она отточила некоторые детали, чтобы история выглядела более пристойной. «Администратор» звучит лучше, чем «горничная», а «отель» лучше, чем мотель. Но еще важнее была вставка про «лето», это помогало избежать поднятых бровей и поджатых губ, которые следовали за признанием, что она не доучилась в старшей школе.

— Зак остановился в этом отеле, когда решил полазать по горам Адирондак перед тем, как переехать в Калифорнию.

— В Калифорнию? — спросила Сара. — У вас сначала завязались отношения на расстоянии?

— Нет, он выписался из номера, и я уехала с ним, — простодушно ответила Аманда.

— Сразу после знакомства?

Черт. Обычно Аманда опускала эту часть. Почему сегодня?

— Ну, не в ту же секунду, но достаточно быстро.

— Любовь с первого взгляда! — Мод улыбнулась. — Очень романтично.

Сара хмыкнула, с сомнением глядя на Аманду, но, видимо, решила не развивать тему.

— Ну, думаю, Заку для начала лучше прийти на ужин по случаю дня рождения Керри. Я ему и пяти слов не сказала, хотя он мой босс.

— Он не твой босс! — возразила Аманда.

— А как же?! Это его фонд, я работаю на вас обоих. Я же не против. Но ему надо как-то проявляться. Ты одна из моих ближайших подруг.

Аманда выдавила из себя лучезарную улыбку. Одна из ближайших подруг. Она хотела бы, чтоб это было так.

— Он придет.

Это ложь. Разумеется, Зак не придет. Сара действовала из лучших побуждений, но Аманда четко дала понять, что у него очень плотное расписание. Иногда ей казалось, что Сара пытается помочь им скрепить отношения. Но если честно, то ничего скреплять не нужно. Брак Аманды и Зака и так был прочным. Они оба получили то, что хотели. Может быть, это не совсем то, что должны получать супруги в браке. Но ведь их брак долго продержался, разве нет?

— А сколько лет вы с Керри вместе? — спросила Аманда в надежде сменить тему.

— Тридцать три, если считать с тех пор, как мы начали встречаться. Нам было по пятнадцать лет, когда мы познакомились. Поженились мы двадцать шесть лет назад, когда ты была зиготой, Аманда, — сказала Сара, подперев рукой подбородок. — Если и есть хоть какое-то оправдание, почему я позволила футбольному тренеру лапать меня за зад, то это оно.

— В моей истории тоже есть нечто особенное, — сказала Аманда. — У меня есть подруга Кэролин, с которой мы дружим с самого детства.

— Да, время укрепляет дружбу, — Сара кивнула, — но не романтику.

— Кэролин тоже жила на севере штата, вы росли вместе? — спросила Мод. — Напомни, как назывался твой родной город?

— Сент-Коломб-Фоллс. Она, кстати, сейчас живет в Нью-Йорке.

— Правда? — спросила Мод. — Ей нужно как-нибудь выбраться вместе с нами! Я была бы рада с ней познакомиться.

— Мы с ней видимся не так часто, как хотелось бы, — пояснила Аманда. — Она не замужем и живет на Манхэттене.

— Мы можем разговаривать о чем-то, кроме мужей и детей, ты же знаешь, — заверила Сара. — До Бруклина отлично можно добраться на метро. Ну, или на такси.

— Разумеется. — Аманда, если честно, и сама не знала, почему никогда не звала Кэролин. — Я ее обязательно приглашу.

— Может, на секс-вечеринку Мод. Чтоб мы ждали и волновались, — Сара улыбнулась. — Не исключено, что в этом году даже я воспользуюсь шансом и поднимусь по запретной лестнице, если вы завязываете с вечеринками, Мод. Это может быть мой последний шанс.

— Я тебя умоляю! — Мод отмахнулась. — Это не про вас с Керри.

— Это не про Керри, — Сара снова подмигнула. — Но, может, хоть разок про меня.

Лиззи

7 июля, вторник

По дороге из Бруклинского уголовного суда в дом Зака я заскочила к себе. Ну, скажу вам по секрету, мой дом не совсем по дороге, однако замечание Адама, что в любом браке есть проблемы, заставило меня задуматься о собственном. Не исключаю, что я могла бы простить Сэма за то, что он вылетел с работы, и даже за то ДТП, но нельзя было снова начать бухать. Не то чтобы я его простила за все вышеперечисленное. Я это понимала, Сэм тоже. Просто я загнала поглубже негодование и гнев. Я отлично умею хоронить всякие неприятности.

Сэм тогда раскроил себе череп — дальше падать некуда. Теперь пора в лечебницу. Или еще куда-то. Придется предъявить ультиматум — или я, или алкоголь... Трижды я проглатывала обиду и теперь готова наконец закатить Сэму взбучку. Я уже стояла на пороге, когда зазвонил телефон. Номер не определился. Сэм спасен в последнюю минуту.

— Лиззи слушает.

— Это помощник окружного прокурора Стив Гранц, — сообщил мужской голос. — У меня тут сообщение от Пола Гастингса. Он просил позвонить вам, только я понятия не имею, на хрена. В духе Пола.

Как я понимаю, это окружная прокуратура Бруклина. Вот они, связи Пола. Может, он и не собирался корпеть над делом по ночам, но помогал по-другому.

— Большое спасибо, что позвонили, — сказала я. — Одного нашего подзащитного обвинили в нападении на офицера в Бруклине. Мы надеялись на подробности.

Моя работа — раскрутить Стива на информацию по делу Зака: обвинения, доказательства, имя прокурора, сделка, на которую готово пойти обвинение. Не потому, что *мы* заинтересованы в сделке, это лишь способ понять, насколько все на мази у окружной прокуратуры.

Чем сильнее их позиция, тем слабее желание пойти на сделку. Прошу заметить, сильная версия обвинения необязательно отражает истину. В роли прокурора никогда умышленно не станешь преследовать никого, в чью вину не веришь. Но твоя работа — выстраивать дело так, чтобы выиграть. Это значит, что правда порой искажается, а иногда очень сильно меняется

— Собсна, я удивлен, что Пол чё-то позабыл в суде штата, тем более в Бруклинском, — сказал Стив.

— Держится на безопасном расстоянии, выступая только в роли консультанта.

— Вот это похоже на старину Пола! И кто у нас обвиняемый?

— Зак Грейсон. Это был несчастный случай. Офицер даже не хотел подавать жалобу. Но кто-то другой, возможно, помощник окружного, настоял на аресте. Теперь его удерживают в Райкерсе и отказали в выходе под залог.

— Да, попасть в Райкерс — это непруха, — будничным тоном сказал Гранц, стуча по клавишам на заднем фоне. То, что он оставался таким бесстрастным, означало, что кто-то из коллег грел уши. Наконец он произнес: — Ага, вот оно. Погоди-ка, это дело с Центр-Слоуп?

— Ну да, они живут на Центр-Слоуп.

— Кодовое название «Убийство после групповушки». — В его голосе послышалось веселье. К сожалению, я понятия не имела, о чем он. — Или «Горячие мамочки с Центр-Слоуп». Это я придумал. — Он умолк, а потом продолжил: — Прости, мы тут в офисе шутили, какие будут заголовки в «Пост», когда журналюги наконец раскопают, что там и как.

Зак упоминал вечеринку, но чтобы он пошел на групповушку?! Ну, не то чтобы Зак был равнодушен к сексу. Нет, но выглядел он именно таким, именно поэтому мне бы никогда не пришло в голову рассматривать его в качестве бойфренда. Но прошло много лет. Может, такая красивая жена, как Аманда, превратила его в сексоголика.

Рискованно было признаваться, что я в полном неведении, и выпытывать подробности, но выбора не осталось.

— Групповушка? — Я постаралась, чтобы мой голос звучал невозмутимо.

— Ну, или как у них там это называется? — пробурчал Стив. — Может, ЗОЖ-трах по зову природы. Уверен, что у обитателей особняка

за четыре лимона есть какое-то специальное слово. А еще я знаю, что жена мне член отрубит, если я ей предложу нечто подобное.

— Но ведь тело Аманды Грейсон обнаружили у нее дома, — сказала я, — а не на вечеринке.

— Да, но сразу после. Они с мужем там оба были, насколько я слышал. С этими вечеринками и раньше возникали проблемы. Но обычно жалобы на шум от соседей, публичное распитие и всякая ерунда. Но прошлым летом два парня подрались. Правда, это все я знаю через вторые руки. Сам я до сегодняшнего утра никогда про это не слышал. Я в отделе по борьбе с организованной преступностью. Но даже я в курсе, что на Центр-Слоуп таких убийств не бывало. Может, вообще ни разу. Seriously тебе говорю, такие вечеринки — хреновая идея.

— Ну, каждому свое, — беспечно заметила я, словно бы разбиралась в таких вещах. — Кто-то из ваших удерживает газеты, чтоб они не начали делиться сальными подробностями?

— Да ладно тебе, ты же не хуже моего знаешь, что газетчиков хрен от чего удержишь.

В его голосе слышался явственный сарказм:

— Довольно иронично, признай. Эти шибанутые родители с Центр-Слоуп, которые питаются только органической молодой капустой, цепляют друг от друга венерические болезни... — Он громко выдохнул, словно бы из воздушного шарика выпустили гелий. — Прости, обычно я не такой придурок. Просто сегодня был очень длинный день, и он еще даже близко не закончился.

У меня больше не было времени на светские беседы.

— В идеале мне бы узнать, какой помощник окружного прокурора взял это дело, чтоб я могла обсудить залог в разумных пределах. Хотя можно и в неразумных. Все, что угодно, чтоб моему клиенту снова не начистили лицо в Райкерс.

— Поспрашиваю. Посмотрим, скажут ли мне имя. — Стива явно не смущал тот факт, что Зак напал на офицера.

— Очень меня обяжешь.

— Рад стараться для Пола. Он меня уже несколько лет зазывает в свою контору. Я так понял, он хочет построить мини-империю защиты по уголовным делам. Тебе там норм?

— Просто отлично, — ответила я, поскольку при данных обстоятельствах иной ответ не предполагался. Но мой голос был должным образом невыразителен.

— Отлично, — скептически отозвался Стив. — Мне нравится Пол, но я не уверен, что хочу работать на него.

— Почему? — не удержалась я от вопроса.

— Да он же маньяк. Он всегда впереди на пять шагов. А я не большой любитель рыть землю носом.

Когда я открыла дверь в квартиру, то уже растеряла всю свою движущую силу. У меня уже не было времени ни на какие грандиозные разборки с Сэмом, нужно было ехать к Заку и связываться с лагерем, куда уехал Кейз. Кроме того, я уже столько лет ждала, чтобы выдвинуть ультиматум, неужели не подожду еще пару часиков?

Я ожидала, что меня, как обычно, встретит аромат крепкого кофе и негромкое звучание кельтской музыки, к которой в последнее время пристрастился Сэм. Вдохновение, чтобы на него снизошло «писательское настроение», как он это называл. С тех пор как его уволили из журнала, он выбирал новый жанр, но всегда это была инструментальная музыка, часто мрачная. Кельтская музыка увлекла его в этом месяце, хотя особо и не помогала. Сэм не строчил страницу за страницей, как следовало бы ожидать от человека, у которого куча свободного времени.

— Сэм! — крикнула я. — Ау!

Ну не спал же он в два часа дня?

— Сэм! — крикнула я еще громче, направляясь в спальню. Когда я наконец открыла дверь, то увидела пустую аккуратно заправленную постель. Простыни были идеально разглажены, уголок стеганого одеяла загнут. Очевидный акт покаяния: великолепно исполненное оригами вины.

— Сэм! — крикнула я напоследок прежде чем выйти из спальни и двинуться дальше по небольшому коридору. Где он? И почему он чувствовал себя таким виноватым, проснувшись, что заправил кровать столь тщательно?!

В гостиной Сэма тоже не оказалось. Зато его ноутбук стоял открытым на маленьком круглом обеденном столе, перейдя в спящий

режим. Я закрыла крышку и провела кончиками пальцев по круглой наклейке в центре — недавняя покупка, воспоминание о марафоне годичной давности. Сейчас даже сложно поверить, что Сэм его когда-то пробежал. Но *он*-то верил, что в один прекрасный день пробежит еще один марафон. Так что, по крайней мере, в своем сознании он оставался марафонцем. Вот такой была природа веры Сэма, безрассудной и пьянящей. Слева от компьютера были сложены в стопку какие-то блокноты, и тут же лежал коробок спичек, на котором красовалось название «Энид». Сэм же не начал курить? Он терпеть не может курильщиков. Может, это просто сувенир на память? Но на память о чем? Хорошо хоть номера телефона на внутренней стороне крышки не нацарапано.

Я сделала глубокий вдох, снова открыла компьютер и напечатала пароль «LizzieLOVE». (Сэм получил новый ноут на следующий день после того, как накидался на ежегодной вечеринке Мэри Джо по случаю Кентукки Дерби^[4]. Этот пароль — лишь малая часть куда более долгих извинений. Сработало, кстати. Я всегда с готовностью принимала все, что могло бы вернуть нас в ту прекрасную отправную точку, откуда мы начали.)

Вечеринка, на которой мы с Сэмом встретились, была даже не на юрфаке. Я увязалась с одной подружкой, приятельница которой заверяла, что на вечеринке будет полно привлекательных и свободных студентов-медиков. Довольно глупая причина, чтобы пойти на вечеринку, но при этом дико манящая. Вдобавок вечеринку устраивали в Риттенхаусе, причудливом особняке прямо рядом с площадью Филадельфия-сквер. Неплохая смена обстановки после тусклых квартир, где обычно тусовались юристы.

Я была на вечеринке уже час, потягивая пиво, когда внезапно увидела всклоченные волосы Сэма, его щетину и пронзительно-голубые глаза. Он был потрясающе привлекательным, но мое сердце затрепетало от того, как все его лицо освещалось улыбкой. Это было как разряд электричества. Наконец он заметил меня и смотрел, не сводя глаз, отчего мне казалось, что у меня полыхает затылок.

Я ощутила, как заливаюсь краской, когда он наконец подошел познакомиться.

— Не слишком-то ты похожа на врача, — сказал он.

— В смысле? — спросила я, испугавшись, что он сейчас ляпнет какую-то банальность типа того, что я слишком хорошенькая, и этим все испортит.

Он обвел жестом комнату.

— Врачи всегда стоят одинаково, — пояснил он. — Они чуть наклоняются назад. Все потому, что они слишком много времени проводят на ногах.

Я огляделась, собираясь поспорить, но он был прав, большая часть собравшихся стояла именно так.

— Вы всегда так стоите?

— Мы? Вообще-то я не на медицинском. — Он улыбнулся. — По мне, так слишком жестокая профессия. Я заглянул к своему приятелю по колледжу. Он учится на медфаке и рассказал мне о том, как стоят врачи. Хотя есть вероятность, что он меня надул. — Он улыбнулся, и мое сердце, как по сигналу, снова заколотилось. — Если ты не врач, то чем занимаешься?

— Учусь на юрфаке.

— Забавно. Я тоже должен был стать юристом.

— И что же случилось?

Он криво усмехнулся:

— Я любовник, а не боец.

— Серьезно? — Я закатила глаза, хотя уже была очарована.

Сэм пожал плечами:

— Пытаться сутками напролет заткнуть за пояс оппонента — не мое, — сказал он и тут же поспешил пояснить: — Это не значит, что среди юристов нет благородных людей, ну, чисто теоретически.

— Да-да, чисто теоретически. — Я улыбнулась в ответ.

Наверное, мне стоило обидеться, но слишком отвлеклась на ощущение, что мои ноги стали совершенно ватными.

— Я задел тебя?

— Немного. — Я вновь улыбнулась.

— Миссия провалена?

— Ну так... — протянула я, хотя это было неправдой.

— Не важно, что я думаю о юристах в целом, лично тебя ждут великие дела, — заявил он. — Не сомневаюсь.

— Откуда ты знаешь? Мы только что познакомились.

Мне искренне стало интересно. Вдруг Сэм знал что-то, чего я не знаю.

— У меня такое ощущение, — сказал он, поглядывая в мою сторону. — Хорошее такое ощущение.

— И много у тебя таких хороших ощущений?

Когда он улыбнулся, мое сердце едва не остановилось. Его глаза были такими невероятно голубыми.

— Ну, не таких.

Вскоре выяснилось, что, хотя Сэм не юрист и не медик, однако у него отличное образование. Он только что окончил журфак Колумбийского университета, и его пригласили работать в «Нью-Йорк таймс». Он был настроен раскрыть влияние нищеты, особенно на детей. У него даже должна была выйти статья — «Опиатные сироты». Он хотел изменить статус-кво, совсем как я. И тоже верил, что это возможно, и когда мы болтали, его оптимизм сбивал меня с ног. Уже спустя несколько минут я почувствовала, что повстречала свою судьбу. Кого-то, кто готов вместе со мной менять мир к лучшему. И это притом что внешне я могла производить нормальное впечатление, но это было не так. После потери отца я чувствовала себя перегоревшей лампочкой.

Пока в тот не по сезону теплый апрельский вечер я не встретила Сэма, я не верила, что однажды смогу снова засветиться. Но к тому моменту, как мы целовались на углу площади, я уже не просто светилась. Я сияла.

На экране компьютера Сэма высветился сайт этого самого «Энида». Оказалось, что это бар в Гринпойнте. Я снова оглядела комнату. Это туда он свалил? В бар в Гринпойнте посреди бела дня? Он себе голову разбил всего пару дней назад.

Черт тебя дерь, Сэм.

Мое лицо горело, когда я набирала его номер. Когда телефон переключился сразу же на голосовую почту, у меня ушла пара минут, чтобы справиться с желанием оставить сообщение, что домой можно не приходить. В этот момент я думала, что даже пребывания в лечебнице будет недостаточно. Но вместо того, чтобы произнести это, произнести хоть что-то, я закрыла глаза, проглотила печаль и гнев и повесила трубку.

Спустя пятнадцать минут я стояла на небольшом усаженном деревьями отрезке Монтгомери-Плейс между Восьмой авеню и парком, глядя на внушительный особняк Зака. В золотистом вечернем свете здание поражало воображение. Пять этажей безупречного красновато-коричневого песчаника, экстравагантное крыльцо в два раза шире, чем у домов по соседству. Через огромное окно я видела массивную люстру в стиле ар-деко, парившую на высоте пятнадцати футов.

Разумеется, учитывая успешность Зака, я все-таки недоумевала, почему они с Аmandой решили поселиться в Бруклине, а не на Манхэттене. По моим представлениям, Зак мог бы с легкостью позволить себе такой же дом в микрорайоне Трайбека или в Вест-Виллидж. Да, Бруклин обладает уникальным очарованием, но и соседние районы тоже. Аманда родом из маленького городка, может быть, это она предпочла, чтобы Кейз рос в более спокойной и приземленной обстановке.

Я задержала дыхание, поднимаясь по ступенькам к входной двери. Какое облегчение, что вокруг нет предупредительной ленты или иного указания, что дом Зака все еще под наблюдением полиции. Не то чтобы я сгорала от желания войти внутрь. Со слов Зака, зрелище внушало ужас, а кровь наверняка еще не отмыли. Полиция и врачи неотложки не бросаются оттирать кровь и обрабатывать пол сразу после того, как тело вашей забитой насмерть жены унесут с места преступления. Вы сами должны приводить свой дом в порядок, даже если они не считают, что вы отвечаете за весь этот бардак.

У самой двери я нагнулась к большому горшку, в котором росло какое-то шикарное растение, похожее на мох. Я с легкостью подняла его и обнаружила под ним на земле ключ.

Черт. Я-то надеялась, что ключ исчез, и это докажет, что кто-то другой, а не Зак, открыл им дверь, чтобы войти в дом в день убийства Аманды. И кто-то другой взял клюшку для гольфа, принадлежащую Заку, и забил Аманду насмерть. Альтернативная версия породила бы сомнения в виновности Зака.

Но мысль о том, что кто-то взял тайком ключ, открыл дверь, вошел, убил Аманду и потом положил обратно? Некоторые пункты не выдерживают никакой критики. Как и то, что Зак попросту забыл рассказать мне о той части слушаний, где обсуждали ордер на его

арест. Это меня беспокоило, если уж честно. Зак, которого я знала по юрфаку, очень дотошно относился к деталям. Он не мог просто взять и забыть про ордер. Он не упомянул об ордере, поскольку не хотел, чтобы я знала. Проворачивая ключ в замке, я поймала себя на мысли, что все еще не уверена, что меня беспокоит больше — само наличие ордера или тот факт, что Зак попытался скрыть его от меня. Стильным был даже звук, с которым мягко открылась дверь особняка. Я потупила взгляд, войдя в темную, но симпатичную прихожую, старательно не глядя на лестницу. Типичная планировка особняков в Центр-Слоуп предполагала, что лестница расположена прямо перед прихожей, и значит, именно она залита кровью и мозговым веществом. Рот наполнился клейкой слюной. Нужно было сконцентрироваться на текущем моменте, на насущной задаче.

Зак говорил, что документы из лагеря Кейза лежат в столе Аманды в гостиной. Я не поднимала головы, пока не оказалась в просторном помещении с современной обстановкой. Вокруг сверкала белоснежная мебель середины прошлого века. Воздух казался слегка спертым, но это был единственный признак того, что что-то не так.

Стол — такой же грациозный и изящный, как и сама Аманда — стоял у окна. Я направилась к нему, по дороге остановившись, чтобы рассмотреть фотографии, висящие в нише на стене. Все снимки были вставлены в рамки и подобраны с такой тщательностью, что даже позы на фотографиях разных лет, казалось, были задуманы так, чтобы красиво смотреться вместе. Картинки казались такими идиллическими, что трудно было вообразить, что Зак и Аманда переживали несчастливые моменты, а уж тем более что у них бывали какие-то жестокие ссоры, одна из которых привела к гибели Аманды.

Снимки подтвердили то, что я уже заметила в Райкерс. Зак стал куда более привлекательным, чем на юрфаке. В лице с годами появилась решимость, или же все дело было в двадцати фунтах мускулов, которые он накачал. А может быть, впечатление производили уверенность, которая приходит с успехом, и энергичные движения, скорее всего вызванные стрессом или реакцией на появление старой знакомой. Как бы то ни было, Зак получил свое. К своему ужасу, я ощутила укол сожаления. Я попыталась отогнать это ощущение, сказать себе, что не испытываю ничего такого и меня нисколько не привлекает парень, кровью жены которого залита

лестница всего в нескольких метрах за моей спиной. Что бы я ни ощущала, дело-то не в Заке.

Я взяла одну из фотографий в рамках, на которой Зак и Аманда были запечатлены в день свадьбы на каком-то тропическом пляже. Аманда в простом кружевном платье и с букетом экзотических цветов в руке выглядела потрясающе. Зак, одетый в светлый льняной костюм, улыбался. Они выглядели непринужденно счастливыми, как люди, у которых есть все.

Интересно, о чем расскажут наши с Сэмом свадебные фотографии? Помнится, я чувствовала себя благодарной и влюбленной по уши. Сэм организовал торжество сам. Планировать свадьбу без мамы было слишком тяжело, и Сэм интуитивно понял это. С момента нашего знакомства мы словно были связаны, соединенные в непрерывном контуре.

Мы поженились на симпатичном заднем двореке таунхауса в Вест-Виллидж, принадлежавшего богатому приятелю Сэма, с которым они вместе учились в школе-интернате. Сэм лично украсил каждый сантиметр дворика мерцающими белыми лампочками. Он еще на первом свидании рассказал, что обожает такие. А еще расставил везде голубые гиацинты, такие же, как принес на второе свидание. наших родителей на церемонии не было, но нас окружали друзья. Под серенаду гитариста, с которым Сэм делил комнату в общежитии в колледже, я шла к алтарю. Хизер с юрфака испекла торт, а Мэри Джо провела церемонию. Мы написали наши клятвы. Разумеется, у Сэма клятва получилась намного красивее моей.

— Я обещаю, что стану для тебя домом, где всегда горит свет. — Так он закончил свою речь.

Во многих отношениях встреча с Сэмом стала яркой вспышкой, пробудившей меня к жизни и наполнившей светом мою темную жизнь. Но в итоге мы таки безнадежно потерялись. Но я ведь все равно выбирала быть с ним? Каждый божий день.

У меня зазвонил телефон, и я оторвала взгляд от фотографий и принялась рыться в сумке.

Видимо, Сэм вернулся из «Энида». Воспоминание о дне свадьбы растворилось, теперь я снова чувствовала только злость.

— Чего тебе? — рявкнула я.

— И тебе привет, — ответил он веселым голосом. Или пьяным? Это возможно, но вряд ли он был пьян. В таких случаях его речь всегда становилась торопливой, неразборчивой, но сейчас этого не наблюдалось. — Я видел, что ты звонила, и просто перезваниваю. Но, судя по голосу, ты... занята.

— Да, занята, — сказала я, решив не допрашивать его насчет бара «Энид» в Гринпойнте. Кроме того, сейчас могла помочь только реабилитация, а я не хотела обсуждать этот вопрос в доме Зака. Такая же хорошая отговорка, как и все прочие. — Потому что я *работаю*.

— Ну хорошо... — Сэм говорил обиженно. — Я могу тебе...

— А ты чем занимался? — не выдержала я.

— Ох... я писал, — ответил Сэм. — Неплохо пошло. Аж пять страниц написал. Но поскольку я не поднимал зад со стула, то пять страниц — не такой уж впечатляющий результат.

— Не поднимал зад со стула? — Беспричинная ложь.

— Ну ладно, поднимал и ходил на почту, — сказал Сэм, создавая себе путь к отступлению. — За марками. Что за допрос?

Не прошло и недели, Сэм.

— Я просто устала, — буркнула я. — Длинный день.

Я так и чувствовала, как во время нашего молчания у Сэма растет чувство вины. Это меня порадовало. Небольшое чувство вины лучше, чем ничего.

— Ладно, — наконец произнес Сэм напряженным голосом, словно хотел сказать что-то совершенно другое.

— Мне пора, — ответила я. — Увидимся вечером.

Я повесила трубку, не дожидаясь, когда он попрощается, а потом вцепилась в телефон и прижала его к губам.

Внезапно послышался громкий треск, а следом какой-то хлопок. Звуки раздавались со стороны двери, которая располагалась в противоположном конце гостиной. Я уставилась на закрытую дверь.

— Кто здесь? — крикнула я, чувствуя, как глухо заколотилось сердце.

Пожалуйста, не отвечайте. Пожалуйста, не отвечайте.

Я оглянулась и посмотрела на главный вход, прикидывая в голове, сколько времени у меня уйдет, чтобы выскочить на улицу, если потребуется.

— Эй? Кто здесь? — крикнула я самым утробным голосом, на какой только была способна. — Я адвокат Зака Грейсона.

Молчание.

— Э-э-й?!

Снова молчание.

Я кинула телефон в сумочку, схватила обеими руками свадебную фотографию Аманды и Зака и медленно подошла к двери, двигаясь спиной к окровавленной лестнице.

Сделав напоследок глубокий вдох, я толкнула дверь бедром, занеся фотографию над головой. На полу в кухне валялась разбитая керамическая плитка, по полу разлетелись десятицентовые монеты и четвертаки. Я быстро осмотрелась. В поле зрения никого, и, к счастью, нет никаких шкафов, в которых можно было бы спрятаться. Эта посуда могла сама по себе упасть, пыталась я убедить себя. Стояла на самом краешке, может быть, балансировала на грани падения несколько дней. Но тут я обратила внимание на заднюю дверь. Я подошла поближе, ничего не трогая, в надежде, что зрение просто сыграло со мной злую шутку. Дверь определенно была слегка приоткрыта. Кто-то только что был здесь. Этот кто-то задел керамическую плитку и уронил ее, видимо, в спешке покидая кухню после того, как услышал звонок моего телефона. А что было бы, не позвони мне Сэм, если бы я застигла непрошенных гостей на кухне?

Дрожащими руками я набрала 911.

— Девять-один-один. Что у вас случилось?

— Я хочу сообщить о незаконном проникновении.

Я дождалась приезда полиции на крыльце. Спустя пятнадцать минут, которые, как мне показалось, длились целую вечность, патрульная машина припарковалась перед гидрантом по соседству. Из нее вышли женщина-офицер средних лет и парень помоложе, приземистый и крепко сбитый. Его напарница, суровая на вид, была на голову выше, весьма плечиста. Ее белокурые волосы были зачесаны назад. Она опережала парня на пару шагов и явно была главной.

— Это ваш дом? — крикнула она.

— Я позвонила, чтобы сообщить о незаконном проникновении, — сказала я. — Это дом моего клиента. Я адвокат.

— Вашего клиента? — Она свела брови. — Он внутри?

— Нет, нет, — ответила я, приняв взвешенное решение не упоминать о том, что Зак сейчас в Райкерс. — Я приехала кое-что забрать для него и была внутри, когда услышала какой-то шум в задней части дома, на кухне. — Я мотнула головой в сторону особняка. — Когда я прошла туда, чтобы выяснить, в чем дело, на полу валялось разбитое блюдо, а дверь была открыта. Такое впечатление, что кто-то только что выбежал. Я вам покажу. Я ничего не трогала.

— Что-нибудь пропало? — спросила офицер, глядя на дом, но не подходя. — Есть ли следы кражи со взломом?

— Явных нет. Никаких открытых ящиков или чего-то в этом духе. Только разбитое блюдо. Но, как я уже сказала, это же не мой дом.

— Мне показалось, вы сказали, что дверь была открыта. — Офицер смерила меня скептическим взглядом, шагая по ступеням. — Так?

Это сарказм? Она точно знала, кто мой клиент, и знала все об убийстве Аманды. Она думает, что я все инсценировала?

— Да, офицер Джилл, — сказала я резко, почти грубо. Я прочла фамилию на ее бейдже. К несчастью, я нуждалась в ее помощи, так что разумнее с моей стороны было проявить вежливость. — Открыта.

— Что ж, приступим, — буркнул напарник офицера Джилл, который явно не был в курсе, что там внутри. На его бейдже значилось «офицер Кемпер».

— Кровь еще не отмыли, — сказала я, глядя на офицера Джилл. — Вы ведь знаете об убийстве, да?

Она старательно не смотрела мне в глаза.

— Кровь? — переспросил Кемпер. — Может, кто-то меня просветит?

— Убийство после групповухи. — Я пристально смотрела на Джилл. — Мне кажется, вы так его окрестили.

Его глаза расширились:

— Это что еще такое?

— Да, тот же дом, — пробормотала Джилл, а потом повернулась ко мне: — Откройте дверь и ждите нас на улице, пока мы не убедимся, что все чисто.

Я топталась возле закрытой входной двери, прислушиваясь, не начнется ли там какая-то заварушка: выстрелы в темноте, крики офицеров, обнаружение подозреваемого, борьба. Но внутри было тихо. Десять минут спустя дверь резко распахнулась.

— Вы молодец, — пропыхтел офицер Кемпер, тяжело дыша после осмотра дома.

— Вы знаете, кто бы это ни был, он наверняка как-то связан с убийством Аманды Грейсон, — сказала я, направляясь к двери. Мои слова не могли изменить отношение офицеров, но неплохо было зафиксировать такую версию для протокола. — Это обоснованное предположение.

— Ладно, — сказал Кемпер, хотя его тон говорил: «Это не мой департамент».

Мы вошли внутрь. А вот наконец и она — лестница. Несомненно, пристроенная совсем недавно, из светлого дерева с современными стальными деталями на перилах и ступеньках. Ближе к подножию все стены забрызганы кровью: маленькие капельки, большие капли и даже целые струи. А еще выше длинные мазки, словно на страшной картине Джексона Поллока. На лестничной площадке под зеркалом столик сдвинут с места, внизу валяется маленькое полотенце, все в пятнах. В центре отполированного дерева под лестницей огромный круг запекшейся крови. Такое впечатление, что кто-то пытался навести порядок, но сделал только хуже. Но больше всего меня беспокоило почти черное пятно на боковой стороне последней ступеньки. Я представляла себе, что там лежала голова Аманды, а из нее словно из разбитого яйца вытекали мозги.

— Вы в порядке? — офицер Кемпер пристально посмотрел на меня.

— Да... просто... — Вместо объяснения я мотнула головой в сторону лестницы. — Сейчас приду в себя.

— Я думал, вы уже были внутри.

— Была. Но не смотрела. — Теперь, когда я сказала эти слова вслух, они прозвучали странно.

— Я думала, вы его адвокат.

— Да, я его адвокат.

— Тогда вам, наверное, надо морально подготовиться, — сказал он, прежде чем направиться в кухню.

Офицер Джилл, надев перчатки, наклонилась и изучала осколки блюда.

— Да, похоже, что вы спугнули вора.

— Но они ничего не взяли? — спросила я. — Это как-то странно.

— Ну, пытались же. — Офицер Джилл жестом показала на разлетевшиеся четвертаки. — Думаю, это какой-то наркоша. Обычно на такие поступки идут наркоманы. Он, видимо, услышал вас, испугался и убежал.

Офицер Кемпер подошел к задней двери, открыл ее локтем, вышел на улицу и пару минут осматривал задний двор. Я хотела было высказать возражения против этой абсурдной теории. Кто-то, совершенно не связанный с убийством Аманды, по чистой случайности вламывается сюда спустя пару дней ради горстки четвертаков?! Но офицер Джилл стала бы спорить, что это не совпадение, дом-то пустует с субботы или с утра воскресенья, и кто-то внимательный это бы заметил.

— Вы могли бы снять отпечатки, да? — спросила я, когда офицер Кемпер вернулся. — С двери. Они наверняка до нее дотронулись, когда выбегали.

— Ага, ну конечно, — ответила офицер Джилл, снова саркастическим тоном. — Еще как могли бы.

— То есть вы не будете этого делать?! — возмутилась я.

— Ничего не забрали. Никто не пострадал, — дипломатично заметил Кемпер. — Это не дело первостепенной важности.

Мое лицо пылало от разочарования и от смущения.

— Насколько мы знаем, человек, который незаконно проник в дом, может быть причастен к смерти Аманды Грейсон, а вы мне сейчас заявляете, что полиция не попробует выяснить, кто это был?

— Разве не вашего клиента арестовали по этому обвинению? — спросила офицер Джилл.

— Он арестован за нападение на офицера, — отрезала я. — Чтобы закрыть его там, где окружная прокуратура не спустит с него глаз.

Офицер Джилл негромко фыркнула, но в этом слышалось какое-то смирение. словно бы в целом она согласна. Она подняла руки.

— Слушайте, мы подадим запрос, чтобы сюда снова прислали экспертов-криминалистов. А еще свяжемся с экспертами по сбору улик, которые занимаются имущественными преступлениями. — Она опустила руки и уперла их в бока. — Кто-то да откликнется. Но я лишь говорю, что вам придется проявить терпение.

Двадцать минут спустя я снова осталась в доме одна и пошла в гостиную, а потом наконец подошла поближе к лестнице. Я снова

осмотрела всю длину металлических перил и взглянула на огромную лужу запекшейся крови на полу.

А потом я увидела что-то, едва различимое на почерневшей стали предпоследней ступеньки. Я подошла поближе. Совершенно точно следы крови, почти наверняка отпечаток то ли пальцев, то ли ладони. Что, если полиция пропустила его? Он же почти незаметный. Что, если они не сняли и другие отпечатки со стены? Не такое уж невероятное предположение, учитывая обстоятельства. На месте преступления все вверх дном, а они уже схватили отличного кандидата на роль убийцы.

Полицейские, войдя в дом, сразу же увидели Зака у подножия лестницы. У его ног валяется его же собственная клюшка для гольфа, тут же распростерлась мертвая жена, вся в крови, и они сразу же накинулись на него как на очевидного подозреваемого. Снятие отпечатков пальцев не входило в число первостепенных задач. А услышав про секс-вечеринку, разве стали бы они беспокоиться о том, чтобы забросить сеть пошире? Вполне справедливо. Большинство убитых женщин становятся жертвами своих возлюбленных. Они выбрали Зака подозреваемым номер один, и с этого момента делали все, чтобы у прокуратуры появились основания для возбуждения дела.

Поскольку я бывший прокурор, то это не домыслы, а факт. Как факт и то, что теперь моя задача — остановить конкретно этот грузовой поезд, чтобы он не проехал дальше по путям. И сейчас это казалось важнее, чем когда-либо. Да, тот «позабытый» ордер заставил меня на краткий миг усомниться в благонадежности Зака, однако незаконное проникновение убедило меня, что Зак невиновен.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

26 июня

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о предварительных результатах расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

В письме содержатся ключевые данные, которые удалось собрать, а также результаты проведенных опросов. Предварительные заключения будут готовы на следующей неделе.

Данные

Изучение информационных систем Грейс-Холл выявило серию злонамеренных хакерских атак начиная с 15 апреля этого года. 30 апреля произошло более значительное вторжение в систему данных Грейс-Холл. В этот момент злоумышленники получили большой объем данных о членах семьи учеников, включая электронные и домашние адреса, даты рождения, личные телефонные номера.

Результаты опросов

Семья 0005: мать получила по электронной почте письмо с угрозой: если она не заплатит 20000 долларов, то на сайте для местных родителей будет обнародована информация о том, что отец пользуется услугами сайта «Скамейка Терри» (сайт знакомств для состоящих в браке людей).

Семья 0006: мать заявила, что на ее электронную почту были высланы материалы порнографического характера, в том числе

порнография из категории «Подглядывающий», вместе с требованием выплатить 20000 долларов и сообщением, что непристойные материалы были обнаружены на компьютере, принадлежавшем семье 0006. В случае отказа перевести требуемую сумму непристойные материалы будут опубликованы на сайте для местных родителей с указанием о том, что они принадлежат семье 0006.

Лиззи

7 июля, вторник

Солнце клонилось к закату, когда я сидела на крыльце дома Зака в ожидании Милли. Позвонить ей было рефлексом, хотя в процессе ожидания я не могла отогнать накотившее на меня чувство тревоги. С одной стороны, выбор был очевиден — конечно, мне нужна была именно Милли, бывший сержант полиции и добрый друг нашей семьи. С другой стороны, звонок Милли означал определенные сложности, особенно учитывая все ее недавние письма, которые я проигнорировала.

Обычно я так не делала, но и она обычно не писала в теме письма «пожалуйста, позвони мне». Мы с ней созванивались несколько недель назад. Определенно что-то случилось. И я специально тянула время, чтобы подольше не узнавать, что именно. Бедняжка Милли. Все эти годы она пыталась помочь. И помогала. Вот вам и доказательство того, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Разумеется, Милли была верна себе. Когда я позвонила и попросила ее приехать, она и словом не обмолвилась о том, что я ее игнорирую. Она лишь уточнила адрес Зака и сказала, что уже едет. Наконец звонки насчет Кейза остались позади. Все было куда хуже, чем я думала. Молодая воспитательница, которая подняла трубку в лагере Кейза, разрыдалась, когда я сообщила об Аманде, и так поспешно начала звать Кейза к телефону, что я еле-еле успела остановить ее.

К счастью, потом я поговорила с куда более спокойным директором лагеря, который согласился утаить новости от Кейза и дал мне телефон родителей друга Кейза, которого, как оказалось, звали вовсе не Билли, а Аше. Этот звонок еще сильнее меня расстроил. Родители Аше отлично знали Аманду и дружили. Мать Аше настолько обезумела от горя, что выронила трубку и заголосила.

— Это просто ужас, — повторял отец Аше снова и снова, когда наконец взял трубку. — Господи... Кейз... он же нам как родной...

Было сложно расслышать его слова на фоне гортанных причитаний его жены. Но в итоге он все-таки собрался и придумал план. К концу звонка я знала наверняка, что в эти выходные они с женой заберут Аше и Кейза домой, чтобы аккуратно сообщить мальчику новости.

Я испытала облегчение, когда наконец увидела вдалеке крепкую фигуру Милли. Ее походка потеряла былую стремительность с момента нашей последней встречи. Но мы с ней очень долго не виделись. Даже на расстоянии от Милли исходило ощущение решительности, которая была лучшим ее качеством.

Впервые мы поговорили с Милли, когда я училась в восьмом классе. В нашу закусную заходили целые толпы копов, поскольку за углом располагался Десятый участок. Но Милли не была просто обычным копом. Они много лет дружили с мамой. Но не с отцом. На Милли папино очарование не действовало, как на других. Они вели себя друг с другом достаточно дружелюбно, но казалось, Милли всегда пристально всматривается в него, словно бы пытается вычислить, что им движет. Я же в то время в основном старалась не попадаться отцу на глаза. Он был одержим идеей, что я должна подготовиться и успешно сдать вступительные экзамены в одну из государственных средних школ, в которой был невероятно высокий конкурс. Все разговоры были только об этом. «Не облажайся на этом испытании», — говорил папа, поскольку был уверен, что это мой билет в другую жизнь, уровнем выше. А заодно и его билет, как я поняла.

К счастью, маме идиотский тест был по барабану. Для нее я была само совершенство с того момента, как меня положили ей на грудь. Она любила меня с таким остервенением и слепой верой, что я разве что не была уверена в том, что могу летать.

Мамину любовь затмевала только гиперопека, которой она меня окружала. Только в восьмом классе мне наконец разрешили одной днем идти до «Аполло». Школа была всего в паре кварталов от закусной, а моим друзьям уже несколько лет позволяли в гордом одиночестве ездить на метро. Пришлось пойти на огромные уступки, чтобы мне дозволили эту капельку независимости. Все мое детство мама работала в «Аполло» по двенадцать часов, но только пока я была в школе или спала, и я готова была поклясться, что у меня самая лучшая в мире мама: самодельные костюмы на День Всех Святых, с

любовью испеченные угощения. Она готова была часами внимательно слушать меня, терпеть мою ужасную игру на пианино, а также чтение вслух скверных любовных романов, которые она терпеть не могла, а еще мои перегруженные деталями рассказы о детских победах и редких трагедиях.

В тот день я пришла в «Аполло» с опозданием. Шел дождь, а я забыла в школе книгу. Но мама, похоже, даже не обратила внимания на время. Она сидела в кабинке с Милли, которая была в штатском. Милли выглядела более человечной, однако в глазах горела обычная ярость — это была женщина, которая привыкла арестовывать мужчин. Но рядом с мамой она всегда тепло улыбалась и разражалась громким смехом, который моя мама находила заразительным. Только с Милли она хохотала, запрокинув голову. Но не в тот день. В тот день они обе выглядели несчастными. А еще они держались за руки.

— Садись, садись. — Мама жестом подозвала меня в ту же секунду, как я появилась в дверях.

Когда Милли подняла голову, я заметила слезы в ее глазах. Позже я узнала, что ее жену Нэнси только что забрали в хоспис. Рак груди. Но мне в тот момент было тринадцать, и я меньше всего хотела находиться в обществе взрослой женщины, готовой разрыдаться. Я отчаянно пыталась смыться, но никто не мог послушаться маму.

— Покажи Милли ту головоломку, — велела мама, когда я уселась. — Ту, что ты вчера сделала в школе. Ей надо отвлечься.

Будь доброй, услышала я немую команду матери. *Сделай что-то приятное этой грустной женщине, с которой я дружу*. И хотя мне хотелось нырнуть под стол, я сделала то, что мне велели.

— Не волнуйся, — сказала Милли, когда мама ушла. — Я тоже не горю желанием сидеть с тобой.

Я резко подняла глаза. Но выражение лица Милли было спокойным: она не хотела сказать ничего обидного, просто это была правда. Милли подалась вперед и прошептала:

— Давай просто на пару минут притворимся, чтобы порадовать твою маму. Мы ведь обе на все ради нее готовы, да?

Когда Милли подошла ближе, я заметила, что ее лицо исхудало, а кожа напоминает папиросную бумагу. Сколько времени мы не виделись? Наверное, больше десяти лет. Даже дольше, чем я думала.

Ее электронные письма хранились в секретном ящичке, я заглядывала туда, если требовалось, но в остальное время убирала подальше.

— Вы только посмотрите на нее! — тихонько сказала Милли, остановившись перед лестницей, ведущей к дому Зака, и разглядывая меня.

Я встала.

— Прости, Милли... Твои письма... Я правда была в запаре на работе и...

Милли подняла руку и покачала головой, поднимаясь по лестнице.

— Нет-нет! Я рада, что ты позвонила.

— Так здорово повидаться! — воскликнула я, пытаюсь не обращать внимания, что у меня запершило в горле, когда мы с Милли быстро, но крепко сжали друг друга в объятиях. Она показалась мне ужасно хрупкой.

— Ты же знаешь, что я всегда тебе помогу. Всем, чем смогу.

Определенно, это была правда. Все из-за того, что они с мамой дружили. Еще сюда примешивалось чувство вины. Милли всегда чувствовала большую, чем нужно, ответственность за то, чем все обернулось. Как будто, если бы она сумела отыскать парня, который обвел вокруг пальца моего отца, то моя семья выжила бы.

— Спасибо, — сказала я. — За все.

На мгновение мне показалось, что Милли собирается сказать что-то еще, но она лишь перевела взгляд на особняк Зака:

— И что у нас тут случилось?

Очувтившись внутри, мы встали на входе в гостиную бок о бок, глядя на лестницу. Я рассказала о Заке и Аманде, ничего не утаивая, пояснив, что мы были очень дружны на юрфаке, но потом не виделись много-много лет.

— Что ж, — сказала Милли, изучая лестницу, — по крайней мере, не тебе тут все убирать.

— Посмотри сюда. — Я подошла и наклонилась над кровавым завитком на металлической ступени. Моему дилетантскому взгляду это пятно представлялось фрагментом отпечатка ладони и одним частично смазанным отпечатком пальца. — Разве это не след от руки?

Милли подошла и наклонилась.

— Не исключаяю, — сказала она, но, судя по голосу, не слишком-то впечатлилась. — Очень даже может быть.

— Сегодня полиция без особого энтузиазма отнеслась к моей просьбе снять отпечатки на кухне. Они отреагировали только после того, как я сказала, что человек, который там побывал, наверняка как-то связан с тем, что произошло с Аmandой. Ну, они заверили, что вызвали экспертов, но кто же знает? Что, если они и этот отпечаток упустили?! Его трудно различить. Я не вижу тут никаких следов дактилоскопического порошка. Может, они и не сняли отпечатки.

— Сомневаюсь. Они сняли отпечатки. Есть множество способов, как это сделать, с помощью специальной ленты, например. Порошок используется только для слабых отпечатков, которых вообще не видно. Есть вероятность, что они упустили конкретно этот с учетом, какой тут кавардак. Но я считаю, что они его все-таки сняли. Другой вопрос, что случится, если этот отпечаток не принадлежит твоему дружку, и его нет в системе. Отпечаток может принадлежать убийце, но все равно вести в тупик. Обычно криминалисты берут образцы отпечатков у всех подряд — друзей, прислуги и прочих. Но это занимает время. Они берут отпечатки во время допросов. Да и к чему торопиться, если они считают, что уже взяли убийцу? — Милли многозначительно улыбнулась. — В нашей стране не найдется такого отдела полиции, который бросил бы свои силы на поиски альтернативного подозреваемого, чтобы развалить хорошее дело. — Она оглянулась и посмотрела на меня. — Но ты и сама это знаешь. Ты же была прокурором. Кстати, я тут, чтобы помочь тебе, а не ему, и все же — ты считаешь, что это дело рук твоего клиента?!

— Нет, — сказала я без колебаний. Но и без труда. Потому что я придерживалась мнения о невинности Зака. Я не думала, что он убил Аманду.

— Разумеется, в определенных обстоятельствах любой человек способен на любой поступок. — Милли посмотрела на меня. — Мы обе это знаем.

— Да. — Я отвела взгляд. — Знаем.

Повисла неловкая пауза. Я уставилась на лестницу. Уж лучше смотреть на кровь, чем на Милли. Она будет настаивать, чтобы мы все обсудили прямо сейчас?

— Может это подождать пару дней? — сказала я, отвечая на незаданный вопрос. — Мне нужно сначала разобраться вот с этим.

— Ладно. Пару дней так пару дней. — Она сделала глубокий вдох. — Дай мне сделать пару звонков и понять, как быстро я смогу подтянуть своих экспертов, чтобы снять отпечатки, в том числе и этот на лестнице. Уверена, криминалисты отправят сюда рабочую группу, и я могу подождать, пока они закончат. Как только мы получим собственные отпечатки, чтобы начать с ними работу, мы можем сравнивать их с чем угодно, не рассчитывая на криминалистов. Еще у меня есть спец по анализу брызг крови. А пока поищи его сумку для гольфа, клюшка-то должна была откуда-то появиться. Или, может, откопаешь еще что-то интересное наверху. Следователи могли «просмотреть» что-то, что им не показалось полезным. Постарайся ничего не трогать голыми руками и сними туфли. Лучше не нарушать ничего на месте преступления без особой надобности.

Милли взялась за телефон, а я разулась и поднялась по лестнице, стараясь не думать, что в одних колготках ступаю вплотную к кровавым следам. Наверху, на приличном расстоянии от следов крови, я заметила нечто похожее на дактилоскопический порошок, так что криминалисты и правда что-то делали. Я прошла мимо чистой, по-детски веселой спальни Кейза и направилась в комнату Зака и Аманды в передней части дома. Я открыла дверь, обернув руку полой рубашки, прежде чем взяться за ручку.

Хозяйская спальня была основательной, умиротворенной и напоминала спа. Все поверхности были белыми, начиная от белья до занавесок и стен, но при этом подобран такой оттенок, чтобы комната не казалась стерильной или холодной. Я пыталась вообразить Зака и Аманду, уютно устроившихся на этих огромных мягких перинах воскресным утром, и лежащего между ними Кейза, но, увы, мне не хватило воображения.

Я отвернулась от кровати и направилась к шкафу в поисках других ключек для гольфа или чего-то, как выразилась Милли, «полезного». Это был не просто шкаф, а гардеробная, залитая мягким светом, с небольшой скамеечкой в центре, от пола до потолка тянулись полки, маленькие закрывающиеся отделения, а на многочисленных вешалках висело бесчисленное количество дорогих нарядов. Я знала, что такие шкафы иногда бывают в домах, но в Бруклине, пусть даже в таком

симпатичном особняке, как у Зака, трудно было такой себе представить. И это явно был не шкаф для хранения клюшек для гольфа. Может, они лежали где-то внизу или в другом месте, где держали весь остальной спортивный инвентарь? У Зака и Аманды же был ребенок. Наверное, в доме было какое-то специально отведенное помещение.

Но сначала мне следовало получше осмотреть шкаф в спальне. Как заметила Милли, тут могло найтись что-то полезное, хотя пока я босая стояла в дверях, мне было некомфортно от вторжения в частное пространство.

Белье, секс-игрушки, кто знает, что я тут могла найти, раз уж Зак и Аманда в тот вечер были на секс-вечеринке. А теперь я вляпалась в то, что они натворили. Будто бы мне своих проблем мало. Безрассудством было спрашивать Пола насчет дела Зака. Даже тупостью. Я в конце концов взяла себя в руки и шагнула в гардеробную.

Я открывала один ящик за другим. Одежда, снова одежда, ничего больше. Да и вообще ничего особо личного, а тем более скандального. Я подняла крышку шкапулки с драгоценностями и изучила потрясающую коллекцию: ожерелья, браслеты, сережки. Цветные камни и множество настоящих бриллиантов. Это отметало версию с ограблением, если только Аманда не спугнула вора раньше, чем он успел найти то, что искал. Возможно, я помешала ему вернуться и завершить начатое.

Я вернулась в спальню и осмотрела встроенные полки. Там стояло множество классических романов, пьесы Шекспира, Ницше, примерно каждый десяток отделен небольшим низким столиком, по обе стороны от которого расположились книги по искусству. Наверняка книги Аманды. Зак, которого я помнила, не особо любил читать и даже гордился этим фактом, если кто-то пытался его осуждать. Аманда — необразованная девушка из бедной семьи, была большой поклонницей чтения и великолепной матерью, не говоря уже о том, что она была просто роскошна. Жюри присяжных заставит кого-то заплатить за то, что с ней сделали.

Когда я отвернулась от полок, мое внимание привлекла ближайшая ко мне тумбочка. Верхний ящик был слегка приоткрыт. Я сделала заметку на телефоне: «Снять отпечатки пальцев с тумбочки». Затем я открыла ящик, взявшись за него через уголок своей рубашки.

Аккуратное, но безликое содержимое верхнего ящика не имело ничего общего с тем, что валялось в моей тумбочке, забитой до отказа всякой всячиной, включая спутанные наушники и скидочные купоны, давным-давно истекшие. В ящике лежал маленький тюбик очень дорогого однозначно женского крема для рук рядом с тонкой упаковкой бумажных салфеток. Вероятно, это была тумбочка Аманды. Единственным по-настоящему личным предметом была открытка от Кейза, судя по совсем детскому почерку, написанная несколько лет назад: *«Мамачка, я тебя лублу! Ты самая лучшая мамачка!»*

У меня сжалось горло. Бедный мальчик весело проводит время в лагере, понятия не имеет о том, какая ужасная потеря его постигла. Я ощущала эту потерю каждый день, даже по прошествии стольких лет.

Нижний ящик тумбочки Аманды пустовал, если не считать одинокий блокнот для записей «Молескин». Я вытащила его с помощью салфеток. Пока я листала разлинованные страницы — блокнот оказался пустым — оттуда на ковер вывалилась маленькая карточка с нарисованными двумя розами и надписью: *«Аманда, думаю о тебе:» *». Без подписи. Может быть, Зак не был таким уж дрянным мужем. Я подняла карточку с ковра, аккуратно держа ее только за края. На задней стороне значилось имя флориста, напечатанное изысканным шрифтом: «Цветы на Слоуп, перекресток Седьмой авеню и Сент-Джонс-Плейс».*

Я положила карточку на тумбочку, но она почти сразу же улетела обратно на пол, а когда я нагнулась и подняла ее второй раз, то увидела под кроватью что-то большое и темное, запиханное ближе к изголовью.

Я прижалась щекой к коврику и посветила себе айфоном. Еще какие-то записные книжки. Десятки записных книжек, сложенных в аккуратные стопки и задвинутые впритык к плинтусу, туда, где офицеры могли и не заметить.

Опять же с помощью салфеток я вытащила несколько записных книжек из разных стопок. В отличие от дорогого «Молескина» эти были совершенно разношерстными, потрепанными, и выглядели куда дешевле. Я быстро просмотрела первые страницы каждой записной книжки. Одна — первый год жизни Кейза, вторая — поздние годы детства Аманды, третья — подростковый возраст. Я ощущала чувство вины, вторгаясь в личное пространство Аманды, но ее дневники могли

прямо сейчас стать кладезем альтернативных подозреваемых. Надеюсь, что мне не придется особо вчитываться, чтобы найти подходящего подозреваемого для жюри присяжных. Но, решила я, сейчас рыться в дневниках Аманды еще рано, поскольку суд состоится еще только через несколько месяцев, вот тогда и понадобятся оправдательные доказательства, например другие подозреваемые. Конкретно сейчас мне нужно закончить осмотр дома Зака, вернуться в офис и составить прошение о пересмотре решения о задержании моего подзащитного. Это единственный путь вытащить Зака из Райкерса.

Держа три дневника салфетками, я быстро пошла обратно к лестнице, чтобы подняться на этаж выше. Прямо напротив лестницы располагалась небольшая гостевая спальня: на кровати лежало больше декоративных подушек, чем в каком-нибудь бутик-отеле. Спальня скорее напоминала музей, чем по-настоящему жилое помещение. Я заглянула в шкаф в поисках клюшек для гольфа, но нашла там только пару подушек и дополнительных одеял.

В другом конце коридора обнаружилась комната, которая скорее всего служила кабинетом Зака. Кругом темное дерево и кожа, на полках книги: «Один под парусами вокруг света», «Оксфордский винный справочник», «История современного Ближнего Востока». А еще множество дышащих тестостероном биографий: Стив Джобс, ДжонФ.Кеннеди, Джон Пирпонт Морган^[5]. Может, книги были всего лишь витриной, представлявшей, кем хотел стать Зак, или же он теперь сделался похожим на матроса-алкаша? Одиннадцать лет все-таки прошло.

Я вспомнила тот разговор о наших амбициях, который состоялся у нас с Заком еще на юрфаке.

— Ну, должен признаться, деньги меня заводят, — сказал Зак после того, как я с жаром отстаивала свое будущее, посвященное защите общественных интересов. — И не потому, что меня сильно интересует покупка чего бы то ни было. Просто деньги говорят о том, какой я.

— Гадость какая! — таков был мой честный ответ. — И что именно, по-твоему, деньги говорят?

— Что я лучше, чем они.

— Кто это «они»?

Зак помолчал минутку, размышляя.

— Да кто угодно. — Он взглянул на меня. — Кроме тебя.

И тут он рассмеялся. Над собой, как я подумала в тот момент. Но сейчас, стоя в его кабинете, кричавшем о роскоши, я начинала подозревать, что он тогда говорил совершенно искренне.

Я подошла к столу Зака, но замялась, не решаясь выдвинуть первый ящик. Что, если я наткнусь на что-то, о чем предпочла бы не знать? Что-то, о чем Зак не беспокоился, поскольку я собиралась изучить только содержимое стола Аманды. Ну, на то есть адвокатская тайна. И хотя есть некоторые вопросы, которые ты не стал бы задавать потенциально виновному клиенту, но лучше быть готовым ко всем неприятным фактам, особенно тем, которые уже могут быть известны обвинению.

Но волноваться причин не было: содержимое стола Зака было аккуратным и ничем не примечательным. Правда, некоторые из предметов и личные документы касались Кейза, что подрывало всю ту пургу из разряда «я знать не знаю ничего о сыне», которую гнал мне Зак. Остальные ящики оказались точно такими же. Не нашлось ничего и о новой компании Зака. Это был домашний офис человека, который, видимо, никогда не работал из дома.

Компьютер Зака был включен, но защищен паролем, а на экране красовалось милое фото Зака, Аманды и совсем маленького Кейза. Определенно, правда бывает не столь идеальна. Зак и сам это уже признал. Но такую идиллическую картинку не грех и продемонстрировать жюри присяжных.

Я отошла от стола и тут ощутила, что наступила на что-то острое. Охнув, я нагнулась, чтобы выудить предмет из толстого ковра. Это была маленькая белая полоска с несколькими диагональными синими линиями и стрелочками с одной стороны самой толстой темной линии. Смутно напоминает тесты на овуляцию, которыми я пользовалась в тот краткий период помутнения несколько лет назад, когда мне показалось, что Сэм достаточно хорошо справляется, и можно попытаться зачать ребенка.

Тест на овуляцию — потенциально опасная улика. Беременность, попытка завести ребенка, попытка избавиться от ребенка — все это угрозы для брака. Я уже нарисовала в воображении сцену, которую может живописать прокурор: Аманда приходит домой с вечеринки позже, чем Зак, она сердится, что он бросил там ее одну, заявляет, что

хочет еще одного ребенка. Зак не готов его заводить. Они ссорятся. Ситуация выходит из-под контроля.

Я снова посмотрела на маленькую полоску. В том, чтобы быть на стороне защиты, есть и свои плюсы? Я больше не обязана раскрывать факты, которые помогли бы второй стороне. Я завернула тест-полоску в салфетку и сунула в карман. Я воспользуюсь этой уликой, если только это будет нам полезно, и никак иначе.

По дороге обратно я задержалась у дверцы шкафа. Она не открылась. Я подергала сильнее, но она не поддалась. Я уж было подумала, что шкаф заперт, но наконец с последним рывком дверца таки распахнулась. А там, в глубине шкафа, стояла сумка Зака с серебряными клюшками для гольфа, поблескивавшими в полутьме.

Я оставила Милли ждать криминалистов и экспертов из полицейского управления Нью-Йорка и рванула в «Янг & Крейн», чтобы набросать апелляцию. А еще нужно было попросить, чтобы кто-то из секретариата отправился в Филадельфию и первым делом завтра с утра разобрался с ордером на арест Зака. Нельзя заявляться на слушания с неразрешенным вопросом. Если оставаться в хороших отношениях с Полом означало защищать Зака, то я намеревалась как минимум хорошо делать свою работу.

В метро из Бруклина на Манхэттен я полистала дневники Аманды, все еще через салфетки, хотя и без особой тщательности, поскольку Милли сказала, что вряд ли с дневников будут снимать отпечатки. Я начала читать с самого последнего, который Аманда вела, когда Кейз был совсем маленьким.

Октябрь 2010

Он сегодня сел! Господи, как он был горд собой! Улыбался от уха до уха. Сняла на видео. Скрестила пальцы, чтобы хорошо получилось. Спрошу Зака сегодня, хочет ли он посмотреть. А может, приберегу на выходные. Кто знает, что Кейз к этому моменту научится делать! Не могу поверить, что я считала, будто у меня ничего не получится. Что после всего случившегося я буду неловкой или даже жестокой матерью. Как оказалось, любовь к Кейзу все изменила.

Самым примечательным, что я обнаружила в записях новоиспеченной мамочки, было полное отсутствие жалоб — на

недосып, на плач, на зашкаливающие эмоции. Все мои знакомые, у которых были дети — теперь таких уже стало большинство, — жаловались на подобные вещи. Такова человеческая природа. Но Аманда, казалось, была нечеловечески счастлива. Она не жаловалась и на Зака. Он много работал, это было очевидно из ее записей, но она проявляла искреннее понимание. Если верить рассказам Зака, то их брак не был несчастливый, хотя между супругами и чувствовалась отчужденность.

Я полистала второй дневник, где надписи были сделаны более детским почерком.

Май 2005

Я получила работу в мотеле «Владыка»! Там, где работала мама. Буду прибирать комнаты, как она когда-то. Менеджер, Эл, сначала категорически отказал мне. Думаю, это незаконно, брать на работу тринадцатилетних (чушь какая!). Он сдался, когда я заревела (хотя я не специально). Работа не на полный рабочий день, поэтому задолженность по квартплате сразу не погасишь. Но это только начало! В этот раз я получше спрячу деньги. Папа поднаторел в умении отыскивать спрятанное в последнее время. Эти пилюли придают ему сил.

Пока что мне удавалось дистанцироваться от образа Аманды. Это был лишь смутный силуэт на расстоянии вытянутой руки. Но теперь меня захлестнули печаль и чувство вины за то, что я воспринимала все как должное. Аманде в тринадцать лет пришлось устроиться на работу, чтобы помогать отцу, вероятно, злоупотреблявшему наркотиками. И ее это *радовало!*

Мне было тринадцать, когда я сидела в кабине с Милли, упиваясь новым ощущением свободы от того, что мне разрешено в одиночестве пройти несколько кварталов. Потому что моя мать слишком меня любила, чтобы отпустить меня. Как же мне повезло. Но посмотрите, какой сумбур царит в моей жизни.

Свидетельские показания перед большим жюри

Макс Колдуэлл вызван в качестве свидетеля шестого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Мистер Колдуэлл, спасибо, что пришли дать свидетельские показания.

О: Пожалуйста.

В: Как вы оказались на вечеринке на Первой улице, 724, в Центр-Слоуп второго июля этого года?

О: Моя жена знакома с Мод по Грейс-Холл. Наши дети вместе ходят в школу.

В: Вы знали Аманду Грейсон, когда та была жива?

О: Нет. Мы никогда не встречались.

В: Но вы ее знали?

О: Нет. Жена могла знать.

В: А Зака Грейсона вы знали?

О: Нет. Мне кажется, я мог слышать о его компании. А теперь из-за этого... Но раньше нет.

В: Я хотела бы показать вам один снимок (приближается, чтобы продемонстрировать свидетелю фотографию, которая помечена «Улика № 5»). На этой фотографии мужчина, которого вы видели на вечеринке в тот вечер?

О: Да.

В: Для протокола. На фотографии изображен Зак Грейсон. Где вы его видели?

О: Он говорил с какой-то женщиной про сайт знакомств для женатиков. Знаете, типа Тиндера, но для тех, кто в браке? Женщина была пьяна и жутко злилась. Она рассказывала всем подряд, что ее муж посещал этот сайт.

В: А что ей говорил мистер Грейсон?

О: Что ему нужно домой и лечь спать. У него с утра пораньше какие-то дела. Но помнится, я тогда еще подумал, что это брехня.

В: В каком смысле?

О: Ну, то, как он говорил. Это звучало как отговорка. Я тогда подумал, что этот парень хочет избавиться от этой тетки. Как я говорил выше, она была пьяная и злющая. А может, он просто хотел умотать с этой вечеринки. Это было единственное стоящее событие на Центр-Слоуп. Я даже подумал, что у него интрижка. Зачем уходить с секс-вечеринки, если только не ради секса еще где-то?

В: Вы видели, как он уходил?

О: Он направился к выходу.

В: Во сколько это было?

О: В девять тридцать пять.

В: Вы уверены?

О: Да. Я посмотрел на часы, когда он заявил, что ему пора спать. Я еще тогда подумал, что, может, потерял счет времени.

Лиззи

7 июля, вторник

Только я вошла в кабинет, как зазвонил телефон. Было ровно семь часов. Время, которое обозначил Зак. Я посмотрела на свои заметки: Ордер? Хронология вечера? Свидетели прогулки Зака? Друзья и враги Аманды? Цветы? Беременность? Секс-вечеринка?

Столько вопросов, но не все сразу и прямо сейчас. Последний я подчеркнула. Секс-вечеринка — это даже хуже, чем беременность. Присяжные легко вообразят, как муж убивает жену после того, как они договорились о чем-то таком. Чем-то, что вначале могло показаться безобидным развлечением. Чем-то, после чего нет дороги назад. Присяжные даже могут захотеть наказать Зака за то, что он нарушил правила верности, по которым все они вынуждены жить. Так работает жюри присяжных, а порой и отдельные присяжные. Потому что они люди. А люди не могут не принимать чего-то на свой счет.

— Алло! — сказала я в трубку.

— Вам поступил телефонный звонок за счет абонента из исправительного учреждения города Нью-Йорк от заключенного по имени... — Я нажала на цифру «1».

— Привет, Зак!

— Привет, Лиззи. Спасибо, что приняла звонок.

Его голос был тихим и каким-то искаженным, как у Сэма, когда тот пил.

— Что случилось? — спросила я. — Ты говоришь... странно.

— Я... — Он сделал глубокий вдох. — Снова натолкнулся на прутья решетки. Но все нормально. Губа опухла. Вот поэтому такой голос.

— Господи, Зак, опять? — У меня засосало под ложечкой. Как меня это бесило. Спасибо Полу. Теперь все, что происходило с Заком, пока тот торчал в Райкерсе, ощущалось как моя личная вина. — Что на этот раз?

— Я правда не хочу распространяться на эту тему, — пробубнил он. — От подробностей будет только хуже. Поверь мне.

— Эти нападения... Может быть, мне позвонить надзирателю или кому-то еще? Попробовать выбить для тебя какую-то защиту?

— Я уверен, что стучать на обитателей Райкерса опасно для здоровья. Мне просто нужно выбраться отсюда, и быстро!

Я пожалела, что так много времени потеряла в доме Зака, возясь со всякой ерундой. Написание ходатайства никак не было связано с отпечатками пальцев на древних дневниках Аманды.

— «Янг & Крейн» позволили мне представлять твои интересы, — сказала я, попытавшись начать с того, что порадует Зака.

— Ух ты! Отличная новость! — Зак выдохнул с такой силой, что в трубке что-то грохотнуло. — Я даже не могу выразить, Лиззи... Спасибо!

— Нам в конечном итоге потребуется более детально поговорить, чтобы ты рассказал мне все, что помнишь о том вечере. Но сначала надо сосредоточиться на том, чтобы вытащить тебя из Райкерса. Я прямо сейчас занимаюсь ходатайством. Первым делом завтра с утра подадим его, — сказала я, запуская компьютер. Я впервые за долгое время чувствовала твердую почву под ногами. Сначала я разберусь с ситуацией Зака, а потом приведу в порядок собственную жизнь. Муж-алкоголик и некоторые финансовые проблемы — ничто по сравнению с убитой женой и потенциальным пожизненным приговором. — А еще я попрошу кого-нибудь из офиса в Филадельфии разобраться с твоим ордером.

Я подождала пару секунд, надеясь, что Зак перехватит инициативу и все объяснит.

— Ах да, ордер... — наконец произнес он, но тон был скорее раздраженным, чем виноватым.

— О таком нужно рассказывать, — сказала я. — Я не могу нормально представлять твои интересы, если не все знаю. А это ставит меня в очень уязвимое положение.

Зак молчал.

— Алло? — наконец не выдержала я.

— Да, я понял, — процедил Зак ледяным голосом. — Но когда обнаруживаешь тело собственной жены, забитой до смерти, а потом

попадаешь в Райкерс, где тебя постоянно поколачивают, то можешь упустить какие-то детали.

Да пошел ты, Зак, вот и все что я могла подумать. Я понимала, что его ситуация — сущий ужас, но я определенно не напрашивалась.

— Эй, я же пытаюсь тебе помочь, ты не забыл? — В голосе прозвучало даже больше злости, чем я намеревалась. — Потому что *ты* меня попросил о помощи.

Он громко выдохнул:

— Прости, Лиззи. — Казалось, он и впрямь раскаивался. — Это не... мне так повезло, что ты мне помогаешь. Я это понимаю. Просто тут чуток крыша начала ехать.

— Понятное дело, — сказала я. На Зака напали. В прямом смысле слова. Разумеется, это крайне негативно сказывалось на психике.

— Мне стоило сказать тебе об ордере. И вообще стоило бы оплатить чертов штраф, тогда никаких проблем бы не было.

— Адам сказал, что ты не помнишь, за что был тот ордер.

— Ну, теперь-то вспомнил. У меня тут была целая куча времени подумать. Все из-за того, что я ошивался без дела.

— Ошивался?

— Смешно, да? Помнишь, пока мы учились в Филадельфии, на пост заступил новый мэр?

— Хмм... может... не знаю.

Я не помнила.

— Он запрещал все и всем. Например, распорядился штрафовать пешеходов, нарушающих правила дорожного движения. Помнится, офицер тогда подчеркнул, что они мне оказывают любезность тем, что не вменяют в вину административный проступок, хотя могли бы. Так что я получил штраф за то, что слишком долго стоял на углу. Я же высказал возражения, мол, мэр пытается создать полицейское государство. Все это спесь юного юриста, как я думаю. Вот почему я не стал оплачивать тот штраф. Очевидно, стоило бы.

Я бы предпочла какое-то менее воинственное объяснение, но по крайней мере оно звучало правдоподобно.

— Да, лучше было бы оплатить, но все нормально. Мы с этим разберемся, — заверила я.

— Ты дозвонишься до лагеря Кейза? — спросил Зак.

— Да, все улажено. Родители Аше поедут в лагерь в эти выходные, заберут обоих мальчиков и уже у себя дома сообщат Кейзу. До этого момента сотрудники лагеря позаботятся, чтобы Кейз ничего не узнал. Родители Аше дадут мне знать, если Кейз захочет с тобой поговорить, и мы это организуем.

— Отлично! — В голосе Зака сквозило неподдельное облегчение. — Я так боялся, что он нечаянно...

— Такого не произойдет. Но, похоже, в лагере все под контролем. Родители его друга очень расстроились из-за Аманды, но к моменту, когда я повесила трубку, они полностью сосредоточились на Кейзе.

— Спасибо, Лиззи, — сказал Зак. — Значит, Аше...

— Нам нужно разобраться с некоторыми другими фактами, на случай, если они каким-то образом всплывут на слушании о пересмотре меры пресечения. Я буду оспаривать предыдущее решение без тебя. Такие слушания назначают практически без предупреждения. У тебя есть право присутствовать, но согласование только все замедлит. Ты готов отказаться от очного присутствия?

— Разумеется. Если ты считаешь, что так лучше. — Резкость полностью исчезла из его голоса.

Я сверилась со своим списком, решив начать с самых простых вопросов.

— Ты заказывал Аманде букет из магазина «Цветы на Слоуп»?

— Букет? — переспросил Зак. — Прости, нет. А что?

— Уверена, что ничего. Просто у нее нашлась карточка из цветочного магазина, — сказала я, надеясь, что он не станет меня допрашивать, кто же прислал цветы. — У тебя есть имена подруг Аманды? Мне нужно с ними поговорить.

— Мод — та женщина, которая организовала ту вечеринку. Я знаю, что они дружили, — сказал Зак. — А еще одна близкая подруга — Сара, живет по соседству. Работала вместе с Амандой в фонде.

— В фонде? — переспросила я.

— Ну да, мы недавно организовали стипендиальный фонд, — пояснил Зак. — Вернее, я его организовал. Аманда руководила им, поскольку именно этим и положено заниматься женам успешных бизнесменов, — безучастно добавил Зак. Он подтрунивал над собой. По крайней мере, я на это надеялась. — Аманда не жаловалась, потому что она никогда не жаловалась. Но я не думаю, что ей нравилось

управлять этим фондом. С учетом ее происхождения она была рада помогать нуждающимся детям, но ее угнетала ответственность. Она постоянно переживала, что что-то напутала и кто-нибудь станет ее преследовать.

— Преследовать?

— Ну, не в прямом смысле слова. Если бы правда что-то такое было, то я бы рассказал, поверь мне.

— Я нашла ее дневники у вас...

— Дневники?

— Да. Она хранила целую кипу дневников под кроватью. Вела их много лет.

— А, да! Я это знал.

Но правда ли он знал? Я не была уверена. Если бы он впервые узнал о дневниках, то не нервничал бы из-за них. Вообще. Разве это не странно. Кто хочет, чтобы кто-то вел хронику мелких супружеских разногласий, особенно глазами партнера? Я бы не хотела, чтоб Сэм вел дневник, а потом меня бы обвиняли в его убийстве.

— Я по диагонали просмотрела парочку, — сказала я. — Думаю, может быть, детство Аманды было не просто бедным, там было кое-что похуже.

— Я не удивлен, — сказал Зак. Судя по голосу, он не был особенно заинтригован. — Когда мы познакомились, Аманде было семнадцать, она вылетела из школы, жила и работала в мотеле, так что... — Зак резко осекся, словно бы пожалел, что признался в этом. — В любом случае она не распространялась о своем прошлом, разве что говорила, что «с деньгами было туго». Она не хотела вдаваться в детали, а я никогда не настаивал. У нас у всех есть скелеты в шкафу, правда же? Я знаю только, что ее мама умерла, когда Аманда была совсем маленькой. Что бы там дальше ни происходило, она со всем справлялась, раз уж стала замечательной мамой и отличной женой. Она была очень светлым человеком. Нам нравилось смотреть только вперед, понимаешь? Наша жизнь началась с момента знакомства.

— А вы пытались завести еще одного ребенка?

— Еще одного ребенка? — усмехнулся Зак. — Ты спрашиваешь, занимались ли мы сексом?

— Нет, я не...

— Потому что ответ — «нечасто». Я слишком много работал, — сказал Зак. — Не то чтобы секс с Амандой был плох. Нет, он был великолепен, когда мы им занимались.

У меня вспыхнули щеки, но еще я злилась. Зачем Зак рассказывает мне о своей интимной жизни? Это странно и неловко, даже неподобающе. Но потом я напомнила себе, что в Райкерсе мало кто ведет себя «подобающе».

— Просто я нашла в твоём кабинете тест-полоску на овуляцию. Поэтому спрашиваю.

— Тест-полоску на овуляцию в моем кабинете? А что ты делала в моем кабинете?

— Ну, вообще-то ты сам мне поручил эту задачу.

— Да, прости, пожалуйста, — сказал он. — После рождения Кейза Аманда не могла больше иметь детей. Так она мне сказала. Так что я ничего не знаю про тесты на овуляцию.

— Ты уверен?

— А зачем ей врать? — спросил Зак.

Мы помолчали немного, поскольку я понимала, что это могло значить. Обманывала ли Аманда насчет своего бесплодия? Пыталась ли забеременеть, не посвящая Зака в курс дела? Или, наоборот, тайком пыталась избежать беременности?

— Думаю, кто-то пытался проникнуть в ваш дом, — сообщила я в надежде переключиться на отличную от секса тему.

— В смысле?

— Кто-то вломился в заднюю дверь. Я не видела, кто именно.

— Ты считаешь... это как-то связано с тем, что случилось с Амандой?

— Именно поэтому я и вызвала полицию. Непонятно, насколько исчерпывающим будет их расследование, поэтому я позвонила независимому следователю. Она хочет еще раз снять отпечатки в доме и привлечь специалиста по анализу брызг крови. Это недешево, но такое впечатление, что на лестнице есть отпечатки чьей-то руки, перепачканной кровью Аманды. Если они не твои...

— Они не мои, — перебил меня Зак. — Я ее не убивал, Лиззи.

— Но ведь ты пытался помочь ей, правильно? Значит, твои отпечатки где-то должны быть.

— Это оно? — Зак был раздавлен.

— Что «оно»?

— Ну, именно так и навешивают всех собак на невиновных. Но что, если эксперт не найдет больше нигде ничьих отпечатков? Это используют против меня?

Он в чем-то прав.

— Думаю, что стоит рискнуть, — сказала я. Все, больше откладывать нельзя, хоть меньше всего я хотела говорить о сексе. — Был ли обмен партнерами на той вечеринке, на которую вы ходили вечером накануне убийства Аманды?

— Обмен партнерами?! — Зак произнес это таким тоном, словно он понятия не имеет, о чем я толкую.

— Ага. Это когда люди занимаются сексом с чьими-то чужими супругами.

— Ты хочешь сказать, что у нас с Амандой был секс с кем-то еще? — Голос Зака звучал сердито, даже зло. — Что она мне изменяла?

— Нет, нет, что ты. — Меня ошеломила его реакция. — У меня нет причин думать, что Аманда занималась чем-то подобным. Я просто спрашиваю, что тебе известно.

Снова повисло неловкое молчание.

— Я бы удивился, если бы Аманда занималась сексом с кем-то, кроме меня. С другой стороны, ты рассказываешь мне о жене вещи, которые мне неизвестны. — Теперь он казался скорее обиженным, чем сердитым, может быть, слегка смущенным. — Слушай, мы особо не разговаривали, я про нас с Амандой. Мы не были близки в этом плане. — Он помялся. — Не так, как мы с тобой.

— Мы? — Я тут же пожалела, что спросила. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы Зак развивал эту тему.

— У нас с тобой было много общего. Образование, отношение к труду. То, чего мы хотели от жизни, не говоря уже о том, что мы оба адвокаты и ровня по интеллектуальному уровню, — тихо сказал Зак. У меня снова вспыхнули щеки. Но удивилась ли я на самом деле? У Зака тогда ко мне были чувства. В глубине души я же знала. Просто стерла воспоминания о тех чувствах вместе со всеми воспоминаниями о Заке. — У нас все было иначе, я только об этом. С Амандой я даже не стремился ни к какому партнерству. Она тоже. У нас была чудесная договоренность, которая всех устраивала. Вот и все.

Неловкое молчание. Что я могла сказать дальше? Я могла только думать, что мы хотели вовсе не одного и того же. Потому что это правда. Так ведь? Лучше вернуться к фактам.

— Ладно. Значит, ее подруги Сара и Мод. Я могу поговорить с кем-то еще? Окружной прокурор не будет опрашивать всех, кого только можно. Они собирают только ту информацию, что нужна для дела.

— Они единственные, кого она упоминала, — продолжал Зак. — Слушай, я понимаю, как все это выглядит со стороны. — Отчужденность в браке, секс-вечеринка, мертвая жена. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Но я этого не делал, Лиззи. Я не убивал Аманду. Клянусь тебе. Ты ведь тоже это знаешь, правда?

— Да, — ответила я.

Но могла ли я знать наверняка? Милли права: при определенных обстоятельствах любой способен на все что угодно.

Вернувшись в офис, я провела три часа, составляя ходатайство, и оставила его нашему секретариату, чтобы они подали документ завтра с утра первым делом, а заодно дала инструкции запросить ускоренное рассмотрение и отправить кого-то в Филадельфию, чтобы оплатить старый штраф Зака.

Я принесла дневники Аманды домой и начала читать третий, пока поезд вез меня на юг по автомагистрали имени Франклина Рузвельта на юг к Бруклинскому мосту.

5 января 2006 года

Мы с Кристофером ходили на «Марли и я» в кинотеатры на Рут, 1. Но мне было сложно даже сосредоточиться на фильме. Надо бы сходить к врачу. Просто это какие-то новые и странные ощущения. Но они ведь обязаны оповещать о таком полицию... Вместо этого я отправилась в методистскую церковь в Сент-Коломб-Фоллс, чтобы увидеться с пастором Давидом. Потому что я уверена, что священник должен хранить все сказанное ему в тайне. Но когда я увидела его сутулые плечи, добрые глаза и морщинистое лицо, то тут же поняла, что и ему ни за что не скажу ни слова.

Я попробовала расспросить Кэролин про боль, не уточняя, почему спрашиваю. Но она тут же заинтересовалась. Если уж Кэролин во что-

то погружается, то ее потом фиг оттащишь. За это я Кэролин и люблю. Но я боюсь, она только еще сильнее все запутает.

Я наконец добралась до дома в начале двенадцатого. В моей голове упорно звучал голос юной Аманды. Хорошо, что в квартире было темно и тихо. После того как я предположительно прочла о том, что Аманду изнасиловал парень по имени Кристофер, меньше всего мне хотелось обсуждать с Сэмом реабилитацию или что бы то ни было. Я обсужу. Правда. Но только не прямо сейчас.

Я слышала, как Сэм негромко похрапывает в спальне, пока прокралась на цыпочках в нашу маленькую гостиную, чтобы продолжить чтение. Будет там еще про Кристофера? Когда Аманда перестала с ним встречаться? Связаны ли те события прошлого с недавней смертью Аманды? Очень уж долгоиграющие последствия. Но такая возможность не исключена.

В гостиной все осталось точно так же, как и днем, когда я сюда заходила. Компьютер Сэма был по-прежнему включен, рядом стопкой лежали блокноты. «Энид». Я почувствовала волну раздражения, когда в памяти всплыло название бара.

Я сняла потрепанную сумку Сэма с кресла, чтобы сесть за компьютер в надежде найти хоть какие-то доказательства, что он все-таки работал днем.

Когда я клала сумку на пол, то меня привлек какой-то блестящий предмет в наружном кармане. Подарок? Я заволновалась, как девочка. Из-за этого Сэм выходил из дома? Чтобы что-то мне купить?

Я сунула руку в карман и вынула блестящий предмет.

Долгое время я просто рассматривала его на своей ладони. Парный предмет без пары. Точно не подарок.

Я так энергично моргала, что у меня защипало глаза. Но потом я раскрыла их пошире, и «это» никуда не делось. Длинная, тонкая, блестящая женская серебряная сережка. Свернулась, словно змея, на моей ладони.

Аманда

За четыре дня до вечеринки

Рассвет только-только занялся, свет был тусклым и серым, когда Аманда спустилась и зажгла свет над гигантским «островком» их огромной кухни. А ведь когда они только-только переехали в Центр-Слоуп, Зак хотел купить два таких особняка и соединить их между собой. Даже агент по недвижимости, которая получила бы большие комиссионные от подобной сделки, отговаривала их.

— Это не Манхэттен, — просто сказала она, словно бы это все разрешало.

Зак искренне расстроился, что местные порядки не позволяли выпендриваться так, как он бы того желал, но он не хотел даже думать о других местах.

— Тут идеальное комьюнити, — твердил он.

Как это было и со всеми предыдущими домами, Аманде казалось, что этот особняк принадлежит кому-то другому. Она была очень рада поселиться в таком милом местечке — и очень признательна Заку за такую возможность, — но всегда ощущала себя в их домах самозванкой.

Ох, нельзя Аманде так отвлекаться. Куда лучше изливать мысли на бумагу. Вот для чего ей дневники.

Аманда приготовила себе чашку кофе. Что-то делать тоже полезно. Она наполняла графин водой, когда позвонил телефон. Она посмотрела на беспроводной аппарат в центре «островка». Ей звонили на рабочий телефон, на мобильный, теперь еще и на домашний. Она подошла поближе. «Неизвестный номер». «О нет, — подумала Аманда. — Пожалуйста, нет. Только не с самого утра».

— Алло? — произнесла Аманда тихим дрожащим голосом.

Молчание. Затем в трубке раздалось грубое шумное дыхание.

— Алло?

Дыхание стало более прерывистым. Но она не хотела его сердить. Будет только хуже.

— Перестань звонить мне!

Но человек на другом конце провода молчал, только отвратительно пыхтел. Затем раздался щелчок.

— Алло? — в третий раз сказала Аманда, на этот раз громче.

Но трубку уже повесили. Она прижала телефон к груди и прикрыла глаза. Не стоило им переезжать в Нью-Йорк. Это слишком близко к Сент-Коломб-Фоллс. Не то чтобы Аманде давали право выбора. Они переезжали туда, куда нужно было перебраться Заку. Так было всегда. Если не считать неприятных последствий для Кейза, о чем Аманда продолжала волноваться, этот переезд не казался ей чем-то особенным. Пока она не вышла из самолета в аэропорту Кеннеди и не увидела знак: «Добро пожаловать в Нью-Йорк!».

У нее тогда почва ушла из-под ног. Она смогла унять дрожь в руках только час спустя, когда смотрела на переливавшийся красным, белым и голубым цветами на фоне манхэттенского горизонта Эмпайр-стейт-билдинг с заднего сиденья роскошного внедорожника. Это Нью-Йорк, напоминала она себе. Между Нью-Йорком и Сент-Коломб-Фоллс целый мир.

Аманда боковым зрением увидела что-то, вернее, кого-то. Она дернулась, ударилась о стол бедром и вскрикнула.

— Это я! — закричала Кэролин, размахивая руками. — Прости, я вошла без стука.

— Больше так не делай! — рявкнула Аманда, пытаясь выровнять дыхание.

— Господи! — ахнула Кэролин. — Какая-то ты напряженная. А где сейчас его высочество?

Это была шутка. Кэролин Зак нравился куда меньше, чем Аманде. Можно даже сказать, что она его недолюбливала.

— Я такая напряженная, потому что ты меня напугала до чертиков. Что ты вообще делаешь в Бруклине? — проворчала Аманда. — Сегодня же не понедельник?

С того момента, как они перебрались в Центр-Слоуп, Аманда и Кэролин вместе бегали по утрам в понедельник. Аманда потерялась в календаре? Кейз уехал, ее снова мучают кошмары, она постоянно не высыпается, так что время ускользает сквозь пальцы.

— Нет, сегодня воскресенье. Но, дай догадаюсь, Зак на работе? — Аманда закатила глаза, хотя Зак был именно там. — Я что, не могу

заехать к лучшей подруге?! У тебя был странный голос, когда мы болтали в прошлый раз. Я решила, что стоит заскочить. — Кэролин постучала по виску, а потом показала на Аманду. — По телефону твой голос звучал как-то очень чудно. Единственный способ удостовериться, что все в порядке — увидеть тебя собственными глазами.

Кэролин работала в рекламе, занимала пост креативного директора в «МакКэнн-Эриксон». Как-то раз Зак упомянул, что это одно из самых престижных рекламных агентств в мире, а он не стал бы раздавать похвалы на пустом месте. Кэролин добилась успеха, что неудивительно.

— Ничего не чудно, — мягко сказала Аманда, — но я в норме, просто немного непривычно без Кейза.

Кэролин остановилась возле «островка» и вытащила наушники, уперла руки в боки.

— Я сразу говорила, что этот лагерь — плохая идея.

Кэролин решительно (и громко) возражала против поездки Кейза в этот конкретный лагерь. Она не возражала против поездки в лагерь в принципе, но считала нелепым отправлять десятилетнего ребенка в лагерь на противоположном конце страны. А еще она не сочла это компенсацией за то, что Кейзу пришлось переезжать через всю страну. Она считала, что Зак как-то должен был это компенсировать, раз уж все так закрутилось. Кэролин не могла даже взять в толк, почему Аманда с Кейзом не могли задержаться до конца учебного года в Калифорнии. Но Заку нужна была семья. Когда начинаешь новое дело в новом городе, то людям важно, что у тебя за тыл. Обязанность Аманды — создавать этот тыл для Зака, чтобы дополнить его портрет как семейного человека. Аманда не возражала. Ей даже нравилось. Она отлично это умела.

В начале их знакомства, когда у них не было и гроша за душой, окружающие думали невесть что о Заке. В конце концов, если такой невзрачный и небогатый парень может удержать рядом с собой такую женщину, как Аманда, значит, есть в нем нечто особенное. Теперь Зак богат и успешен, и объяснения их неравному союзу часто дают в ущерб Аманде, говоря, что она — охотница за деньгами. Но ничего страшного. Люди могут думать, что им угодно. Аманда знала правду.

Со своей стороны, Кэролин была бы счастлива, вздумай Аманда бросить Зака. Она давно сетовала помимо прочего, что Аманда и Кейз для Зака не более чем реквизит. Если подумать, то реквизит — это что-то полезное, а есть вещи и похуже, чем быть полезным. Но у Кэролин весь мир делится исключительно на черное и белое, и она может позволить себе такую роскошь. Она может жить без необходимости беспокоиться о том, как ей выжить.

— У Кейза все хорошо, даже не просто хорошо, отлично, — сказала Аманда, наливая Кэролин чашку кофе — некрепкого и сладкого, как обычно. Было очень отраднo помнить такие мелкие детали о своей подруге. — Он по мне почти и не скучает, даже обидно. Но я знаю, что это хорошо. — Аманда поставила чашку.

Кэролин сделала большой глоток и посмотрела на Аманду поверх кружки.

— И что тогда?

— Ну, я думаю, я по нему скучаю и плохо сплю.

— Да хватит уже! Опять те странные сны? — Кэролин закатила глаза. — Снова нападение огромного кальмара?

Как-то раз Аманде приснилось, что она попала в щупальца огромного кальмара, когда ночевала дома у Кэролин. Она так металась в постели, что со всей силы вмазала Кэролин по лицу и разбила подруге губу в кровь.

— Нет, в этот раз обошлось без кальмаров. Но мне постоянно снится, что я бегу босая по темному лесу. Ищу Кейза. Схожу с ума. Смешно! — сказала Аманда. Она надеялась, что если перескажет все детали, то перестанет прокручивать их в своей голове: холодная влажная ткань платья прикасается к коже, она стоит около закусочной и смотрит на свои окровавленные руки. Чей-то крик. — Еще выли сирены. На мне была кровь. Ужас!

— Да уж, до ужаса буквально! — Кэролин засмеялась, а потом сосредоточилась на Аманде, и ее взгляд смягчился.

— В смысле? — спросила Аманда. Ей уже стало лучше, когда Кэролин засмеялась.

— Ты бежишь за Кейзом по лесу, вся перепачканная кровью? — Кэролин покачала головой и развела руками в театральном жесте. — Твое подсознание, очевидно, пришло к тому же выводу, что и я: лагерь на другом конце страны — тупая идея.

— Ты мне тоже снишься, — запинаясь, произнесла Аманда.

— Я? — Кэролин невинно взмахнула ресницами.

— В самом начале. Ты в том пышном платье цвета морской пены, как у невесты. А я в персиковом. Мы едим пиццу, сидя на кровати.

Кэролин фыркнула:

— Видишь, что случилось после того, как ты проигнорировала мой совет и отправила Кейза в этот лагерь? Месть времен бала предпоследнего класса.

— Бала предпоследнего класса?

— Ну да, судя по описанию платьев, это именно он. Ты их перетащила в свой сон. Твое было цвета морской пены, помнишь? Я тебе его дала поносить.

Аманда покачала головой, словно бы в надежде привести воспоминания в порядок. Да, все так. Вот откуда тот фрагмент сна. Кэролин и правда одолжила ей то платье цвета морской пены.

Аманда вылетела из школы ко времени проведения бала, но она все-таки пошла туда с парнем, который дружил с молодым человеком Кэролин. Больше она особо ничего не помнила.

Но танцы — это ведь волшебно, не так ли? Она хоть раз могла почувствовать себя обычным подростком? Пусть она и не помнит подробностей, но ощущение ее не отпускает. Грустно, что она все позабыла. Когда пытаешься приблизиться к своему прошлому, то всегда возникает эта проблема — хорошие воспоминания переплетаются с плохими. Уже не первый раз Кэролин напоминает ей какие-то детали их общего прошлого, а Аманда даже не может вытащить эти воспоминания на поверхность.

— Бал... Да-да, я помню, — солгала Аманда. — Вот почему все это так странно.

— По крайней мере, согласишься, что винить надо Зака. — Кэролин хмыкнула. — За все.

Аманда пропустила мимо ушей насмешку Кэролин. Она знала, что виной всему любовь, кроме того, временами она и сама чувствовала обиду. Было приятно, что ее мысли озвучила подруга.

— Но настоящая проблема — вовсе не сон, — сказала Аманда.

— Тогда что?

Горло снова неприятно обожгло.

— Он снова звонит.

— О нет! — Кэролин плюхнулась на кухонный табурет. Она сразу же поняла, кого Аманда имела в виду, даже по прошествии всех этих лет. — Вот же козел! — В ее голосе звучала злость, но не волнение, что утешало. Кэролин глубоко вдохнула, сделала глоток кофе, еще один, а потом уставилась на кухонный стол, размышляя вслух: — Я так понимаю, ему в итоге удалось выбраться из этой дыры. Он что-нибудь говорил в этот раз?

— Ни слова, — ответила Аманда. — Как и в прошлый раз. Просто дышит в трубку.

Кэролин знала про прошлый раз, когда ей звонили в Калифорнии. Кэролин знала все. Всю эту гадость. Весь стыд. Единственная во всем мире.

— Мерзкая свинья! — Лицо Кэролин ожесточилось. — Кто-то должен с ним разобраться. Стереть его с лица земли. — В этих словах сквозила злость, когда Кэролин потянулась через «островок» и коротким движением сжала руку Аманды. — Прости. Нельзя, чтобы ты одна все это решала.

Какое облегчение — она больше не была наедине с происходящим. Но надо признаться Кэролин и во всем остальном, рассказать самое страшное.

— Думаю... он за мной следит.

— Что, прости?! — Глаза Кэролин стали размером с блюдца. Она повернулась к окну. — Он в Центр-Слоуп?

— Я не уверена. Я его не видела. Но я не сомневаюсь, что он вчера преследовал меня всю дорогу до бара «Гейт». Я слышала шаги за спиной. Кто еще это мог быть?

Кэролин выглядывала в окно. Аманда ждала возражений, ждала, что подруга скажет: *«Да не, он бы не стал такое делать. Не стал бы!»* Но Кэролин хватило ума не говорить этого.

— Ну уж нет! — воскликнула Кэролин решительным голосом и хлопнула в ладоши. — Мы не дадим ему тебя преследовать. Нет. Ни за что!

— Нет?

— Хватит этой фигни! — твердо заявила Кэролин. — Может, мы и не в состоянии стереть его в порошок и не будем этого делать, по крайней мере пока что. Но он не может больше тебя изводить. Нельзя все спускать ему с рук. Пусть его арестуют!

— Арестуют? — Аманда посмотрела на окна, чувствуя страх и вместе с тем восторг. — Но за что?

— За то, что преследует тебя. Получи запретительный ордер. — Кэролин сделала еще один большой глоток кофе. Она выпила уже половину чашки. Она всегда очень быстро пила — кофе, содовую, воду. — А если он нарушит судебное предписание — а мы знаем, что он непременно нарушит, — ты упечешь его в тюрьму.

— Запретительный ордер. — Аманда пробовала слова на вкус.

Разумеется, она слышала о таком. Обычно все так и делали. Теоретически *она* тоже могла бы получить запретительный ордер. Пока что она ограничилась жалобой в полицию Сакраменто, когда звонки начались в первый раз. Милая женщина-офицер очень терпеливо выслушала Аманду. Она была хорошенькая, совсем молодая, с огненно-рыжей шевелюрой, светло-голубыми глазами и выдающейся грудью. Из разряда женщин, которым наверняка не дают прохода.

— Его дыхание, — сказала Аманда тогда, — я бы узнала где угодно.

Женщина, похоже, точно знала, о чем она, и предложила Аманде подать жалобу, что, по ее мнению, должно было стать отличным первым шагом. Это можно было сделать прямо сейчас, в полицейском участке, не требовалось ни присутствия судьи, ни официального процесса. Хотя настоящих юридических последствий могло и не быть, но по крайней мере осталось бы документальное свидетельство.

Кэролин внимательно смотрела на Аманду в ожидании ответа.

— Ну? — не выдержала она. — Сделаешь?

Аманда кивнула, хотя подруга ее и не убедила.

— Запретительный ордер — хорошая идея.

— Не слишком-то похоже на «да».

Кэролин так хорошо ее знала. Аманда слабо улыбнулась:

— Я подумаю об этом.

— Нечего тут думать, Аманда.

— Ну да... — Аманда почувствовала, как у нее горит лицо, а на глазах выступают слезы. Она ощутила себя ужасно слабой. — Я понимаю.

— Я в тебя верю! — заявила Кэролин твердо и с такой любовью. — Я знаю, что ты сделаешь правильный выбор.

Теперь Аманде нужно было сменить тему. Потому что ей становилось трудно дышать. Она выдавила еле заметную улыбку.

— Ой, я почти забыла! У меня для тебя сплетня. — Кэролин обожала сплетни. — Кое-что рассказали вчера вечером.

— И что же? — поинтересовалась Кэролин, прищурившись. Она поняла, что подруга просто увिलивает от разговора, но казалась заинтригованной.

— Сдается мне, в Центр-Слоуп проводят свингерские вечеринки.

Кэролин подавилась кофе.

— Что?!

— Что слышала.

Кэролин просияла:

— Эти святые покровители ханжества? О, это лучшее, что я слышала!

Не то чтобы Кэролин не нравился Центр-Слоуп, но все идеальные картинки внушали ей подозрения. А Центр-Слоуп с его живописными улочками, усаженными по обеим сторонам деревьями, роскошными особняками и смеющимися детишками казался страницей, вырванной из детской книги, и вдруг его начисто избавили от всех искусственных ароматизаторов и карамельной патоки с высоким содержанием фруктозы.

Аманда улыбнулась:

— Думаю, тебя эта новость порадовала.

— О да! — выдохнула Кэролин. — Но теперь я хочу подробности. Все подробности!

— Ну, я не говорю, чтобы они закатывали такие вечеринки каждые выходные, но такое впечатление, что минимум раз в году, каждое лето, одну такую устраивают.

Кэролин приоткрыла рот от удивления:

— Погоди-ка, то есть твои подружки Мод и Сара занимаются сексом с мужьями друг друга?!

— Нет-нет! — воскликнула Аманда, поскольку это звучало абсурдно. — По крайней мере, я так не думаю. Сара не принимает участия... или не принимала. Но такое чувство, что лишь потому, что ее муж не хочет. А вот для Мод и Себа это обычное дело. Они спят с другими людьми, и не только на вечеринке, а все время.

— Как ты можешь так спокойно рассказывать об этом?!

— Не знаю, — ответила Аманда, но почему-то это ее и правда ничуть не беспокоило и казалось почти обычным. — Может, все дело в том, как Мод это описала. Это было ее решение, а не мужа. Она принимает себя такой со всеми своими желаниями. Такое впечатление, что это... свобода.

— Ну же, ну же, Аманда. После стольких лет ты наконец меня удивила. — Кэролин теперь широко улыбалась. — Надо мне встретиться с этой твоей Мод. Я определенно хочу познакомиться с человеком, благодаря которому ты *так* раскрепостилась. — Кэролин допила кофе и поставила кружку на мраморную столешницу, а потом посмотрела на часы в духовке. — Ой, я опоздаю. У меня встреча. Впахиваю в воскресенье. Как и твой муж. Мне пора.

— Иди, иди, — сказала Аманда, хотя на самом деле ей хотелось сказать: «*Пожалуйста, останься навсегда*». Но разве можно навязываться? Кэролин и так для нее столько сделала.

Кэролин встала, подошла к Аманде и положила руки ей на плечи.

— Иди в полицию. Сегодня же. Хватит этого дерьма.

— Хорошо, — ответила Аманда, но слишком уж быстро.

Кэролин с сомнением посмотрела на нее:

— Я серьезно, Аманда. Я не пытаюсь тебя напугать, но в этот раз у меня дурное предчувствие.

— Я поговорю с ними, — пообещала Аманда. — Правда.

— Сегодня?

Аманда кивнула:

— Сегодня.

Они обнялись на прощание. Аманда долго смотрела вслед подруге, когда та вышла из кухни, а потом отвернулась, чтобы вылить остатки кофе Кэролин в раковину. Она наблюдала, как жидкость закручивается в водовороте и исчезает в сливе, а вместе с кофе туда же ускользает и ее уверенность. Если бы Кэролин могла постоянно находиться с ней рядом, все было бы иначе. Но вряд ли можно говорить о силе, если тебе нужно опираться на кого-то другого. Кэролин была права. Аманде *нужно* что-то предпринять. Одно дело — игнорировать звонки и даже то, что за ней следят, пока Кейза нет рядом, но что она будет делать, когда сын вернется? Нельзя, чтобы это длилось. Ради сына. Нельзя.

Наверху Аманда прошла мимо окон спальни по дороге в душ и тут заметила что-то на дорожке внизу прямо перед воротами. На земле

лежало что-то лиловое. Аманда прищурилась, но не смогла рассмотреть, что это. Она снова пошла вниз, грудь сжала тревога. В последние дни было много сюрпризов, но среди них ни одного приятного. Она выглянула из окна, прежде чем открыть дверь, чтобы убедиться, что ее никто там не поджидает.

Никого. Она вышла на крыльцо. Было прохладно, особенно для июня, и Аманда дрожала, пока босая топала по ступенькам к воротам. На земле лежал большой букет сирени, завернутый в фиолетовую оберточную бумагу и элегантно перевязанный натуральной бечевкой. Сирень — самые любимые цветы Аманды. Она сажала сирень в огромных горшках рядом со всеми домами, где они с Заком селились, включая маленький задний дворик нынешнего особняка, где кусты быстро погибли.

Не притрагиваясь к букету, Аманда выпрямилась и огляделась. Может, тот, кто оставил цветы на время, убежал за чем-то. Но это ведь не случайно была именно сирень. Да и дорожка пуста в обоих направлениях.

О господи, зачем она отпустила Кэролин?

В букете лежала карточка. Аманда затаила дыхание, нагнулась и трясущимися руками вытащила карточку, все еще надеясь, что цветы предназначены кому-то другому. Она прищурилась, вытаскивая карточку из конверта. «Аманда, думаю о тебе:) *».

Лиззи

8 июля, среда

Офис «Хоуп Фест Инициатив» располагался в здании бывшей фабрики. Было странно вообразить элегантную Аманду в таком месте, поэтому я представила ее руку в белой перчатке, в нерешительности замершую над перилами, пока Аманда стояла у потрескавшейся лестницы. Аманда, наверное, всегда двигалась плавно. Я так думала, даже несмотря на слова Зака, что Аманда из бедной семьи, и страницы из дневника, открывшие мне, что ее отец наркоманил, а какой-то парень насиловал ее, а потом заставил пойти с собой в кино. Забавно, что я могла с легкостью закрывать глаза на эти трагические детали, чтобы не портить первое впечатление об Аманде как о богатой красавице: этой женщине стоило завидовать даже после ее смерти.

Вот такой я ужасный человек.

Ну, по крайней мере, отвращение к себе — хоть какое-то чувство. После того как я нашла ту сережку, меня охватило пугающее оцепенение. Можно найти массу неприглядных объяснений, как у мужа оказалась чужая сережка: любовница, проститутка, стриптизерша. Но из всех этих объяснений лишь измена кажется реальным вариантом. Сэм искренне презирает все, где есть даже намек на эксплуатацию.

По крайней мере, насколько мне известно.

Существовали и более невинные объяснения. Сэм мог подобрать сережку на улице или в кафе и оставить у себя, чтобы найти законную владелицу... Но Сэм всегда свято верил в теорию «Стоит оставить найденное там, где нашел, и хозяева вернуться».

Я не могла представить, чтобы он поднял чью-то сережку. Не слишком ли быстро я перехожу к наихудшему сценарию? Не исключено. В конце концов, у меня огромный опыт. Мне часто наносили удары исподтишка. По иронии я вполне могла бы получить ответы на свои вопросы, если бы старательно не избегала Сэма. Остаток ночи я провела на диване без сна и ушла, оставив крепко

спящего мужа. Я припарковалась рядом с «Кафе дю Жур» возле фонда, чтобы посмотреть, что у меня с другими делами. Дело Зака затмило все остальное, и я надеялась наверстать упущенное. Оказалось, что Министерство юстиции возбудило дела против трех членов правления компании — изготовителя аккумуляторов. Пол хотел, чтобы я составила совместное ходатайство, чтобы отклонить иск. Я никогда еще не была так благодарна за столь нудную работу.

Когда я закончила, то сохранила ходатайство и вытащила из сумки один из дневников Аманды. Больше всего мне пригодился бы самый последний, но для этого нужно было вернуться в дом Зака. Тем временем я не могла оторваться от более старых. Это была какая-то маниакальная тяга. Все равно что пялиться на ДТП с чужой машиной, чтобы отвлечься от повреждений собственной.

Но тут я наконец наткнулась на запись, которая поясняла, что с Амандой на протяжении долгих лет происходило кое-что похуже, чем я себе могла представить, не просто похуже, а жуткая вещь.

Март 2004

Я смотрела на крест на стене в гостиной и молилась, чтобы маленький Иисус сошел с креста и помог мне. Пока что он этого не сделал. Но, может быть, это должен быть мой крест. Тот самый, что висел на стенке трейлера.

Он всегда делает это в гостиной.

Прямо под крестом. На жестком желтом диване. Может, папе так легче притвориться, что на самом деле он ничего такого не делает.

Но он делает. Маленький Иисус знает.

Когда я поднималась по лестнице в фонд спустя полчаса, меня все еще подташнивало. Отец Аманды насиловал ее, причем постоянно. Когда ей было двенадцать. Насиловал ее в детстве, а теперь она мертва. Кошмар. Все это кошмар. Телефон завибрировал, извещая, что мне пришло сообщение, когда я была почти на пороге, и оно вывело меня из ступора. Это был друг Пола из офиса окружного прокурора, Стив Гранц: «Вэнди Уоллес. Прости».

И все. Ни слова больше. Имя мне ничего не говорило, но, судя по всему, Стив считал, что назначение Вэнди Уоллес обвинителем в деле Зака — плохая новость.

Я быстро погуглила, кто такая Вэнди Уоллес, уже нажимая на звонок «Хоуп Фест Инициатив». Первой выскочила статья «Три наследника трона». Я кликнула на нее и пролистала вниз. Как уже упоминал государственный защитник Зака, началась активная борьба за кресло окружного прокурора Бруклина. В Бруклине настоящая гонка разворачивалась еще в первом туре, и поскольку у республиканцев не было ни единого шанса, Вэнди Уоллес, главный прокурор в отделе убийств, считалась одним из трех основных претендентов на эту должность. Основным возражением против ее кандидатуры было то, что она недостаточно узнаваема, но процесс типа дела Зака решил бы эту проблему, поскольку ее имя появилось бы во всех газетах, а еще лучше, чтобы освещение в прессе стратегически совпало с тем периодом, когда нужно было максимально освещать ее деятельность. Определенно, именно по этой причине самые непристойные детали еще не оказались в газетах.

— Алло? — раздался скрипучий голос в домофоне. А я-то и забыла, что нажала на кнопку звонка. — Чем могу помочь?

— Лиззи Кицакис, — представилась я. — Защитник Зака Грейсона.

Повисла такая долгая пауза, что я даже засомневалась, слышала ли меня собеседница.

Наконец домофон зажужжал. Я прошла через две двери в блестящее лобби.

Двери лифта открывались прямо в офис «Хоуп Фест Инициатив», светлое открытое пространство с деревянными полами пшеничного цвета, ярко-желтыми стенами и бесконечными окнами. Под игриво-голубой вывеской с названием фонда расположилась стойка администратора. И ни души.

— Что вы хотели? — раздался голос за моей спиной.

Я повернулась и увидела миниатюрную женщину с короткими темными волосами, которая стояла возле двери кабинета. На ее плечи был накинут свитер. Симпатичное личико казалось мертвенно-бледным и напряженным.

Я напомнила себе, что передо мной подруга Аманды. Ей сейчас плохо. Ничего личного.

— Задать вам несколько вопросов... — начала я.

— С чего я буду отвечать на ваши вопросы, если вы защищаете этого монстра?!

— Монстра? — переспросила я.

Сара так резко двинулась в мою сторону, что я инстинктивно отступила на пару шагов назад.

— Конечно, монстра. Он раскрыл ей голову гребаной клюшкой для гольфа и... — Она осеклась.

Черт. Сара знала про клюшку для гольфа? Копы и следователи часто делятся деталями со свидетелями, когда это отвечает их интересам, например, чтобы разжечь гнев в отношении подозреваемого или усилить сочувствие к жертве. Мотивировать их на помощь. Такое раскрытие информации балансирует на грани с неэтичным поведением, но технически никогда ее не пересекает. Я и сама так делала. Но сейчас — ух ты! — меня это выбесило.

— Детали смерти Аманды не подтверждены, — я старалась оставаться вежливой. — И я не думаю, что ее убил Зак.

Это был предумышленный выбор слов.

— Вы так не думаете? — вспыхнула Сара. Гнев вернул краски ее лицу. — Не то чтобы веский довод? Вы ведь его защитник. Если бы вы не были уверены в его невиновности, то он был бы виновен дальше некуда.

— Если быть точным, то Заку пока даже не предъявили обвинение в убийстве. Возникла небольшая потасовка после того, как он обнаружил жену, и он нечаянно задел локтем офицера. Вот почему его арестовали.

— Не важно. — Сара закатила глаза. — Это лишь вопрос времени.

— И, чтобы прояснить свою позицию, я сказала, что думаю, что он невиновен, потому что я твердо убеждена, что так оно и есть, и даже могла бы предоставить вам доказательства. Но улики косвенные, так что думаю, вы скажете, что это ничего не доказывает. Такое ощущение, что вы уже все для себя решили. Так что вместо того, чтобы пытаться переубедить вас, я бы лучше выслушала, что вам известно.

Сара наклонила голову, размышляя. Наконец ее лицо едва заметно смягчилось.

— Если Зак не убивал Аманду, — сказала она, — то кто же тогда?

Проблеск страха. *Убийца-незнакомец?* Я представила себе мысли Сары. Никому не хотелось бы думать, что по Центр-Слоуп шастает

психопат.

— Я пока не знаю, кто убил Аманду. Это я и пытаюсь выяснить. Хотя, если уж быть точными, это в обязанности Зака не входит поиск виновного. Просто нельзя, чтобы на него указал перст правосудия лишь потому, что нет лучших альтернатив. Как только полиция выбирает подозреваемого, она перестает рыть дальше, строит дело на обвинении этого человека. Я раньше работала прокурором, правда, по экономическим преступлениям, и иначе выполнить эту работу нет вариантов. Но нельзя, чтобы Зака за это наказали. — Я помолчала, надеясь, что Сара переварит хотя бы часть сказанного. — Я считаю, что необходимо переместить фокус с Зака, чтобы мы смогли найти настоящего убийцу Аманды. Нельзя, чтобы такие люди свободно разгуливали по улицам.

Мне не особенно-то нравилось играть на страхе Сары перед случайным убийцей, но мне нужно было, чтобы она пересмотрела свои предположения. Она работала с Амандой, была одной из ее ближайших подруг. Неизвестно, что она может знать, даже сама не подозревая, что обладает ценной информацией.

— Я не хотела вести себя как последняя стерва, но я... Аманда была милейшим созданием. Вообще ни капли агрессии. Я не понимаю, как кто-то мог так с ней поступить, забить ее... — Она моргнула. — Идемте, я вам кое-что покажу.

Она жестом пригласила меня в кабинет, где стоял ярко-оранжевый диван в стиле середины прошлого века, а пол был застелен эффектным ковром в серую полоску. Сара показала на листки, заключенные в рамочки, на стене.

— Это эссе учащихся, которые хотят получить стипендию, — сказала она, подходя к одному из листков поближе. — А мы ведь только-только начали принимать заявления. Но Аманду так тронули их эссе, что она их заключила в рамочки. Все до единого. Я поддразнила Аманду, что она не будет поспевать за всеми сочинениями, а она заявила, что увешает ими всю стену, если потребуется. Она была особенной.

Сара опустилась на диван Аманды, какое-то время сидела неподвижно, а потом ее тело обмякло, и она довольно долго молчала. Я присела на стул для гостей.

— Были ли у Аманды проблемы, о которых вам известно?

Сара покачала головой:

— Если вас интересует мое мнение, то Зак был хреновым мужем. В лучшем случае он обращался с Амандой, словно она была диваном, который он приобрел, чтобы дополнить обстановку в гостиной. В худшем она была просто аксессуаром. И нет — предвосхищая ваш вопрос — она никогда не жаловалась, что Зак как-то проявлял агрессию, даже просто кричал или что-то в этом роде. И я не видела никаких признаков, что он поднимает на нее руку. — Глаза Сары наполнились слезами. — Но обман тоже может быть своего рода насилием.

— Зак обманывал жену? — спросила я.

Сара отвела глаза.

— Она этого не говорила. Но он *всегда* работал. Это, похоже, не волновало Аманду. — Сара снова надолго замолчала. — Может, это меня волновало. Лично мне Зак казался высокомерным. Он даже не явился на ужин по случаю дня рождения одной из лучших подружек жены. Да, я знала, что он важная шишка, успешный предприниматель и все такое, но нельзя же быть таким невежливым. Честно говоря, свой бизнес Зак любил сильнее всего, даже сильнее, чем Аманду.

— Происходило ли в жизни Аманды что-то еще, о чем она рассказывала? — спросила я Сару. — Может, с Кейзом?

— Вы шутите? — Она фыркнула. — Кейз — чудесный ребенок, а Аманда — преданная мамочка. Она была исключительно хорошей матерью.

— А что насчет проблем с другими друзьями или родными?

Я не собиралась рассказывать о том, что отец насиловал в детстве Аманду. Если она не открыла этот секрет, то и я не стану. У людей есть право на собственные тайны.

— Знаю только, что мать Аманды умерла, когда она была маленькой. Наверное, потому она сама стала такой любящей матерью. А еще она росла в бедности. Она пыталась обрисовать свое детство как идиллию, нечто волшебное, но у меня появилось ощущение, что ей пришлось по-настоящему туго.

— Что вы имеете в виду?

— Аманда была замечательной, но очень закрытой. Сдержанной. Как будто ее что-то травмировало.

— А ее что-то травмировало?

Сара посмотрела на меня с сожалением.

— Я была ее самой близкой подругой здесь, в Центр-Слоуп, но, если честно, я понятия не имею. Аманда умела создать впечатление, будто ты ее отлично знаешь, а сама держала на расстоянии вытянутой руки. А что вам сказала... как ее звали... Кэролин! Что сказала Кэролин?

— Кэролин? — переспросила я. Аманда упоминала это имя в дневниках, но много лет назад.

— Да, это лучшая подруга Аманды. — Сару явно разочаровали мои способности детектива. — Из этого... Сент-чего-то там. Они были почти как сестры. Вам определенно надо побеседовать с Кэролин. Она живет на Манхэттене.

— А вы знаете, как я могу с ней связаться?

— Нет. Спросите Зака. Он может знать. — Сара смерила меня взглядом. Она не хуже моего понимала, что он вполне может и *не* знать. — Он же ее муж.

— Были ли конфликты на работе?

— Аманда избегала любых конфликтов. У нее чуть нервный срыв не случился, когда бухгалтер фонда затребовал встречи.

— По какому поводу?

— Уверена, ничего серьезного. — Сара отмахнулась. — Я к тому, что Аманда не любила общаться с людьми, обладающими властью.

Разве что бухгалтеры занимаются деньгами, а деньги — еще одна причина, по которой убивают.

— У вас есть имя этого бухгалтера? — спросила я.

— Наверное. — Сара встала с дивана. — Посмотрю у себя в кабинете. Сейчас вернусь!

Как только Сара ушла, я тоже поднялась со стула и воспользовалась возможностью осмотреться в кабинете Аманды. Как и в доме, здесь на полках были расставлены фотографии, но почти все были сняты в естественной обстановке и почти везде был Кейз, только один постановочный семейный снимок всех троих, но его Аманда поставила на полку повыше и задвинула так, словно намеренно убрала с глаз подальше. Я повернулась, чтобы осмотреть полки над столом, и заметила черную записную книжку «Молескин» поверх стопки бумаг в уголке. Похоже, такую же пустую, как и та, что я нашла в доме. А может, самый последний из дневников Аманды. Я уже слышала

цоканье каблуков Сары по отполированному бетонному полу. Я резко потянулась, схватила записную книжку и сунула в сумку. Стул подомной скрипнул, когда я плюхнулась на место. К счастью, Сара, похоже, ничего не заметила, когда вернулась в кабинет Аманды. Она была слишком взволнованна.

— Простите, — буркнула она. — Понятия не имею, где я записала имя бухгалтера.

— Ладно. Спрошу у Зака, — сказала я, стараясь выглядеть спокойной, пока задавала свои вопросы. — Как выглядела Аманда на вечеринке у Мод в тот вечер, когда погибла?

Погибла, а не была убита. Я специально заменяла термины. Ничего не признавать, даже существенных фактов. Вот первое правило уголовного судопроизводства.

— Ну... нормально она выглядела, — ответила Сара. — Красивая, как обычно. Уверена, вы видели ее фото. Если вы ищете альтернативные версии, то я бы копала в эту сторону. В мире куча извращенцев. — На ее лице читалось отвращение. — Есть даже соответствующие категории в порно.

Я кивнула. Но человек, просто увлекшийся Амандой, не годился для построения толковой альтернативной версии. Жюри присяжных потребуют подробностей. Чего-то или кого-то, чтобы вонзить свои зубы. В противном случае можно с тем же успехом валить все на призрака, его за решетку не упрячешь.

— Вы разговаривали на вечеринке?

— Да, но буквально минуту и то в основном о Мод. Она очень беспокоилась из-за дочери, а мы с Амандой волновались о ней.

— А что не так с ее дочерью?

— Она подросток и проводит лето в лагере. Думаете, этого мало? — скептически спросила Сара. — Мод просто к такому не привыкла, вот и все. Получила от дочери какие-то истеричные письма и запаниковала. Уверена, сейчас все уже нормально. А потом, у всех нас есть и куда более важные дела.

— Вы видели, чтобы Аманда разговаривала еще с кем-то?

— Я сцепилась языками с одной мамочкой из Грейс-Холл, причем я ее едва знаю и определенно недолюбливаю. У нас вышел спор из-за Великой Утечки Почт.

— Утечки почт?

— Кто-то взломал компьютеры родителей учащихся Грейс-Холл и использовал против них их грязное белье. — Она замялась и сжала губы. — Например, тот факт, что кто-то пользуется сайтом знакомств для состоящих в браке. Ну знаете, типа «Тиндера», но для женатых и замужних. Данные с аккаунтов нескольких мужчин слили их женам, так что хакер практически выполнил роль Робина Гуда, если вы спросите мое мнение. Еще украли всякие селфи в стиле ню. Ну и домашнее порно. Многих начали шантажировать. — Сара коротко хохотнула. — В любом случае это типа секрет, поскольку школа ведет расследование, но на вечеринке все напились и разболтали. Может, если бы я общалась с Амандой вместо того, чтобы слушать эти глупые сплетни, она бы осталась в живых.

— Помните, в котором часу вы в последний раз видели Аманду на вечеринке?

Сара вытерла глаза и шмыгнула носом.

— Дайте подумать... я пришла около половины девятого, а в половине десятого уже была дома. Так что где-то в этом промежутке.

Подозрительно мало времени — первое, что пришло на ум.

— Вы быстро ушли.

— Знаю, — в голосе Сары послышалось раздражение. — Мой старший сын должен был провести в Хэмптонсе полтора месяца, но в итоге притащился обратно через шесть дней после ссоры с подружкой. У него не было ключей, а по четвергам мужа нет дома. Пытается сломать бедро на занятиях спортом. Поверьте, я ни за что бы не ушла, если бы сын не позвонил. Нет ничего лучше, чем наблюдать, кто пошел «наверх» на вечеринке Мод. Потом все помалкивают насчет того, что случилось на вечеринке. Если хочешь что-то узнать, надо присутствовать там лично. Я в восторге от таких рискованных семеек. Типа Мод и Себа. Они могли бы пройти нагишом сквозь огонь и не обжечься.

— А вы видели Зака на вечеринке? — спросила я.

— Ну, он помаячил-помаячил и свалил.

— А вы видели, как он уходил?

— Нет, но я думаю... больше я его в тот вечер не видела.

— Вы не видели, чтобы Зак или Аманда пошли наверх?

— Я вас умоляю! — Сара засмеялась. — Видели бы вы лицо Аманды, когда она услышала об этом. Было такое впечатление, что она

в обморок грохнется.

— А Зак?

Взгляд Сары стал жестче:

— Он ваш клиент.

— Я же спрашиваю, что *вы* видели.

Она еле слышно хмыкнула и отвернулась. *Адвокаты*, казалось, говорил ее вид.

— Ну, если не считать двухсекундного обмена приветствиями, я видела лишь, как Зак нарезает круги словно акула, — сказала она. — А потом пошла домой. Я понятия не имею, что он делал потом.

Она встала и пошла открывать дверь.

— А теперь мне правда нужно вернуться к работе.

Я последовала за ней.

— Если еще что-то вспомните, то позвоните мне на мобильный, — попросила я. — Тот телефон, с которого я вам звонила.

— Да, хорошо, — сказала Сара, потом помолчала немного, прищурилась, словно бы заново меня рассмотрев. — Ваше лицо кажется мне знакомым. Мы встречались?

— Не думаю.

— У вас есть дети, которые живут поблизости? Я очень хорошо запоминаю лица.

— Я живу в Сансет-Парке.

— А где ваши дети учатся? У меня такое ощущение, что наши дороги пересекались в Бруклине.

— У меня нет детей.

— Умно, — сказала Сара, видимо, заинтригованная. Она посмотрела на мое обручальное кольцо. — А ваша вторая половинка тоже адвокат?

— Нет, — ответила я с горькой усмешкой.

Сара наклонилась:

— И чем он занимается?

— Он писатель.

— О, звучит увлекательно! — сказала она. — А мой муж — адвокат. Без обид, но вы все чертовски скучные. Или, может, только мой благоверный. Он у меня не занимается уголовными делами.

— Нет, все адвокаты скучные. Скучные, но надежные. Чего не скажешь о писателях.

— О да, надежные. — Она понимающе вздохнула. — Не сексуально, но полезно.

— Можно я задам последний вопрос?

— Давайте.

— Кто-то кроме Зака мог прислать Аманде цветы? — спросила я. — Аманда сохранила неподписанную карточку.

— Тайный поклонник? — предположила Сара. — Как я и говорила, Аманда внушала восхищение. Так сказал Себ.

— Себ?

— Муж Мод. Но не надумывайте ничего. У Себа и Мод есть необычная договоренность насчет походов «наверх», но они не спят с друзьями друг друга. Себ *предан* Мод. Можно сказать, до противного. В записке не было имени?

— Нет. Только надпись: «Думаю о тебе».

— Господи! Так оригинально, — холодно процедила она. — Ну, это определенно не Себ. Он француз до мозга костей. Он не в ладах с нашими привычными американскими формулировками. Вы считаете, что отправитель как-то связан со смертью Аманды?

— Мне хотелось бы знать, кто их послал.

— Да-да, альтернативная версия. — Ее тон снова стал жестче. — Простите, я вам с этим не могу помочь. Поскольку единственная версия, которая кажется мне правдоподобной, заключается в том, что ваш клиент — высокомерный говнюк, который убил мою прекрасную подругу.

Аманда

За четыре дня до вечеринки

Пока Аманда сидела в Семьдесят восьмом участке, ожидая своей очереди, чтобы поговорить с детективом, она успела несколько раз подумать, зачем вообще сюда пришла. Ситуацию усугубляло то, что участок оказался куда неприятнее, чем она ожидала — шумнее, грязнее и злее. В такие места приходишь только, если с тобой уже произошло что-то неприятное. Участок напомнил Аманде Сент-Коломб-Фоллс.

Если бы не обещание, данное Кэролин, она бы встала и ушла. Не говоря уже о том, что Аманда задумалась, как Зак отнесется к запретительному ордеру. Интересно, такие документы носят публичный характер? Заку не нравилось, когда что-то нарушало их частное пространство, а тут Аманда вздумала устраивать публичный спектакль. Она ведь даже не рассказала мужу о звонках.

— Аманда Грейсон!

Офицер оказался коротышкой с темными волосами и кожей теплого оливкового цвета. Из-за небольшого роста он казался безобидным мальчишкой типа Зака, когда они впервые встретились. Аманда не ответила, и офицер огляделся и снова сверился с данными в папке.

— Грейсон! Аманда!

Опять-таки похоже на Зака. Такие же резкие перемены настроения.

— Да, я тут! — Аманда поднялась со стула.

— Я офицер Карбон. — Он жестом пригласил ее пройти. — Сюда.

Они прошли по короткому коридору из зоны ожидания к открытому помещению, где стоял десяток столов, за которыми другие детективы беседовали со свидетелями, жертвами и даже, может быть, подозреваемыми. Невозможно было определить разницу. Все казались расстроенными. Аманда села на кресло у стола офицера Карбона, а сам он занял место перед монитором.

Аманда чувствовала себя жертвой. Разве она не должна чувствовать себя совершенно по-другому?

— Еще раз. Я офицер Карбон, — сказал он, протягивая ей руку. Ладонь оказалась влажной, а сам офицер держался натянуто, словно бы действовал по сценарию.

— Здравствуйте, — пробормотала Аманда, борясь с желанием отдернуть руку.

— Чем я могу помочь?

Аманда неловко улыбнулась:

— Кто-то меня... преследует. Звонит и вешает трубку. — Слабый старт. Кэролин это не впечатлило бы.

— Ясно. — Карбон откинулся на кресле. Казалось, он отнесся к ее заявлению скептически, а как иначе. Почему она не перейдет прямо к делу? — У вас есть версии, кто это?

— Ммм... это мой отец. Я это знаю.

— Ваш отец вам угрожал? — По крайней мере, он и глазом не моргнул при мысли, что отец преследует дочь.

— Нет... то есть в прошлом угрожал. Сейчас по телефону он ничего не говорит. Просто дышит.

— Дышит? — Офицер нахмурился.

— Да, тяжело дышит в трубку. Я знаю, что это он.

— Ладно, — протянул офицер, словно бы пытаясь решить, надо ли расспрашивать ее о деталях. — Звонки поступают с его номера?

— С незнакомого, — сказала Аманда. — Но я уверена, что это он. Мы недавно переехали в Нью-Йорк с Западного побережья. Он живет в северной части штата. — Она и сама услышала, что ее показания звучат неубедительно. — Он уже делал такое раньше, — добавила Аманда. — Я подавала жалобу в Калифорнии, в Сакраменто. Тогда он позвонил всего пару раз. Но теперь это десятки... и десятки.

— О'кей. — Похоже, офицера ее слова вдохновили. — Жалоба — это хорошо.

— А еще у него... проблемы с наркотиками... — Даже эти простые слова, которые не передавали и половины случившегося, было так сложно произнести. — Думаю, ему, наверное, нужны деньги. Я уверена, что именно так и есть.

Карбон крутанулся к своему компьютеру и начал печатать.

— Сакраменто, говорите? А как давно это было?

Аманда прикинула. Она уже не помнила точно. Но это была весна, поскольку цветы только-только распустились, рядом с ней в тот момент находился Кейз, значит, он еще не ходил в детский сад. Она ни за что не потащила бы его в полицейский участок, если бы не безвыходная ситуация. Стоп, это случилось сразу после того, как Кейз ужасно отравился. Четыре дня в больнице после испорченного латука. Ну, так решили доктора. Наверняка узнать не представлялось возможным. Но что бы ни стало причиной недомогания, было ужасно наблюдать, как быстро у Кейза начинается обезвоживание, как быстро его силы идут на убыль. Ему тогда было около трех.

— Шесть или семь лет назад.

Офицер Карбон еще минуту что-то печатал, а потом его пальцы внезапно замерли.

— Ага, вот она!

Слава богу. Такое впечатление, будто та суровая грудастая офицер, которая принимала у нее жалобу, стояла сейчас рядом с Амандой и рывкала на Карбона: *«Она говорит правду, придурок, и не должна ничего тебе доказывать»*.

— Семь лет назад, — сказал он. — С тех пор ничего не было?

— Нет.

— Как все закончилось в прошлый раз?

— Я крикнула, что обратилась в полицию.

— Он что-то ответил на это?

— Нет, но перестал звонить... до недавних пор.

Аманда забыла ту часть. Что она ему угрожала. И что это сработало. Уже что-то.

— Он еще что-то делал, помимо звонков?

— Мне кажется, он за мной следил. А сегодня оставил цветы у моего дома.

Сирень. Аманда с мамой рвали букеты дикой сирени в заброшенном поле. Аманду успокаивал сказочный аромат сирени, который заполнял трейлер, пока отец ворчал, что от сладковатого запаха его тошнит.

— Цветы? — Офицер растерялся. — Может ли так быть, что он пытался извиниться?

Аманда уставилась на него. Ничего не могла с собой поделаться. Разве она недостаточно хорошо объяснила, о каком человеке речь? Но,

судя по его выражению лица, за этим вопросом ничего не стояло.

— За некоторые поступки нельзя извиниться, — сказала Аманда. В груди неожиданно стало жарко. Челюсть свело. Она выдавила из себя улыбку. Злость делу не поможет. — В любом случае он никогда не извинялся. И ненавидит сирень. Цветы — это угроза. Он хочет, чтоб я поняла, что он знает, где я живу. Даже если ему нужны деньги, боюсь, он сделает что-то ужасное, чтобы их получить. Я выкинула букет, но вот карточка.

Офицер Карбон долго изучал карточку, но не сделал попытки взять ее из рук Аманды.

— Откуда он узнал?

— Узнал что?

— Вы сказали, что только что переехали в Нью-Йорк, так ведь?

— Да. — Аманда испытала облегчение от того, что офицер Карбон как минимум внимательно ее слушал. — Четыре месяца назад.

— А звонки начались сразу после переезда?

— Да.

— Но вы не общались с отцом с того момента, как семь лет назад подали на него жалобу? — Он кивнул в сторону компьютера. В его тоне прозвучало еле слышное обвинение?

— Да. То есть нет, не общалась. Мы ни разу не контактировали с того момента.

— Тогда как он вас нашел?

— Не знаю. С трудом. — Аманда не могла себе представить, чтобы отец гуглил информацию или что-то в этом духе. — Мой муж очень рьяно охраняет нашу частную жизнь. Он всегда убеждается, что наши адреса нельзя найти онлайн и все такое. У него есть специальная служба, которая проверяет и удаляет любые данные личного характера из сети.

Офицер поднял брови.

— Тогда, может быть, стоит сосредоточиться на вопросе, как вас нашел ваш отец. Вам так не кажется?

— О чем вы?

— Ну, существует проблема — как положить конец преследованиям. Но есть и другая проблема — как все началось. И два этих вопроса тесно взаимосвязаны, — сказал офицер Карбон. — Вы уверены, что не связаны с ним через какую-то социальную сеть? Или,

может, кто-то из родных и друзей мог сказать ему, где вы? Иногда люди думают, что помогают, хотя все как раз наоборот.

Тут Аманда не выдержала и расхохоталась. Наверное, этот смех показался ему безумным. Но на самом деле безумным было предположение офицера Карбона. Аманда порвала все связи со своим прошлым. Она не была зарегистрирована ни в одной из социальных сетей. Зак считал, что соцсети слишком уж выставляют жизнь на всеобщее обозрение.

— Нет, ему никто не говорил, — тихо произнесла Аманда. — У нас нет ничего общего и никого.

Единственная ее подруга со времен Сент-Коломб-Фоллс — Кэролин, а Кэролин ни за что бы этого не стала делать. Мама Кэролин умерла, но на севере штата наверняка остался кто-то из родных. Аманда давно уже не интересовалась судьбой ее родственников. Кэролин ни за что не стала бы иметь ничего общего с отцом Аманды. Она его ненавидела. И любила Аманду.

— Ну, как-то же он вас нашел, — заметил офицер Карбон. — Может быть, стоит выяснить как.

— Я всего лишь хочу получить защитное предписание, что-то, чтобы он ко мне не приближался.

— Чтобы получить ордер, нужно доказать, что он вам и правда угрожает.

— Но он мне на самом деле угрожает, — пробормотала Аманда. — Его появление — уже угроза. Из-за того, что он за человек, как со мной обращался.

— Я уверен, это сложно, но, может быть, вы расскажете подробнее, что именно он натворил? — спросил офицер Карбон. — Если он уже проявлял какую-то жестокость, то легче будет выдвинуть против него обвинения.

Неприглядные детали случившегося осели на дно океана на глубине нескольких миль, погребенные под слоями песка. Аманде не доставало силы воли, чтобы нырнуть за ними. По ее щеке скатилась самая настоящая слезинка, хотя она даже не поняла, что вот-вот разрыдается. Когда Аманда смахнула ее, офицер нервно заерзал в кресле.

— Послушайте, мне очень жаль, — сказал он уже мягче. — Правда. Вы все равно можете обратиться в суд и попробовать получить

ордер. Но лично я считаю это пустой тратой времени. Что бы я посоветовал? Попытаться предоставить хоть какие-то доказательства недобрых намерений вашего отца — видео, аудио. Сейчас люди постоянно носят с собой айфоны, и судья ждет неопровержимых улик. — Карбон достал визитку из ящика и протянул ей. — Если случится что-то еще, например, повреждение имущества или более явная угроза, позвоните и попросите меня к телефону. Я сделаю все возможное, чтобы помочь. А пока что задайтесь вопросом. Наверняка есть кто-то или что-то, что вы не принимаете во внимание.

Аманда вышла из полицейского участка в смешанных чувствах, а ощущение беспомощности лишь усилилось. Не то чтобы она ожидала, что один-единственный визит в правоохранительные органы разрешит ситуацию с отцом, но, наверное, надеялась, что там ее обнадежат. По дороге домой она в сердцах выбросила визитную карточку Карбона.

Что, если отец не отстанет и после приезда Кейза? Что, если ситуация усугубится? Нет. Она не позволит. Она защитит сына, невзирая ни на что. Может, ордер ей и не поможет, но нужно что-то предпринять, причем немедленно. Что бы там ни думала Кэролин, Зака тоже попросить не так-то просто. Она пробовала раньше поговорить с ним об отце, но разговор сворачивал не туда. На память пришла одна такая беседа в первый год совместной жизни.

Они ехали на вечеринку первого босса Зака по имени Джеффри. Заку нравился Джеффри, поэтому Аманда не стала говорить ему, что Джеффри лапал ее за задницу всякий раз, когда обнимал на прощание. Джеффри и его жена принадлежали к одной из современных церквей, из тех, что располагаются в торговых центрах и проводят службы под хард-рок-музыку. Джеффри всегда пытался затащить Зака и Аманду на службу. Зак припарковался на подъездной дорожке Джеффри, разглагольствуя о том, что им, наверное, скоро придется туда сходить, иначе они рискуют обидеть этих «хороших людей».

— То, что у тебя на стене висит крест, еще не означает, что ты хороший человек, — сказала Аманда.

— Да? — Зак заглушил мотор. Аманда почувствовала легкий огонек надежды в груди. Заку правда интересно, что она имеет в виду? Обычно он этим не интересовался. На секунду она даже подумала, не рассказать ли ему, что Джеффри распускает руки.

— У моего отца висело распятие на стене, — продолжила она, — а он делал ужасные вещи.

Зак молча кивнул, задумчиво улыбаясь. Но тут на глазах у Аманды его лицо медленно превратилось в маску, холодную и пустую.

— Предполагается, что в этом месте я должен спросить: «Какие ужасные вещи, милая?» Но я не стану. У каждого из нас свой багаж. Если бы я хотел взвалить на себя чей-то чужой, то женился бы на другой женщине.

— Аманда! — раздался чей-то голос.

Аманда вскинула голову и увидела, что на ее крыльце сидит Мод. Она так задумалась, что даже не заметила, как преодолела весь путь от Семьдесят восьмого участка. Но что тут делала Мод? Сара, Мод и Аманда обычно встречались в ресторанах, барах типа «Гейт», в кафешках или в кино. Время от времени могли прогуляться по парку. За последние месяцы Аманда несколько раз побывала в гостях у Сары, пару раз у Мод, но к себе никого не приглашала, кроме Кэролин. Это не считается.

Зак не хотел видеть незнакомых людей у себя дома. Решение окончательное и бесповоротное. Временами Аманда пыталась объяснить ему разницу между «незнакомыми людьми» и «друзьями». Но для него разницы *не* было.

А теперь Мод сидит у нее на крыльце. Аманда не могла пустить ее в дом. У Зака такое непредсказуемое расписание. Он может вернуться в любой момент. Но как дать Мод от ворот поворот так, чтобы не показаться грубой? Аманда сделала глубокий вдох, прежде чем весело помахать рукой в надежде, что решение придет к ней прежде, чем она поднимется.

— Привет! — воскликнула она.

— Надо было сначала написать, — начала Мод срывающимся голосом. — Нельзя без предупреждения маячить на чужом крыльце.

— Не глупи. Ты не маячишь, а сидишь.

Аманда присела рядом. Они коротко обнялись. Аманда заметила, что запасной ключ Кейза торчит из-под коврика. Она ощутила слабый укол тоски по сыну, потянулась и засунула ключ поглубже. По крайней мере в лагере Кейзу ее отец не опасен.

Аманда подставила лицо солнцу. Она не стала говорить «*давай посидим здесь и насладимся этой восхитительной погодой*».

«*Восхитительный*» вообще неподходящее слово, если только ты не живешь в восемнадцатом веке. Но можно озвучить какую-то вариацию на тему этой фразы. Все, что угодно, что позволит остаться на крыльце.

— Так странно, что я здесь, — сказала Мод. — Я знаю. Мне просто надо говорить с подругой. Мне нравится Сара, но она бывает такой... бесцеремонной.

Аманда ощутила прилив гордости от того, что Мод выбрала ее.

— Я рада, что ты пришла.

Мод держала в руках несколько ярких конвертов.

— Я получила еще несколько писем от Софии. И все стало еще хуже. — Она поморщилась и покачала головой, а потом махнула конвертами в сторону Аманды, словно бы приглашая ее взять их. — Я думала, что отправить ее в этот лагерь в другой стране, чтобы сменить обстановку, было правильным решением, учитывая обстоятельства.

— Какие обстоятельства? — спросила Аманда, наконец взяв конверты. Мод до этого говорила так, будто не знала, что происходит с Софией, но, очевидно, она все-таки знала. — Мод, что случилось?

— Все из-за парня. — Глаза Мод наполнились слезами. — Я знала, что София расстроена, но я честно хотела как лучше.

— Это понятно.

— Но письма... — Мод кивнула на конверты. — Я попыталась утром пару раз позвонить в лагерь, чтобы понять, все ли с ней нормально, но в администрации никто не отвечает. Просто прекрасный лагерь, пока не начнешь туда звонить.

— А что говорит Себ?

— Что я слишком остро реагирую, она больше не ребенок и мне нужно перестать опекать ее. — В голосе Мод звучала обида и злость. — Я знаю, что Себ любит Софию. Но он не мать. И не женщина.

Аманда кивнула.

— Слушай... — сказала Мод. — Я понимаю, что это все звучит бессмысленно, поскольку я не поделилась с тобой деталями. Но София взяла с меня обещание, что я никому не скажу.

— Хорошо. Не говори.

Мод снова указала на конверты.

— Прочитаешь? А потом скажи мне, остро ли я реагирую.

— Ох... — Аманда замялась. А что, если она реагирует ровно так, как нужно?

— Пожалуйста.

— Ладно. — Аманда вытащила один из конвертов и раскрыла. Почерк аккуратный и красивый, а написано письмо на бумаге веселого небесно-голубого цвета.

Дорогая мамочка!

Я хочу, чтобы ты знала, что это не твоя вина. Я знаю, что ты будешь себя винить. Ты решишь, что если бы у меня было все в порядке с самооценкой, то я бы не вляпалась. А может, ты подумаешь, что не рассказала мне все, что мне нужно знать. И если бы ты дала мне другой совет или правильно представила факты, то я бы могла себя защитить.

Но это не твоя вина. Это моя вина. Я единственная, кого нужно винить. Я столько раз делала неправильный выбор. Ты определенно меня учила иначе. Ты учила меня всему, что нужно. Только я все испортила.

Прости, мамочка. Мне очень-очень жаль.

Целую тебя! Чмок!

София

Аманда вспомнила, какой последний совет дала ей собственная мать перед смертью, когда она прильнула к ней худеньким тельцем, лежа на больничной кровати, и притянула к себе.

— Беги, если придется, — прошептала она. — Беги со всех ног.

Бежать куда? Это единственное, о чем могла думать Аманда. Она тогда была совсем маленькой.

— И? — спросила Мод, кивнув на письмо Софии. — Думаешь, Себ прав? Что мне нужно отступить и позволить ей самой во всем разобраться? Притвориться, что ничего не происходит?

Аманда задумалась, есть ли «правильные» слова, которые сейчас можно произнести. Наверное. Но она выбрала куда более простой вариант — сказать то, во что правда верила.

— Не думаю, что тебе удастся притворяться, — сказала Аманда, кладя руку на плечо Мод. — Если ты закроешь глаза, это не поможет скрыться от неприятностей.

Свидетельские показания перед большим жюри

Офицер Дэвид Финнеган вызван в качестве свидетеля шестого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Доброе утро, офицер Финнеган.

О: Доброе утро!

В: Это вы прибыли по вызову в Монтгомери-плейс, 597, второго июня около двадцати трех сорока пяти?

О: Да.

В: Почему вызывали полицию?

О: Сообщение о предполагаемом убийстве.

В: Что происходило на месте преступления?

О: Мы с напарником, офицером Романо, вошли в особняк, чтобы помочь офицерам, которые уже прибыли на место преступления.

В: Что вы увидели, войдя в дом?

О: Очень много крови на лестнице и на стенах. Ключка для гольфа рядом с телом. Офицеры отметили ее местоположение, чтобы никто ее не трогал. Рядом был муж жертвы.

В: Что-то еще?

О: Врачи «скорой» прибыли прямо перед нами, они пытались реанимировать жертву и остановить кровотечение.

В: Они могли это сделать?

О: Нет. Смерть констатировали на месте.

В: И что вы сделали?

О: Мы с напарником стояли рядом с мужем жертвы, когда на место прибыл помощник окружного прокурора Льюис, детектив Мендес и команда криминалистов. Криминалисты начали делать снимки, чтобы можно было забрать тело.

В: А что в этот момент делал помощник окружного прокурора Льюис?

О: Просто наблюдал за происходящим. Приехал дежурный из отдела по расследованию убийств, но они не разговаривали.

В: А что делал детектив Мендес?

О: Он говорил с мистером Грейсоном.

В: В какой-то момент мистер Грейсон заплакал или как-то иначе выразил эмоции?

О: Нет. Он шумел, но слез не было видно.

В: Детективу Мендесу удалось в итоге вывести мистера Грейсона наружу?

О: Я не знаю.

В: Как так?

О: Я получил травму на месте преступления.

В: Как вы получили травму?

О: Мистер Грейсон ударил меня по лицу.

В: Кулаком?

О: Нет. Детектив Мендес положил руку ему на плечо, ну, понимаете, чтобы увести его от тела жены, а мистер Грейсон дернулся. Думаю, он сказал что-то типа «да пошел ты» или «отвали» или что-то типа того.

В: Детективу Мендесу, который попросил его отойти от трупа жены?

О: Да.

В: А что потом случилось?

О: Он резко дернулся и попал локтем по лицу, сломав мне нос.

В: Он сделал это умышленно?

О: А как вы думаете? Он же знал, что я там стою.

В: Простите, офицер Финнеган, но моя задача задавать вопросы, не отвечать на них. Мне нужно знать, считаете ли вы это умышленным поступком.

О: Тогда да. По моему мнению, он сделал это нарочно.

Лиззи

8 июля, среда

Я сделала глубокий вдох, звоня в дверной звонок величественного особняка Мод и Себа. Он располагался на Первой улице между Седьмой и Восьмой авеню, недалеко от дома Зака, и выглядел почти так же впечатляюще. Пока я ждала, что мне откроют, я пыталась не думать о том, как тут кто поднимался вверх во время вечеринки. Как может устоять брак, где супруги изменяют в открытую? Как может вообще устоять брак?

Я зашла в «Кафе дю Жур», покинув фонд с записной книжкой, которую я умыкнула из кабинета Аманды. Это и правда оказался самый последний из дневников, с подробными записями, которые она делала ежедневно после переезда в Центр-Слоуп. Краткие отчеты о времени, проведенном с Кейзом, жалобы, как же ей одиноко, пока сын в лагере, рассказы о пугающих утренних пробежках, рутинные описания попыток управлять фондом, пересказ бесед с Кэролин. Но что самое важное — многочисленные упоминания, как кто-то звонит и вешает трубку, как кто-то преследует ее.

В тех записях, которые я успела прочесть, Аманда не называла имени этого человека. Но совершенно ясно, что она его боялась. Отличный повод усомниться в том, что Зак виновен, если мне удалось бы в итоге найти это имя. К счастью, у меня было время. Новый подозреваемый — не важно, насколько убедительной была бы эта версия — не понадобился бы нам вплоть до суда.

Когда дверь наконец-то открылась, на пороге стоял невысказанно красивый мужчина.

— Добрый день? — Это прозвучало как вопрос. Он откинул назад густые темные волосы, не переставая сверлить меня взглядом в ожидании, когда я представлюсь. — Могу я вам помочь?

Он говорил с акцентом. Французским, как и сказала Сара. Себ.

— Я адвокат Зака Грейсона, — начала было я, готовясь к очередному враждебному приему. — Я вам звонила. Ваша жена

сказала, что я могу прийти и задать несколько вопросов.

— Разумеется, — сердечно сказал он. — Такая трагедия. Аманда была чудесным человеком.

— Лиззи Кицакис. — Я протянула руку, когда мы оказались в фойе.

— Себастьян Лагё. Но все зовут меня просто Себ. — Он крепко пожал мне руку, прежде чем жестом пригласить меня внутрь. — Присаживайтесь в гостиной.

Внутри дом был столь же великолепен, как и снаружи: много отполированного черного дерева и яркие современные ковры. Особняк пережил реновацию, но сохранил куда больше исторического очарования, чем дом Зака, который внутри был полностью современным. Картины на стенах притягивали взгляд, особенно огромное полотно, которое висело на стене в гостиной напротив входа.

— Потрясающе, — сказала я.

Себ негромко рассмеялся:

— Это Сара попросила вас так сказать?

— Он хочет сказать, что сам ее нарисовал.

Когда я повернулась, то увидела очень красивую женщину. Рыжеватые волосы струились по ее плечам длинными локонами. Она была одета в платье с запахом и глубоким V-образным вырезом, такое тонкое, что оно почти просвечивало. Женщина была босой и совершенно ненакрашенной.

— Себ даже не художник, он доктор. Доктор, художник, бизнесмен, продвигающий тех-стартап, и садовод-любитель. Он нарисовал эту картину за один день безо всякой подготовки. Ужас, не правда ли?

— Это адвокат Зака, Мод, — сказал Себ.

— Ах да. — Мод пожалала мне руку. — У Зака все нормально? Сара сказала, что его арестовали.

Ее тон кардинально отличался от тона Сары, да, он был сдержанным и обеспокоенным, но нисколько не враждебным.

— Он явно очень расстроен из-за Аманды, — сказала я, поскольку это было правильным началом для беседы, пусть даже — если уж сказать правду — не это приходило на ум в первую очередь. — Если быть точным, его арестовали за нападение на офицера. Вышло недоразумение. Но, по-видимому, в итоге ему предъявят обвинение в смерти Аманды. Ужасно, когда тебя подозревают в преступлении, которого ты не совершал, но еще хуже, когда тебя ошибочно обвиняют

в убийстве жены. Ситуацию усугубляет то, что его содержат в Райкерсе. Это не обычная тюрьма.

Я заметила, что Себ и Мод нервно переглянулись.

— Райкерсе? — переспросил Себ.

— Ну, в ожидании суда подозреваемых держат лишь в нескольких местах, если их не выпустили под залог. Как ни смешно, но Зака не выпустили. Тюрьма есть тюрьма, но ни одна не сравнится с Райкерсом. — Я размышляла, что конкретно им можно рассказать. Но правда могла бы сподвигнуть их сотрудничать. — Его уже несколько раз избивали.

— Избивали? — Мод выглядела обеспокоенной, но почему-то реакция была запоздалой, словно бы она скрывала какую-то другую эмоцию. Например, сдерживала пронзительный крик.

— Ужасно. — Себ потянулся и сжал ладонь Мод. Они обменялись взглядами, которые вполне могли сойти за разговор без слов. Неудивительно, что они занимались сексом на стороне. Сара была права: их связывала какая-то сверхъестественная сила.

— Думаю, мне понадобится виски, — наконец произнес Себ. — Дамы?

— Да, мне тоже. — Мод обратилась ко мне: — А вы, Лиззи? Мне кажется, всем не помешало бы выпить.

Нет уж, спасибо — такой была моя первая реакция. Сейчас все, что было так или иначе связано с алкоголем, мгновенно вызывало отторжение. Хотя почему только Сэму разрешено пить на работе? Учитывая все обстоятельства, я тоже заслуживаю виски. Кроме того, от Мод и Себа исходило нечто необъяснимое, отчего хотелось сказать: «*Я хочу того же, что и вы*».

— Конечно, спасибо, — отозвалась я. — Было бы здорово.

Мод кивнула, казалось, моя готовность присоединиться ее порадовала. Мы наблюдали, как Себ хлопчет у встроеного бара в дальнем конце комнаты. А я думала: так все и происходит? Все эти походы наверх? Муж возвращается с напитками, но садится не рядом с женой, а рядом с другой женщиной? Или, может, муж с женой садятся рядом, начинают целоваться и ждут, присоединится ли к ним другая женщина? Внезапно я очень ярко увидела эту картину. Я увидела, как это могло бы произойти. Я даже сумела вообразить себя в роли этой другой женщины.

А хотите темную правду? Я была заинтригована. Не столько самим сексом, сколько ощущением, что я делаю что-то нехорошее. Что-то, что задело бы Сэма. Разумеется, у меня и так имелись собственные секреты, но они никак не были связаны с нашим браком. Перед глазами тут же всплыла серебряная сережка, которая лежала в кармашке сумки.

Какой я была душой? И как долго?

Наши отношения длились уже три года. Сэм сделал мне предложение, когда мы поехали на выходные в Новый Орлеан. Он встал на одно колено посреди Бурбон-стрит перед джаз-баром. К тому моменту мы уже целый год жили вместе в Бруклине, и оба сосредоточились на карьере. Мы усердно трудились и уставали, но занимались важным делом. Благодаря Сэму я чувствовала себя так, будто мне бросили вызов, но при этом приняли, я свободна, но любима. А еще я чувствовала себя целостной.

Когда я в тот вечер увидела, как Сэм приземлился на одно колено, я сначала решила, что он оступился, но затем заметила маленькую коробочку у него в руках. На нас пялились люди. А я радовалась. Это было доказательство, которого я ждала. Я выжила. Я счастлива. Я хотела, чтобы это видел весь мир.

— Лиззи, обещаю, что каждый день буду пытаться быть мужчиной, который тебя заслуживает. Ты выйдешь за меня?

— Да! — закричала я, обхватив ладонями лицо Сэма и целуя его. — Да.

Затем Сэм надел весьма вычурное кольцо — старинная семейная реликвия — мне на палец, и мы пошли в джаз-бар выпить шампанского. После третьего бокала я подумала, что стоило бы притормозить. Сэм тогда работал в «Таймс», испытывая постоянное давление, и его не стоило винить. Требования там были до невозможности высокими, а он допустил пару глупых промахов. Напряженная работа типа этой бывает не из простых. Я это знала как никто другой. Я заканчивала практику в Южном округе, собиралась перейти во Второй отдел, а потом в Прокуратуру США. Все было предначертано — крутая, престижная, пугающая лестница. В любом случае мы же праздновали. Мы собирались пожениться.

— Мог ты себе представить в день нашего знакомства, что мы поженимся? — спросила я, когда он заказал себе еще бокал, а джазовый оркестр начал исполнять новую мелодию. В зале было дымно, многолюдно, идеально. Я выхожу замуж. Наконец после стольких лет я снова обрету семью.

— Да черт его знает! — Сэм рассмеялся слишком громко, и я сделала еще один глоток.

— Не на такой романтический ответ я рассчитывала, — пошутила я, но меня это укололо. Вот в чем проблема с такими вечерами — вечерами вашей помолвки — ставки слишком высоки. — Лично я поняла это в ту секунду, как я тебя увидела. Хотя, может, я напридумывала себе всякого.

— Я не это имел в виду! — весело сказал Сэм, не понимая, что задел меня. Он был уже пьян. — Ты меня покорила. В этом я не сомневаюсь, просто детали разговора уже подстерлись. Мы же пили тогда несколько часов кряду. Но кому нужны детали, если вот она ты?!

Я рассмеялась, потому что именно это мне больше всего нравилось в наших с Сэмом отношениях — в отличие от многих пар мы не притворялись идеальными. Мы были честны в том, что касалось собственных недостатков. Быть честным лучше, чем быть идеальным.

Мод что-то сказала.

— Что, простите? — спросила я.

— Почему они решили, что ее убил Зак? — поинтересовалась она, похоже, уже во второй раз.

— Нашли на месте преступления клюшку для гольфа. Ну, и он обнаружил Аманду. Это их дом. Он ее муж. Обычное предположение. Кроме того, они были на вашей вечеринке, так что...

— На нашей вечеринке? — в голосе Мод послышалась нервозность. — Как это связано?

— Насколько мне известно, это... — Замешательство смерти подобно. Пришлось выдавливать из себя слова, чтобы они звучали непринужденно: — В полиции сказали, что это была групповуха и раньше у вас уже возникали проблемы.

— В полиции... — Себ фыркнул. — Нужно поблагодарить наших ненормальных соседей, которые каждый год называют в полицию. Эта соседка очень старая, очень злая, она расистка, я уверен. Если бы

мы с Мод оба были белыми, то подозреваю, она никогда не позвонила бы в полицию. В любом случае в прошлом году полицейские упаковали двух папаш, поскольку они затеяли какой-то глупый спор об американском футболе или что-то в этом роде. Если бы не вызвали полицию, то ничего бы и не было. Это просто ерунда.

— Я знаю, как звучат рассказы о походах «наверх», — сказала Мод с серьезным видом, — но ничего особенного не происходит. Участвуют всего несколько человек, и все тайно.

У Себа зазвонил телефон.

— Простите, это из больницы. Мне нужно ответить.

— Разумеется, — сказала я, и Себ стремительно вышел из комнаты.

— Полиция вас уже допрашивала? — спросила я у Мод, оставшись с ней наедине.

— Еще нет. Должны прийти завтра утром.

— Они вообще сюда еще не приходили?

— А это проблема? — Она снова занервничала.

— Это последнее место, где Аманду видели живой, — сказала я. Неужели прокуратура уже так уверена в своей победе, что им даже *не требуется* поговорить с кем-то еще? — Мне бы казалось, им захочется получить список приглашенных и все такое.

— Может, они уже получили его от Сары. С ней уже говорили. — Мод немного помолчала. — Мне жаль, что Зака избili в тюрьме. Будет ужасно, если с ним что-то случится. Особенно для бедняжки Кейза.

Я решила поднять ставки:

— Да, в Райкерсе ложное обвинение может стать смертным приговором.

— Смертным приговором? — Мод побледнела. — Но что тогда будет с Кейзом?

Я почувствовала, как чувство вины обожгло меня где-то внизу живота. Может, я слегка преувеличила серьезность ситуации, но это была не выдумка. На Зака же напали.

— Я же не говорю, что это непременно произойдет, — продолжила я, — просто хочу сказать, что такое не исключено. Вот почему я стараюсь изо всех сил добиться для Зака освобождения под залог. Я уверена, на суде его оправдают.

— Чем мы можем помочь? — спросила Мод.

— Вы говорили с Заком или Амандой на вечеринке?

Мод кивнула:

— С Амандой, но очень коротко.

— Какой она вам показалась?

— Милой и приятной, как и всегда. Она пыталась меня утешить по поводу дочери... у нее небольшие... ммм... проблемы. Аманда всегда была хорошей подругой и умела поддержать. — Мод молча уставилась в свой бокал. — Слушайте, я *знаю*, что Зак не убивал Аманду. Просто я была с ним, когда она погибла.

— Что, простите?!

Она закрыла глаза, и я увидела, как ее челюсть напряглась.

— Мы с Заком были вместе, когда Аманда погибла.

Она же это несерьезно, да?

— Вместе в *том самом* смысле? — уточнила я.

Когда Мод наконец подняла голову, ее глаза были холодными, почти злыми. Как будто я клещами вытянула из нее это признание, а не она сама решилась.

— Да.

— Ох. — У меня снова запылали щеки.

Черт побери, почему Зак мне ничего не сказал? Волновался, как это будет выглядеть со стороны? Учитывая совпадение временных промежутков, это дает ему алиби, а это уже *серьезно*. С другой стороны, измена не добавляет очков в колонку «невиновен». Опытному обвинителю это на руку. Вот у нас тут чувак, который хотел переспать с другой женщиной, а именно с роскошной женщиной по имени Мод, которая здесь присутствует во плоти. Вот почему он прикончил свою жену. Жюри присяжных может поверить в это, хотя Аманда и сама была очень красива. Но все же алиби — это и есть алиби.

Я с трудом сглотнула.

— А в котором часу Зак ушел?

— Поздно... может, в два? — холодно ответила Мод. — В любом случае вы можете сказать, что мы были вместе. Ну, полиции.

Разумеется — если не считать того, что это означает супружескую неверность Зака, — я не знала, поможет ли это алиби, пока мне неизвестно точное время смерти Аманды и время, когда Зак позвонил

в службу спасения. Но до этого еще далеко. Заку еще пока не предъявлено обвинение в убийстве Аманды.

— Наверное, это один из моментов, который может как оказаться полезен, так и сослужить медвежью услугу. — Мне не нравилось, какой гибкой становилась правда в устах Мод. — Но вы должны быть совершенно честны, когда вас будет допрашивать полиция.

— Ну да... — Казалось, Мод снова заволновалась. — Это алиби не развалит дело? Если Зак не был там, когда погибла Аманда, то очевидно, что он ее не убивал?

— Все не так просто, — ответила я. Это правда. — Неподтвержденное алиби от свидетельницы, которая знает обвиняемого, не слишком веское.

— Вы хотите сказать, что они мне не поверят?

— Могут не поверить.

Правда в том, что я даже сама не была уверена, что верю ей. Мод в постели с Заком — это шло вразрез со всем, что мне рассказали Зак и Сара. И почему Мод сердится?

— Вас кто-нибудь видел вместе?

— Нет, — сказала она. — То есть я так не думаю.

— Вечеринка все еще продолжалась в два ночи?

— Нет, нет. К этому времени все уже закончилось.

В ее истории начали зиять несостыковки.

— Но Себ был там?

— Да, — ответила она, но неуверенно.

— То есть он сможет подтвердить алиби, — сказала я. — Очевидно, было бы лучше, если бы вы не были женаты.

— Да. — Мод выдавила еле заметную улыбку. — Но думаю, этого мы не можем изменить.

— Аманда упоминала о каких бы то ни было проблемах? — спросила я. — Накануне вечеринки.

— Нет.

— Что-то из ее прошлого приходит на ум? Может быть, что-то о ее семье.

Мне нужно быть очень аккуратной с тем, что я обнаружила в дневниках Аманды. Дело даже не в том, чтобы защитить частную жизнь Аманды. Я не хотела, чтобы информация о преследователе просочилась к обвинению. Это даст им больше времени, чтобы

доказать, что он — кто бы это ни был — не годится на роль подозреваемого. Чтобы суд не мог затребовать все до единого дневники Аманды, вырвав их вместе с другими секретами, которые они могут хранить, из моих рук.

— Я думаю, что у нее и правда было тяжелое детство, — сказала Мод. — Она особо не распространялась на этот счет, но что-то упоминала на дне рождения Керри — это муж Сары. Я так поняла, что там была какая-то темная история.

— А вы знали ее подругу Кэролин? Никак не могу на нее выйти.

— Аманда ее упоминала, — сказала Мод, — но мы никогда не встречались.

— Вы, случайно, не знаете ее фамилию или место работы?

— Нет, простите.

— Аманда рассказывала вам о том, что кто-то посылал ей цветы? О нежелательных звонках или что-то в этом роде?

— Нет. — Мод выглядела обеспокоенной. — А такое было?

— У меня есть основания думать, что да.

— Почему она нам не рассказала?

Я пожала плечами:

— Иногда проще притвориться, что что-то не происходит, сохранив это в секрете ото всех.

Ого! Это объяснение с легкостью слетело с губ.

— Но мы ведь были подругами. — Глаза Мод наполнились слезами. — Мы бы помогли. Что бы там у нее ни случилось. — Она вытерла щеки тыльной стороной ладони. — Я не хотела так расклеиться. Слезами горю не поможешь. Просто моя дочь... Из-за нее и из-за Аманды все непросто...

— Мне в любом случае пора. — Я встала. — Спасибо, что уделили мне время. Я могу позвонить, если появятся дополнительные вопросы?

— Конечно, — ответила Мод. — Что вы намерены делать дальше?

— В первую очередь вытащить Зака из Райкерса под залог. Но это просто технические нюансы. После этого, учитывая, что Зака обвинят в убийстве, мы начнем сбор фактов, опрос свидетелей. Нам может потребоваться ваша помощь.

— Разумеется, я помогу. Можно я позвоню, чтобы узнать новости? Учитывая все обстоятельства и... вечеринку... думаю, мы все в какой-

то мере ответственны. Особенно перед Кейзом. У вас есть карточка?

— Есть. — Я принялась копаться в сумке, но визиток не оказалось. После обнаружения этой сережки я так отвлеклась, что оставила дома и их, и еще бог знает какие важные вещи. — Ох, с собой нет. Вы можете позвонить мне по мобильному, с которого я вам звонила. — Судя по тому, как Мод на меня смотрела, она хотела чего-то посущественнее, чем просто слова. Не исключаю, что она не верила, что я та, за кого себя выдаю. — Хотите, могу прислать вам свою контактную информацию?

— Было бы здорово, — ответила Мод.

Я прокрутила вниз контакты, которые сохранила перед началом работы в «Янг & Крейн», до довольно расплывчатого «Новый офис» и отправила Мод адрес и номер прямого телефона.

— Вы можете звонить мне в любое время, — сказала я, хотя Мод, казалось, испытала настолько сильное облегчение, что я даже пожалела, что дала ей свои контактные данные. Я направилась к двери. — Спасибо, что уделили время.

Было около четырех часов, когда я остановилась рядом с гастрономом на углу Седьмой авеню и Флэтбаш неподалеку от выхода к поездам подземки. Я быстро изучила полки с газетами, нет ли там «Нью-Йорк таймс» или «Дейли ньюс», которые всегда освещали всякие дешевые сенсации. Группа богатеньких родителей с Центр-Слоуп, свингерская вечеринка и гибель роскошной красавицы — тройной выигрыш для таблоидов. Рано или поздно заголовки типа «Убийство после групповухи» или «Горячие мамочки с Центр-Слоуп» украсят их первые полосы. Но сегодняшние выпуски были посвящены коррупционным скандалам в транспортном управлении Нью-Йорка, когда одному водителю выплачивали сотни тысяч долларов за сверхурочные.

Внезапно у меня закружилась голова. Жара, недосып, эмоциональное опустошение прошлым вечером. А еще я ничего не ела весь день. Я схватилась за дверной косяк, входя в гастроном.

Около минуты я бесцельно торчала в магазине, а потом подошла к кассе с диетической колой, упаковкой «Эм энд эмс», пачкой жевательных конфет и шоколадкой.

— Надеюсь, вы не будете весь день питаться только этим, — сказал дружелюбный парень за кассой, покачав головой с серьезным

видом. — Столько сахара вредно для здоровья.

— Разумеется, нет! — уверила я, хотя собиралась сделать именно это в ту же секунду, как окажусь на улице.

Он отсчитывал мне сдачу, и тут я заметила коробку спичек рядом с кассовым аппаратом. «Энид». Я взяла один коробок. Сердце бешено заколотилось.

— А откуда у вас такие? — спросила я.

А вот и альтернативная версия в деле против Сэма. Может, он вчера и не ходил пить. Конкретно этот гастроним всего в двадцати кварталах от нашей квартиры, а Сэму не очень нравился Центральный Слоуп — слишком уж много банкиров и латте за пять долларов — поэтому не думаю, что спички у него из этого магазинчика. Но если в этом гастрониме есть такие спички, то они могут быть и в других. А если я ошибалась насчет его похода в бар «Энид», то могла сделать неправильный вывод и относительно сережки. Может, в конце концов он был и остается добрым самаритянином? Может, она вообще случайно упала в его сумку. Почему это правдоподобное объяснение не пришло мне раньше на ум? В конце концов в Нью-Йорке толпы народа. Кто знал, сколько других возможностей я упустила из вида?

— Такие что? — Парень посмотрел на меня поверх очков для чтения.

— Спички! — Я показала пачку. — Они же из бара в Гринпойнт, так ведь?

— Закрылся. Двадцать лет работал. — Он покачал головой. — А теперь оптовик, продающий сигареты, бесплатно дает спички.

Свидетельские показания перед большим жюри

Детектив Роберт Мендес вызван в качестве свидетеля седьмого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Доброе утро, детектив Мендес.

О: Доброе утро!

В: Вы были в Монтгомери-Плейс, 597, ночью второго июля?

О: Да.

В: Что вы сделали после прибытия на место преступления?

О: Подошел к мистеру Грейсону и попросил его выйти со мной на улицу, чтобы дать криминалистам возможность поработать. А еще я подумал, что там будет лучше для самого мистера Грейсона. Обычно лучше не пускать родственников на такие места преступлений.

В: Что вы имеете в виду под «такими местами преступлений»?

О: Состояние тела жены мистера Грейсона. Ей было нанесено множество травм. Все залито кровью.

В: Мистер Грейсон вышел с вами на улицу?

О: В тот раз нет.

В: Почему?

О: Непонятно.

В: Он сказал, что не хочет оставлять свою жену?

О: Нет. Он вообще ничего не говорил про нее.

В: А помните, что он вообще говорил?

О: Просто спорил в агрессивной манере. Постоянно спрашивал, зачем ему вообще куда-то уходить. Мне кажется, он сказал, что это его «чертов дом», что странно при данных обстоятельствах.

В: При каких обстоятельствах?

О: Ну, его жена погибла, а он говорит таким тоном.

В: Каким таким?

О: Скорее злым, чем подавленным.

В: Он злился все то время, пока вы были там?

О: Да.

В: В какой-то момент вам показалось, что он расстроился или готов заплакать?

О: Ничего такого.

В: Вы заметили кровь на мистере Грейсоне? На одежде, на руках? Хоть где-то.

О: Только на подошвах ботинок.

В: Мог ли он дотронуться до своей жены, чтобы сделать ей искусственное дыхание, но при этом не перепачкаться кровью?

О: Не думаю.

В: Были ли еще какие-то признаки того, что он пытался привести свою жену в чувство?

О: Нет, насколько я понимаю.

В: Но если бы это он убил жену, то был бы в крови?

О: Да. Мы считаем, что он переоделся и избавился от грязной одежды до нашего прибытия на место преступления.

В: Вы нашли эту одежду?

О: Пока нет. Но в Центр-Слоуп полно мусорных баков.

В: Вы спрашивали мистера Грейсона, где он был во время убийства жены?

О: Он сказал, что обнаружил жену, когда вернулся домой после прогулки по променаду Бруклин-Хайтс.

В: Вы сочли такой ответ заслуживающим доверия?

О: Нет.

В: Почему нет?

О: Я не поверил, что он отправился прогуляться в такое позднее время. Мистер Грейсон утверждал, что он шел пешком до дома с Бруклин-Хайтс. А это пара миль от Центр-Слоуп.

В: Было ли что-то еще, из-за чего вы заподозрили мистера Грейсона в убийстве жены?

О: Разумеется. Отсутствовали следы взлома, рядом с телом лежала его клюшка для гольфа. А еще он не проявлял эмоций, а ведь его жена погибла.

В: Вам удалось в итоге вывести мистера Грейсона наружу?

О: Только после того, как он ударил одного из офицеров при исполнении по лицу и его арестовали.

Аманда

За три дня до вечеринки

— А вот и она! Не вешайте трубку! — рявкнула Сара, когда Аманда вышла из лифта. Она стояла возле стола администратора, с деланным раздражением сжимая телефон. Она наклонилась и нажала кнопку на консоли, закатила глаза. — Слава богу, ты тут! Этот человек очень рвется поговорить с тобой!

У Аманды сдавило грудь.

— Кто? — Она старалась придать голосу беззаботности, но по шее сзади потекла капля пота.

— Какой-то придурок, который даже имени своего не называет. Как будто боится, что я отслеживаю твои звонки. — Она озорно улыбнулась. — Я могу повесить трубку, если попросишь. Лично я о-о-о-очень этого бы хотела.

— Нет, нет, не вешай, — сказала Аманда. Что, если отец наконец попросит денег, которых он так жаждет? Это ее шанс покончить с ним. Аманда оплачивает счета, она могла бы выписать чек, не ставя в известность Зака. — Я поговорю. У себя в кабинете.

— М-м-м... — Сара нахмурилась. — Ты мне нравишься, Мэнди, но порой ты слишком часто идешь всем на уступки.

Мэнди. Сара никогда так раньше не называла Аманду, и для нее это значило куда больше, чем должно было. Она это понимала. Но это было лишнее доказательство того, что они настоящие подруги. Она просто не могла позволить, чтобы неловкая ситуация с отцом перевернула вверх дном все то хорошее, что у нее есть в жизни.

Нужно положить этому конец.

— Спасибо, Сара! — воскликнула Аманда, улыбнувшись еще раз, прежде чем удалиться в свой кабинет и закрыть за собой дверь. Она сделала глубокий вдох, опершись на стол, после чего взяла трубку. — Аманда Грейсон.

— Добрый день, миссис Грейсон! Это Тедди Бакли.

Голос на том конце был молодым, слишком молодым, чтобы быть голосом ее отца, даже если он попытался прикинуться кем-то другим.

— Миссис Грейсон? — Ее собеседник был обеспокоен. — Вы тут?

— Да, да, я вас слушаю, — ответила Аманда, но больше ей сказать было нечего, поскольку у нее не было ни одного знакомого по имени Тедди Бакли.

— Я изучал документы фонда перед встречей совета директоров, и мне нужно обсудить с вами кое-что важное.

— О чем вы? Вы вообще кто?

— Ваш бухгалтер? — Тедди Бакли произнес эти слова с вопросительной интонацией. — «ПрайсуотерхаусКуперс»^[6].

— Ох, Сара, женщина, с которой вы только что беседовали, мой заместитель. Бюджетом занимается она.

— Миссис Грейсон, мне нужно поговорить с вами лично. — Тедди Бакли проявил настойчивость. — Это правда очень срочно. Я пытался дозвониться до вашего мужа, но...

— Сара, — повторила Аманда, — отвечает за финансы.

— Мне нужно поговорить *с вами*, — не унимался он. — Давайте встретимся в вашем офисе завтра в восемь утра?

Если она не захочет встречаться с этим бухгалтером, то и не будет. Что бы они там ни запланировали.

— Хорошо, конечно, — сказала Аманда. Ее голос вновь обрел ту утонченность, которую она оттачивала годами. — Завтра в восемь было бы изумительно.

Изумительно — отличное слово, хотя, наверное, слишком громко сказано в этих-то обстоятельствах.

— Отлично, — скептически ответил Тедди. — Увидимся. До свидания!

Словно по сигналу, стоило Аманде повесить трубку, в дверях кабинета материализовалась Сара.

— Все нормально?

— Я не уверена. Это звонил бухгалтер. Он был очень настойчив, — сказала Аманда. — Но не стал объяснять, что случилось. Видимо, придется встречаться.

Сара прищурилась:

— Это странно, да?

— Ну да, — ответила Аманда. — Наверное, мне нужно отправить тебя вместо себя на встречу.

— Рада буду сыграть роль плохого полицейского. — Глаза Сары заблестели от удовольствия. При условии, что вы с Заком *вдвоем* придете сегодня на ужин по случаю дня рождения Керри.

Аманда улыбнулась:

— Мы не пропустим это событие. Звучит изумительно!

Вот тут слово «изумительно» лучше подходило. Тоже немного перебор, но Сара ничего такого не сказала. Она посмотрела на часы:

— Мне пора бежать, если вы не возражаете, босс? Мне нужно еще испечь торт и надраить дом. У меня в восемь! — Она сначала показала растопыренными пальцами на свои глаза, а потом направила их в сторону Аманды. — Я буду ждать вас *обоих!*

Аманда провела больше сорока минут, пытаясь найти идеальный подарок для Керри в магазине в Центр-Слоуп. По крайней мере она знала, что Керри коллекционирует виски и вина, так что выбрать для него что-то было не так сложно, как для Зака. Даже после стольких лет Аманда не могла с уверенностью утверждать, что именно муж рад был бы получить в подарок. Единственное, что точно доставляло ему удовольствие, — его работа.

Аманда заметила одну особенно дорогую бутылку виски из Корка на верхней полке. Семья Керри ведь родом из этого города? Он как-то раз упоминал об этом, Аманда почти не сомневалась. Она изучила бутылку. Это был очень дорогой виски, порой такие дорогие подарки ставят людей в неловкое положение. Как-то раз Аманда подарила браслет одной женщине, которая вместе с ней ходила на занятия теннисом в Пало-Альто. Выбрала его потому, что он был голубым — любимый цвет Пэм, так звали ту женщину. Она даже не задумывалась о цене, пока Пэм весьма решительно не заявила, что не может принять «такой подарок», а после этого и вовсе стала избегать Аманду.

Но бутылка виски была бы благодарностью за всю ту помощь, что оказал ей Керри, который прибегал к ней по разным поводам, начиная от пустяковых, например достать бейсбольные карточки Кейза поздно вечером в воскресенье, до самоотверженных подвигов, как когда потребовалось выдворить огромного больного енота, поскольку Кейз ужасно испугался, что зверь может подохнуть прямо у них на заднем

дворе среди засохших кустов сирени. Подарок стал бы не только благодарностью Керри, но и извинением за отсутствие Зака, хотя определенно обидится не Керри, а Зак. Керри ни за что не сказал бы ничего о браке Аманды и не стал бы спрашивать с осуждением, куда подевался Зак. Себ вообще не заметил бы, что Зака нет. Так устроены мужчины в том, что касается личных подробностей — равнодушны. Особенно к тем подробностям, где есть хоть какой-то намек на проблемы. Честно говоря, порой это значительно облегчает жизнь.

Аманда все еще размышляла, купить ли ей эту бутылку виски, когда от Сары пришло сообщение: «Не могу дождаться, чтобы наконец познакомиться с Заком!» Взгляд Аманды метнулся с текста на абсурдно дорогой виски.

— Я возьму! — сказала она продавцу, который посматривал на нее с интересом с той самой минуты, как она вошла в магазин. — Можете завернуть?

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

29 июня

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о важных событиях в ходе расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

Сегодня мать из семьи 0006 связалась с нашим офисом. Младший детектив, который беседовал с ней, сообщил, что она была «не в себе». Она требовала, чтобы ей предоставили дополнительную информацию относительно материалов порнографического характера, которые были направлены ей по электронной почте вместе с требованием денежного перевода. Она потребовала, чтобы материалы были удалены с компьютера и помещены на переносной дисковод. Детектив предложил обратиться в компании, которые выполняют подобные задания, но подчеркнул, что специалисты «Крелл» не имеют возможности помочь ей в ее личной ситуации, которая выходит за рамки оценки последствий взлома компьютерной системы.

Женщина с уверенностью заявила, что школа и «Крелл» должны взять на себя организацию экспертизы с целью установления, были ли порнографические материалы загружены на ее компьютер предполагаемыми злоумышленниками, а не находились там с самого начала. Нет причин полагать, что предполагаемые злоумышленники загружали какие-то файлы на компьютеры родственников учащихся. Они воспользовались ранее загруженными файлами и другими данными. Порнографические материалы принадлежат кому-то из

членов семьи 0006. Мать учащейся была проинформирована об этом. Она пригрозила, что подаст в суд на школу, что в любом случае означает ущерб для репутации. Для того чтобы избежать судебного иска, мы рекомендуем силами «Крелл» организовать экспертизу компьютера семьи 0006.

Лиззи

9 июля, четверг

Как и залу судебных заседаний в Бруклинском уголовном суде, так и залу, где должно было состояться слушание по обжалованию меры пресечения в отношении Зака, недоставало исторического величия Манхэттенского федерального суда или суда штата. Но по крайней мере он располагался несколькими этажами выше, был куда больше по площади и казался более представительным.

Вэнди Уоллес не приехала, насколько я могла судить. Пустой стол прокурора ждал своего часа, а в самом зале собралась лишь жалкая горстка зрителей. С другой стороны, я ведь не знала, как выглядит Вэнди Уоллес. Я начала искать данные в интернете, но остановилась, когда обнаружила статью, в которой ее описывали кровожадной. Отсутствие подготовки — хорошая подготовка.

Пола тоже пока не было. Несмотря на то что экстренное слушание назначили в последнюю минуту через поверенного только накануне вечером, Пол с присущей ему раздражающей готовностью заверил, что он придет. Словно бы мне требовалась его помощь. А мне она не требовалась. Когда я сомневалась, хватит ли моих навыков, чтобы взять дело Зака, то беспокоилась о хитросплетениях динамичного полномасштабного судебного процесса по убийству. Сегодняшнее слушание по пересмотру решения о залоге было незамысловатым судебным спором, в каких я отменно разбиралась. Четко аргументированное письменное ходатайство, понятные доводы, присутствие хорошо проинформированного судьи — и я могла бы выиграть судебный спор, причем *любой*.

Может, даже этот, хотя по формальным признакам дело было проигрышным, но я не сдавалась. Записка по делу была отлично составлена, насколько возможно, наши доводы достаточно сильны. Плюс правосудие на нашей стороне: Зак не должен сидеть в Райкерсе лишь потому, что случайно попал локтем в лицо офицеру. Я предпочла бы не представлять Зака в суде, но, прочитав последние дневники

Аманды, во всех деталях описывающие, как кто-то ее преследует, я по крайней мере прониклась уверенностью, что он невиновен.

Я даже слегка расслабилась в отношении Сэма и дурацкой сережки. Я слишком поспешно сделала самый неприятный из возможных выводов, и теперь мне это было очевидно. Да, мне годами приходилось терпеть поведение Сэма, по большей мере именно поэтому я сразу выбрала худший из возможных сценариев. Но дело не только в этом. На меня давил и мой собственный багаж. Обнаружение спичек в гастрономе помогло взглянуть на ситуацию шире. Да и Сэм, который встал раньше меня сегодня утром, снова доказал, что надежда еще не потеряна.

— Сколько времени? — спросила я, заволновавшись, что умудрилась проспять суд. Сэм никогда не вставал раньше меня.

— Почти шесть, — ответил он. — Я собираюсь на пробежку.

— На пробежку?

Сэм в колледже был членом команды по кроссу и успел поучаствовать в двух марафонах еще до того, как ему исполнился двадцать один год, ну, по крайней мере, мне так сказали. Но я не успела узнать Сэма-бегуна, единственными воспоминаниями о бывших марафонах были стикеры, которые он клеил на каждый новый компьютер.

Он начал бегать, чтобы порадовать отца — заведомо провальная затея. У его отца нормальными видами спорта считались только футбол, баскетбол, регби, лакросс, с натяжкой американский футбол. Главное — чтобы в процессе мужики сталкивались телами. Подозреваю, что именно недовольный голос в голове Сэма заставил его участвовать в любительских баскетбольных матчах по четвергам в последние месяцы. Хотя остальные игроки были «престарелыми папашами», игра сопровождалась достаточным количеством столкновений, о чем свидетельствовали синяки Сэма.

— Да, на пробежку, — ответил Сэм сегодня утром. Он повернулся ко мне, его глаза горели. — В этот раз я и правда встал на путь исправления, Лиззи. Знаю, я тебе говорил такое уже тысячу раз, но в этот раз я сделаю так, чтобы все получилось. — Он решил не давать обещаний напрямую. — Правда.

Мне оставалось лишь смотреть на его сияющее лицо. Как же мне хотелось верить. Словно моя жизнь зависела от этого.

— Хорошо? — наконец спросил он.

Тут я подумала о сережке. Но я ведь уже ошиблась насчет спичек. А потому в тот момент я снова выбрала надежду. Я выбрала любовь. И молчание.

— Хорошо, — ответила я и не стала ничего спрашивать.

— Доброе утро! — Рядом со мной возник Пол.

Он выглядел даже более импозантно в своем дорогом костюме в темно-синюю клетку. Он подстригся? Если честно, я была даже рада его присутствию. От Пола исходило ощущение победы.

— Доброе утро! — Я протянула копию записки по делу, с грустью осознавая, что мой якобы «дизайнерский» костюм, на самом деле купленный в универмаге сети «Век 21», никого не обманет.

За нашей спиной раздался какой-то шум, и дверь в зал открылась. Вошла седая дама в брючном костюме модного светло-коричневого оттенка и туфлях на шпильках из кожи ящерицы, а за ней по пятам спешили два адвоката в темных костюмах. Пока она шла по центральному проходу, к ней подскочила пара репортеров, но она отмахнулась со сдержанной улыбкой. Для женщины ее возраста лицо было довольно гладким, черты лица благородные, макияж безупречен, как и неброский маникюр. Ее глаза сверкали, когда она обводила взглядом зал, как королева военной эпохи, склонная издавать высочайшие указы и неожиданно атаковать.

Я спрятала обгрызенные ногти под копию записки.

Не смотреть на фотографии Вэнди Уоллес было верным решением. Но в ее внешнем виде было что-то еще. Она казалась чертовски знакомой.

— Это специально, — невыразительно заметил Пол.

— Что именно?

— Все. Эти остроносые туфли и то, как она ходит, цокая каблуками. Ей нравится устрашать. — Он произнес это с неодобрением, но в то же время в голосе чувствовалось восхищение. Их с Вэнди Уоллес тропинки явно пересекались. — Веди себя как ни в чем не бывало. Это ее бесит.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Пол сел за столом защиты справа от меня, положив руки на подлокотники, соединив кончики пальцев так, что сомкнутые руки напоминали церковный

шпиль. Пол смотрел прямо перед собой с нейтральным выражением лица.

И тут я поняла. Сразу все. Та фотография на полке у Пола. Вэнди Уоллес — его первая жена. Та самая, по которой он предположительно сох все эти годы. Я закрыла глаза и прижала ладони к столу. Наверное, Пол вполне обоснованно предположил, что Вэнди назначат обвинителем по этому делу. Ну, тут не нужно было быть семи пядей во лбу. Дело слушается в Бруклине, и это убийство. Наверняка Полу известно и о ее амбициях.

— Ты мог бы мне сказать, что раньше состоял в отношениях с прокурором, — прошипела я.

— Я не знал наверняка. — Он помялся, и на миг мне показалось, что он, возможно, сейчас извинится. — Да и вообще это же ты ко мне пришла, не забыла? Знаешь, она при разводе забрала у меня почти все, и это *она* со мной не разговаривает. — Он посмотрел на меня так, словно я могу дать объяснение этой жестокости, а потом лицо Пола изменилось, и он помрачнел. — Кроме того, я понимаю, какой характер у прокурора. Это может пригодиться.

— Если она тебя ненавидит, то ты скорее навредишь, чем поможешь.

— Что ты имеешь в виду под «ненавистью»? — Он игриво поднял бровь.

Я покачала головой.

— На Зака в Райкерсе снова напали, — огрызнулась я, не в состоянии сдерживать ярость. — Это не игра, ты же понимаешь? Его могут убить.

— Ну, тогда будем надеяться, что слушания пройдут благополучно, — сухо заметил Пол. Он нацепил темные очки для чтения и пробежался по записке, которую до этого явно не читал. — У нас есть подтверждение, что с тем старым ордером все улажено? — Его голос снова обрел военную четкость.

Я рассеянно кивнула:

— Приложение 3.

— Его оштрафовали за то, что он слонялся с подозрительными целями? — поинтересовался Пол, вчитываясь в документ.

— Да. — Я уже заняла оборону.

— Что это за студент юрфака, который просто не ушел, когда полиция попросила его уйти? — спросил он. — Одно дело, если бы он устроил пикет против расовой дискриминации или чего-то в этом духе, но он ведь белый, да? Тогда зачем? Кого-то выслеживал?

— Понятия не имею, — буркнула я. Меня раздражали догадки Пола, высказанные в последнюю минуту, не важно, попал он в точку или нет.

— Напоминает мне одного партнера, от которого я избавился, — мрачно заметил Пол, пролистывая бумаги. — Он нарисовался не у одной, а сразу у двух разных помощниц юриста практически на пороге как раз вовремя, предложил донести покупки. А когда его в лоб спросили об этом невероятном совпадении, знаешь, что он ответил?

— Нет, не знаю, — ответила я, даже не пытаюсь скрыть нетерпение.

— Иногда стоит показать людям, что им нужно. — Пол покачал головой. — Нарциссизм чистой воды. Некоторые козлы считают, что правила писаны не для них.

— Очень полезно, спасибо. Я знаю, что все способны на любые поступки. А ты вообще помнишь, что сидишь за столом защиты? Просто Вэнди Уоллес во-о-он там, на случай если ты предпочтешь помочь ей.

Пол стрельнул в меня глазами, но, к счастью, дверь в кабинет судьи распахнулась прежде, чем он успел осадить меня.

— Всем встать! — рявкнул дородный, на вид суровый секретарь, и судья вошел в зал.

— Председательствует ее честь судья Реджи Юй!

Только услышав за спиной громкий шум, когда все поднялись с мест, я поняла, как много людей собралось в зале. Я бросила взгляд через плечо и узнала нескольких журналистов из местных криминальных хроник, которые следили за моими собственными резонансными делами, пока я работала в прокуратуре. Репортеры слетелись, определенно так захотела Вэнди Уоллес. Судья Юй была миниатюрной женщиной с безвкусным каре и командирскими замашками, старше меня, но младше Пола и Вэнди. Ей было пятьдесят два, если быть точной. Я это знала, потому что нашла всю информацию, когда узнала, что нам назначили ее. Время от времени встает на сторону защиты. Оставалось только надеяться, что это преуменьшение.

— Слушается дело 45362, против Зака Грейсона! — объявил секретарь.

— Я прочла материалы дела, — сказала судья Юй. — Хочу сначала заслушать сторону защиты.

— Ваша честь, подзащитный — успешный бизнесмен, отец и уважаемый член бруклинского общества, — начала я. Спокойно, уверенно. — У него нет никакого криминального прошлого, и сейчас ему вменяется нападение на офицера полиции, тогда как это чистая случайность, имевшая место спустя несколько минут после того, как он обнаружил свою жену мертвой и, очевидно, пребывал в расстроенных чувствах. При этом его удерживают без возможности выйти под залог в Райкерсе, где его систематически избивают.

Судья Юй холодно взглянула на меня через нелепые огромные очки с красными линзами.

— Вы хотите, чтобы я вынесла решение, отличное от решения судьи, который председательствовал на слушании по делу об обвинении?

Ожидаемый ответ. Это общепринятый стандарт — все зависит от того, превысил ли предыдущий судья полномочия. Я была готова.

— Мы всего лишь просим, чтобы в отношении моего клиента применялись общепринятые нормы в реализации его права на выход под залог. Единственный вопрос, который должен решить суд, — существует ли риск побега моего клиента с учетом вменяемого ему преступления, а именно сопротивления аресту. Оставим за скобками недостаточность доказательств в поддержку этого обвинения. Судье продемонстрировали жестокие фотографии с места убийства, которые сформировали предвзятое отношение. На судью было оказано неправомерное влияние, ваша честь.

— Погодите, о каком убийстве вы говорите? — Судья Юй теряла терпение.

— Аманда Грейсон, супруга моего клиента, скончалась в своем доме, очевидно, от травмы головы, которая...

— Очевидно, от травмы головы? — хохотнула Вэнди Уоллес, словно бы не сумев сдержаться. — Ей размозжили череп, ваша честь. Забили до смерти клюшкой для гольфа в доме подзащитного, и труп обнаружил именно подзащитный, когда вернулся домой после попойки на свингерской вечеринке...

— Протестую! — гаркнула я.

Хотя возражать не имело смысла. Присяжных не было, это даже не суд. Но ее слова меня взбесили. Вэнди Уоллес упомянула почти все дискредитирующие доказательства за исключением разве что фотографий с места преступления.

— А что по поводу ордера? — уточнила судья Юй, нахмутив лоб и кивнув своему секретарю, который передал ей бумаги. — Так, подозрительное поведение, апрель 2007 года. Суд обращался к этому делу, но онлайн не нашлось никакой дополнительной информации.

Ее опасения были понятны. Ни один судья не захочет брать на себя ответственность за то, что проигнорировал действующий ордер в деле, где кто-то погиб. Даже если разбираемое сейчас дело не касалось убийства, оно бросало тень на Зака.

— Это неоплаченный штраф, который моему клиенту выписали в студенческие времена. Невинная оплошность, не говоря уж о том, что сама история очень древняя, — сказала я. — Как бы то ни было, штраф оплачен, ордер отозван.

— А что конкретно подразумевается под «подозрительным поведением»? — спросила судья Юй, скептически наморщив лоб.

Кроме акций политического протеста, подобное поведение студента юрфака казалось странным, тут судья Юй была права. Почему Зак просто не ушел, когда офицер полиции попросил его? Теперь я пожалела, что не узнала поподробнее ничего об ордере, но документы еще не передали мне из секретариата. У меня не оставалось выбора, кроме как положиться на рассказ Зака, а он мне особо не помог.

— В тот момент мэрия приняла чрезвычайно агрессивное распоряжение, теория разбитых окон^[7] и все такое, — заявила я судье Юй настолько решительно, насколько могла, в надежде, что благодаря этому отговорка покажется более правдоподобной, чем она прозвучала, даже для меня.

— Теория разбитых окон, — насмешливо произнесла судья. — Вашему клиенту повезло, что он белый, а не то уже был бы мертв.

Вот оно, то самое «вставание на сторону защиты». На секунду я перетянула судью на нашу сторону. Мне нужно было ухватиться за эту возможность.

— Ваша честь, в тот вечер мой клиент только что нашел у себя дома труп жены. Он был в полном эмоциональном смятении, когда случайно ударил локтем офицера, стоявшего позади него. Учитывая все обстоятельства, я считаю, что сторона обвинения никогда не найдет жюри присяжных, готовых признать виновным человека за такое правонарушение, и тем не менее моего клиента удерживают в Райкерсе, где его уже трижды избивали. Ужасное нарушение правосудия, ваша честь! Ошибка, которая может стоить моему клиенту жизни.

— Звучит как превышение полномочий, советник, — сказала судья Юй Вэнди Уоллес. — Я одобряю дальновидность, с которой обвинение предъявило предыдущему судье фотографии с места убийства, хотя подзащитного в нем еще даже не обвинили, но, как верно заметила сторона защиты, они не имеют отношения к нашему делу.

Пол написал в блокноте: «Спроси насчет помощника прокурора Льюиса, который присутствовал на месте преступления. Уверен, он даже не дежурил в тот день».

Какая разница? — хотелось мне написать в ответ, но времени не было. Государственный защитник Зака и сам Зак говорили о помощнике прокурора.

— Кроме того, ваша честь, все случилось, когда помощник прокурора Льюис появился на месте преступления, — начала я, решив идти ва-банк. — Насколько я понимаю, в ту ночь он даже не должен был выезжать на убийство.

— Тогда что он там делал? — поинтересовалась судья Юй. К несчастью, она при этом смотрела на меня.

— Я не знаю, ваша честь. Сама задаюсь этим вопросом, — ответила я. — Наверное, миссис Уоллес или кто-то еще в офисе окружного прокурора велели ему найти причину для ареста, поскольку дело обещает быть резонансным. — Я мысленно приготовилась к тому, что Вэнди выкрикнет протест, но она лишь холодно уставилась на меня, а это куда хуже. — Как только помощник окружного прокурора Льюис прибыл на место происшествия вместе с детективом Мендесом, с моим клиентом грубо обращались, чем усугубили ситуацию, в результате он непреднамеренно нанес увечье офицеру. Офис окружного прокурора успешно создал повод для ареста моего клиента,

который теперь они используют как повод для содержания его в Райкерсе, пока они ведут расследование убийства. Это nepозволительное раскручивание ситуации.

Наконец судья Юй повернулась к Вэнди Уоллес.

— Что там за история с этим помощником окружного прокурора... — она сверилась со своими записями. — Льюисом?

— Никакой истории, ваша честь. Это обычная процедура — вызывать помощника окружного прокурора на все убийства. И этим помощником в тот день был Льюис. Может быть, кто-то отпросился из-за болей в животе или на свидание, а Льюис заступил на дежурство. Насколько мне известно, офис окружного прокурора не обязан предоставлять защите доказательства в виде графика дежурств сотрудников. — Вэнди Уоллес в этот раз опустила взгляд на Пола и посмотрела на него так, словно хотела испепелить. — Вся эта дискуссия в любом случае не представляет важности, — произнесла она, растягивая слова, а потом подошла к судье и протянула какой-то документ. — Большое жюри присяжных только что вернуло обвинительный акт против Зака Грейсона. Его обвиняют в убийстве первой степени^[8], ставшем причиной смерти его супруги Аманды Грейсон.

Я ожидала чего-то подобного и была готова.

— Ваша честь, защита возражает против изменений в обвинительный акт. Подзащитному не предоставили возможности дать свидетельские показания. Это явное нарушение статьи 190.50 о привилегии на дачу показаний. Повод аннулировать обвинительный акт.

Все это чистая правда. Это нарушение процессуальных правил, когда подзащитному не предоставляют возможности дать показания перед большим жюри, которое выдвигает обвинение. Причем нарушение настолько серьезное, что обвинительный акт может быть отозван. Может, у меня и нет опыта выступлений в суде штата, но я отлично выполнила домашнюю работу. К сожалению, я подготовилась и к возможному ответу Вэнди Уоллес, вот почему я уже понимала, что вряд ли смогу добиться своего.

— Погодите-ка, так ваш клиент *хочет* дать свидетельские показания? — Вэнди Уоллес повернулась ко мне, слегка склонив

голову набок. — Потому что мы с радостью отзовем обвинительный акт, чтобы заслушать его показания.

Вот и оно. Разумеется, я не хотела, чтобы Зак давал свидетельские показания. Для подзащитного давать показания перед большим жури, пусть даже он ни в чем не виноват, равносильно самоубийству. Во время заседаний большого жури подзащитного подробно допрашивают в отсутствие судьи, в результате добываясь массы различных свидетельств, которые потом с легкостью можно использовать в суде. Нетушки. Ни за что. Но стоило попытаться выдвинуть возражение. Обвинители, даже такие опытные, как Вэнди Уоллес, тоже допускают ошибки.

— Так что же, советник, ваш клиент готов давать показания? — спросила судья Юй. Она знала, чем все закончится. Как и все мы. Это будет считаться нарушением только, если Зак и правда решит давать показания.

— Нет, ваша честь.

— Тогда обвинительный акт принимается. — Судья Юй бросила взгляд на Вэнди Уоллес. — Советник, если вы с вашей тактикой защиты еще раз приблизитесь к этой грани, я обвиню вас в неуважении к суду.

— Ваша честь, убийство первой степени? — спросила я. — На каком основании?

Убийство первой степени подразумевает преднамеренность, что идет вразрез с версией, которую только что выложила Вэнди — что преступление совершено на почве страсти. Очевидно, они могут раскручивать любую версию, какая им нравится, но если есть хоть малейший шанс, что я, заручившись поддержкой судьи Юй, могу использовать свои возражения, то я этим воспользуюсь. Что такого знает Вэнди Уоллес, чего не знаю я?

— Как советнику хорошо известно, мы можем вносить корректировки в обвинительный акт, изменив убийство первой степени на убийство второй или даже на более легкое преступление, — без запинки ответила Вэнди Уоллес, фланируя обратно к своему столу. *Мы знаем, что будет так, пока мы не решим, что будет как-то иначе.* Подобную ментальную гимнастику допускала наша система правосудия. — Кроме того, мы вправе сейчас не делиться с защитой свидетельскими показаниями перед большим жури.

— Зато вы обязаны делиться своими доказательствами со мной, — резко вмешалась судья. Ей не нравилось давление со стороны Вэнди Уоллес даже больше, чем мне. К счастью, у нее имелись полномочия что-то с этим сделать. — Учитывая все происходящее здесь, думаю, вы можете обрисовать свою версию стороне защиты в общих чертах, так сказать, широкими мазками.

Вэнди Уоллес и бровью не повела, а значит, доказательная база была уже куда весомее, чем мне известно.

— Что ж, хорошо. Мы получили предварительное заключение экспертов, подтверждающее, что на орудии убийства отпечатки пальцев подозреваемого и кровь жертвы. Кроме того, у нас есть доказательства, что у Аманды Грейсон была внебрачная связь, что является достаточным мотивом для подзащитного убить свою жену.

— Ваша честь, у обвинения нет доказательств супружеской измены, — запротестовала я в надежде, что Вэнди Уоллес назовет имя. Да, измена — доказательство того, что у Зака имелся мотив, но это может дать мне и другого возможного подозреваемого — любовника Аманды. Может, этот любовник и следил за ней?

— Свидетельница видела, как Аманда Грейсон направилась «наверх» с любовником на секс-вечеринке, которую они с мистером Грейсоном посетили накануне ее смерти. И, как советник отлично знает, умысел необязательно подразумевает недели подготовки. Достаточно часов или даже минут.

В этом Вэнди Уоллес определенно права. Но она явно знает, с кем именно Аманда была тем вечером, вот почему она не упоминает имени. Наверное, здесь слабое место ее версии.

— Подзащитный отказывается указать свое местоположение на момент смерти. У нас есть мотив, возможность и физические доказательства того, что подзащитный связан с данным преступлением. Этого вполне хватит на обвинение в убийстве первой степени. Может быть, он расскажет, где он был, и мы все проясним.

Зак клялся, что он гулял по Бруклин-Хайтс. Мод — алиби получше, пусть и с вытекающими из него же осложнениями. Но у меня пока что не было возможности поговорить об этом с Заком. Кроме того, если Вэнди Уоллес бросает мне наживку, я не клюну. Может, она уже знает о Мод и ждет, чтобы я что-то сказала? Но зачем? Так залога я для Зака

не добьюсь. Алиби свидетельствует о виновности или невиновности, но не о том, может ли он сбежать.

Правда была еще и в том, что за Аmandой кто-то следил. Я могла сейчас рассказать об этом и надеяться, что судья Юй согласится с тем, что может существовать какой-то другой подозреваемый, однако это тоже не имело никакого отношения к залого. Обвинение уже получило обвинительный акт, так что поезд покинул станцию. Мне нужно было сфокусироваться на конкретной задаче.

— Ваша честь, можем ли мы вернуться к вопросу о залоге? — спросила я. Придется атаковать в лоб Вэнди Уоллес, больше мне ничего не остается. — Решение оставить моего клиента под стражей ошибочно и базируется на нарушениях со стороны обвинения.

— Нарушениях? — Вэнди Уоллес холодно рассмеялась, но ничуть не смутилась. — Это абсурд.

— Сторона обвинения намеренно предъявила судье фотографии с места убийства, которые не имеют отношения к вопросу залога по предъявленному обвинению. Изначально ошибочное решение по залого нельзя оставлять в силе лишь потому, что прокуратура теперь вносит поправки в обвинение.

Я боковым зрением увидела, что Пол кивает. Я проделала большую работу, подготавливая наши доводы.

Судья Юй раздраженно выдохнула, а затем снова пролистала материалы дела, лежащие перед ней, хотя определенно уже ознакомилась с ними.

— Тактика обвинения в этом деле определенно оставляет желать лучшего. Мне совершенно ясно, что мистера Грейсона не должны были оставлять в тюрьме, и у меня серьезные сомнения относительно тех обстоятельств, в которых произведен арест. — Судья Юй бросила взгляд на Вэнди Уоллес. — Однако я не могу помешать Штату вносить законные поправки в обвинительный акт. Именно это мы сейчас и сделаем. Давайте начнем сначала, прямо здесь, в моем зале суда. Я выслушаю доводы в пользу залога. Обвинение — убийство первой степени. — Судья Юй проявила щедрость, дав мне шанс.

— Ваша честь, у моего клиента маленький сын, бизнес, тесные связи с местным комьюнити, — повторила я. — У него нет криминального прошлого и нет никаких доказательств, что он задумал

побег. Нет никаких законных оснований, по которым Зака Грейсона не могут освободить под разумный залог.

Это были лучшие доводы — четкие, основательные, прямые. К несчастью, положение было невыигрышным.

— А какой залог считается «разумным» для такого мультимиллионера, как ваш клиент? — спросила Вэнди Уоллес. — Какую сумму в долларах он не захочет потерять? Ваша честь, сын Зака Грейсона в настоящий момент даже с ним не проживает. Он уже улетел в Калифорнию, его весьма кстати выслали из штата, чтобы мистер Грейсон мог забрать его по дороге. А две недели назад мистер Грейсон попросил свою помощницу посмотреть рейсы в Бразилию.

В Бразилию? Какого хрена, Зак?!

— Ваша честь, — повторила я. — Очевидно, что мистер Грейсон готов сдать свой паспорт. Сын мистера Грейсона Кейз давно отправился в летний лагерь, и эта поездка была запланирована задолго до гибели его матери. Его никто не высылал в Калифорнию после случившегося. А что касается билетов на международные рейсы, то мистер Грейсон часто путешествует по работе.

— Кстати, о работе. У мистера Грейсона хватит денег, чтобы заплатить за частный самолет и прекрасный поддельный паспорт. У него есть на то все причины, учитывая, что ему грозит пожизненное за убийство жены, — сказала Вэнди Уоллес. Ее уверенность наводила ужас. — У него есть средства, чтобы сбежать, задумал он побег или нет, а та история с ордером говорит нам о Заке Грейсоне одно — он считает себя выше закона.

Судья Юй помолчала минуту, размышляя.

— Миссис Уоллес, я не одобряю ваш хитроумный маневр в отношении правосудия в этом деле. — Она подняла руку, когда Вэнди подалась вперед, чтобы высказать протест. — Но доступ к деньгам и отъезд сына представляют проблему.

— Ваша честь, если привезти сына моего клиента обратно в Нью-Йорк, то непонятно, с кем он будет находиться. Мой клиент с женой только недавно переехали сюда. Нельзя его наказывать за то, что он хотел сделать как лучше для сына. А сейчас это означает пребывание у друзей семьи в Калифорнии.

Опека. Вот что грозит Кейзу, если привезти его обратно, особенно если Заку вынесут приговор, если только родители Аше не захотят

взять на себя заботы о Кейзе на постоянной основе.

— Я понимаю. Но это представляет проблему, и не одну, — сказала судья Юй и кивнула, приняв решение. Она повернулась к протоколисту: — Для протокола: подзащитному должны засчитать все то время, что он пробыл за решеткой до и после изменения обвинительного акта. Подзащитный, Зак Грейсон, и дальше останется под стражей без возможности выйти под залог.

С этими словами судья Юй ударила молотком, поднялась и удалилась к себе в кабинет.

— Ну, по-другому и быть не могло, — сказал Пол, пока мы смотрели вслед судье Юй. — Ты все сделала правильно.

Вэнди проплыла мимо, коснулась кончиками пальцев нашего стола, а затем наклонилась к Полу. Ее глаза горели огнем. Пол проделал впечатляющую работу, оставаясь совершенно спокойным. Он даже не моргнул.

— Пошел. Ты. Пол.

— И я рад тебя видеть, Вэнди.

Она развернулась на своих тонких шпильках и поцокала вдоль прохода прочь из зала заседаний.

— Она спит с этим помощником прокурора Льюисом уже несколько месяцев, — сообщил Пол. Мускулы челюсти напряглись. — Еще тот мудила. А еще он лет так на двадцать пять моложе и обо всем ей докладывает. Уверен, они лежали в постели, когда ей поступил звонок с сообщением, что наклеывается интересное дельце, которое заинтересует прессу. Она велела Льюису метнуться туда и посмотреть, не стоит ли ей засветиться. Вэнди всегда была такой: она стратегически мыслит, даже если речь о том, с кем трахаться. — Наконец он поднялся из-за стола. — В любом случае она знает, что я рассказал тебе про ее бойфренда.

— И что теперь? — спросила я, засовывая бумаги в сумку. Это был риторический вопрос.

— Вот что я тебе скажу. Вэнди умеет сочинять истории. Это ее фирменный стиль. У нее будет не хватать доказательств, зато история будет сочной, будет свободно течь, а жюри и уши развесит. Тебе нужна собственная история, причем чертовски хорошая.

Я кивнула:

— Ты добился того, что хотел от сегодняшнего визита в суд?

Пол нахмурился.

— Она наверняка в итоге позвонит мне, — сказал он. — Куда более важный вопрос, отвечу ли я на звонок.

— Ответишь? — поинтересовалась я.

Пол хмыкнул:

— А сама как думаешь?

Я прошла несколько кварталов от здания Бруклинского уголовного суда, где стоял шум и хаос, и оказалась в тихом усаженном деревьями районе куда более царственного Верховного суда округа Кинг. Я села на скамейку рядом со зданием, подальше от суетливых людских потоков во время обеденного перерыва. Несмотря на жаркое июльское солнце, в тени было на удивление прохладно.

Надо готовиться к суду. Очевидный следующий шаг. Как бы меня ни раздражал Пол, но он был прав: если у нас и есть шанс выиграть процесс, то нужно представить суду куда более неотразимую историю. Версия обвинения: охлаждение между супругами, властный муж, секс-вечеринка, которая закончилась преступлением. В такое повествование жюри вполне может вонзить зубы. Мне нужно что-то не менее привлекательное, чтобы снова завладеть их вниманием. А еще лучше сразу предложить альтернативного подозреваемого, которого присяжные могли бы наказать. Преследователь Аманды — лучший кандидат, если я смогу выяснить, кто это был. А для этого мне нужно дочитать до конца последний дневник Аманды и молиться, чтобы она назвала там его имя.

У меня зазвонил телефон. Я ожидала звонок от Сэма, но надеялась, что это Милли, хотя для получения каких-то результатов из лаборатории было еще слишком рано. Но на экране высветилось имя «Вик». Я собиралась уже было сбросить звонок, перенаправив в голосовую почту, когда мне пришло в голову, что, возможно, мне действительно сейчас нужен друг.

— Привет! — сказала я.

— Привет! — воскликнула Виктория. — Не могу поверить, что я тебя поймала! Как дела в крупной фирме?

— Все странно, — сказала я без колебаний. Это самое честное, что я произносила за последние несколько недель.

— Странно? — Вик шесть лет была партнером в одной из крупнейших юридических фирм, специализирующихся на сфере развлечений в Лос-Анджелесе, найдя сложный баланс между стабильностью крупной фирмы и интересной работой. — Думаю, получше некоторых других вариантов типа всяких там мучений.

Несколько месяцев назад я сообщила Вик, что собираюсь уйти из прокуратуры, потому что мне нужны деньги на ЭКО или на усыновление. Я не могла заставить себя открыть ей правду. Хотя мы с Вик и были близкими подругами, но пьянство Сэма — мой грязный секрет.

— Слушай, помнишь Зака Грейсона? — спросила я.

— Эээ... — Она издала такой звук, словно бы пытается припомнить. — Нет. А должна?

— Мы дружили на первом курсе.

— погоди, ты про того с бегающими глазками? Странный тип.

— Да, это он. У него убили жену, полиция считает, что это он забил ее до смерти клюшкой для гольфа.

— Божечки-кошечки! — После этого Вик замолчала, но лишь на минуту. — Мне кажется, это его рук дело. А ты как думаешь?

Я слишком громко рассмеялась. Не смогла сдержаться. Она об этом сказала как о чем-то само собой разумеющемся.

— Я представляю его интересы, — сообщила я, когда собралась с духом.

— Что?! — в голосе Вик звучало неподдельное беспокойство. — На черта?

— Долгая история. Меня типа загнали в угол, а все благодаря тебе и твоему навязчивому желанию отправлять обновления в наш университетский журнал. Он пронюхал, что я перешла работать в «Янг & Крейн».

— Ой, не-не-не, — запротестовала Вик. — Я отказываюсь взваливать на себя ответственность. Я перестала посылать туда обновления два года назад после первого выкидыша у Эми. Она сама разрешила мне написать про ее беременность. Но все равно.

— Ну, значит, кто-то запостил туда информацию, поскольку он позвонил мне в офисе.

Наверняка кто-то счастлив, что я свернула с дорожки высоких идеалов. В те дни я была настоящей ханжой, распинавшейся насчет

общественных интересов, хотя многие адекватные люди не считали работников прокуратуры юристами, отстаивающими общественные интересы.

— А мне неудобно было отказаться.

— Неудобно? — переспросила Вик. — А что, если это он ее убил? Это потому что ты его отшила? Господи, это было сто лет...

— Отшила? О чем ты?

— Да ладно тебе, — растягивая слова, произнесла Вик. — Ты отлично знаешь, о чем я. Ты все отрицала, пока я не спросила, каково это, заниматься сексом с Заком, и ты тогда взбеленилась. Я, кстати, совершенно искренне спросила. Я думала, что вы спите.

И тут я вспомнила. Мы с Вик готовились к экзаменам в универе много лет назад. Вик совершенно будничным тоном спросила меня про секс с Заком, и я совершенно по-детски пришла в ужас. Секс с Заком?! Мы же друзья, и ничего более.

Когда я в тот же вечер отправилась на ужин с Заком — а мы ужинали вместе несколько раз в неделю, — я уже приняла вопрос Вик как предостережение, которое я проигнорировала на свой страх и риск. Я пришла в ресторан и увидела Зака, который лучезарно улыбался, сидя за столиком в углу. Нельзя было и дальше отрицать. Зак считал, что мы встречаемся или вот-вот начнем. Господи, какой же я была душой. Мне правда нравился Зак. Мне нравилось проводить с ним время. Но я совершенно не хотела ощущать его дыхание на своей шее, не хотела прижиматься к нему голышом. Я никогда не представляла — даже на долю секунды, — как наши тела переплетаются.

В тот же вечер в ресторане я пошла по пути наименьшего сопротивления, предложенному Викторией, — я выдумала себе парня. Ричард — вот как я его назвала. Я думала, что все пройдет как по маслу: я просто заикнусь о том, что у меня есть парень, и Зак тут же ретируется. Но вместо этого Зак уперся. Он предложил — просто, но очень серьезно, — чтобы я бросила своего нового друга. В итоге у меня не осталось выбора, кроме как перейти к сути. К реальной сути:

— Я не испытываю к тебе романтических чувств.

— Какое это имеет значение? — Зак рассмеялся, словно это была шутка, вот только слишком громко и резко. И когда я оторвала взгляд от меню, он натянуто улыбался. — Лиззи, расслабься. Я же шучу. Я рад за тебя!

Но он не был рад. Я это тогда еще знала. Но предпочла поверить Заку, поскольку мне так хотелось.

Я вздрогнула, когда кто-то тронул меня за плечо.

— Простите. — Мод Лагё ахнула, когда я резко развернулась. Она стояла за мной, прижимая руку к губам. — Я не видела, что вы говорите по телефону.

— Что случилось? — раздался в трубке голос Вик.

— Можно я перезвоню? Мне нужно кое с кем поговорить.

— Конечно. Но ты уж перезвони. Мне нужно знать, что сказали репродуктологи.

Я и забыла, что выдумала историю про поход к врачу, когда мы с Вик общались в прошлый раз. Типа прием, на котором вам делают всякие анализы, а потом сообщают, каковы у вас вообще шансы стать матерью. Не только Сэм поднаторел во вранье.

— Разумеется, я перезвоню, — сказала я. Когда мы с ней будем говорить в следующий раз, я наконец расскажу Вик всю правду. Обещаю.

Я повесила трубку и повернулась к Мод. Ее лицо было напряженным, и в своем модном, но бесформенном черном платье-халате и невзрачных балетках землистого цвета она вполне могла бы отправиться на похороны.

— Я не хотела мешать, — сказала она.

— Все нормально.

— Я была в суде на слушаниях. Почему вы не сказали им про алиби? — Ее тон был не обвиняющим, но близким к тому.

— Алиби полезная вещь, но все сложно.

Мод скрестила руки. Теперь она выглядела почти злой.

— Но я пыталась помочь.

Помочь. Неудачный выбор слова. Она сфабриковала алиби? Честно говоря, я не хотела знать. Поскольку если я узнаю наверняка, что алиби фальшивое, то не смогу потом использовать его в суде — это будет лжесвидетельством. Сомневаться, но точно не знать? Совсем другой расклад.

— Я понимаю, — пробубнила я.

— И что теперь будет? — спросила Мод, сильнее сжимая руки.

— Зак останется в тюрьме. Будет суд, — сказала я, — а до того момента будем проводить расследование. Чтобы оправдать Зака, лучше

всего найти настоящего убийцу Аманды. Это не наша зона ответственности, но если подзащитный этого не делал, присяжные захотят узнать, кто это сделал. Вас уже допросила полиция? — Мне было интересно, поделилась ли она уже с полицией и знает ли Вэнди Уоллес про алиби.

— Допрос перенесли на завтра, — ответила Мод. — Разве это не странно? Ну, что они не торопятся? Разве им не нужно собрать все факты, какие только возможно?

Не исключаю, что они беспокоятся, не будут ли слова Мод противоречить их версии — может быть, она скажет что-то про тот предположительный поход «наверх» — это ведь та база, на которой держится предполагаемый мотив Зака, насколько я могу судить.

— Им не нужны *все* факты, — проворчала я. — А только те, которые им на руку.

— Неправильно как-то.

— Неправильно. — Я пожала плечами, ведь Вэнди Уоллес всего лишь делала свою работу. — Но таковы правила игры.

Аманда

За три дня до вечеринки

Сара распахнула дверь и широко улыбнулась.

— При... — Ее лицо помрачнело, когда она увидела, что за спиной Аманды никого нет. — Серьезно?

— Он будет с минуты на минуту. — Глупо было продолжать лгать, но Аманда чувствовала себя загнанной в тупик.

Сара состроила гримасу и скрестила руки на груди.

— С минуты на минуту?

— Ладно... он не придет... — Аманда сникла. — Зак очень занят со своим новым проектом. Он так усердно работает, что с ног падает от усталости, какие уж тут вечеринки. Прости, я пыталась.

По правде говоря, Аманда даже не спрашивала Зака. Он бы все равно отказался, и Аманде не захотелось переживать бесконечные переписки с секретаршей Зака Тейлор. Милая, не слишком симпатичная девица, зацикленная на журналах мод, которая постоянно сидела то на одной диете, то на другой, Тейлор была незаменима в трудную минуту. Но если бы Аманда спросила ее насчет ужина — обязательно по электронной почте, такова была процедура, — Тейлор тут же ответила бы, как она всегда делала, что немедленно сверится с графиком. Затем Тейлор, добрая душа, написала бы что-то наподобие: «Простите, но Зак не может сегодня впихнуть эту встречу в свой график!»

Аманда не возражала, что Зак не мог пойти. Но общение с Тейлор было мучительным. При одной только мысли об этом у Аманды, стоявшей сейчас на крыльце Сары, глаза наполнились слезами. Она моргнула и выдавила из себя улыбку в надежде, что Сара ничего не заметит.

— Ох, нет, нет... — Сара затащила Аманду внутрь и обняла. — Не обращай внимания. Я та еще заноза в заднице.

— Готов дать свидетельские показания! — весело выкрикнул Керри, спускаясь по лестнице в кухню. На нем были серые треники и

темно-синяя футболка с эмблемой бейсбольного клуба «Оклахома-Сити Тандер». — В любом случае нам не нужно больше мужей. Я один сойду за нескольких.

— С днем рождения! — воскликнула Аманда.

— Спасибо, спасибо. — Керри сделал царственный жест, как только оказался в самом низу.

— Это тебе. — Аманда подошла и протянула ему завернутую в подарочную бумагу бутылку виски, наверное, даже слишком энергично.

Керри просиял:

— Мне?

— Только посмотрите на него! — зашебетала Сара, а потом обратилась к Аманде: — Можно подумать, что я никогда в жизни не покупала ему подарков. И что ему не говорили всего лишь пять минут назад, что треники не подходят для праздничного ужина!

— Да, но мне нравятся треники. И это мой день рождения. А твои подарки идут в комплекте с кучей обязательств, — пошутил Керри. — Нужно выносить мусор, выслушивать твои истории. Это очень напряжно.

Сара повернулась к Аманде и подмигнула:

— Вот секрет удачного брака — стратегический равноценный обмен.

Керри взволнованно развязал ленточку на серебряной упаковке, словно бы по форме и так не было понятно, что это бутылка чего-то.

— Ух ты! — воскликнул он, когда открыл подарок.

Его лицо стало задумчивым, пока он рассматривал бутылку. Аманда потянулась и ткнула в этикетку.

— Насколько я помню, ты говорил, что ваша семья родом из...

— Знаю, — тихо произнес Керри, которого, казалось, подарок действительно тронул. — Это чертовски прекрасная бутылка виски.

— Что там про твою семью? — Сара подошла поближе, чтобы изучить подарок.

— Виски из Корка, — сказал Керри. — Где жили мои бабушка с дедушкой. Я как-то раз упомянул об этом, а Аманда меня слушала! Огромное спасибо. И мне даже не пришлось выносить мусор или прихлопнуть водяного клопа, чтобы получить подарок!

— Но ты такой мастер по убийству водяных клопов, — пошутила Сара. — Есть какие-то идеи, что делать, если они нас совсем достанут: комбинезоны, аэрозольные баллончики? Ты будешь в своей стихии.

Керри закатил глаза и наклонился, чтобы обнять Аманду. В его объятиях она почувствовала себя на миг такой защищенной, что слезы снова навернулись на глаза.

Отец снова звонил, прямо пока она добиралась до дома Сары и Керри. Она пыталась отстраниться от этого, но становилось все труднее. Как он нашел ее в Бруклине? Как он вообще додумался ее искать? Офицер полиции был прав: это не имело смысла, учитывая все меры, предпринятые Заком, чтобы защитить их частную жизнь.

— Еще раз огромное спасибо, — сказал Керри, выпуская Аманду из объятий, и поднял бутылку. — Я очень ценю! А теперь я собираюсь забуриться в свою берлогу и посмотреть свой деньрожденческий бейсбол, если вы не возражаете, леди. Можете отправить ко мне Себа, когда он придет, хотя он француз, а значит, бесполезен.

— Можешь прибраться, пока ты там? Кто-нибудь скоро вызовет санэпидемстанцию. — Сара посмотрела на Аманду: — Я туда даже не хожу теперь.

— Мой план работает идеально. — Керри широко улыбнулся, а потом наклонился, чтобы поцеловать Сару и легонько шлепнуть ее по заднице. — Спасибо, милая, что организовала для меня праздничный ужин. Я ценю это и тебя тоже. Буду рад в любой момент прихлопнуть для тебя водяного клопа.

Как только Керри ушел, Сара вытащила из духовки идеально подрумянившегося цыпленка, а потом повернулась, чтобы перемешать салат с киноа. Аманда зачарованно наблюдала, как Сара без усилий справляется с готовкой, при этом кухня казалась ей веселой и уютной, пусть и несколько старомодной, как и остальная часть дома.

— Выглядит потрясающе, — сказала Аманда, глядя на форму для запекания.

Сара кивнула на цыпленка:

— Неплохо, да? Если бы Зак знал, что пропускает.

Аманда закрыла глаза и вздохнула:

— Мне правда очень жаль.

— Нет, это мне жаль. Подтрунивать — дурная привычка. Это непреодолимое желание. Спроси Керри. Но я правда переживаю за

тебя. Это, конечно, не мое... — Сара внезапно перестала мешать салат и замерла с ложкой наперевес. — К черту! Это очень даже мое дело! Вот что я скажу, Аманда, таких, как ты, называют «сдавшаяся жена», и меня это чертовски беспокоит. Не знаю, как там в Пало-Альто, но в Бруклине мужа и жены — равноправные партнеры, не важно, кто приносит домой более внушительную зарплату. До того как начать работать в фонде, я почти все время сидела дома, но Керри ко мне прислушивается. Потому что он меня любит и знает, что я люблю его. Вот как устроен брак. Ты ведь это знаешь, да?

— Знаю, — ответила Аманда. Она и правда знала. В теории. — Но у вас с Керри идеальный брак.

— Нет, куда там! — воскликнула Сара. — Я замутила с футбольным тренером своего сына!

Она выгнулась, проверяя, точно ли Керри ушел вниз.

— Но Керри тебя простил, — заметила Аманда.

— Не потому, что мы идеальны. Он простил меня потому, что мы друг друга любим. В этом разница. Поверь, у нас целая куча проблем. — На минуту Аманде показалось, что Сара сейчас разовьет эту тему, но она не стала этого делать. — У всех так. Но по крайней мере у тебя должен быть свой голос, Мэнди. Точка. В противном случае это не совсем семья... а рабство какое-то.

— У меня есть голос, — вяло возразила Аманда.

— Нет! — воскликнула Сара, закрыла глаза и сделала глубокий вдох, положила ладони на столешницу. — Когда не можешь заставить своего мужа прийти на один-единственный ужин... прости, но у тебя нет голоса. Это факт. Я твоя подруга, а потому обязана быть честной. Не буду скрывать, это рискованно — так жить.

— Рискованно? Что ты имеешь в виду?

— Ну, тебе обеспечены проблемы со здоровьем, чувство одиночества и отчаяния, — сказала она. — В браке супруги — первая линия обороны друг для друга. Вам нужно заботиться друг о друге.

Сара была права. Как мог бы Зак защитить Аманду — от одиночества или отчаяния, от кошмаров и уж тем более от ее отца, — если он даже не в курсе всего этого? Они вместе больше десяти лет, а Зак не знает о тех ужасных вещах, которые творил ее отец.

Аманда кивнула:

— Я знаю, что это правда. Знаю.

— Хорошо, — сказала Сара, кивнув с довольным видом, а потом отвернулась, чтобы переложить цыпленка из формы для запекания на доску. В дверь позвонили в тот момент, когда Сара воткнула вилку в цыпленка и положила рядом огромный нож.

— Наверное, это Мод и Себ. Сейчас вернусь. Пригляди за цыпленком!

Спустя минуту раздался звук открывающейся двери, а потом оживленные голоса, когда Сара здоровалась с гостями.

— О, отлично! Горизонт чист! — сказал Керри, проскальзывая на кухню. Он умыкнул жареную картошку с блюда и сунул в рот. Он поморщился от того, что картошка была горячей, поэтому принялся обмахивать пятерней приоткрытые губы. В трениках и футболке, с выпирающим животом, он напоминал мальчика-переростка. Затем Керри уставился на сережки Аманды.

— Ух ты, какая прелесть! Только Саре не показывай, ради всего святого.

Аманда прижала руку к уху. Нацепила сережки с бриллиантами. Что это с ней?

— Черт побери, не стоило мне надевать такие сережки. Они слишком вычурные. Я ходила на собрание доноров и забыла снять их.

— Да шучу я! На твоём месте я бы сделал все возможное, чтобы Сара заметила эти сережки. — Он подмигнул. — В следующий раз, когда она попытается наехать на тебя по поводу твоего брака, ты сможешь напомнить ей про них.

Аманда улыбнулась. Керри был куда более восприимчив, чем показывал.

— А вот и наш именинник! — воскликнула Мод, входя на кухню и с жаром целуя Керри в щеки. Он крепко ее обнял в ответ.

Затем Мод отстранилась и кивнула на треники.

— Ого, ты пустился во все тяжкие. Сара тебя вообще видела? Я не могу себе представить, чтобы она одобрила подобный наряд.

— Это мой день рождения! — запротестовал он.

Себ появился в дверном проеме за спиной Мод. Он, как обычно, выглядел очень привлекательно в отглаженном до хруста льняном костюме. Но холодок между ним и Мод бросался в глаза. Она была права. Ситуация с Софией стала причиной напряженных отношений. Себ наклонился и расцеловал Аманду в обе щеки.

— Очень рад видеть.

— Так-с, — произнесла Сара, вернувшись на кухню. Она мотнула головой в их сторону. — Обязательно было так наряжаться? — Она показала жестом на свою перепачканную рубашку на пуговицах.

— Все потому, что ты готовила для нас! — воскликнула Мод. Она холодно взглянула на мужа: — Себ, подсуетись, налей Саре бокал вина.

Лицо Себа напряглось. Не глядя на Мод, он наполнил бокал и протянул его Саре. Они чокнулись. Сара махнула в сторону Керри.

— По крайней мере, мы оба выглядим как жалкие неряхи!

— Эй! — Керри поднял руки. — Это мой день рождения, черт побери!

Все расхохотались.

К тому моменту, как они уселись ужинать, Мод слегка повеселела. Пара бокалов вина, которые она выпила едва ли не залпом, сыграли свою роль. Но они с Себом упорно не смотрели друг на друга. Аманда не хотела радоваться их ссоре, но, если честно, было приятно увидеть, что даже в их браке бывают проблемы. Может, Сара права, и проблемы есть у всех. Вскоре разговор вернулся к любимой теме Сары — родительскому комитету в Грейс Холл.

— Помните, когда все скандалили из-за пресса для панини? — Себ добродушно засмеялся.

— Это же чрезмерный риск для фигуры! — воскликнула Сара, а потом повысила голос и затараторила фальцетом: — Но Сойер любит буррату и экологически чистые томаты. Она заслуживает право на самовыражение!

— Ну, не знаю, Сара. — Керри улыбнулся. — Мне кажется, вся эта ситуация с утечкой данных — твоя верная погибель. Если вы не разберетесь с этим в ближайшее время, то они тебя четвертуют.

— Ах да, утечка данных. — Она прищурилась, глядя на Керри, а потом отвернулась с улыбкой. — Мне тут самой недавно пришло фишинговое^[9] письмо.

Керри нахмурился:

— Надеюсь, ты не отправила деньги какой-нибудь давно потерянной тетушке, которая мыкается без средств к существованию в Дубае?

— Какие еще деньги, Керри? — Керри рассмеялся, а Сара продолжила: — В любом случае письмо выглядело как продление подписки на «Нетфликс». Нет, я не стала кликать на ссылку. Я же не такая тупая. Но я порадовалась, что у меня нет никаких темных секретов, которые могут найти хакеры.

— Секретов? — переспросила Аманда.

— Ну да, — ответила Сара. — Им явно нужны чужие секреты, а не деньги. Грязные, стыдные секреты. Хакеры находят компромат на твоём компьютере, а потом угрожают обнародовать, если не заплатишь, хотя мне не кажется, что они уже такое проворачивали. Одной даме — имени называть не будем — пришло письмо, перенаправленное с аккаунта мужа. Это была переписка с девицей из эскорта, они обсуждали, где в следующий раз встречаются. Девица специализировалась на садомазо. Похоже, муженек любил подчиняться.

— Это тебе рассказали? — ахнула Мод. — Но кто?

— Я поклялась все держать в тайне. Да ладно вам, я люблю собирать слухи, но не распространяю их, — чопорно произнесла Сара. — Сейчас я бы предпочла, чтобы мне перестали пересказывать все в деталях. Я знаю уже куда больше, чем хотела бы.

— Кто шлет письма девицам из эскорта? — Керри засмеялся. — Может, он еще и в налоговую декларацию это вносил?

Сара пропустила мимо ушей слова Керри и обратилась к Себу и Мод:

— Я знаю, что вы в свободных отношениях, ребята, но будьте поаккуратнее с тем, что пишете.

— Мне не нужны услуги эскорта, — сказал Себ с невозмутимым видом, выдержав паузу. Мод была единственной, кто не рассмеялся. Она уставилась на нетронутую еду в тарелке.

— В точку! — воскликнул Керри, хотя чуть запоздало и слишком громко. — Себ мог бы встать посреди улицы, и тетки сами останавливались бы, чтобы раздвинуть ноги.

На лице Сары появилось отвращение, и она шлепнула мужа по руке:

— Фу!

— Да ладно, это была шутка! — рассмеялся Керри. — Я думал, мы тут шутим.

— Очень смачная шутка, Керри, — дипломатично заметил Себ. — Отвратительная, но смачная.

— Спасибо, Себ.

— Почему бы им не украсть номера кредиток или что-то в этом духе? Как нормальным преступникам? — спросила Мод с нехарактерным для нее ехидством. — А то какое-то извращение.

Аманда могла думать только об отце, у которого вчера даже появилась эпизодическая роль в знакомом кошмаре. Он возник в середине сна. Почему-то Аманда вопреки здравому смыслу снова оказалась дома, когда убегала среди темных мокрых деревьев. Отец был настолько огромным, что заполнил весь дверной проем ее спальни. Он просто молча стоял на пороге, как бывало, когда посреди ночи по пьяни путал дверь в ее комнату со входом в туалет. Она не могла даже сосчитать, сколько раз в таком состоянии он мочился прямо на пол. Вспоминая об этом сейчас, Аманда не сомневалась, что отец испытывал удовольствие, смущая ее таким образом.

— Некоторым людям нравится вызывать у других чувство стыда. Они подпитываются этим. — Голос Аманды источал такой яд, что был едва узнаваем. — Это хуже, чем просто болезнь. Это зло. Такие люди не должны жить.

Все за столом уставились на нее.

— Эскортницам платят наличкой, Аманда, — пошутил Керри. — Только наличкой.

Они все так же не сводили с нее глаз.

— Простите. Просто... мое детство было не самым легким, — сказала Аманда, потому что нужно было чем-то заполнить паузу. По крайней мере, это правда. Хотя от этого объяснения все испытали еще большую неловкость. — Вот и все.

— Тем ценнее, что ты выросла таким чудесным человеком, — сказал Керри, открывая еще одну бутылку вина и наполняя бокалы. — Ты не ошибаешься, — добавил он, усаживаясь на месте. — Мой отчим сломал мне руку — специально! — когда мне было четырнадцать. Думаю, он так хотел меня пристыдить. У всех есть свое прошлое. Даже здесь, на улице Сезам.

— О чем ты? — Сара казалась смущенной и раздраженной. — Твой отчим — просто душка.

Керри улыбнулся, но странной грустной улыбкой:

— Ты ведь не *все* обо мне знаешь, милая.

— Это ужасно, — тихо сказал Себ.

Мод совсем скисла.

— Керри, мне очень жаль. — Сара пристально посмотрела на своего мужа.

Аманда радовалась, что внимание переключилось с нее на Керри.

— Давайте выпьем за будущее! — Керри поднял бокал. — За прекрасных друзей, которые становятся самой лучшей семьей.

— За друзей! — подхватили остальные.

За будущее, подумала Аманда, когда звякнули бокалы. *За будущее*.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

30 июня

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о ходе расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

В письме содержатся ключевые данные, которые удалось собрать, а также результаты проведенных опросов. Предварительные заключения будут готовы на следующей неделе.

Данные

Продолжается мониторинг данных. Больше вторжений в компьютерную систему Грейс-Холл не происходило, хотя все новые и новые семьи продолжают получать письма с угрозами.

Результаты опросов

Семья 0016: муж получил анонимное письмо по электронной почте, в котором содержались скриншоты его переписки с различными кредиторами и требование перевести 20000 долларов. Если он откажется переводить деньги, то фотографии будут обнародованы.

Семья 0031: у мужа нет личного опыта общения с хакерами, но он знает одного из родителей (далее — Субъект А), чей сын был исключен из школы из-за плохого поведения, из-за чего Субъект А выражал желание навредить репутации школы.

Опрос сотрудника 0009: данный сотрудник сообщает, что один из бывших коллег (далее — Субъект Б) после того, как его уволили с

должности тренера по футболу, заявил, что пойдет на все, чтобы «нагадить» школе.

Предварительные заключения

В данный момент ни одна из жертв вымогательства не переводила денег, и тем не менее информация не была обнародована. В этой связи возникает вопрос, действительно ли жажда наживы является подлинным мотивом. Более того, полученные сведения позволяют предположить, что злоумышленник каким-то образом связан с Грейс-Холл — сотрудник, учащийся или родитель.

Лиззи

9 июля, четверг

Я скользнула в постель, стараясь не разбудить Сэма. Я задержалась на работе, составляя ходатайство об отклонении обвинения.

Удобно, что это заодно позволило мне избежать разговоров с Сэмом о сережке. В общем-то, я почти уже решила, что вообще не буду спрашивать. Я уже один раз сделала неправильный вывод, насчет бара «Энид» и спичек. Но мои сомнения были мышцей, которую сводило судорогой при малейшем надавливании. Я не могла доверять своим рефлексам.

Я не стала будить Сэма и при свете ночника села читать грустные дневники Аманды, на фоне которых полный капец в собственной жизни казался просто совершенством. Еще на работе я успела прочесть о трех месяцах, когда Аманда жила в Центр-Слоуп, но не нашла упоминаний ее подозрений по поводу того, кто ее преследует, этот человек назывался просто «он». И вот, когда я тайком в кровати читала дневники, то нашла то, что нужно, в одной из последних записей. Краткая запись между описанием похода с Сарой и Мод в «Блю Боттл» и встречей в фонде: *«Я начинаю бояться, что деньги отцу не нужны. Он приехал в Бруклин, потому что хочет увезти меня обратно в Сент-Коломб-Фоллс, чтобы доказать, что я и сейчас принадлежу ему. Но я не позволю ему этого сделать. Не позволю!»*

Я резко села, и дневник выпал у меня из рук и ударил Сэма в плечо. Отец Аманды был в Центр-Слоуп?!

Сэм резко проснулся, словно от кошмара.

— Ой, это ты, — выдохнул он с облегчением и тут же обнял меня за бедра. Я рассердилась. Это уж слишком. — Что ты читаешь?

— Дневник.

— Ты читаешь чей-то дневник? — пробормотал Сэм. — Не слишком-то прилично.

— Он принадлежит женщине, которую убили в Центр-Слоуп.

— Что?! — спросил Сэм с полуулыбкой. — В Центр-Слоуп? Когда? — Судя по голосу, он уже проснулся.

— В Центральном районе. На прошлых выходных, когда мы уезжали, — сказала я.

— Это ужасно. — Он помолчал немного. — А где это случилось?

— В Монтгомери-Плейс. У нее остался сын десяти лет. Я представляю в суде интересы ее мужа.

Я специально это ввернула — *видишь, ты не все обо мне знаешь*. Не смогла удержаться.

— Представляешь ее мужа? Я думал, что «Янг & Крейн» не берут такие дела.

— Не берут. Я беру. Мы дружили с ним на юрфаке, пока... все не стало слишком сложно. — Я специально добавила двусмысленности. — Я думаю, он невиновен.

Сэм приподнялся на локтях.

— Ты *думаешь*? Кто этот парень, Лиззи? Что происходит? — В его голосе сквозила обида. Хоть какой-то повод для радости.

— Его зовут Зак Грейсон, — ответила я. — Мы дружили, но потом он захотел чего-то большего. Я не захотела, и дружбе пришел конец.

Тот ужин, когда я сообщила Заку о воображаемом бойфренде, закончился на вежливой ноте. Но теперь я вспомнила, что это был последний наш ужин. В следующий раз, когда мы увиделись с Заком в университетской библиотеке, он улыбнулся, поздоровался, но не остановился поболтать. Две недели спустя он перестал даже здороваться. Я не стала приставать с расспросами, решив, что рано или поздно он снова со мной свяжется. Когда будет готов. Но вместо этого он вообще исчез. Не с юрфака, а из моей жизни. Я почувствовала облегчение. В тот момент к нему примешивалось чувство вины. Может, именно поэтому я и согласилась увидеться с Заком в Райкерсе.

— И теперь ты его представляешь? — Сэм сел. — Парня, который хотел с тобой встречаться?

— Да. Я ездила к нему в Райкерс. — Еще один тычок. Нарочно.

— Райкерс? — переспросил он. — Ты же ненавидишь Райкерс. Ты же сказала, что никогда туда ни ногой. В любом случае предполагалось, что ты будешь заниматься корпоративным правом.

— Да уж, благодаря тебе я занимаюсь корпоративным правом.

Я откинула одеяло, спустила ноги на пол, стараясь сохранять спокойствие.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сэм.

О нет, Сэм, не прикидывайся идиотом. После всего, через что он меня заставил пройти. Внезапно гнев, который я так долго сдерживала, готов был вырваться наружу.

— То, что слышал — это ты *виноват*, что я работаю в «Янг & Крейн». Карьера, ради которой я столько корпела, разрушена из-за того ДТП, которое ты устроил. Разве не за это ты все время извиняешься?

Глаза Сэма расширились.

— Из-за ДТП я теперь больше не имею права высказывать свое мнение относительно того, что ты делаешь? — Он кричал, но еще более обиженно, что меня разозлило даже сильнее. — Это так работает, Лиззи?

Я пулей выскочила из постели и повернулась, чтобы посмотреть на Сэма в тусклом свете ночника.

— Ты можешь высказать свое мнение. Сразу после того, как объяснишь, чью сережку, твою мать, я нашла у тебя в сумке!

Сэм отпрянул, а потом замер. За этим последовало молчание. Это уже слишком. *Че-е-е-ерт.*

В конце концов Сэм втянул воздух, словно собирался выдать какое-то объяснение, но лишь плюхнулся обратно в кровать, уставился в потолок и громко выдохнул, а потом лежал тихо, не двигаясь. В этом ледяном бесконечном молчании мой желудок завязался узлом. *Черт. Черт. Черт.*

— Я не знаю, чья это сережка, — наконец произнес Сэм тихим испуганным голосом. — Это правда.

Я была готова к отрицанию, к глухой обороне, к неловкой лжи, может, даже к гневу. Но не к страху.

— Ты не знаешь? — *Возьми свои слова обратно*, хотелось сказать мне. *Возьми их обратно.*

— Господи, да я хотел бы знать! Я не перестаю копаться в памяти. Мысленно нарисовать сережку. Пытался вообразить, кому она может принадлежать или как могла попасть ко мне в карман. Я нашел ее в кармане толстовки. Но это ничего не значит, Лиззи. Ничего.

В другой семье это была бы смешная отмазка. Но в нашем браке провалы в памяти — постыдный факт реальности.

— Когда? — прошептала я. — Когда ты ее нашел?

— В тот вечер, когда ударился головой. Я ее нашел в кармане перед тем, как мы поехали в больницу.

Я сглотнула.

— Где ты пил в тот вечер? — Я намеренно избегала этого вопроса на следующий день после происшествия. И все следующие дни после.

В свою защиту скажу, что у меня были дела и поважнее. Я нашла истекающего кровью Сэма, вызвала «скорую», потом общалась с врачами в нашей квартире. Как только они выяснили, что столько кровящи натекло всего лишь из одного-единственного пореза — видимо, из головы всегда так много крови, — то порекомендовали своим ходом доехать на такси до Методистской больницы, это куда дешевле, чем ненужная поездка на «скорой». После этого мы ждали в приемном покое, потом Сэму накладывали стежки, после чего мы поехали домой, и я еще все убирала. А когда закончила убираться, мне уже пора было собираться на работу.

Кроме того, когда вы замужем за алкоголиком, то устаете выуживать детали. Не спрашивай, не рассказывай. Так легче притворяться, что ты ноль без палочки во всем, что с тобой происходит. Или не ты. Я. Так я всегда поступала. Я просто отмахивалась от неудобных фактов, чтобы не отвлекаться от цели — искать импульс для роста.

— Я ходил в «Фредди» выпить...

— «Фредди»?! — рявкнула я. Сэм говорил, что «престарелые папаши» ходили в этот бар каждую неделю после баскетбола, но он никогда к ним не присоединялся. Вот тебе и бонус. Ложь, прилипшая к предательству. Супер.

— Я так понимаю, ты каждую неделю туда ходил?

— Я думал, ты в курсе.

— Ты думал, я в курсе, что ты мне лжешь? — заорала я. — Тогда какого хрена я ничего не сказала?

— Ну, теперь это кажется глупым, — промямлил Сэм, — но именно так я и думал. Что мы просто согласились не ругаться.

— Для справки. Я всегда думала, что ты со мной кристально честен. — Я сглотнула. Это была ложь. Я всегда знала больше, чем готова была признать. — То есть я полная кретинка.

— Нет, Лиззи. Скорее уж я кретин, — тихо сказал Сэм. — Но я не знаю, чья это сережка. Это правда.

— Ты не спрашивал своих собутыльников?

— У меня есть только электронная почта парня из «Джорнал», который пригласил меня в команду, но он куда-то уехал по работе. Он мне не ответил. А это была последняя летняя игра... — сказал он. — Я знаю, что, когда мой друг ушел, я еще оставался в баре. Я помню, как пожелал ему удачи с его историей. После этого я остался с другим парнем. У него жена, дети, карьера, так что я не знаю, до которого часа он мог загудеть. Кроме того, он всегда пытался затащить нас в стрип-клуб, поэтому кто знает...

— Стрип-клуб? — У меня дрожал голос. — Я думала, что у вас в компании «престарелые папаши».

— А кто, по-твоему, ходит по стрип-клубам? В любом случае я бы не пошел. Я ненавижу такие места. Ты же знаешь.

— Прелестно. Какое облегчение.

— Я не думаю, что у меня что-то с кем-то было, Лиззи. Честное слово. Я бы не стал. Я тебя люблю.

— Хватит, Сэм! — рявкнула я. — Когда у тебя затмение, ты совершенно другой человек. Сам мне говорил кучу раз. Ты не можешь теперь просто отвернуться и заверить, что ни с кем не был во время этого затмения, потому что ты не такой. Я же живу с тобой и знаю, как это бывает. *Ты просто не знаешь, что с тобой было. Значит, могло быть что угодно.*

Сэм сделал глубокий вдох.

— Я не думаю, что была какая-то другая женщина. Я не хочу, чтобы это было правдой, — невыразительно сказал он. — Но ты права. Если я даже честен на сто процентов, то не могу быть уверен.

Ага, Сэм признал, что он мог быть с другой женщиной. А ведь я едва не спустила все на тормозах. Я отлепилась от стены и направилась к двери.

— Лиззи, ты куда? — крикнул мне вслед Сэм, в его голосе сквозило отчаяние.

— Я не знаю, — ответила я. — Понятия не имею, мать твою.

В дневном свете Райкерс скорее напоминал лагерь для беженцев. Боюсь, этому способствовало и то, что я всего три часа проспала на

нашем бугристом диване. В это время здесь было намного больше родственников, включая детей. Все они выстроились в очередь, в которой стояла и я, чтобы попросить свидание с Заком. Охранник в форме водил перед цепочкой посетителей собаку, натренированную на обнаружение наркотиков и взрывчатки, как будто это были не люди, а чемоданы. Одна маленькая девочка расплакалась. Что это за правосудие и для кого? Зак белый и богатый, у него есть деньги, чтобы нанять крупную манхэттенскую фирму, но даже в его случае оптимистичный сценарий — дожить до суда.

Когда Зак наконец появился в комнате для свиданий, он выглядел чуть лучше, но на левой щеке виднелся длинный фиолетовый синяк, а в углу рта свежая царапина. Он медленно опустился на стул напротив.

— На вид страшнее, чем на самом деле. — В этот раз в голосе не было уверенности.

— Прости, пожалуйста.

— Это не твоя вина.

— Мы тебя переведем, — предложила я, хотя даже не была уверена, что это правда.

— Переведете куда? Под охрану? — Он начал подергивать ногой, но слабо. — В «ящик»?

— Наверное.

— Это одиночка. Нет разницы. Тебя защищают теми же средствами, которыми других наказывают. Иронично, да? — Зак говорил, как человек, умудренный опытом, словно бы провел в Райкерсе годы, а не дни, при этом он не смотрел на меня. — Одиночка убьет меня быстрее, чем сокамерники. Мне надо на свободу, вот и все.

Пришло время. Зак заслуживает правду.

— Мы проиграли слушание. — Горькую пилюлю нечем было подсластить. — Прокурор обвинил тебя в убийстве. Как мы и ожидали.

Зак довольно долго молчал. Наконец он затряс головой и начал дергать ногой более энергично.

— В глубине души я надеялся на чудо. На то, что правда перевесит.

— Правда перевесит, — сказала я. — И факты. Но во время суда, а не во время слушания о залоге. — Я достала блокнот. — Это значит, что мне нужно задать тебе несколько неудобных вопросов, а ты должен совершенно честно ответить на них, ладно?

— Ладно, — сказал Зак. Он был совершенно подавлен.

Интересно, может, стоило прийти в другой раз, дать ему время свыкнуться с этой мыслью? Не было никакой спешки и необязательно было выпытывать из него детали прямо сейчас. Суд должны были назначить только через несколько месяцев. Но раз я уже появилась тут, лучше было вернуться к работе.

— Зачем ты смотрел билеты на рейс до Бразилии? — Об этом говорила Вэнди, и это меня беспокоило. Прокурорам нравится осознание вины. Вэнди наверняка попробует разыграть это «доказательство побега», чтобы показать преднамеренность.

— А, из-за ягуаров, — сказал Зак, словно это было очевидно.

— Из-за машин?

Он резко посмотрел в мои глаза в своей обычной манере.

— Нет, из-за животных. В Бразилии есть одно место под названием Пантанал, где можно увидеть ягуаров, — сказал он. — Кейз без ума от этих животных. Я хотел отвезти его туда после лагеря. Ну, ты понимаешь, приключение для отца и сына. — Он помолчал немного. — Давай честно, я, наверное, не смог бы никуда поехать из-за работы. Но мне нравится планировать такие вещи. Мне просто плохо удается воплощать подобные планы.

Это приличное объяснение, которое я предъявлю после того, как сопоставлю даты билетов и рассказ помощницы Зака.

— Ты знаешь, почему бухгалтер, который занимается делами фонда, пытался встретиться с Амандой?

Зак покачал головой, но при этом не выглядел обеспокоенным.

— Не хочу показаться последним козлом, но когда достигаешь определенных высот в финансовом плане, то деньги становятся всего лишь административным вопросом. Я нанимаю бухгалтеров, но не касаюсь всех этих вопросов. Если бы это было что-то серьезное, Аманда обратилась бы ко мне. Но она не обращалась.

— Тогда я сама разужнаю. Если не возражаешь, — предложила я. — Тем более мне нужны будут средства на оплату услуг экспертов. Полагаю, бухгалтер мне с этим поможет?

— Определенно. Но тебе потребуется разрешение.

— Думаю, да. Я принесла подходящий документ. Перед уходом через охранника попрошу тебя подписать. Мне нужно будет название фирмы и имя бухгалтера.

— Я знаю, что он из «ПрайсуотерхаусКуперс», зовут Тедди, а фамилию я не знаю. Я имя-то запомнил, потому что оно смешное. Но там вряд ли есть еще один взрослый мужик с таким именем? И расскажи, пожалуйста, что он тебе там поведал, — попросил Зак. — Хотелось бы знать, если надо мной нависла еще какая-то угроза.

— Кстати, о нависших угрозах... — начала я. — Я знаю, что мы уже об этом говорили, но если мы вернемся к тому штрафу за подозрительное поведение, ты уверен...

— Господи, да оставь ты его уже в покое, Лиззи! — выкрикнул Зак так громко, что я отшатнулась. Зак тут же вскинул руки. — Прости. Я не хотел орать. Я знаю, что та история меня не красит. Правда знаю. Но это было тринадцать лет назад. В любом случае я уже ничего не могу поправить.

По ту сторону пластиковой перегородки Зак казался замученным и безоружным.

— Все нормально, — сказала я, хотя это было и не так. — Зато у меня есть и потенциально хорошая новость. Ну, так себе хорошая, конечно. Но такое впечатление, что другим подозреваемым может быть отец Аманды.

— Отец? — Зак выглядел растерянным. — Что ты имеешь в виду?

— Он ее преследовал. Звонил и вешал трубку. А еще следил за ней... А еще он... Думаю, он ее домогался, в сексуальном плане, когда она была моложе. Аманда описывала целую череду изнасилований в своих дневниках, когда ей было двенадцать или тринадцать.

— Что?! — На лице Зака читалось отвращение, даже ярость. — Почему она мне не сказала?

— Я не знаю, — промямлила я, хотя Зак и сам говорил, что у них с Амандой были не самые близкие взаимоотношения. Почему он так удивлен? — Думаю, нужно хотя бы попробовать отыскать его. Как девичья фамилия Аманды?

— Линч, — ответил он без заминки. — Но я не знаю, как зовут ее отца или где он живет сейчас и все такое. Я никогда с ним не встречался, Аманда его разве что пару раз упоминала, и то лишь мельком, типа «отец» и все. Мне даже кажется, что она называет его ласково «папой», что теперь кажется еще более гадко. — Он соорудил гримасу. — *Двенадцать?* Кейзу сейчас десять. Это отвратительно.

Я кивнула:

— Да.

Я записала в блокнот «Линч» и подчеркнула. Теперь у меня была его фамилия и город — Сент-Коломб-Фоллс, и даже название церкви из дневников Аманды. Есть с чего начать.

— Это не наша работа — искать других подозреваемых, но присяжным захочется переложить на кого-то вину. Было бы неплохо найти его.

Я серьезно собираюсь защищать Зака, когда начнется суд? Одно дело заниматься ходатайством о залоге, но полноценный уголовный процесс по делу об убийстве? Потому что Пол до сих пор души не чает в Вэнди Уоллес? Потому что я испытываю чувство вины из-за того, что дала Заку от ворот поворот миллион лет назад? Потому что я злюсь на Сэма? Или есть что-то еще, вернее, кто-то, кому я пытаюсь компенсировать убытки? Мне пришла в голову эта мысль. Но ни одной из этих причин не было достаточно, чтобы остаться адвокатом Зака. Не тогда, когда мне нужно иметь дело с неразберихой, в которую превратилась моя жизнь.

— А еще мне очень хотелось бы пообщаться с подругой Аманды Кэролин. Такое впечатление, что она может что-то знать. У тебя есть ее номер?

— Я не знаю, кто это. Прости.

— Лучшая подруга детства Аманды? — В моем голосе зазвучал почти такой же укор, как в голосе Сары. — Она живет здесь же, в городе. Кажется, Аманда проводила с ней довольно много времени.

— Мне кажется, я никогда не слышал такого имени, — ответил Зак. И снова его ответ показался довольно искренним.

— Аманда писала о Кэролин в своем дневнике. Сара и Мод тоже знали о ней. — Я надеялась, что у него в памяти что-то щелкнет. — Но никогда не видели.

— Ну так, может, она и убила Аманду. — Лицо Зака просияло. — То есть я хотел сказать, что если в ее жизни появился кто-то из прошлой жизни, то наверняка с недобрыми намерениями. — Он сделал резкий вдох и покачал головой. — Знаешь, я был для Аманды рыцарем в сияющих доспехах. В каком-то смысле я ее спас. Я работал на износ, чтобы она — то есть мы — могли позволить себе все, что можно купить за деньги. А может, все это и не имело значения. — Он

снова сник. — Мне стоило больше заботиться о ней. Ведь так поступают хорошие супруги? Взять хотя бы тебя.

— Меня? — спросила я.

Зак сверкнул глазами, а потом снова потупился.

— Меняешь работу, чтобы позаботиться о муже, и все такое.

— Наверное... — сказала я, ощущая, как меня словно туман окутывает чувство стыда. Неужели моя история с Сэмом настолько очевидна?

— Наверное? — переспросил Зак. — Да ты пошла на *огромные* жертвы! Работа и все остальное. Но ты это сделала, потому что ты нужна мужу. Ты приняла его проблемы как свои. Ты куда лучше меня.

Разве что я ненавижу мужа за это.

— Еще я поговорила с Мод, — сообщила я, чтобы переключиться на другую тему.

— Это та, что устроила вечеринку? И что с ней?

— Она сказала, что вы с ней были вместе на вечеринке в тот момент, когда была убита Аманда. — Я замялась, но только на секунду, и многозначительно сказала: — *Вместе.* — Я снова помолчала и добавила: — Наверху.

— Наверху? — В голосе Зака сквозило любопытство, но никакой попытки оправдаться. — Такое ощущение, что ты на что-то намекаешь, но я не понимаю, что ты имеешь в виду. Прости.

— Наверху, там, где на вечеринке происходил обмен партнерами.

— Что?! — Зак захохотал. — Мод заявила, что мы с ней в тот вечер занимались сексом?

— Да. Сказала, что вы с ней пробыли вместе до двух, а значит, у тебя есть алиби на момент смерти Аманды, и это совпадает с твоим звонком в полицию. Все довольно сложно, учитывая обстоятельства, но это могло бы нам пригодиться.

— Могло бы. Будь это правдой. Для начала я вызвал полицию, я не помню, в котором часу, но еще до полуночи. — Зак выглядел раздраженным. — Мы с Мод не просто не занимались сексом в тот вечер, мы вообще с ней не пересекались. Я видел ее на вечеринке, но только потому, что кто-то на нее показал, однако мы не разговаривали. — Он покачал головой. — Понятия не имею, зачем она так сказала. Может, она занималась сексом с кучей людей и просто перепутала.

После того как мы закончили разговор, я подошла к одному из трех охранников, который стоял рядом с выходом. Он был молодой и жилистый, взгляд циничный, но не злой.

— Могли бы вы передать эту бумагу на подпись Заку Грейсону? — Я протянула ему доверенность. — Мне нужно забрать ее с собой.

Он скептически разглядывал документ какое-то время.

— Конечно.

Я прислонилась к прохладной стене в ожидании. Перед уходом я заставила Зака еще раз вспомнить последовательность событий в тот вечер, когда убили Аманду.

Они приехали к Мод на вечеринку почти в девять, и в этот момент их пути разошлись. Зак поболтал с парой гостей, но большую часть времени просто «наблюдал за происходящим» из дальнего угла гостиной. Самый долгий разговор состоялся у него с Сарой, которой захотелось узнать, как он с нуля добился такого успеха, но при этом она говорила с издевкой. После этого Зак ушел. Чтобы прогуляться по Бруклин-Хайтс. Около половины десятого он отправил Аманде сообщение, что ушел. Непонятно, пытался ли он найти ее на вечеринке перед уходом, но у меня сложилось впечатление, что не пытался. Зак пробыл на вечеринке всего полчаса. Спустя примерно два часа он вернулся домой, и Аманда была мертва.

Зак описал некоторых из гостей вечеринки, которые могли подтвердить его показания. *Парень в идиотской шляпе? Престарелая тетка с косичками? Лысый парень в футболке с надписью «Уэлфлит»?* Я несколько раз спрашивала его о прогулке по променаду. Это было худшее алиби в истории всех алиби, и на первый взгляд звучало как ложь. Кто уходит с вечеринки, чтобы пройтись в гордом одиночестве в такое время, да еще там, куда надо ехать на такси? Но Зак настаивал, что все так и было. Мог ли кто-то его видеть?

— Не исключаю, — ответил он, но не с такой уверенностью, чтобы я тут же отправила Милли искать свидетелей. Например, водителя такси, который якобы довез Зака до Бруклин-Хайтс. Но он голосовал на улице, так что никаких записей не осталось. Но зачем Заку придумывать себе алиби и при этом отрешиваться от того, что предлагала ему Мод?

Отец Аманды отлично годился на роль подозреваемого — это наша лучшая защита. Мы — в идеале кто-то другой, а не я — должны найти

его и доказать, что в тот вечер он был в Бруклине. А иначе меня начинали мучить дурные предчувствия, что Вэнди Уоллес сочинит такую историю, которая похоронит Зака заживо.

Я не хотела брать на себя ответственность. Нужно снова идти к Полу и просить его поручить защиту Зака кому-то еще. Я могла бы наврать, что это дело мешает моим старым делам, которые ведет и сам Пол. Наверное, он даже обрадуется предложению отказаться от дела, поскольку не в силах больше видеть Вэнди, может, он и сам уже его для себя вычеркнул.

— Вот, держите, — сказал охранник, протягивая доверенность с подписью Зака. — Вам стоит сказать своему клиенту, чтоб был поосторожнее, а то получит настоящую травму.

— Знаю. — Я испытала облегчение и удивление от того, что охранник в курсе побоев. — Мы... то есть я... могу чем-то ему помочь? Может, кто-то что-то посоветует или его можно куда-то перевести?

Охранник нахохлился, словно был уверен, что я подшучиваю над ним.

— Ну, для начала стоит сказать ему, чтобы перестал биться головой о стену.

Свидетельские показания перед большим жюри

Кеннет Джеймсон вызван в качестве свидетеля седьмого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Спасибо, что пришли, мистер Джеймсон.

О: Не за что.

В: Не могли бы вы назвать для протокола свою должность?

О: Старший эксперт-криминалист второго отдела Нью-Йорк Сити.

В: Как долго вы работаете криминалистом?

О: Двадцать пять лет. Старшим экспертом пятнадцать лет.

В: Вы осматривали место происшествия по адресу Монтгомери-плейс, 597, рано утром третьего июля?

О: Да.

В: И что вы увидели?

О: Труп женщины. Кругом брызги крови.

В: Вы смогли в тот момент определить причину смерти?

О: Предварительное заключение. Причина — убийство, травма, нанесенная тупым предметом.

В: Впоследствии ваша догадка подтвердилась?

О: Да, сейчас это официальная причина смерти Аманды Грейсон.

В: Уже определили орудие убийства?

О: Еще не окончательно. Ждем результаты финальных тестов.

В: У вас есть предварительное заключение?

О: Аманду Грейсон ударили клюшкой для гольфа.

В: Почему вы пришли к такому выводу?

О: Во-первых, ее нашли на месте преступления рядом с телом. Во-вторых, на клюшке обнаружили следы крови, которая совпадает по группе с кровью жертвы.

В: Еще что-то?

О: У нее была рана на руке, полученная, когда она подняла руку, чтобы защититься от удара.

В: Еще что-то?

О: Рисунок брызг крови вокруг тела согласуется с версией о том, что именно этим предметом жертве нанесены множественные удары.

В: Нельзя ли чуть подробнее?

О: Такой вывод можно сделать по форме капель крови и общему рисунку. Анализ брызг крови определяет, как именно было совершено то или иное преступление.

В: И что вы определяете по анализу брызг крови на месте данного преступления?

О: Что миссис Грейсон многократно ударили по голове.

В: Что-то еще указывает на то, что клюшка для гольфа была орудием убийства?

О: Предварительный анализ показывает, что рисунок по форме и размеру соответствует клюшке для гольфа.

В: Что это значит?

О: Я полагаю, что ее ударили один раз по голове, пока она стояла, а потом еще несколько раз, когда она упала. Разная высота ударов в ходе нападения объясняет разные места, где остались брызги крови, и разнообразие типов брызг.

В: То есть, говоря языком дилетанта, на основании предварительной оценки, какой вы делаете профессиональный вывод о причине смерти миссис Грейсон?

О: Она была забита до смерти клюшкой для гольфа у подножия лестницы в ее доме.

Аманда

За два дня до вечеринки

На следующее утро после ужина по случаю дня рождения Керри Аманда проснулась позже обычного. Организм начал приспосабливаться к отсутствию ребенка. Словно бы Кейза никогда и не существовало. Это ее немного напугало. Но по крайней мере, Аманде не приснился снова тот сон. Уже что-то. Может, привыкнуть к отъезду Кейза — не самое плохое.

Пятнадцать минут девятого. Кровать рядом с ней пуста. Зак всегда вставал в половине шестого, шел сначала в спортзал, а потом на работу. Он не позволял себе лениться.

«Интересно, что он делает прямо сейчас», — подумала Аманда. Почему он всегда так рано уходит в офис и так поздно возвращается? Ему правда нужно так много работать? Керри — адвокат, Себ — доктор и развивает свой стартап, но никто не пропадает на работе часами, как Зак. Он правда все то время, пока отсутствует, трудится? Эта мысль, разумеется, приходила Аманде в голову и раньше. Она же не тупая. Но когда Кейз был рядом, у нее имелись более важные поводы для волнения. Их жизнь текла более гладко, если Аманда держала язык за зубами. Аманда вспомнила, когда в последний раз об этом забыла. Это случилось в их втором доме в Дэвисе. Зак жаловался на своего нового босса, типа тот не такой умный, талантливый, трудолюбивый и прозорливый, как сам Зак. Аманда была беременна, и ее постоянно мутило. Было такое чувство, будто вся их реальность вылетела из головы.

— Тебе никогда никто не нравится, — огрызнулась Аманда. — Ты не думал, что проблема в тебе?

Глаза Зака вспыхнули. Но потом выражение его лица изменилось, словно бы он только что что-то решил. Затем он спокойно отложил нож и вилку и откинулся на стуле, скрестив руки. Просто смотрел на нее. Молча. Аманда поежилась. Казалось, прошла целая вечность прежде, чем он заговорил:

— Что ты только что сказала?

Зак смотрел на Аманду с презрением. Словно бы желал ей смерти. Нет, словно бы она уже мертва, а это ее разлагающиеся останки.

— Ничего, — быстро ответила она, обнимая свой живот. — Я ничего не говорила.

Даже сейчас, вспоминая тот разговор, Аманда ощущала тошноту. Но она больше не могла рисковать, сохраняя молчание. Определенно не об отце. Кейз вернется через несколько дней. Аманде нужно сейчас обрести голос.

Ей нужно двигаться постепенно. Начать с чего-то. Можно прямо сейчас. Она могла бы позвонить Заку на работу и сказать Тейлор, что ей нужно поговорить с мужем. А затем сделать простую вещь, которую другие жены проделывают каждый божий день: спросить мужа, вернется ли он на ужин. Она могла бы вести себя так, словно у нее есть право получить от него ответ.

Полная решимости, Аманда перекатилась на бок и схватила телефон. Но там ее уже ждала голосовая почта. К счастью, не с незнакомого номера. Номер был манхэттенский. Она прослушала сообщение.

— Привет, миссис Грейсон. Это Тедди Бакли, ваш бухгалтер из «ПрайсуотерхаусКуперс»? — Он снова начал с вопросительной интонацией. — У нас с вами была назначена встреча на сегодняшнее утро? Я у вас в офисе, но тут никого. Я не знаю, может, мы друг друга не поняли, но мне правда нужно встретиться с вами как можно быстрее. Вернусь завтра.

Черт! Но она и правда просто забыла? Или она нарочно это сделала? Но заставлять Тедди Бакли ждать у офиса фонда в столь ранний час — грубость, а не решительность. Аманде нужно будет быть четче, отстаивая свои интересы, если она хочет, чтобы Зак ее слушал. На телефоне загорелся другой номер. Кэролин.

— Алло?

— Как твой ужин? — спросила Кэролин на фоне звуков оживленной манхэттенской улицы — автомобильные сигналы, чьи-то голоса. Кэролин тяжело дышала, словно бы быстро шла. — Сара изошла на кое-что из-за того, что Зак не явился?

Обычно «исходила на кое-что» сама Кэролин. Она враждебно относилась к тому, кто посягал на ее территорию.

— Это было немного неловко, — призналась Аманда. — Но все вели себя мило и с пониманием.

— Мило... — скептически заметила Кэролин. — Просто не позволяй себя втянуть в эти их игрища. Ты же знаешь, какими могут быть эти тетки.

«Этими тетками» Кэролин называла всех жен и матерей, с которыми Аманда успевала подружиться, пока они кочевали все эти годы по разным городам. Для Кэролин все «тетки» были одинаковыми. Но Аманда считала, что Сара и Мод — другое дело. Они настоящие подруги. Аманда им не безразлична. Ей не хотелось, чтобы Кэролин подрывала их дружбу.

— Эй, можем встретиться на пробежке после работы? — спросила Аманда. — Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— О чем?

— Я тут думала о том, что ты сказала — о том, что ты говорила — о Заке. — Аманда с шумом втянула воздух. Даже удивительно, как ей страшно было признаться.

— И? — поинтересовалась Кэролин с оптимизмом.

— Хочу обсудить при встрече.

— Ладно. — Теперь ее голос звучал скептически. — Но сегодня я не могу. Давай завтра?

Аманда подавила в себе порыв начать канючить и добиваться своего.

— Ладно. Давай в нашем обычном месте завтра в восемь вечера.

Когда Аманда вышла из душа, то увидела сообщение от Сары: «Кофе? Со мной и Мод. Через пятнадцать мин в “Блю Боттл”». Они часто встречались на углу Седьмой авеню и Третьей улицы перед началом рабочего дня. Аманда ходила в «Блю Боттл» даже чаще, чтобы почитать днем, пока дела в фонде только-только раскручивались. Ей нравилось сидеть там, наблюдать, как за соседними столиками работают писатели — в Центр-Слоуп полно писателей — типа молодого косматого парня со стикером на ноутбуке, полученным во время участия в марафоне, парня, который всегда казался ужасно сосредоточенным. Аманда чувствовала всю магию историй, которые он сочинял. Порой она воображала, что в один прекрасный день спросит у парня, что он там пишет и сколько марафонов пробежал. Но, разумеется, ни разу так и не спросила.

«Увидимся там», — написала в ответ Аманда. Забавно, что Аманда и ее подруги могли себе позволить распивать кофе по утрам. Но Мод и Аманда — сами себе начальницы, а Сара технически подчиненная, но работает на Аманду. Саре нравилось упоминать об этом при каждом удобном случае. Не враждебно, не обиженно, просто словно она хотела удостовериться, что Аманда в курсе, что она не забыла. Разумеется, Саре не нужна была зарплата. Она устроилась работать в фонд, чтобы дать что-то родителям, которые в этом нуждались, чтобы получить передышку от неблагодарного контингента в родительском комитете Грейс-Холл.

Аманда быстро надела простенькое забавное летнее платье, которое, как она наконец-то поняла, подходит для дневных прогулок в Центр-Слоуп (в паре с дорогими, но «минималистичными» сандалиями). По коридору она шла, почти охваченная радостью. Прошли почти сутки после прошлого звонка. Двое суток после того, как она решила, что папа следит за ней. Она знала, что не стоит давать волю надежде, но есть же шанс, что он снова забился в свою нору.

Аманда собиралась уже спуститься по лестнице, но тут краем глаза заметила, что на третьем этаже в кабинет Зака открыта дверь. Обычно Зак не оставлял незапертой двери, когда уходил. Кабинет был его личным пространством. Аманда не заходила туда, за исключением особых случаев, например, чтобы починить шкаф, что в итоге запланировали на следующую неделю. Это правило действовало во всех домах, где им доводилось жить, если эти дома были достаточно большими, чтобы вместить такую роскошь, как кабинет.

— Зак! — крикнула Аманда. Может, он ушел на работу спозаранку, но потом заскочил домой по дороге в аэропорт или что-то типа того. Зачастую Аманда узнавала о его поездках уже постфактум. Она сделала еще пару шагов и крикнула погромче: — За-а-ак!

Дом ответил молчанием.

Аманда поднялась и направилась к открытой двери. Внутри поднималась волна ужаса. Но чего именно она боялась? Она так давно уже живет — всегда жила — по этим правилам. Это были правила выживания с папой в трейлере: прячься, не шевелись, беги. Это были правила избегания конфликтов с Заком: не жалуйся, не задавай вопросов, не ходи туда, куда тебе ходить не положено. Довольно просто.

Нарушить одно из правил — умышленно! — наверняка было чревато. Аманда почти не дышала к тому моменту, как добралась до лестничной площадки и заглянула в кабинет.

Пусто. Она громко выдохнула.

Три больших монитора стояли на блестящем столе Зака, словно в кабине пилота самолета. На полках — книги, но Аманда была уверена, что Зак их не читал. Она присутствовала, когда в Пало-Альто «персональный куратор библиотеки» выбрал книги, чтобы Зак производил именно то интеллектуальное впечатление, которое он задумал. Ну, не то чтобы в домашнем офисе было кому эти книги оценить. Кошмар. Книги рисовали убедительный портрет человека, любящего приключения, любопытного, незашоренного путешественника, увлекающегося спортом. Человек, которого предметы роскоши интересовали куда меньше, чем сама жизнь. Очень привлекательные качества, но вот только эта картинка не имела ничего общего с реальным Заком.

Единственное, что когда-либо заботило Зака, насколько могла судить Аманда, — это успех. Причем его влекли не столько деньги — это Аманда еще поняла бы, — сколько чистое удовлетворение от того, что он на вершине. Победа ради победы. Зак просто хотел побеждать. Нуждался в этом. Без побед он растаял бы, как дымка.

Аманду никогда раньше не беспокоила одержимость Зака успехом или все эти «псевдокниги», но сегодня это ее вывело из себя. Аманда подумала обо всех тех романах, которыми она зачитывалась в библиотеке и которые спасли ей жизнь. А Зак, видите ли, считает, что можно получить все то же самое, просто выложив наличку. Но почему бы, собственно, и нет? Ее-то он купил.

Внезапно Аманда ощутила, что у нее горят щеки. Сердце стучало в ушах. Ну уж нет. Она не вещь, которая принадлежит Заку. И Кейз тоже не вещь. Это и ее дом тоже.

Аманда испытала что-то сродни возбуждению, когда вошла в офис, скрестив руки.

По обе стороны стола Зака на полках, которые крепились так, что, казалось, парили в воздухе, стояли фотографии в рамочках, их на протяжении лет делала целая армия платных фотографов, которых по настоянию Зака приглашала Аманда. Снимки, развешанные по всему дому, были милыми, но Аманде хотелось семейных портретов в стиле

тех, что она видела у Сары, с всклокоченными волосами, перемазанными шоколадом физиономиями и закрытыми глазами. Даже у Мод и Себа были такие фотографии: жизнь, идеальная в своей неидеальности. Для Зака их семья всегда была подретушированной абстракцией, чем-то, что можно поставить на полку, чтобы любоваться издали.

Но что от семьи и брака хотела получить сама Аманда? Она никогда всерьез не задумывалась над этим вопросом. Иметь возможность сказать собственному мужу, что ей страшно. Хотя бы это. А еще ей хотелось, чтобы Заку было не наплевать.

Аманда подошла к креслу Зака и уселась. Она дотронулась до мышки, и экран ожил. Еще один их снимок, сделанный фотографом в Саннидейл, где они жили до того, как Кейзу исполнился годик. Они стояли против света у окна из лофта, который выглядел куда гламурнее, чем был на самом деле. Зак держал на руках Кейза. Аманда стояла позади, положив руки на плечи Зака и глядя на Кейза. Словно бы они так и правда жили: дотрагивались друг до друга, смотрели с любовью.

Когда Аманда снова пошевелила мышкой, то выскочило окошко, запрашивающее пароль. Она попробовала соединить свой день рождения и день рождения Зака, но без особой надежды. Как и ожидалось, пароль не подошел. Другие варианты и пробовать нечего.

Так что Аманда выдвинула ящик справа от нее. К ее удивлению, он не был заперт и поддался. Внутри аккуратной стопкой лежали несколько хрустящих коричневатых папок. Аманда достала их и положила на колени. На верхней значилась надпись «Лагерь Кейза». Внутри оказались несколько брошюр с вариантами лагерей, которые они обсуждали, включая и тот, куда Кейз в итоге отправился. Аманда собирала всю информацию, которая касалась Кейза, будь то школа, лагерь, кружки. Но она понятия не имела, что Зак хоть что-то хранит. Следующая называлась «Кружки Кейза». Там лежала брошюра Бруклинской консерватории, где Кейз брал уроки игры на гитаре, и футбольного клуба в Нью-Йорке. В папке «Школа» лежали копии табелей с оценками, информационное письмо из школы, которое они получили, с приглашением прийти на беседу с учителями (единственный раз, когда Зак ходил в школу, поскольку знал, что это минимум, который от него требуется) и список учащихся. Глядя на все

это, Аманда испытала странное чувство — нечто среднее между замешательством, виной и печалью. Словно бы она случайно наткнулась на тайную коллекцию любимых игрушек трудного подростка. Это настоящий Зак? Это то, чего он на самом деле хотел? Больше участвовать в жизни Кейза? Может, он не знал, как попросить о том, чего ему хотелось, как и Аманда?

В самом низу стопки Аманда нашла кое-что, чего не видела раньше. Это были электронные письма от директора Грейс-Холл на личный адрес Зака. Три письма, если быть точным, и все с одним и тем же текстом, только по-разному отформатированным. Речь шла о каком-то инциденте с участием Кейза, который в школе хотели как можно быстрее обсудить. Потом шли подробности того, как именно будет происходить встреча, и перечень дат на выбор. Три подобных сообщения за три прошедших месяца, начиная примерно через месяц после их переезда: двадцать четвертое апреля, девятнадцатое мая и пятое июня.

Из-за какой-то организационной путаницы школа направила Заку письма о таком важном вопросе? С таким же успехом могли бы смыть их в унитаз. Аманда даже не могла винить Зака за то, что он их проигнорировал. Наверняка решил, что Аманда их тоже получила и разберется с «инцидентом», как она всегда это делала: окончательно, тщательно и одна. Письма были безумно туманными. Сделал ли что-то Кейз или, наоборот, кто-то что-то сделал *ему*? Он сам стал источником проблем или проблемы были у него?

Аманда закрыла папку и прижала к груди. Она даже не могла позвонить в школу и все выяснить, поскольку они закрылись на первые две недели лета. А как спросить Зака об этих письмах, не признавшись, что нашла их, роясь в его столе?

Надо что-то придумать. Она не могла позволить, чтобы абсурдные правила Зака, дурацкие стандарты, которые он ей навязал, помешали ей защитить ребенка. Она уже допустила ошибку, когда разрешила Заку перевезти их в Бруклин посреди учебного года, что наверняка и послужило источником проблем в школе. Ошибкой было промолчать в тот момент. Будет ошибкой промолчать сейчас, не рассказать о папе, не спросить об этих письмах. У нее есть право голоса. Она больше не потерпит, чтобы сын расплачивался за ее слабость.

Лиззи

10 июля, пятница

Я стояла, ощущая звон в ушах после того, как охранник оставил меня стоять с подписанной Заком доверенностью. Документ дрожал у меня в руке.

Зак сам себе наносил увечья. Зак сам себе наносил увечья. Что. За. Хрень.

Я вышла из здания и пропустила несколько автобусов, которые шли до главных ворот Райкерса. Я не могла и дальше торчать там, пока кто-то не попросит меня убраться. Будь ты хоть трижды адвокат, а нельзя просто так ошиваться на Райкерс-Айленд. Но я не могла и просто так уехать, не задав вопрос Заку.

Я пропустила еще один автобус, а потом вернулась обратно в надежде, что охранники позволят мне переговорить с ним еще раз без того, чтобы тащиться в главный корпус и получать официальное разрешение.

— Простите, — обратилась я к тому же охраннику, который помогал мне с доверенностью, и беспомощно улыбнулась: — Я забыла кое-что спросить у моего клиента.

— Про то, что у него с лицом? — Охранник казался слегка раздраженным, но смотрел на меня с сочувствием.

Я кивнула:

— Я была бы очень благодарна.

— Ладно, — нехотя согласился он. — В виде исключения.

Спустя пятнадцать минут мы с Заком сидели в той же комнате.

— Не наобщалась? — спросил он, глядя вниз. Его нога подрагивала.

Я молча смотрела на него. С чего бы начать?

— Зачем ты наврал? — наконец спросила я.

— Прости, но тебе стоит быть поконкретнее, — буркнул он. — На ум приходят сразу несколько вариантов.

Я показала на его лицо, хотя он и смотрел вниз, и сжала руки так, чтобы они не тряслись.

— Ты же сам это с собой сделал.

Нога Зака замерла. Он очень долго не двигался.

Сначала он поднял голову, встретился со мной глазами, затем положил руки на металлическую подставку перед собой и уселся поровнее, мигнул и посмотрел на меня твердо. Передо мной сидел незнакомый человек. Человек, которого я никогда раньше не видела.

— Сюрприз! — хмыкнул он, а потом улыбнулся: — Долго же до тебя доходило.

Я сжала кулаки сильнее, ногти вонзились в ладони.

— Почему? — Слово царапнуло сухое горло.

— Почему я удивлен, что до тебя так долго доходило?

— Нет. Почему я? — Мой голос прозвучал слишком громко. Это могло привлечь охранников. Но я ничего не могла с собой поделать. — Есть множество других адвокатов. Да у тебя самого полно других адвокатов.

— Ну, как мы уже установили, ты преданна до безобразия, — усмехнулся он. — А еще ты решительная особа. Если уж начнешь мне помогать, то не сдашься. — Он показал на свое лицо. — Это лишний стимул.

— Это все потому что я отказалась с тобой встречаться?

— Господи, Лиззи, — фыркнул он. — Что за высокомерие?! Это не имеет ничего общего ни с какой любовью. Хотя мы оба знаем, что ты тогда была не права. Ты меня использовала.

— Мы были *друзьями*.

— Все не так просто, — бросил он. — В любом случае сейчас это уже не имеет никакого значения. Я же уже тебе говорил, что не сидел и не грезил о тебе все эти годы. Ты же видела, какой была Аманда, да? Я успешно отоварился в отделе жен. Просто я дико хочу выбраться из тюрьмы.

Я резко вскочила.

— Я беру самоотвод, прямо сейчас. Найду тебе адвоката на замену.

— Ну, где ты и где все эти товарищи по рекомендации, Лиззи! — Он засмеялся и откинулся на стуле, скрестив руки перед грудью. — Нет уж. Спасибо. Тебе нужно довести дело до конца.

— Зак, я не буду представлять твои интересы. Ты не можешь меня заставить, — заявила я. — Точка.

Я направилась к двери, чтобы сделать глоток свежего воздуха, а Зак крикнул мне вслед:

— Ты в курсе, что «Янг & Крейн» неспроста попросил у тебя финансовую декларацию? Они не нанимают юристов с большими займами.

Дыши.

— О чем ты? — спросила я, не поворачиваясь.

— Да ладно прикидываться. Дело против твоего муженька — это солидарная ответственность. Ты же знаешь, — сказал Зак. — Кредиторы могут прищучить тебя точно так же, как бедняжку Сэма, пьянчужку-писателя. Ваш долг — солидарная ответственность, так что ты обязана была вносить его в свою финансовую декларацию, но ты умолчала об этом.

Я оперлась о стену, чтобы не упасть, а затем повернулась к Заку лицом.

— Откуда тебе это известно?

— Справедливый вопрос. — Голос Зака звучал сдержанно, но в глазах светилось то, что можно было описать лишь одним словом — радость. — Но куда важнее другой вопрос — если я это узнал, то где гарантии, что в «Янг & Крейн» не пронюхают? Честно говоря, довольно нагло врать такой серьезной конторе в таком документе. Тем более тебе. Сэм разрушил и твои этические принципы.

У меня свело желудок.

— Чего ты хочешь?

— Я не убивал свою жену, Лиззи, — сказал Зак, — и мне нужно лишь, чтобы ты осталась и помогла мне доказать это.

— А если откажусь, то ты сделаешь так, чтобы меня уволили?

— Если откажешься, то я сделаю так, чтобы в твоей фирме узнали, что *ты* сделала. Так что тебя уволят не из-за меня, а из-за тебя самой. Вيني во всем себя. Ну, или Сэма. Он же алкаш.

Всю дорогу обратно из Райкерса у меня тряслись руки. В какой-то момент мне пришлось припарковаться прямо на оживленной трассе, чтобы справиться с рвотным позывом. Зак всегда был чудовищем, просто я это почему-то не заметила? Или же в глубине души я это знала? Поэтому я обрадовалась, когда он оборвал все связи?

Разумеется, это было уже не важно. Мне просто нужно было выпутаться из сложившейся ситуации. Но все пути, которые я рассматривала, заканчивались одной и той же кирпичной стеной — финансовой декларацией. Из «Янг & Крейн» меня почти наверняка уволят, когда об этом станет известно. Даже могут завести дело о нарушении этики. А кем я буду без работы и без профессиональной репутации? Лишившаяся родителей и адвокатского статуса бездетная лгунья, замужем за алкоголиком и обремененная долгами, которые мы никогда не сможем выплатить. Почти, как тогда с моими родителями. Хотя меня облапошил вовсе не незнакомец, а собственный муж. А теперь вот Зак.

Единственный вариант выбраться — вызволить Зака из Райкерса. А это означает суд, который растянется на месяцы, если не на годы. Я не выдержу так долго во власти Зака. Найти настоящего убийцу — лучший вариант. Если я это сделаю и смогу хоть в какой-то степени доказать это и привлечь прессу, то у Вэнди Уоллес не останется выбора, кроме как отозвать обвинения против Зака.

Разумеется, подобный подход зависел от одного определяющего факта — что Зак и правда не убивал Аманду. Но прямо сейчас мне казалось, что он виноват по самое не балуйся.

Как оказалось, Линч — очень популярная фамилия в Сент-Коломб-Фоллс. Ее носили больше десятка человек. Я изучила список имен на экране компьютера в темном кабинете. Коридоры «Янг & Крейн» наконец опустели примерно в десять вечера. Я пыталась сконцентрироваться на своей задаче, а не на том, что меня шантажом вынудили этим заняться. Единственный способ двигаться вперед — притворяться.

Поиски Аманды Линч ничем не закончились. Ни аккаунта в «Фейсбуке», ни статьи, ни даже ссылки на старую школьную газету. Но ведь Аманда Линч стала Амандой Грейсон только в семнадцать или восемнадцать лет. Она словно бы и не существовала до встречи с Заком.

Я отсортировала мужчин по фамилии Линч по возрасту. Скорее всего отцу Аманды сейчас не меньше пятидесяти. Остался список из восьми человек: Джозеф, Дэниел, Роберт, Чарльз, Ксавье, Майкл, Ричард и Энтони. Я проверила их в регистре преступников,

совершивших преступления на сексуальной почве. Не исключено, что отец Аманды мог насилловать не только ее, но и еще кого-то. Увы, никто там не фигурировал. Через несколько минут я раздобыла телефоны каждого из восьмерых. Прямой контакт — довольно грубый ход, но эффективный. А у меня мало времени.

Я набрала первый номер. Джозеф Линч. Сначала долго-долго раздавались гудки, а потом меня наконец переключили на голосовую почту. Весь мой детективный подход основывался на предположении, что люди будут поднимать трубки, когда им звонят с незнакомого номера. Кто так вообще делает? Но у меня не было выбора.

«Привет, это Джозефин, — раздался хриплый женский голос. — Оставьте сообщение...» Я повесила трубку. «Джозеф» оказался Джозефин. Я сделала глубокий вдох и перешла к следующему номеру — Роберт Линч.

Я вздрогнула, когда собеседник взял и ответил после второго гудка.

— Это Роберт. — Его голос был громким и излишне веселым.

— Привет. Меня зовут Лиззи. Я пытаюсь отыскать Аманду Линч. Мы вместе учились в школе, но потом потерялись.

Старая подруга — безобидный способ обезоружить отца Аманды, чтобы он случайно раскрыл себя.

— Аманду? — с энтузиазмом переспросил Роберт Линч. — Простите, мне кажется, я не знаю ни одной Аманды Линч. Боюсь, вы ошиблись номером.

— Простите за беспокойство.

— Ничего, — сказал он таким тоном, словно мой звонок был самым ярким событием его дня. — Я могу вам еще чем-то помочь?

Зак. Помогите мне с Заком.

— Не думаю. Спасибо, что уделили мне время.

— Хорошего вечера!

Следующим был Чарльз Линч. Меня сразу переключили на сообщение: «Номер, который вы набираете, не обслуживается». Так, трое позади. Впереди еще четверо. *Черт.* Но есть и другие пути. Наверное, есть еще Линчи, которые не попали в список. А то, что номер не обслуживается, не означает, что человека наверняка можно вычеркнуть. А еще отец Аманды мог куда-то переехать из Сент-Коломб-Фоллс. Я снова сделала глубокий вдох и набрала следующий

номер. Ксавье. Я мысленно повторила имя. Библейское^[10]. Праведное. Имя пророка, а не отца-насилльника.

— Алло? — раздался глухой голос.

— Ой, простите, меня зовут Лиззи Кицакис.

— Да?

— Я пытаюсь найти Аманду Ли...

Щелчок. Тихий, но слышный.

— Алло? — ответа не последовало. — Алло?

Я набрала номер и прослушала сообщение: «Номер, который вы набираете, сейчас не в сети». Такое бывает, если собеседник блокирует ваш номер. Я это точно знала, поскольку мы специально искали, что слышат люди, когда их блокируешь, когда решили заблокировать адвоката владельцев «Англерса», трезвонившего нам в любое время дня и ночи. *Доказывает* ли это, что Ксавье — отец Аманды? Разумеется, нет. Но это подозрительно. Я поискала Ксавье Линча в интернете и тут же получила первые результаты. В США проживало двое людей с таким именем и фамилией. Один — дантист из Эль-Пасо, штат Техас, тридцать один год, второй — девятнадцатилетний второкурсник в Университете Флориды, который вел с полдюжины видеоблогов, играя в различные компьютерные игры. Я отвлеклась, просматривая ссылки, не относящиеся к делу, а потом добавила в поисковый запрос «Сент-Коломб-Фоллс», и он тут же появился — третий Ксавье Линч. Он упоминался в информационном бюллетене Методистской церкви Сент-Коломб-Фоллс годичной давности, где говорилось о благотворительной барахолке. Та самая церковь, о которой писала Аманда в своих дневниках.

Имя Ксавье мелькнуло лишь единожды, в подписи к одной из фотографий. Он стоял рядом с пожилой четой, все держали в руках кормушки для птиц. «Сьюзан и Чарли Дэвидсон и Ксавье Линч устроят пир для птичек благодаря нашей ежегодной ЯРМАРКЕ». Ксавье был очень могучим мужчиной, на несколько сантиметров выше пожилой пары, очень грузным. Широкое лицо, коротко подстриженные седые волосы, очки в массивной оправе. Он казался напряженным, ни следа улыбки.

И что теперь? Когда я работала в прокуратуре, ответ был прост: направить ФБР вытрясти правду из Ксавье Линча. Но теперь в моем распоряжении не было вооруженных профессионалов. Сотрудники

нашей фирмы максимум могли штраф оплатить, они не допрашивали подозреваемых в убийстве.

— Доброй ночи!

Я подняла голову. В проеме двери стоял мой помощник Томас, касаясь костяшками пальцев дверного косяка, словно бы уже успел постучать. Он был одет в брюки в обlipочку и тенниску в ярко-желтую и оранжевую полосу, которая смотрелась очень дорого. У Томаса были красивые глаза и лукавая улыбка, из-за чего у меня всегда возникало ощущение, что он только что услышал какую-то сплетню, возможно, обо мне. Но в роли помощника он проявил себя замечательно и оказался очень преданным.

— Что такое? — В моем голосе звучало куда больше раздражения, чем я намеревалась.

Он поднял конверт, словно щит.

— Это документы касательно того ордера из Филадельфии. — Томас шагнул ко мне и протянул конверт. — Ты же просила принести его тебе сразу, как доставят.

Ах да, ордер. Но какая теперь разница? Судья знала, что штраф оплачен, но она отказалась отпустить Зака под залог из-за обвинения в убийстве.

— Да. Неоплаченный штраф? — уточнила я.

— Я разношу конверты, но не изучаю содержимое без особых на то причин, — сказал Томас. — Помнишь?

Томас смотрел на меня так, словно я должна знать, что он имеет в виду.

— Нет, я не помню.

— Ладно. Это было до тебя, — сказал он. — Не хочу называть себя героем или что-то в этом роде, но ты слышала про партнера, которого уволили? Это я его изобличил. Он отправил меня забрать бумаги из принтера, а я, как излишне прилежный помощник, решил достать документы, чтобы этот партнер не порезал свои жирные пальцы. Скажем так, внутри оказались совсем не контракты, которые я ожидал увидеть.

— А что же?

— Компрометирующие фото одной из помощниц, которые были сделаны явно без ее ведома.

— Ого, — с отвращением сказала я. Да что такое со *всеми*?

— Знаешь, думаю, другой партнер спустил бы все на тормозах, но только не Пол. Он маньяк, но по крайней мере, у него есть хоть толика чести.

— Ага, толика, — сухо заметила я, беря конверт.

Я открыла и быстро просмотрела ордер, пока не дошла до последней строчки — штраф и правда выписали за подозрительное поведение.

— Все нормально? — Из его голоса пропал сарказм.

— Не особо.

— Я могу помочь? — искренне спросил он.

— Спасибо, но нет. — Я избегала его взгляда. — Не думаю, что кто-то может помочь.

Здание Бруклинской прокуратуры было новее и выше, чем то, где располагалась прокуратура Манхэттена, хотя в вестибюле пахло точно так же — картон с примесью мочи, — и чем дольше я сидела там на следующее утро, тем сильнее меня пробирало. Может, я просто не отошла после того, как переночевала в кабинете. Я не могла вынести мысль о том, чтобы отправиться домой к Сэму. К счастью, никто в «Янг & Крейн» не переживал, если коллеги оставались на ночь на работе.

Мы договорились на одиннадцать, но тем не менее секретарь сообщила, что Вэнди Уоллес еще не приехала. Было почти без четверти двенадцать. Я сидела там и ждала, глядя на картины маслом, и тут мне пришло в голову, что Вэнди Уоллес согласилась встретиться лишь потому, что не собиралась приходить.

Наконец я услышала, как шпильки цокают по мраморному полу со стороны лифтов, и этот звук напоминал лязг ножей. Вэнди Уоллес. Наверняка она решила, что я пришла обсудить сделку о признании вины. Ее вряд ли порадует подмена подозреваемого, и меньше всего мне хотелось просить ее о помощи. Но если бы я могла каким-то образом убедить сторону обвинения присмотреться к Ксавье Линчу, то это было бы куда лучшей альтернативой.

Когда Вэнди Уоллес вышла из коридора, она показалась мне даже красивее, чем тогда в суде: бледно-голубые глаза, которые оттеняло серебро волос, элегантный серый льняной костюм, черные туфли на высоких каблуках. Она шла с высоко поднятой головой и смотрела

вниз, словно сфинкс. Я встала в надежде, что мне будет не так страшно. Увы, не получилось.

— Советник, — буркнул она неразборчиво. — Пойдемте ко мне в кабинет. Там нам будет удобнее.

Будет ли? Все, что касалось Вэнди Уоллес, ощущалось как головоломка в упаковке из лжи. Наверняка поэтому Пол так на ней заиклился. Скорее всего, она одна из немногих, кто заставил *его* наглотаться пыли.

В антураже кабинета Вэнди Уоллес явственно ощущались дизайнерские штрихи. В углу стояло кресло от «Герман Миллер», на стене висел рисунок с подписью. Наверняка все это было куплено на деньги, полученные при разводе от Пола. Вряд ли на это хватило бы одной зарплаты окружного прокурора. Но ничего вычурного. Ровно настолько, чтобы дать понять, что Вэнди стоит значительно дороже, чем можно предположить по сумме ее ежегодного дохода.

Вэнди жестом пригласила меня присесть на стул для гостей.

— Чем обязана?

Я села, вытянувшись по струнке, и, когда Вэнди устроилась напротив меня, у меня не осталось выбора, кроме как поддерживать эту неестественную позу.

— Мне нужна ваша помощь, — начала я.

— Моя помощь, — сухо произнесла она.

— Я нашла отца Аманды Грейсон. — Я достала из сумочки самый последний дневник Аманды. — Он преследовал ее. — Я потрясла дневником в воздухе, чтобы усилить эффект. — Полагаю, он вполне мог ее убить! Нужно его допросить, и немедленно.

Рискованно было доставать туза из рукава. Вэнди будет знать об альтернативной версии, как только мы окажемся в суде. Но если до этого дойдет, я пойму, как мне лучше защищать Зака.

— Отца? — Вэнди сдвинула брови и слегка наморщила нос. Она уставилась на дневник.

— Я не на сто процентов уверена, что нашла именно его, но думаю, что это так, — сказала я. — Он насиловал ее, пока она была маленькой, и преследовал после их переезда в Нью-Йорк. Он был в Центр-Слоуп, следил за ней. Обо всем этом есть записи в дневнике.

— Ваш клиент убил свою жену, советник. Мне не нужно просматривать ее дневники или разговаривать с ее отцом, чтобы понять это.

В ее ответе мне почудилась тень сочувствия. Может, она и не уверена в том, что говорила. Я понимала, что ей не слишком хочется копаться в чужом грязном белье. Как прокурор я никогда не стала бы заниматься опросом членов семьи, чтобы подкрепить чью-то чужую версию. Нужно тщательно подбирать доказательства под свою историю, и не потому, что ты воплощение вселенского зла, просто ты веришь в нее. Но настоящее оправдательное доказательство — совсем другое дело. Ни один уважающий себя прокурор не станет закрывать на него глаза и даже Вэнди Уоллес. Иначе можно поставить крест на собственной карьере.

— Отец Аманды Грейсон преследовал ее, и она очень боялась, — сказала я решительным голосом. Я подождала немного, высматривая признаки беспокойства. Их не было. — Думаю, он ее убил.

— Ха! — тихонько воскликнула Вэнди. Она казалась по-настоящему удивленной. — Знаете, я не беспокоилась насчет Пола, поскольку точно знала, как вывести его из игры. Но я слышала, что вы были цепкой неуступчивой собачонкой в прокуратуре. Спасибо, что дали понять, что это описание вовсе не было комплиментом.

Мои щеки горели огнем. У нее заблестели глаза.

— Полиции нужно допросить ее отца. Кто-то должен проверить его алиби. Ваши детективы хотя бы видели эти дневники? Они лежали под кроватью. Аманда записывала дату и время. Звонки, те случаи, когда отец преследовал ее. Это потенциально оправдывает моего клиента.

Вэнди задумчиво кивала. Такое впечатление, что я наконец до нее достучалась. Но потом она внезапно встряхнула головой, словно очнулась.

— Простите. Вы что-то сказали? Я услышала слово «*потенциально*», и мой мозг взорвался в черепной коробке.

— Слушайте, я не думаю, что так уж необоснованно предположить...

— Так ясно, что вы не думаете! — рявкнула Вэнди. — Ваш клиент — миллионер. Если вы хотите устроить охоту за призраками, которая снова приведет не к кому-то, а именно к нему, ни в чем себе не отказывайте. Но только раскошелиться на эти игрища будет он, а не

налогоплательщики штата Нью-Йорк. Мы не обязаны бегать проверять каждую мелочь только потому, что вы возомнили, что это «потенциально» куда-то приведет. Полиция не опрашивает школьных приятелей вашего клиента или его дантиста. И что, мать вашу? Это не имеет отношения к делу просто потому, что вы что-то там себе напридумывали. Но у меня есть идея. Я подам судебный запрос на всякий случай об изъятии этих дневников. Пусть полиция заберет их у вас. Так мы можем быть спокойны, что у нас хватит времени на прочтение.

— А что, если это все-таки куда-то приведет? Что, если отец Аманды как-то изобличит себя в разговоре с моим детективом?

— Тогда мы вызовем в суд вашего гребаного детектива! — заорала Вэнди, хотя мы обе прекрасно знали, что она будет изо всех сил пытаться поставить все сказанное детективом под сомнение. Она спокойно откинулась в кресле и положила руки на подлокотники, словно сидела на троне. — Я согласилась встретиться с вами исключительно потому, что думала, что вы хотели бы пойти на сделку. И с нетерпением собиралась отказать. И тут вы заявляетесь ко мне и просите сделать за вас вашу гребаную работу? — Она покачала головой и негромко презрительно фыркнула. — Хотите разбазаривать свое время, опрашивая этого придурка, валяйте. А теперь прошу меня извинить, у меня много работы.

— Хорошо, — сказала я, поднимаясь с места. — Я не согласна, но очевидно, что вам придется делать так, как вы считаете правильным.

— *Очевидно*, да.

— Но нарушения при ведении следствия дают основания для отмены решения суда. Если моя ниточка куда-то все-таки ведет, а вы намеренно ее проигнорировали... — дальше я дала простор ее воображению.

Вэнди Уоллес посмотрела на меня, а потом улыбнулась:

— Мне не терпится ответить на *эту* вашу апелляцию.

— Спасибо, что уделили время, — наконец процедила я, направляясь к двери. — Это было занимательно.

— Одно маленькое предупреждение, — сказала она мне в спину. — Как женщина женщине. — Я остановилась и повернулась. — Аккуратнее с Полом. Он очарователен, но рано или поздно вырвет у вас сердце и заставит проглотить его целиком.

Я наклонила голову набок, а потом произнесла с улыбкой:

— Не волнуйтесь. Как женщина женщине: у меня хватит мозгов не запасть на Пола.

Свидетельские показания перед большим жюри

Тэйлор Пельштейн вызвана в качестве свидетеля седьмого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Доброе утро, мисс Пельштейн, спасибо, что пришли.

О: Мне сказали, что у меня нет выбора.

В: Да, вас вызвали повесткой для дачи показаний.

О: Вы хотите сказать, что у меня был выбор?

В: Вам предписано явиться в суд как свидетелю.

О: Просто мне правда нравится мистер Грейсон. Он отличный шеф. Я не хочу потерять работу.

В: Об этом не волнуйтесь, мисс Пельштейн. Все заседания большого жюри сохраняются в секрете.

О: Это вы так говорите.

В: Это факт, мисс Пельштейн. Так гласит закон.

О: Ну, как скажете.

В: Тогда давайте перейдем к вопросам, чтобы побыстрее покончить с этим. У меня всего лишь пара вопросов. Вы работаете на мистера Грейсона, это так?

О: Да.

В: В каком качестве?

О: Я его помощница.

В: Каковы ваши обязанности?

О: Я веду календарь мистера Грейсона, заносу туда встречи, планирую их, организую поездки, отвечаю на его телефонные звонки.

В: Сколько времени вы уже работаете?

О: Три года.

В: Вы работали на мистера Грейсона в Калифорнии?

О: Да.

В: Необычно перевозить с собой личного помощника через всю страну, не так ли?

О: А я откуда знаю? У меня же нет личного помощника.

В: Вы когда-нибудь общались с миссис Грейсон?

О: Разумеется. Когда она звонила.

В: Мистер Грейсон когда-либо давал вам какие-то специальные указания, которые касались бы его жены?

О: Не понимаю, о чем вы.

В: Позвольте напомнить, что вы под присягой. Вам могут предъявить обвинение, если вы утаите правду. Мистер Грейсон когда-либо давал вам какие-то специальные указания, которые касались бы его жены?

О: Он просил не переводить ее звонки.

В: В каком-то определенном случае?

О: Нет.

В: То есть вы вообще не должны были переводить ее звонки?

О: Я должна была всегда передавать сообщения. Но хочу сказать, что мне это не нравилось. Миссис Грейсон... я ее толком и не знала, но кажется, она была приятным человеком. Просто мистер Грейсон был очень занят. Ничего личного.

В: Но тогда вы должны были переживать и из-за того, что у вас роман с мистером Грейсоном.

О: Что?! У меня не было романа с мистером Грейсоном!

В: У вас были сексуальные отношения с мистером Грейсоном.

О: Ну да, но это же не роман.

В: Сколько раз вы занимались сексом с мистером Грейсоном?

О: Я не знаю.

В: Больше одного раза?

О: Больше.

В: Больше десяти раз?

О: Больше.

В: Больше ста раз?

О: Не знаю. Наверное. Но это не любовь. И не отношения. Ничего такого.

В: Почему вы так говорите?

О: Зак постоянно говорил: «Это не любовь. И вообще ничего не значит». Все время повторял.

Аманда

За два дня до вечеринки

Аманда на всех парах неслась в сторону «Блю Боттл», опаздывая на десять минут. Сара и Мод уже сидели за столиком на улице в маленьком патио. Июльское утро радовало теплом, но было сухим. Идеально. Один из тех идеальных нью-йоркских летних дней, которые скоро, как постоянно предупреждали Аманду, сменятся невыносимым августом, удушливой вонищей, приводящей всех в бешенство. В итоге большинство взрослых разъедутся в Хэмптонсы или в Кейп-Код или отправятся путешествовать по Европе, так что Центр-Слоуп превратится в город-призрак.

Мод сидела спиной, но Аманда видела Сару: на носу огромные солнечные очки, губы сжаты в тонкую линию. Аманда ждала, когда она поднимет глаза, чтобы широко улыбнуться и помахать театральным жестом, как всегда это делала. Но Сара не сводила взгляда с Мод.

— Простите за опоздание, — промурлыкала Аманда, наконец-то очутившись в патио.

Она пока что не знала, стоит ли упоминать о письмах про Кейза. Ей было стыдно, что она их пропустила. Но разве Сара не упоминала, что получала похожие письма и проигнорировала их?

— Ничего, — ответила Сара серьезным голосом. — Мы с Мод просто разговаривали.

Как только Аманда уселась, она заметила, что у Мод глаза опухли от слез.

— Что случилось? — спросила Аманда. — С Софией все нормально?

Мод покачала головой:

— Я не знаю. Я получила еще одно письмо. В нем ничего нового, но у меня дурное предчувствие. Я наконец дозвонилась до лагеря, и мне сказали, что с ней все отлично, но она пошла в какой-то идиотский

поход, так что я не смогу поговорить с ней аж до четверга. Не думаю, что мне станет лучше, пока я не услышу ее голос.

— Мод, милая, — сказала Сара более решительным тоном. — Что случилось с Софией? Определенно что-то происходит. Расскажи нам, вдруг мы сможем помочь.

— Себ просит меня успокоиться, — сказала Мод. — Но он просто... ошибается. С ней все *не* нормально. Я же чувствую.

— Это потому, что от мужей толку никакого, — буркнула Сара. — Даже от таких роскошных. Мод, расскажи *нам*, что случилось.

— Но я обещала Софии молчать. — Мод скривилась, как от боли.

— Давай. Родители могут соблюдать или не соблюдать свои обещания по собственному усмотрению. Все это знают.

Мод посмотрела вдаль, закусив губу.

— София снимала себя ню, — наконец выпалила она, а потом опустила плечи. — Для мальчика, с которым встречалась.

— Господи, Мод, да они все это делают! — воскликнула Сара. — Я сама делала такие фотки. Кстати, не рекомендую, как бы высоко вы себя ни оценивали, селфи в голом виде в воображении куда лучше, чем в реальности. Но вы даже не представляете, какие фото мои мальчишки отправляют им. Постоянно. Я не виню девочек. Нет, нет и еще раз нет. Я же знаю, что парни канючат и *просят*. Даже мои, не сомневаюсь. Как будто это ерунда какая-то. Мне кажется, во всем виновато порно. Это вам не старый «Плейбой». Тогда было здоровое любопытство. А этот онлайн-мусор? — Она закрыла глаза и содрогнулась. — В любом случае это бездонная выгребная яма, полная всяких извращений. Есть даже целые веб-сайты с таким порно. Из категории «Подглядывающий».

— Подглядывающий?

— Ага, всякие придурки снимают под юбкой у теток или устанавливают камеры в женских туалетах и всякое такое. — Сара вспыхнула, что ей было несвойственно. — Но это все ерунда!

Глаза Мод налились слезами.

— Ох, Мод! Прости, пожалуйста! — Сара закрыла рот ладонью. — Это все не имеет к Софии никакого отношения. Вообще никакого. Короче, София сделала такие селфи и, как предполагаю, отправила их тому мальчику? Это не страшно. Серьезно! Просто нужно убедиться, что София это знает.

— Слушай, это же здорово, что София обо всем тебе рассказала, Мод, — заметила Аманда. — Это показывает степень ее доверия.

— Именно. Подтверждение тому, что ты отличная мать, — сказала Сара. — Я, конечно, проедала тебе плешь насчет гиперопеки, но мои мне ничего не рассказывают.

Мод моргнула, и слезы покатались у нее по щекам.

— Это еще не все, — сказала она.

— А что еще? — спросила Сара.

— Наш компьютер — один из тех, что взломали, — сказала Мод. — А фотографии Софии очень уж откровенные. Хакеры угрожали опубликовать их.

— Вот же козлы! — возмутилась Сара.

Слезы потекли еще быстрее. Щеки заблестели от влаги.

— Самое плохое, что, судя по письму Софии из лагеря, и это еще не все. Есть что-то, чего я не знаю.

Мод переводила взгляд с Сары на Аманду и обратно, словно у них могли быть ответы.

— А что еще могло быть?

Сара покачала головой:

— С ней все будет хорошо. Тебе просто надо поговорить с ней. Она все это время в лагере без телефона? Полно времени подумать.

Но Мод все еще выглядела обеспокоенной. А Аманда волновалась из-за нее.

— Но ты же сказала, что сможешь поговорить с ней в четверг?

Мод кивнула:

— Да, но они не сказали мне, в котором часу. Что, если это будет разгар идиотской вечеринки? Надо все отменить.

— О, не отменяй! — воскликнула Сара, а потом взмахнула рукой. — Я хотела сказать, что подготовка тебя отвлечет. В любом случае прямо сейчас ты не сможешь ничего сделать. Что случилось, то случилось. — Она игриво улыбнулась, словно пыталась поднять им настроение. — А потом нельзя просто так объявить, что состоится секс-вечеринка, а потом все отменить. У меня будет незакрытый гештальт.

— Может, тогда ты пригостишь моих гостей? — Мод улыбнулась сквозь слезы. — Кстати о вечеринке, мне пора домой. Сейчас начнут приезжать курьеры.

— С тобой все будет нормально? — спросила Аманда. — Хочешь, кто-то из нас поедет с тобой?

— Нет, нет. Может показаться, что я выбита из колеи, но со мной все будет хорошо. Мне просто нужно немного побыть одной.

— Уверена? — не отставала Сара.

— Да, — сказала Мод, а потом поднялась и сделала глубокий вдох. — Клянусь!

Сара и Аманда наблюдали, как Мод собирает вещи. Они молчали, пока Мод не скрылась из вида.

— Господи, да что, черт побери, со мной такое?! — Сара покачала головой. — Порно из категории «Подглядывающий»? Я просто дура. Это все из-за того, что я устала. Чертов Керри.

— Керри? — переспросила я.

Сара вздрогнула:

— Да так, повздорили. Глупости это все. Просто слишком много выпили. Я просто разозлилась из-за этих небылиц, которые Керри наплел про своего отчима.

— Небылиц?

— Отец Керри никогда не ломал ему руку, хотя, если верить Керри, он был тот еще козел. — Сара усмехнулась. — Короче, Керри показалось, что все на тебя вытаращились, а он не хотел, чтобы ты испытывала неловкость.

— Ох. — Аманда и правда испытывала неловкость. — Прости...

— Не извиняйся. Это не твоя вина. Тем более это было только началом спора... а дальше понеслось. — Сара помахала рукой. — Но это обсудим в другой раз. Прямо сейчас важна лишь бедняжка Мод. Я поверить не могу, что сделала ей только хуже.

— Нет, нет, — сказала Аманда, хотя Сара совершенно точно сделала хуже.

— Попозже позвоню и проверю, как она.

— Можно я спрошу тебя кое-что, не относящееся к делу? — осторожно спросила Аманда. Наверное, стоило бы подольше поговорить, а потом уже менять тему. Но она не могла больше ждать. — Это насчет письма, которое тебе прислали из Грейс-Холл по поводу Уилла.

— Ты про то, которое я проигнорировала, поскольку решила насладиться летом без детей? Это еще один пример безупречного

суждения. Разумеется, почему бы и нет. Спрашивай!

— Мне пришло похожее письмо по поводу Кейза, — сказала Аманда. — Даже пара писем, если быть точным. Но я их пропустила и не ответила.

— Ну, ты *случайно* не ответила, а я-то специально.

— У Кейза не будет проблем в школе? — спросила Аманда. — Из-за того, что я не ответила и не пришла на встречу.

— Разумеется, нет. Учитывая, что встречи — это ерунда. Сейчас школа только и делает, что вызывает родителей по поводу и без. Все из-за той девочки, что погибла пару лет назад, которую тогда вспоминали на родительском собрании. Ее затравили по интернету, а в школе понятия не имели. Ужасная трагедия, в которой многие обвинили школу, и в чем-то они правы. Совет директоров тогда всех поувольнял, избавились от всей администрации. А сейчас? Ребенок ударяется ногой, и Грейс-Холл тут же устраивает встречу: ты, ребенок и провинившийся предмет мебели. Если бы у Кейза были настоящие проблемы, тебе бы позвонили.

— Да?

— Точно, — продолжила Сара. — Если Грейс-Холл захочет тебя найти, они тебя выследят. Так бывает, если не заплатить за обучение.

Аманда улыбнулась. Она чувствовала настоящее облегчение.

— Ладно, может, и ничего серьезного.

— Сто процентов *совершенно* ничего серьезного. Выброси из головы. Сделай вид, что не было никаких писем. Как я тогда. — Сара умолкла, а лицо ее посерьезнело, когда она посмотрела на выход. — Поверь мне, порой незнание — это благо.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

1 июля

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о ходе расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

Результаты опросов

Семья 0005: Непонятно, получили ли они запрос о встрече из Грейс-Холл на общую семейную почту. Мы допросим всех членов семьи, когда они вернутся из лагеря.

Семья 0006: Получили запрос от Грейс-Холл, но не ответили. Получали другие подозрительные письма с других аккаунтов. Могли отвечать.

Семья 0016: Получили запрос от Грейс-Холл и запланировали встречу. Позже пришло письмо, указывающее на то, что встреча была отменена и перенесена на другой день.

Предварительные заключения

Компьютерные системы Грейс-Холл были скомпрометированы примерно тридцатого апреля. В этот момент злоумышленники собрали большое количество личных данных семей учеников Грейс-Холл, включая адреса электронных почт и имена детей. Доступ к персональным компьютерам отдельных семей злоумышленники получали после того, как родители учеников открывали фальшивую регистрационную форму. Если они планировали встречу, то потом злоумышленники отменяли эту встречу и отправляли письмо. Если эта

попытка проваливалась, злоумышленники выходили на контакт каким-то другим способом. Учитывая синтаксические производные и разрозненные IP-локации, складывается впечатление, что взаимодействовали с членами семей учеников сразу несколько человек.

Лиззи

10 июля, понедельник

Здание, в котором размещалась компания Милли «Доказательная аналитика», было вытянуто в длину и облицовано зеркальным стеклом, как и многие другие в этой части Мидтаун-Иста к северу от штаб-квартиры ООН. В просторном лобби, отделанном мрамором от пола до потолка, расположились сразу три стойки администраторов. Две самые внушительные обслуживали клиентов «Сони» и «Кредит Свисс», а третья поменьше предназначалась для всех остальных. Милли упоминала, что сделала свою фирму партнерской, пригласив эксперта-криминалиста. Но все вокруг было куда более впечатляющим, чем я ожидала, и это внушало оптимизм. А после неприятной беседы с Вэнди Уоллес я отчаянно нуждалась в ободрении.

На тридцать шестом этаже я прошла по роскошному длинному коридору — дорогие на вид обои с рельефным рисунком, идеально чистые ковры — и позвонила в звонок под отполированной вывеской компании «Доказательная аналитика». Буквально через секунду Милли в модном, но некричащем темно-синем костюме отворила дверь. При свете офисных ламп ее кожа имела явный сероватый оттенок.

— Привет, милая, — сказала она, сжимая меня в объятиях.

В этот раз у меня возникло ощущение, будто я обнимаю кипу высохших прутьев.

— Почему ты такая худая?

— Спасибо, милая, — весело сказала Милли, хотя было совершенно ясно, что это не комплимент. Она жестом пригласила меня войти. — Заходи скорее. У нас тут для тебя кое-что интересное. Правда интересное.

Я позвонила Милли сразу после того, как вышла из кабинета Вэнди. Я рассказала, что Заку предъявлено обвинение и мне очень нужны доказательства, что на месте преступления был кто-то еще. Все это чистая правда, но я не упоминала тот факт, что мне все это очень и

очень нужно, поскольку меня шантажирует мой же клиент. Мне было слишком стыдно. Милли ни за что не поверила бы, что я просто так согласилась на требования Зака, а я не хотела рисковать, вдруг она отказалась бы помогать мне из-за этого. Поиски нового детектива растянули бы весь процесс работы по делу Зака.

В офисе с открытой планировкой стоял у стойки администратора приземистый мужичок с тонкими усиками и копной иссиня-черных волос, а за стойкой миниатюрная кудрявая блондинка-секретарь отвечала на звонки. У этого мужичка глаза были грустные, но добрые, и я старалась сосредоточиться на них, а не на его волосах, которые, судя по неестественному цвету, наверняка были париком, причем плохим. Учитывая симпатичный интерьер офиса, странно, что он не подумал купить себе парик получше.

— Это мой партнер Винни, — сказала Милли. — Винни, это Лиззи. Она мой старый друг, так что будь любезнее. Винни это непросто дается. Криминалисты не слишком-то умеют общаться с людьми.

Мужичок с грустными глазами нахмурился, глядя на Милли, а потом сделал шаг вперед и протянул руку. Его рука показалась мне на удивление мягкой, будто он носил перчатку.

— Лиззи Кицакис, — представилась я. — Огромное спасибо за помощь.

— Не волнуйтесь. Вы же за все заплатите. — Может, это задумывалось как шутка, но я не заметила даже намека на улыбку.

Милли кивком показала на низкий кожаный диван в зоне для посетителей в дальнем конце офиса.

— Присядем!

— У тебя тут очень мило, — заметила я, пока мы шли через комнату.

С одной стороны всю стену занимали огромные окна, откуда открывался вид на Ист-Ривер. За искусно расставленными столами сидели исключительно мужчины, предположительно, другие детективы, и все до единого разговаривали по телефону. В дальнем конце виднелись три больших отдельных кабинета со стеклянными стенами.

— Мы тут изрядно преуспели. — Милли кивнула с довольным видом, когда мы уселись. — Пока что нет собственной лаборатории, так что приходится заказывать тесты в сторонних лабораториях,

всякие там отпечатки, типирование крови. Но, надеюсь, в один прекрасный день Винни закупит самое нужное оборудование, составит список необходимых тестов и выработает подход, а я буду заниматься свидетелями и расследованиями. У Винни есть связи в бюро судебно-медицинской экспертизы.

— Да, у Винни есть связи, — проворчал эксперт, усаживаясь на самый дальний диван. — И ему нравится получать вознаграждение за использование этих связей.

— Винни, — огрызнулась Милли. — Хватит уже про деньги. Она все оплатит. Ради всего святого!

— Уж хотелось бы верить.

Милли закатила глаза:

— Я ему объяснила, что нам некогда ждать гонорар, учитывая, что каждая минута на счету, а твой клиент заперт в Райкерсе. — Она бросила взгляд на Винни, а потом повернулась ко мне: — Пару раз нас прокатили, когда мы приступали к делу без предоплаты. К чести Винни, скажу, что всякий раз это была моя инициатива.

— Я могу попросить бухгалтера Зака перевести деньги прямо сегодня, — обратилась я к Винни. — Мне все равно надо с ним поговорить.

Он кивнул, хотя мои слова его и не убедили:

— Ну, судя по тому, что мне сказали мои знакомые в бюро, это убийство, никаких сомнений.

— Но ведь могут быть и какие-то хорошие новости? — осторожно поинтересовалась я. — По крайней мере, они планируют опираться на реальные доказательства, так что отпечатки и следы крови должны быть более надежными, чем свидетельства очевидцев, да?

Я вплывала в незнакомые воды. Дела о мошенничестве — это просто данные и документы. Никакой тебе крови, да и очевидцев порой нет. Одни лишь цифры, электронные послания, инвойсы и бухгалтерские проводки. Все эти годы я намеренно не хотела разбираться, как устроена криминалогическая экспертиза в уголовных делах. Но вот час пробил. Теперь уже не отвертишься. Остается только смириться и заняться самообразованием.

— Черт, да нет, конечно. Анализ брызг крови — совершенно ненадежный источник. — Винни хмыкнул. — В Нью-Йорке те, кто этим занимается, по крайней мере хоть чему-то обучались. Во многих

местах пожилых копов направляют на шестичасовой семинар, а потом они разыгрывают из себя звезд криминалистики. Но как ни крути, анализ брызг крови — это скорее искусство, чем наука.

— Звучит не очень, — сказала я. Пот струился у меня по пояснице. Похоже, кранты.

— Взгляните на это дело. Куча всевозможных брызг. Их можно использовать, чтобы доказать все, что душе угодно. Разумеется, прокуратура вызовет в суд какого-нибудь эксперта из лаборатории, который наплетет присяжным с три короба, описывая каждый шаг преступника, будто видел все своими глазами. А тем временем он вполне может гадать по своей гребаной руке. Конкретно в этом деле я могу приволоочь вам трех разных экспертов, которые придут к трем совершенно разным выводам относительно того, что произошло там на лестнице. Вам могут сказать, что вообще не стоит использовать анализ брызг крови в таких делах, и точка. Но я-то не прокурор, так что на мое мнение можно забить.

Это звучало не просто «не очень», а ужасно. Разве Милли не говорила, что у нее хорошие новости?

— Вам это все рассказали судмедэксперты? — спросила я.

Винни кивнул:

— Похоже, у них клюшка для гольфа с отпечатками нашего парня, и «по слухам», травмы, полученные жертвой, «соответствуют клюшке для гольфа», но повреждения слишком сильные, чтобы точно сопоставить. По моим прикидкам, все это прозвучало весьма убедительно перед большим жюри. Но это проще пареной репы. Разумеется, на суде они будут часами разливать соловьем по поводу брызг крови. А нам нужно сделать все, что в наших силах, чтобы победить. Но вот что я вам скажу: можно особо и не стараться.

Нам. Наш парень. Я попробовала сосредоточиться на этих словах, а не на всем остальном. Я испытала облегчение, разделив свои проблемы с кем-то еще, пусть всего на секунду, да еще с таким ворчуном. Но Винни определенно прав относительно того, как работает большое жюри. Если на заседании нет защитника, который указал бы на просчеты в версии, то опрос свидетелей получается односторонним. Свидетелей не призывают врать, ведь если их вызовут в суд, то им придется иметь дело с защитой, но ведь между ложью и аккуратно выстроенной цепочкой вопросов целая пропасть.

— Очень хорошо, что ты тогда вызвала меня на место преступления, — сказала Милли нарочито оптимистичным тоном. — Отпечатки помогут.

— Вы что-то нашли?

— Ага, до хренищи отпечатков, — буркнул Винни, протягивая папку и глядя на Милли. — Именно поэтому в такие моменты мы получаем гору налички, чтоб быстренько сравнить полученные отпечатки.

— Пока ничего определенного, — Милли вырвала папку из рук Винни и сунула мне. Внутри лежали двадцать пронумерованных страниц с какими-то процентными соотношениями и пространными описаниями. Все очень разборчиво. — Но мы провели сравнение с некоторыми отпечатками в ключевых местах.

— Простите... — начала я. — Не уверена, что я понимаю...

— Вот! — Винни пролистал страницы почти до конца. — Видите? Мы нашли два набора отпечатков на сумке для клюшек. Зака и неизвестного лица.

— Аманды?

Винни покачал головой.

— У нас был контрольный набор отпечатков Зака и жертвы. Второй отпечаток на сумке не принадлежит ей.

Но могло найтись бесчисленное количество совершенно невинных объяснений: домработницы, грузчики, мальчишки-кадди^[11], служащие в гостинице. Множество людей имели вполне законные основания дотронуться до этой сумки.

— Тогда кому они принадлежат?

Винни скривился:

— А я-то, елки-палки, откуда знаю?

— Он имеет в виду, что неидентифицированные отпечатки на сумке отсутствуют в системе. Мы можем потянуть за какие-нибудь ниточки и пробить их через базу Полицейского управления Нью-Йорка. — Милли кивнула, чтобы Винни продолжал. — Переходи к хорошему, Вин.

— У нас есть частичный отпечаток той же руки, что и на сумке для клюшек, вот тут. — Винни ткнул в одну из точек на фотографии лестницы. — В крови Аманды Грейсон.

У меня зашло сердце.

— Что?!

— Отпечаток ладони и единичный отпечаток пальца, который ты заметила на металлической ступени, принадлежит тому же человеку, который прикасался к сумке с ключками. У кучи народу могло бы быть законное основание лапать сумку, но никаких оснований макать руку в кровь Аманды Грейсон в ночь ее смерти.

— О господи! — воскликнула я. — Вы уверены?

Милли лукаво улыбнулась:

— Да, уверены. Но отпечаток точно не принадлежит кому-то из экспертов или сотрудников полицейского управления. Это мы тоже проверили. Но кто-то был там в ночь ее смерти. Помимо Зака Грейсона.

Черт побери. Зак и правда не убивал Аманду? Он просто больной придурок, который принудил меня защищать его?

— Теперь мы можем попросить наших спецов сравнивать этот отпечаток с отпечатками всех, кто так или иначе участвовал в жизни жертвы, всех, у кого вы получите для нас образец. Это будет куда быстрее, чем ждать, пока это проделает полицейское управление Нью-Йорка, и наш отчет получится куда более подробным. Но мы и пальцем не пошевелим, пока нам не заплатят, — сказал Винни. — К счастью для Милли, она вменила мне в обязанности следить, чтобы нас не вышибли из этого модного офиса за неуплату арендной платы.

Милли нахмурилась, а потом повернулась ко мне.

— Я его продвинула по всем фронтам, — пояснила она. — Он прав, что сравнение отпечатков быстрее сделать за деньги. Хорошо, когда клиенты соглашаются до того, как мы вылезли из шкуры вон.

— Зак определенно не станет возражать. Я его предупредила, что лабораторные исследования обойдутся в круглую сумму. Почему бы мне не позвонить его бухгалтеру прямо сейчас, отсюда? — предложила я. Если честно, мне стало чуточку лучше, впервые с того момента, как Зак мне угрожал. Если Зак не убивал жену, то, возможно, я смогу закончить дело с чистой совестью и спасти себя. Даже Вэнди Уоллес не сможет не принять во внимание окровавленные отпечатки, которые принадлежат настоящему преступнику. — Я обеспечу оплату ваших услуг, и сможем продолжить.

— Супер! Отличная идея! — сказал Винни. — Звоните прямо сейчас.

— А можно еще один вопрос? Есть ли те же отпечатки на клюшке для гольфа?

Милли и Винни переглянулись, а потом снова посмотрели на меня.

— Ну, вообще-то клюшку изъяла полиция, — сообщила Милли вежливым, но резким тоном, мягко напоминая мне, что неплохо бы очнуться. — Так что мы понятия не имеем.

— Да, точно, — сказала я. — Это во мне говорил прокурор. Забылась.

Разумеется, у нас пока не было клюшки для гольфа. И еще суперважного мобильного Аманды, в котором могли содержаться бог знает какие дополнительные подтверждения того, что отец ее преследовал. Но это если прокуратура решит покопаться. Удаленные сообщения, звонки с неизвестных номеров — ко всему этому не станут присматриваться, пока прокуратуре не *потребуется* найти нового подозреваемого. В случае с делом Зака прокуратура уверена, что они уже поймали того самого парня и им уж точно не нужны списки звонков, чтобы доказать его связь с Амандой. Только благодаря недавним изменениям в нью-йоркском законодательстве у нас скоро появится доступ и к таким уликам, как журнал звонков Аманды. Но пока что все доказательства стороны обвинения вывалят на нас непосредственно перед судом, и эта процедура раньше, пока я была по другую сторону барьера, казалась мне вполне разумной. Мне пришло в голову, что неплохо бы заполучить телефон Зака. Я не большой спец по тому, чтобы запинговать телефон в таком густонаселенном районе, как Бруклин, но если бы можно было отследить телефон на Бруклин-Хайтс во время убийства Аманды, это очень бы нам помогло.

— Может, оно и к лучшему, что у нас нет этой клюшки, — предположил Винни. — А то проверим эту самую клюшку, и там будут чьи-то другие отпечатки, и тогда все доказательства, которые у нас есть, превратятся в пшик. Поскольку может так случиться, что другому парню, кто бы он ни был, хватило ума надеть перчатку на ту руку, которой он держал клюшку, но не на другую. Может, он коснулся сумки и той ступеньки нерабочей рукой, поскольку просто потерял равновесие? Типа такого... — Он изобразил движение. — Эти сценарии кажутся смешными, но не смешнее, чем байки про брызги крови. Во время совершения преступления происходит всякая дичь.

— Думаю, у меня есть мысли по поводу того, кому могут принадлежать отпечатки, — сказала я.

— Не желаете поделиться, елки-палки? — спросил Винни.

— Это отец Аманды. Они не общаются. Он живет на севере штата. Отец ее домогался сексуально, когда Аманда была маленькой, а с момента, как они перебрались в Нью-Йорк, Аманде казалось, что он за ней следит. Причем месяцами. Она фиксировала все в своем дневнике. Ей поступали звонки, он ее преследовал. Даже оставил цветы.

— Правда? — спросила заинтригованная Милли. — Тогда это определенно кажется неплохой версией.

— А еще мне кажется, я его нашла. Но мне нужно поехать в этот городишко под названием Сент-Коломб-Фоллс, чтоб поговорить с ним...

— Нет, нет и еще раз нет, — отрезала Милли. — Ни в коем случае. Насильники не любят, когда к ним невесть откуда заявляются непрошенные гости и обвиняют в убийстве.

Мне не хотелось просить Милли ехать в Сент-Коломб-Фоллс, она и так уже мне очень помогла. Но нужно было упомянуть в разговоре Ксавье Линча в надежде, что Милли сама предложит поехать к нему.

— Я бы сама поехала, но... — Милли смущенно потупилась. — У меня тут кое-какие дела, которые я не могу пропустить, начиная с завтрашнего дня. Это займет пару дней. А Винни тут не особо хорош. Отправить его даже хуже, чем никого не отправлять.

— Ой, спасибочки! — беззлобно хохотнул Винни.

— Но у меня есть пара ребят, которым я доверяю. Время от времени я их привлекаю. Стоят недешево, и у них не всегда есть время. Но я спрошу.

— Думаю, кому-то нужно пообщаться с ними в ближайшее время, — сказала я.

— Хорошо, я свяжусь с ними, а потом сообщу, что ответили. Иначе придется ждать. Но большой спешки все равно нет. У нас есть еще время до суда.

— Если тебе не сложно, спроси, пожалуйста, — сказала я, понимая, что ни за что не согласна ждать. — Можно мне забрать с собой файл? Хочу посмотреть на фотографии и все остальное.

Когда Винни показывал мне отчет по отпечаткам, я заметила и еще кое-какие документы, которые напоминали карты района, распечатку

результатов поиска в Интернете, заметки в ходе допросов. В глубине души я надеялась, что там может найтись что-то, что укажет на вину Зака. Может быть, что-то, чем я, в свою очередь, могла бы его припугнуть. Не слишком-то этично угрожать донести на собственного клиента, особенно если подозреваешь, что он невиновен, но мы с Заком переступили грань этичности.

— Разумеется, мы передадим вам все наши наработки, как только ваш клиент заплатит нам, — сказал Винни, крепче сжимая папку. — Пятнадцать тысяч за сделанную работу и авансом двадцать на предстоящие расходы, и папка ваша. Я могу составить опись.

— Господи, Винни, — простонала Милли, но не стала спорить.

— Нет, нет, все в порядке, — сказала я. — Можно я воспользуюсь местным телефоном? Я прямо сейчас позвоню бухгалтеру Зака и все улажу.

— Конечно, иди сюда. — Милли проводила меня к свободному офису за стеклянной перегородкой в дальней части. — Не обращай внимания на Винни, — сказала она мне по дороге. — Большую часть своей жизни он имел дело с преступниками. Он никому не доверяет. Хуже всего то, что в большинстве случаев он оказывается прав.

— Я все понимаю, — сказала я, когда мы остановились у двери. — Проблем не должно быть.

Я потянулась к ручке.

— У меня рак, Лиззи, — тихо сказала Милли за моей спиной.

— Что?! — Я резко развернулась.

— Поэтому я такая тощая, — сказала она. — И заваливала тебя письмами. Потому и встретиться хотела.

У меня пересохло во рту.

— Боже, мне так жаль, Милли. Так жаль, что я была... что даже сейчас тебе приходится думать об этом... ты столько для меня сделала. Уверена, что когда ты впервые предложила «порешать проблемы», то никак не думала, что будешь у меня на крючке семнадцать лет спустя. Я могу что-то сделать для тебя?

Все что угодно, но только не обсуждать сейчас все это заново. Мне жаль, что у тебя рак. Но я просто не могу. Не сейчас.

Милли улыбнулась, но в глазах ее читалась печаль.

— Завтра у меня начинается химия. Обязательная. Поэтому я не могу провести для тебя тот допрос.

— С тобой все будет... что говорят доктора?

— Ну... — ее голос дрогнул. — У меня рак груди, как у Нэнси. Доктора всегда были очень оптимистичны на ее счет, и посмотри, чем все закончилось. — Она натянуто улыбнулась. — Но я поборюсь. Потому что я боец.

Слова были такими же натянутыми, как и выражение ее лица.

— Пожалуйста, позволь мне что-нибудь сделать, — попросила я.

— Притворись, что я тебе ничего не рассказывала. Вот что ты можешь для меня сделать. А еще пообещай, что ты не поедешь сама на север штата.

— Разумеется, не поеду! — заверила я, хотя лгать тяжелобольному человеку — это, наверное, еще более тяжкий грех.

— Нам нужно поговорить и обо всем остальном, — сказала она и откашлялась. — Но я думаю, ты предпочла бы отложить разговор с учетом дела, которое на тебя сейчас свалилось.

Я кивнула:

— Спасибо.

Милли сжала губы.

— Ладно. Тогда отложим на несколько дней. А ты пока начинай думать, что собираешься делать, поскольку наши с тобой договоренности, возможно, уже исчерпали себя.

Каким облегчением было оказаться в пустом офисе за закрытой дверью. Я была еще более благодарна за необходимость собраться перед разговором с бухгалтером Зака. Я переварю новости Милли позже. Правда-правда.

Он поднял трубку почти молниеносно.

— Тедди Бакли.

— Это Лиззи Кицакис. Я адвокат Зака Грейсона. Он выдал мне доверенность, чтобы от его имени обсудить с вами кое-какие финансовые вопросы. Я могу прислать вам подписанную доверенность по электронной почте, прежде чем мы продолжим разговор.

— Ладно, — Тедди осторожно протянул это слово. — Было бы здорово. Уверен, при сложившихся обстоятельствах вы понимаете, почему я хочу получить доверенность до того, как мы продолжим.

Формалист. Нервный парень. Типичный бухгалтер. Но в его голосе прозвучало что-то еще — облегчение! Он надеялся, что ему позвонят. Хоть кто-то.

— Минутку, повисите. Перешлю прямо сейчас.

— Без проблем, — сказал он. — Я подожду.

Я убрала мобильник от уха, сфоткала доверенность с подписью Зака и отправила изображение по электронной почте. Весь процесс занял меньше минуты.

— О'кей, должна прийти через...

— Получил. Все вроде в порядке. — Тедди выдохнул. — Я так расстроился, когда услышал про миссис Грейсон.

— Вы знали ее?

— Лично нет, но много слышал. Она казалась такой... человеческой. Богатые люди или те, кто раньше был богат, не всегда такие. В любом случае очень грустно, что с ней такое случилось.

— Пока мы не двинулись дальше, не могли бы вы перевести деньги в «Доказательную аналитику»? Это фирма, которая оказывает экспертные криминалистические услуги и расследует дела. Мы задействуем ее в защите Зака, и им нужно получить оплату за уже оказанные услуги и аванс на будущие. В общей сложности тридцать пять тысяч. Если бы вы могли перевести эту сумму прямо сейчас, пока я жду, это было бы здорово. Извините за спешку, но вы же понимаете, что в сложившейся ситуации они уже потратили целую кучу денег на всякие лабораторные исследования.

— Вы хотите, чтобы я перевел тридцать пять тысяч долларов? — Голос Тедди снова зазвучал устало. Даже не устало, а растерянно. — Прямо сейчас?

— Доверенность включает в себя и распоряжения по платежам.

— Я вижу. Но боюсь, что не смогу осуществить перевод.

— Я не понимаю.

— На счетах нет денег.

Я крепко зажмурилась:

— Что вы имеете в виду?

— Что денег нет, ни на счетах фонда, ни на личных счетах Грейсонов, по крайней мере на тех, к которым у меня есть доступ. Честно говоря, я удивлен, что мистер Грейсон не сказал вам об этом сам, когда подписывал доверенность. Он-то об этом осведомлен. Не

могу представить, зачем он вообще подписал доверенность на денежные операции, если знает, что у него нет денег.

Но мне-то ответ был очевиден. Зак хотел выжать из меня и моих экспертов все по максимуму, пока правда не выплыла наружу. Отличная стратегия. Только посмотрите, как далеко он продвинулся.

— А что случилось с деньгами? — спросила я, пытаюсь сдержать дрожь в голосе. — Вы знаете?

— Нет. Я обнаружил несколько крупных переводов из фонда на счета мистера Грейсона, а когда я задал вопрос, он сердито ответил, что это не мое дело. Но технически я несу ответственность перед советом директоров фонда.

— Зачем Заку понадобились деньги фонда? — спросила я. — Разве он не продал свою компанию за миллионы долларов?

— Мне это неизвестно, — сказал Тедди Бакли, тщательно подбирая слова.

— Тогда *что* вам известно?

— Послушайте, все это только слухи и домыслы. Я в то время еще не работал на него. Я пришел уже после того, как компанию продали и открыли фонд. Я не касаюсь финансовых дел новой компании мистера Грейсона и не уверен, что будет уместно...

— Мистер Бакли! — прикрикнула я, хотя, вероятно, ступила на тонкий лед. — У меня нет на это времени. Я просто пытаюсь вытащить невинного человека из тюрьмы, и со мной эксперты, которым нужно заплатить. Вы получили доверенность, которая позволяет вам поговорить со мной. Поверьте мне, я действую как законный представитель мистера Грейсона. Вы обязаны отвечать на мои вопросы.

Тедди Бакли нервно вздохнул:

— Сколько мне известно, компанию мистера Грейсона выкупил совет директоров корпорации ЗАГ, но они заплатили ему меньше из-за предполагаемых должностных нарушений.

— Должностных нарушений?

— Я не знаю подробностей, да и доказательств не было, разумеется. Но, по-видимому, вскрылось, что мистер Грейсон использовал некоторые... нестандартные методы, что делало компанию уязвимой. Разумеется, ему заплатили достаточно, чтобы

покрыть личные расходы, открыть фонд и начать новое дело. Что же до стоимости нового предприятия... и опять это лишь домыслы.

— Ох. — Меня подташнивало. — Я и не знала.

Но зато теперь узнала. Наверняка настоящая причина, по которой Зак отыскивал меня для защиты собственных интересов, заключалась в том, что он банкрот. Любой другой адвокат потребовал бы крупный аванс и — что весьма мудро с его стороны — дождался бы получения чека прежде, чем приступить к работе. Насколько же удобнее привлечь меня за бесплатно? Мне ведь даже в голову не пришло попросить аванс. Разумеется, Полу тоже. Зак ведь богат. Что могло пойти не так?

— Мистер Грейсон перестал отвечать на мои звонки около месяца назад, но миссис Грейсон согласилась встретиться со мной буквально накануне своей гибели. Я хотел рассказать ей обо всем, чтобы при необходимости довести информацию до совета директоров. Но когда я пришел в фонд на прошлой неделе, ее там не оказалось. — Он помолчал, снова вздохнул. — Я вернулся на следующий день, ее все еще не было. В итоге я рассказал ее заместительнице, что происходит. Я действовал вопреки здравому смыслу и готов признаться, что переступил этический порог. Но мне показалось, что кто-то в фонде должен знать правду прежде, чем они начнут раздавать несуществующие стипендии нуждающимся студентам.

— Заместительнице?

— Позвольте, я сверюсь с записями, — с неохотой пробормотал Тедди. — Ее звали Сара Новак.

— То есть вы встречались с Сарой Новак?

— Очень коротко.

Сара специально подчеркнула, что этот бухгалтер домогался Аманды, но при этом упустила тот факт, что сама с ним встречалась? И во время этой встречи он преподнес ей сенсационную новость о банкротстве? Что она скрывала? Могла ли она быть в сговоре с Заком, когда тот переводил деньги фонда?

— А когда точно это было?

— Повисите. — На заднем фоне раздался стук клавиатуры. — Четверг, второе июля, в четыре. Миссис Новак не обрадовалась этой новости. Я бы даже сказал, она очень разозлилась. Честно говоря, я даже удивился, я ожидал, что она обеспокоится, но она восприняла это как нечто личное.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, она сказала что-то типа: «Супер, теперь я вылечу с этой гребаной работы? И что, мать твою, я буду делать?» — Из уст Тедди ругательства звучали как-то неловко, будто он разговаривал на иностранном языке. — Еще что-то говорила, но на ту же тему. Перешла на крик. Казалось, ее очень беспокоили финансовые последствия для нее лично.

— Спасибо.

— Пожалуйста, дайте знать, если я смогу сделать что-то еще.

Я повесила трубку и посмотрела через стеклянную дверь, как Милли ходит взад-вперед. Она качала головой и грозила пальцем в воздухе, словно бы устраивала разнос Винни за то, что посмел во мне усомниться. Учитывая, что он был прав с самого начала.

Зак проиграл, хотя и клялся, что с ним такого никогда не произойдет. Может, он и правда как-то повязан в этой схеме с Сарой? Может, это с ней был Зак на той вечеринке, а не с Мод? Мод защищала Сару? А презрение Сары к Заку было частью какого-то хитрого плана?

Версии множились перед моими глазами с такой скоростью, что вскоре я ощутила, что уверена я только в одном — я все это время действовала вслепую.

Аманда

За день до вечеринки

Аманда вошла в Проспект-Парк неподалеку от Гарфилд-Плейс и направилась на юг. Они с Кэролин всегда встречались на дальнем конце парка рядом с крытой площадкой для катания на роликовых коньках. Рядом самая удобная станция метро, если ехать от работы Кэролин, а Аманде нравилось идти пешком через центр парка вдоль длинной лужайки, где до девяти утра и после пяти вечера разрешали спускать собак с поводка. Солнце садилось, когда Аманда пересекла лужайку. В летний предзакатный час все было залито золотисто-желтым светом.

Когда она наконец добралась до входа на крытую площадку, Кэролин нигде не было видно. Но она никогда не опаздывала. Значит, это Аманда пришла раньше? Она не знала, который час, поскольку не брала с собой телефон. Ей не нравилось бегать с грузом в руке, пусть и небольшим. Аманда повертела головой, глядя вдоль центральной аллеи и Флэтбуш-авеню. Кэролин не было.

— Простите, — обратилась она к решительного вида женщине, которая быстро шла в ее сторону, везя перед собой коляску. — Вы не подскажете, который час?

— Ну конечно, — сказала женщина, проносясь мимо. — Пять минут девятого.

Кэролин опаздывала всего на пять минут, хотя свет стремительно таял, в зарослях деревьев сгущались сумерки, и Аманда занервничала, стоя там одна. Нужно просто проявить терпение. Кэролин подолгу работает. Ей простительно опоздание на несколько минут. Кроме того, Аманда могла за это время получше обдумать, как именно она хотела, чтобы Кэролин помогла ей. Потому что, кроме как вызвать Зака на разговор у них дома, непонятно, что еще могла сделать Кэролин. Разумеется, она скажет, что ей нужно поговорить с Заком.

Легко сказать. Для нее это было привычное дело. Если не вдаваться в подробности, то для Аманды это был совершенно бесполезный совет.

Единственное, что она умела по-настоящему хорошо, — убегать. Как можно быстрее и как можно дальше. Она практиковалась годами. Это всегда ее успокаивало, когда она совсем терялась. Наверное, поэтому она и сейчас бежит, даже во сне.

Прошло полгода после смерти мамы, когда отец впервые пришел к Аманде в темноте. После этого она поняла, почему мама наставляла ее: «Беги, если придется. Беги со всех ног». Вот только куда конкретно бежать, осталось загадкой. В конце концов, ей ведь было всего двенадцать. В итоге Аманда начала бегать, куда только могла: на автобусную остановку, а потом обратно, в библиотеку, по шоссе 24, вокруг парковки «Волмарта». Она бегала в простеньких дешевых кедах, которые носила и в школу тоже, и в единственных своих спортивных брюках, которые были настолько велики ей, что Аманда то и дело зацеплялась коленом о колено. Вскоре она без особых усилий могла пробегать десять миль, причем быстро. Настолько быстро, что ей казалось, что может быть шанс убежать, как только она поймет куда.

Аманда снова огляделась. Кэролин так и не пришла. Толпы велосипедистов и бегунов редели по мере того, как сумерки начали обмакивать в небо свои длинные пальцы.

В этот раз Аманда спросила, который час, у пожилого мужчины. Он гулял в наушниках, поэтому ей пришлось дважды прокричать свой вопрос.

— Восемь двадцать одна! — наконец проорал он в ответ.

Прошло пятнадцать минут. Она правда столько времени здесь торчит? А вдруг с Кэролин что-то случилось? В метро всегда безопасно — ну, или так говорили Аманде, — но иногда и там на пассажиров нападают и даже сталкивают на рельсы. А Кэролин могла быть излишне самоуверенной.

Но есть и другое, куда более очевидное объяснение. Ее папа. Он мог проследить за Амандой до парка и каким-то образом помешал Кэролин. Тут ему ума не занимать. А что, если он сделал так, что они с Кэролин вообще больше не увидятся? Она вспомнила его фигуру из сна — здоровяк, загораживающий дверной проем. Аманда не могла думать ни о чем другом, кроме как о том, как отец заманивает ее лучшую подругу в какой-нибудь глухой уголок парка. У нее закружилась голова, ее затошнило. Такое чувство, что она сейчас

потеряет сознание. Она присела на корточки, опустила голову между коленей и подождала, пока это ощущение пройдет. Нет, нет, нет. Ее папа ничего не сделал Кэролин. Она... эта мысль — чистое безумие. Она накручивает себя из-за нервов. Как папа вообще мог проследить за ней и подобраться к Кэролин? Даже ему это не по силам. Это чушь. Скорее уж поезда в метро встали. И как назло, у Аманды нет с собой телефона. Может, стоит отправиться домой. Если она побежит в своем обычном темпе, то доберется за десять минут, а там, как она надеялась, уже ждет сообщение от Кэролин.

Самый быстрый путь — через служебный проезд, потом вверх по лестнице и срезать через заросли. Куда быстрее, чем возвращаться через многолюдную аллею вдоль парка. Разумеется, первое правило выживания в большом городе гласило, что в толпе безопаснее. Даже Аманда это знала. Но если срезать, то сэкономишь столько времени. Аманда еще раз посмотрела на молчаливые деревья, а потом направилась в сторону зарослей. Она трусцой пробежала мимо нескольких темно-зеленых мусорных баков на служебном подъезде, которые затаились в полумраке словно чудовища. Между ними идеальное место, чтобы спрятаться.

Вскоре она уже оказалась на длинной деревянной лестнице, которая то петляла, то вдруг резко шла на подъем между деревьев — сколько их! — и неслась с такой скоростью, что отец ни за что бы ее не догнал. Она тяжело дышала, но чувствовала прилив сил, пока перепрыгивала через две ступеньки за раз. Даже если он где-то поблизости, ему ее не поймать.

На полпути к вершине среди деревьев вдруг что-то захрустело. Аманда споткнулась, но тут же снова набрала скорость. *Успокойся. Просто беги. Успокойся. Беги.* Это просто белка, птичка или чахлый енот. *Вперед,* мысленно скомандовала себе Аманда. *Ничего страшного. Беги домой.*

Но еще через несколько шагов она услышала голос. Мужской. Низкий и грубый, прокуренный после целой жизни с «Мальборо Редс». Незабываемый. Папа рычал: «Аманда». Звук доносился оттуда же, откуда и хруст. Он там. Достаточно близко, чтобы ее схватить.

Быстрее. Быстрее.

Аманда пулей промчалась, преодолев остаток лестницы, удирая от голоса. И от хруста. Это отец оставил цветы. Он знает, где она живет.

Он следовал за ней сегодня, и когда Кэролин не явилась, решил воспользоваться возможностью.

Но Аманда может оторваться. Она стала старше. Сильнее. Она уже почти на вершине лестницы, а дальше нужно пробежать сквозь небольшую рощу, после чего тропа выведет ее к лужайке, которая тянется вдоль бейсбольных полей. Там всегда кто-то есть. Папа не станет хватать ее в присутствии посторонних. Он всегда был трусом.

— Аманда! — Голос звучал громче. Ей послышалась угроза.

С последней ступеньки она рванула в сторону просвета между деревьями вдали. Ноги ритмично ударялись о мощеную дорожку. Зубы стучали.

И тут боковым зрением она заметила какое-то движение. Чья-то туша бросилась в ее сторону.

Аманда завопила. Крик был истошный, душераздирающий. Не какое-то слово, а просто звук. Как кричат животные. И тут она рухнула на землю. Так ее будет тяжелее куда-то волочь. Она ждала, когда ее облапают грубые отцовские руки. Приготовилась брыкаться.

— Привет! — раздался другой голос. — Ты как?

Аманда чуть отползла и приподняла голову. Перед ней стоял очень мускулистый мужчина без футболки, в шортах для бега, на шее болтались наушники, а темные кудри сдерживала повязка. Он поднял руки, приоткрыл рот, широко распахнул светло-карие глаза. Аманда его знала, но не узнавала. Она не могла различить черт лица. Но это определенно был не ее отец.

— Аманда, все нормально? — Мужчина говорил с акцентом. Французским. — Прости, пожалуйста. Я тебя окликнул, когда увидел, но не хотел напугать. Мод всегда мне говорит, что мужчины не думают, что делают.

Мод. Себ. Ну, конечно же, это он. Она перевела дыхание и сумела сфокусироваться на его лице.

— Да, прости, — выдохнула она. — Все нормально... Не знаю, что произошло. Я услышала шум, решила, что меня кто-то преследует. Видимо, запаниковала. Не стоило мне срезать тут дорогу.

Себ галантно протянул ей руку.

— Давай для начала тебя поднимем.

— Благодарю! — Аманда позволила ему рывком поставить себя на ноги. У нее подгибались колени от выброса адреналина.

— Точно все в порядке? — спросил Себ, глядя на ее ногу. Аманда предпочла бы, чтобы на нем была рубашка. — Ты просто так внезапно упала. Ногу подвернула или что-то такое? Я, конечно, не ортопед, но могу позвонить знакомым.

У Аманды пылали щеки. Да, травма лодыжки определенно лучше, чем правда: она испугалась, потому что отец-чудовище преследует ее.

— Нет, нет. Это было глупо с моей стороны.

— Там на холме есть киоск со всякой снедью, — сказал Себ, удивительно спокойный и рассудительный, пусть и полуголый. — Давай пройдемся, хотя бы воды тебе возьмем. Это может быть обезвоживание. Ты будешь в шоке от того, какие последствия могут быть для организма.

— Это необязательно, — сказала Аманда. Колено, на которое она упала, начало пульсировать, но она не собиралась этого упоминать. — Правда, я в...

— Спорить бесполезно, — отрезал Себ, качнув головой. — Я врач. У меня этические обязательства. Кроме того, Мод и так на меня сердится. Если я тебя тут брошу, то она, возможно, прикончит меня во сне.

Он тепло улыбнулся. Грудную клетку Аманды обдало жаром. *Не реви. Не реви.*

— Хорошо, — наконец произнесла она.

Они медленно двинулись вверх по холму, Аманда делала все возможное, чтобы скрыть боль, которая усиливалась с каждым шагом.

— Тебя кто-то преследовал? — спросил Себ, оглядываясь на заросли деревьев.

— Уверена, это все у меня в голове, — ответила она. — У меня слишком бурная фантазия.

— Могу я проводить тебя домой? В качестве меры предосторожности. Первым делом Мод спросит, проводил ли я тебя.

Не самая плохая идея. Себ такой высокий и атлетически сложен. Одного его присутствия хватит, чтобы по крайней мере на какое-то время отвадить папу. Но она не хотела его отвлекать.

— Это было бы прекрасно, — сказала Аманда. — Правда.

— В парке обычно безопасно, — заметил Себ. Он прерывисто дышал. — Но город есть город. Никогда нельзя расслабляться.

Он молчал всю дорогу до киоска, торговавшего хот-догами. Это была долгожданная передышка, хотя Аманда чувствовала, что он ждет дальнейших объяснений.

— Можно две бутылки воды? — спросил Себ у продавца и вытащил двадцатку из чехла для смартфона, застегнутого на рельефном бицепсе.

Аманда задумалась, каково быть женой такого человека, как Себ или Керри, доброго, внимательного, участливого. Каково это, когда тебя любят, действительно любят. Аманда знала, что Мод сейчас сердится на Себа, а у Сары и Керри тоже бывали разногласия. Но любовь в обеих семьях помогала сохранять баланс в бушующих волнах. Ее брак с Заком никогда ни от чего ее не спасал.

— Спасибо, — сказала Аманда, беря воду у Себа.

С каждым глотком она осознавала, как же сильно хотела пить. За несколько секунд она осушила всю бутылку.

Себ улыбнулся:

— Ты же знаешь, что надо пить воду?

Аманда кивнула:

— У меня обезвоживание. Ты прав. Так глупо вышло. Прости, что испортила тебе пробежку.

— Нет, нет. Ты меня спасла. Я обещал Мод, что начну бегать. Ее отец в моем возрасте умер от сердечного приступа. Она живет в страхе. — Он состроил гримасу. — Или, может, хочет меня прикончить. Как бы то ни было, я бы предпочел не бегать, но на что не пойдешь ради хорошего настроения дорогой жены.

Аманда сделала глубокий вдох, пока они шли в сторону выхода из парка на Девятой улице.

— Можно спросить тебя кое о чем, хотя это и не мое дело?

— Конечно, — сказал Себ. — Учитывая, что я в ответе за твое падение.

— Как вам с Мод удается?

— Удастся что? — спросил он, хотя по усталому выражению лица было ясно, что он беспокоился, уж не о нетрадиционной ли сексуальной жизни спрашивает Аманда.

— Удастся сердиться друг на друга и все равно оставаться вместе?

Себ задумался на пару минут. Вокруг них быстро сгущалась тьма.

— Прощение — побочный продукт любви, — наконец произнес он почти печально. — Если собираешься вступить в брак, нужно разделить все взлеты и падения. А какой есть выбор?

— Правда, — отозвалась Аманда, словно это и правда было нечто очевидное.

Они какое-то время молчали, пока не добрались до Проспект-Парк-Уэст, и там, увидев пару бегущих вместе женщин, Аманда вдруг вспомнила про Кэролин.

— Ой, черт! — воскликнула Аманда. — Можешь подсказать мне, который час?

— Конечно. — Себ вытащил мобильный. — Восемь тридцать девять. Тебе куда-то нужно?

— Мы должны были встретиться с подругой, а она не пришла. Я бежала домой, потому что беспокоилась о ней.

— Хочешь позвонить? — Себ протянул телефон.

— Хочу! — Аманда потянулась к мобильнику. — Погоди-ка, я не помню ее номер.

— Чертовы технологии. Теперь никто из нас ничего не знает наизусть. Погоди, вон такси! — Себ рванул, чтобы перехватить зеленый седан. — Поезжай. А я лучше закончу пробежку. А то придется исповедоваться перед Мод. — Он протянул Аманде сдачу с двадцатки. — Вот, заплати за такси. Уверена, что все будет нормально?

— Я в порядке. Спасибо тебе огромное. За все.

Аманда еще не спала, когда Зак наконец явился домой без четверти двенадцать. Поздно даже для Зака. Не то чтобы Аманда ждала его. Пока она лежала одна в темноте, ей не давал покоя разговор, который состоялся у них с Кэролин, когда Аманда наконец добралась до дома.

— Все хорошо? — выдохнула Аманда, когда Кэролин наконец соизволила взять трубку. — Что случилось?

Она запаниковала, когда не обнаружила ожидаемого сообщения, влетев в дом. У нее тряслись ноги, пока она набирала номер Кэролин. И тут ее подруга — жива и здорова! Мало того, говорила она с раздражением.

— А что должно было случиться?

— Ну, мы договорились встретиться в парке. Помнишь? В восемь.

— Ой, черт. Прости. — Но в ее голосе звучало что-то сродни беспечности, и Аманда заподозрила, что Кэролин вообще не собиралась приходить ни в какой парк. — Я забыла.

И все. Никаких объяснений. Никаких оправданий.

— Забыла? — переспросила Аманда.

— Да, — резко ответила Кэролин. — Я была занята. Я ведь работаю, помнишь?

— Просто я так о тебе волновалась. Перепугалась до полусмерти.

Да уж, не то слово. Аманда не могла избавиться от ощущения, что с Кэролин произошло что-то ужасное. Хотя Кэролин и говорила с ней по телефону, доказывая, что ничего не случилось.

— А еще... я хотела рассказать, что планирую последовать твоему совету. Я серьезно поговорю с Заком. Ты права. Нужно что-то менять. Мне не понравилась идея переезда Кейза и до сих пор не нравится. Я отправила его в этот идиотский лагерь, чтобы как-то загладить вину, а теперь меня мучают кошмары. Это смешно. И все потому, что я промолчала. Учитывая, что мой отец оживает в районе, мне нужно... короче, я все скажу Заку.

Она ожидала, что Кэролин прокричит «ура-а-а-а!». А потом скажет, что Аманда просто умничка и прочие мотивирующие слова.

— Круто, — буркнула Кэролин таким тоном, будто ей плевать.

Гнев закипал в груди Аманды.

— Знаешь, мне кажется, отец следил за мной в парке, поскольку я там торчала, как дура, и ждала тебя.

— Правда? — Наконец Аманде удалось завладеть вниманием Кэролин, но подруга и не думала раскаиваться.

— Правда!

— Слушай, Аманда, — сказала Кэролин. — Мне нужно кое-что тебе сказать. Надо было раньше, но мне не хотелось тебя пугать. Такое впечатление, что ты уже испугана, поэтому...

— Что случилось? — Ладонь Аманды вспотела.

— Я думаю, я его видела. — Кэролин с шумом втянула воздух, словно бы задержав дыхание.

— Видела кого?

— Твоего папу. Когда я выходила из твоего дома.

— Что?! — У Аманды задрожала рука. Она попыталась сделать глубокий вдох, но грудь сжало в тиски.

— Через несколько домов от вас. Он сидел на крыльце, — сказала Кэролин. — Встал, когда увидел меня. Было темно, так что я не могу быть на сто процентов уверена. Но думаю, это был он. Он такой огромный, не перепутаешь.

Самое время ощутить новую волну ужаса, но что-то в словах Кэролин не сходилось.

— В каком смысле «темно»? — Кэролин ведь приходила рано утром. — Ты что, была у меня дома ночью?

— Ну, утром.

— Ты только что сказала, что было темно.

— Нет, нет, я лишь хотела сказать, что не разглядела его лицо. Вот и все. А с чего вдруг этот допрос? Я лишь пытаюсь помочь.

Аманда вспомнила слова офицера Карбона: стоит сосредоточиться на вопросе, как он вас нашел. Так как же отец выследил ее в Бруклине спустя столько лет?

— Ладно, — процедила Аманда. — Спасибо.

— Слушай, мне пора. — В голосе Кэролин снова слышалось раздражение. — Позвоню потом.

Но прошел час, а Кэролин так и не позвонила. Честно говоря, Аманда не была уверена, что хочет поговорить с ней. Что бы там ни происходило у Кэролин, у Аманды из-за этого неприятно посасывало под ложечкой.

Только в начале первого Аманда услышала наконец шаги мужа на лестнице. Пройдя в спальню, он разделется в их огромной гардеробной, как всегда делал, и потом тихонько проскользнет под одеяло на своей стороне постели, чтобы не разбудить ее. Будто это бомба с часовым механизмом, а не жена. Разумеется, спустя минуту он открыл дверь, потом переоделся в полумраке гардеробной и осторожно забрался в постель, не прикасаясь к ней. *Прощение — побочный продукт любви.* Что, если проблема именно в этом? Что, если ей нужно сильнее стараться, чтобы простить мужу его недостатки? У нее ведь тоже они есть, да?

Зак. Аманда воображала, как шепотом обратится к нему. *Мне страшно.* Но потом Зак тяжело вздохнул, как он часто это делал. Как будто пытаюсь примириться с их невыносимой ночной близостью. Нет, Аманда ничего не скажет. Но папа-то будет подбираться все ближе. Заку нужно знать. Но для этого ей нужно побыть с ним рядом, чтобы

улучить минутку и рассказать ему. Такая ерундовая просьба. Немного времени.

Аманда зажмурилась.

— Я хочу, чтобы завтра ты кое-что сделал, — начала она, а сердце зашлось в бешеном стуке в темноте.

— Да? И что же? — спросил Зак, словно бы для нее было абсолютно нормально что-то спрашивать посреди ночи.

Их брак был определенно недостаточно прочен, чтобы удержать Аманду на плаву. Но больше у нее все равно ничего не было. Не было другого выбора, кроме как протянуть руку и ухватиться за соломинку.

— Мне нужно, чтобы ты кое-куда со мной завтра пошел.

В этот раз голос звучал более раздраженно.

— Это куда?

— На вечеринку, — выдавила Аманда. — К моей подруге Мод. Она дружит с Сарой, которая работает в нашем фонде. Неловко, что ты никогда не принимаешь приглашения. Они обижаются.

— Это абсурд, — сказал Зак, словно бы это был научно доказанный факт.

— Нам нужно пойти. Поскольку ты мне там нужен.

Для нее это много значило. Они могли бы вместе прогуляться, и она бы рассказала про папу. Но разве нельзя было рассказать прямо сейчас? Можно. Она это правда понимала. Но рассказать не получалось.

— А кто еще там будет? — буркнул Зак.

— В основном родители детей из Грейс-Холл, как мне кажется.

— Ааа... — Он молчал бесконечно долго. — Тогда ладно. Но я не смогу остаться надолго. У меня работа.

После этого он повернулся на бок и уснул.

Лиззи

10 июля, пятница

Я вышла из метро на Седьмой авеню неподалеку от Флэтбуша и направилась к особняку Сары на Первой улице. У меня появились подозрения относительно Сары, хотя я не могла себе представить, чтобы такой миниатюрной женщине физически хватило сил убить кого-то клюшкой для гольфа. Но она же почему-то солгала насчет бухгалтера. Они с Заком могли быть в чем-то сообща замешаны, например, в махинациях с деньгами фонда или даже в смерти Аманды.

Учитывая, что платеж мне не светил, я покинула офис «Доказательной аналитики» без папки с данными, пообещав Милли:

— Я поговорю с Винни. Свяжемся. — Прости меня, пожалуйста. — Целая гора поводов для извинений. — Я понятия не имела, что у Зака так туго с финансами. Но я заставлю оплатить ваши услуги. У Зака остался еще особняк. Должно быть какое-то незаложенное имущество.

Милли упомянула, что можно остановиться на простом сопоставлении отпечатков, а это мог позволить себе даже Зак. Хотя Милли хотела совсем другого, но я прочла между строк: *если* я получу образец отпечатков Ксавье Линча и *если* эти отпечатки совпадут с тем кровавым следом на лестнице, оставленным в ночь убийства, это обвинения с Зака снимет. Тогда я буду свободна. Если. Сплошные «если».

Но у этого плана много сложностей. Начнем с того, что это все умозрительные заключения. А еще мне придется одной ехать в Сент-Коломб-Фоллс. Денег оплачивать других детективов у Милли нет, даже если бы я готова была ждать, пока кто-то не освободится. А ждать я не хотела.

Я перешла через Седьмую авеню и пересекла площадь Сент-Джонс-Плейс, и тут заметила рекламный плакат на противоположной стороне улицы: изящная меловая надпись на доске и кислотно-розовая роза в центре. «Цветы на Слоуп», — гласила вывеска над аркой,

стрелочка указывала вправо. Я остановилась и порылась в сумочке. У меня была карточка из тумбочки Аманды. По крайней мере, можно зайти и спросить у продавцов, не опознает ли кто-то в Ксавье Линче человека, который отправлял цветы. Вряд ли мне это поможет сойти с дорожки, которая ведет к насильнику, но это может стать отправной точкой.

Когда я открыла дверь, звякнул маленький колокольчик над дверью. Бутик «Цветы на Слоуп» занимал узкое эффектно отделанное помещение, за прилавком стояла пожилая привлекательная женщина, волосы которой были собраны наверх и подвязаны шарфом. Она слегка выпятила верхнюю губу, сосредоточившись на букете из желтых цветов. Она что-то довольно мурлыкала себе под нос. При виде этой женщины меня охватило сожаление.

Я представила себя на ее месте: такая же счастливая, занимаюсь любимой работой, рядом со мной Сэм, и у меня кристально чистое прошлое. И вот она я настоящая: пишу одно за другим письма лучшей подруге по университету о том, в какой кошмар превратилась моя жизнь. Письма, которые мне слишком стыдно даже просто отправить. В глубине души я понимала, что все это — мои секреты, наш брак с Сэмом, несмотря на все его проблемы, даже то, что меня обманом втянул в это дело Зак, — никак не связано. Как только вся эта неразбериха с Заком закончится, нужно будет выбираться из собственной ямы и по крайней мере рассказать лучшей подруге по юрфаку про пьянство Сэма. Весьма рискованно жить, храня секреты. В конце концов, если бы у меня их не было, Зак не смог бы использовать их против меня.

— О! Добрый день! — весело воскликнула женщина за прилавком, когда наконец заметила меня, а потом взглянула на меня с беспокойством. — Судя по виду, вам определенно нужно привести себя в гармонию с помощью цветов.

Я сглотнула комок в горле.

— Я пытаюсь понять, кто отправил цветы... — начала я, подходя к прилавку, хотя в магазине продавали цветы, а не оружие. Какие записи они должны были, по моему мнению, хранить? — У меня есть карточка, но она не подписана. Я понимаю, что шансов на успех мало.

Женщина с обеспокоенным видом подошла вплотную к прилавку.

— Не подписана? — Она протянула руку к карточке. — Я против анонимных букетов. В старших классах моей сестре безжалостно досаждал назойливый поклонник. Этот козел оставлял *розы* на каждом шагу! Меньше всего мне хотелось бы, чтобы мои цветы кого-то расстроили. — Она изучила карточку. — Но это и правда наша. Похоже на почерк Мэтью. Погодите-ка минутку. Мэтью! — крикнула она куда-то в глубь магазина. — Можно тебя на секундочку?

Миг спустя в торговом зале появился недовольный долговязый подросток, весь в прыщах, одетый с ног до головы в черное.

— Ты доставлял цветы с этой карточкой? — спросила у него женщина, протягивая карточку. — Почерк вроде на твой похож.

Он помялся, прежде чем взять карточку, а потом посмотрел и пожал плечами.

— А что такого? Его жена на него ужасно злилась. Он пришел и попросил отправить цветы вроде как от тайного воздыхателя. Считал, что его почерк она узнает.

— Спасибо, милый, — проворковала женщина, которую вообще не задела его угрюмая манера. Она снова повернулась ко мне: — Иногда очень сложно бывает отказать местным жителям. Они могут быть очень настойчивы, если мягко выразиться. Надеюсь, цветы не стали проблемой.

— Можно показать тебе фотографию? — спросила я у Мэтью. — Узнаешь ли ты человека, который покупал цветы?

— Наверное, — буркнул он с типичной для подростков задумчивостью с примесью любопытства. Я вывела скриншот фотографии с церковной распродажи на экран мобильного и протянула Мэтью. — Это он на фото?

Мэтью тут же покачал головой:

— Не-а. Не он.

— Ты уверен? — Он ответил слишком быстро, словно бы и не посмотрел. — Снимок сделан пару лет назад. Он мог измениться.

— У парня на фото ромбовидное, а у того, который приходил, было круглое.

— Эээ...

— Он имеет в виду форму лица, — вмешалась женщина. — Официально существует семь форм лица, но Мэтью...

— Мам, двенадцать! — резко поправил он. Когда женщина выгнула бровь, он снова пожал плечами. — Да как скажешь. Но вообще-то их двенадцать.

— Мэтью выделяет еще и новые подклассы, — сказала его мать с улыбкой. — Мы его экзаменовали... долго рассказывать, с чего все началось, тут немаловажную роль сыграл мой оптимистично настроенный бывший муженек... но если вкратце, то у Мэтью дар опознавать лица. Если Мэтью говорит, что это не тот человек, значит, это не он.

Мэтью наконец взглянул на меня.

— Если у вас есть другие фотки, то я могу показать вам того парня. Без сомнений.

Подходя к дому Сары, я чувствовала себя подавленной. Если бы в цветочном магазине узнали Ксавье Линча, это было бы равнозначно сравнению отпечатков. Видимо, придется все-таки переться в Сент-Коломб-Фоллс.

Особняк Сары знал и лучшие времена. Поднимаясь по лестнице, я обратила внимание на следы упадка: трещины на фасаде, выбоины на ступенях, облупившаяся краска на ставнях. Тем не менее это был особняк в Центр-Слоуп, дом за четыре миллиона долларов, который я никогда не смогу себе позволить, но мне стало интересно, означает ли его относительно обветшалое состояние, что Сара нуждалась в деньгах.

— Вам помочь? — раздался мужской голос, когда я собиралась постучать в дверь. Я обернулась, чувствуя себя нарушителем границ частной собственности.

У подножия лестницы стоял высокий грузный мужчина в футболке и темных спортивных шортах. У него были припухшие веки и приветливая улыбка. Наверное, муж Сары. В одной руке он держал коробку с пиццей, а во второй упаковку из шести банок пива — и это в три часа в рабочий день. Определенно он не работал адвокатом в крупной конторе, хотя успешные люди время от времени тоже смываются из офиса.

— Я пришла к Саре, — начала я в надежде, что мне не придется представляться и говорить, что я адвокат Зака. При одной только этой мысли подташнивало.

— Она ушла пообедать, а потом в книжный клуб на Девяносто второй на какую-то встречу с автором, — сказал он. — Я бы предложил войти и подождать, но это не столько клуб любителей чтения, сколько клуб любителей вина, так что она может зависнуть там на несколько часов. Вы здесь по поводу писем по электронной почте?

— Да! — Я испытала облегчение от того, что он сам дал мне альтернативное объяснение.

— Не только вы, но и весь остальной мир, — сказал он с печальной улыбкой. — Я могу записать ваше имя, если хотите. Но я точно знаю, что она старается, чтобы школа предоставила всем больше информации. Я уверен, Сара скоро проведет очередное собрание по этому поводу. Она *постоянно* проводит дополнительные собрания. И *всегда* в моем доме.

— Тогда я найду в другой раз, — сказала я. — Спасибо.

— Без проблем! — откликнулся он. — Окажите мне любезность, не говорите Саре, что застали меня дома в такой час. Я просто хотел посмотреть Уимблдонский турнир, а этой женщине не дано понять всю важность спорта.

Я кивнула и улыбнулась в ответ. Сложно было представить этого мягкого добродушного парня рядом с Сарой.

— Конечно!

До вечера Сэм настроил мне полдюжины сообщений, которые я проигнорировала. Вариации на тему: «Лиззи, прошу тебя, можем поговорить?» Он и звонил тоже, а на третьем голосовом сообщении зарыдал.

— *Я тебя никогда не заслуживал. Ты добрая, понимающая и честная. Ты куда лучше меня, Лиззи, и так было всегда.*

У меня засосало под ложечкой.

Я снова припарковалась рядом с «Кафе дю Жур», отзвонилась Томасу и своему секретарю, ответила на письма по электронной почте, а потом провела пару часов, доделывая просроченное ходатайство по делу против членов правления компании — изготовителя аккумуляторов. Когда кафе закрылось, я перебралась в закусочную «Пьюрити» неподалеку от нашего дома, которая чудом держалась на плаву, хотя почти всегда пустовала. Греческий пирог со шпинатом они готовили просто омерзительно, но даже моя мама оценила бы по

достоинству их картошку фри. Отец бы заявил, что это просто прикрытие, как он всегда отзывался о таких рестораниках, причем без особых доказательств. Ему никогда не нравились обманщики.

Я задержалась в «Пьюрити» до того момента, когда, по моим прикидкам, Сэм уже уснул. Если бы у нас было больше денег, я бы отправилась в отель. Если бы у нас было больше денег, я вообще не пришла бы домой. Ничего из того, что мне сейчас мог сказать Сэм, не облегчило бы мое состояние. Он не знал, откуда взялась та сережка, и не был уверен, что она не принадлежала какой-нибудь девице, с которой он перепихнулся, когда был настолько пьян, что даже не помнил. Это начало и конец разговора, по крайней мере, того разговора, который я бы хотела вести.

Я не сомневалась, что Сэм не врет насчет провалов в памяти. Было бы куда легче соврать. В глубине души я даже хотела бы, чтобы Сэм лгал. Тогда мы бы продолжили жить так, как жили. Да, в нашей жизни наметились глубокие трещины, но мы по-прежнему были единым целым. Теперь же мы оказались в таком месте, где сомнения будут грызаться в нас до тех пор, пока не поглотят целиком.

Когда я наконец добралась до дома, Сэм спал, как я и надеялась, примостившись на диване в гостиной, очевидно проиграв битву ожидания. Голова запрокинута, рот слегка приоткрыт. Когда я приблизилась, то не учуяла запаха алкоголя. Он просто спит, а не вырубился пьяный. Еще одна победа.

Глядя на спящего Сэма, я даже не испытывала злости, меня лишь переполняла печаль. Хоть алкоголик, хоть нет, но Сэм все равно был умным, добрым и пылким. Я смотрела на него из другого конца комнаты, а сердце все равно заходило. Моя жизнь началась с чистого листа, когда мы познакомились. Но это не значило, что мы должны остаться вместе. Я была слишком глупа, чтобы поверить, что любовь может изменить человеческую природу.

В сумочке зазвонил телефон. Сэм вскинулся:

— Что случилось?

— Ничего, спи, — буркнула я и поспешила в ванную, закрыв за собой дверь. — Алло? — спросила я уже в телефон.

— Вам поступил телефонный звонок ...

Я нажала «единицу», не дослушав сообщение. Зак, наверное, подкупил кого-то в Райкерсе — не хочу знать чем, — чтобы ему

позволили воспользоваться телефоном в столь поздний час.

— Привет, — сказал Зак веселым голосом. Какое, должно быть, облегчение он испытывал, ведь теперь не нужно было притворяться. *Козлина*.

— Я пообщалась с твоим бухгалтером, — сообщила я. — Как ты знаешь, у тебя нет денег, чтобы выплатить аванс экспертам. Это потенциально испортило их отношение к тебе, что очень глупо, поскольку они спецы в своем деле. Кроме того, тебе придется оплатить уже проделанную работу. Если откажешься, они подадут в суд. После этого на тебя никто не станет работать. А тебе понадобятся эксперты — целая армия экспертов, — чтобы выиграть это дело.

— И что? — спросил он, не проявляя ни малейшего удивления.

— А то, что тебе придется где-то достать деньги, — сказала я. — Отпечаток пальца может тебя оправдать, но они только начали работу. Это твой наилучший шанс.

— Оправдать? — довольным голосом переспросил Зак.

Меня бесила его радость, но я решила, что не доставлю ему удовольствия и не стану проявлять эмоций. Он подталкивает меня к этому, но я могу относиться к его делу как к любой другой работе. Во всяком случае я знаю, как делать свою работу.

— Да, отпечатки на твоей сумке для ключек совпали с кровавым следом на лестнице в вашем доме, — сказала я. — Это не твои отпечатки, но они принадлежат кому-то, кто был там в тот вечер.

— Слава богу! — громко выдохнул Зак. — Признаюсь честно, я уже слегка забеспокоился, что ты не справишься.

— Да пошел ты знаешь куда, Зак! — с меня хватит. Я так рассвирепела, аж глаза защипало.

— Пошел я? — усмехнулся Зак. — Это ты врала всем вокруг. Про ту форму, про свой брак и еще бог знает про что. — Мне не понравилось то, каким тоном он это сказал. Что еще он знает? — Я, может, и хреновый муж, но по крайней мере я честно в этом признаюсь. Теперь вернемся к деньгам. И снова я буду честен. Денег у меня нет ни шиша. Но нам нужны результаты анализа отпечатков. Так что пусти в ход свою креативность. Уверен, ты что-нибудь придумаешь.

— Зак, это смешно, — огрызнулась я, хотя и знала, что спорить без толку.

— Согласен. Сама ситуация смешна. — Он хмыкнул. — Я бы предпочел не портить нашу совместную историю. Но где еще я нашел бы превосходного адвоката, у которого есть доступ к лучшим в мире экспертам и который согласился бы работать за так? Если подумать, я бы никогда и не вспомнил о твоей кандидатуре, если бы не увидел тебя на фермерском рынке на Проспект-Парк.

— Ты ходишь на фермерский рынок? — удивилась я.

Я не могла представить, чтобы Зак покупал экологически чистые продукты и тащил их домой в многоразовой сумке.

— Ну, как ты понимаешь, не за покупками, — сказал он. — Так здорово просто наблюдать за людьми. Важно понимать сильные стороны людей, если хочешь с ними взаимодействовать. Но ты знаешь, что еще важнее?

— Нет, Зак, — ответила я. — И что же важнее, чем понимать сильные стороны людей?

— Понимать их слабости.

Раздался щелчок. Человек, который был заперт в Райкерсе, повесил трубку. Человек, который почему-то рулил всей ситуацией.

Свидетельские показания перед большим жюри

Бенджи Патель вызван в качестве свидетеля восьмого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Добрый день, мистер Патель. Спасибо, что пришли.

О: Не за что.

В: Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, второго июля этого года?

О: Да.

В: А как вы там оказались?

О: Нас пригласили. Я раньше играл в баскетбол по соседству в одной команде с Себом. Больше мы не играем, но я знаком с парой ребят по команде, в том числе с Керри.

В: С кем вы были на вечеринке?

О: С женой, Тарой Патель.

В: Вы знали, что на этой вечеринке предполагаются сексуальные увеселения?

О: Ну, не про тот конкретный вечер. Но мы уже бывали на аналогичном мероприятии. Я слышал, что там происходит.

В: Вы принимали в этом участие?

О: Нет.

В: Почему нет?

О: Почему? Да потому что меня жена убила бы на хрен, простите за грубость. Я знаю, что некоторые супружеские пары... практикуют такое, и все у них отлично. Они даже умудряются хранить это в секрете. Кто там с кем мутит на таких вечеринках, никогда не выплывает наружу. Каждому свое, как говорится. Но у нас такое не прокатит. Я, кстати, тоже убил бы жену.

В: Понятно.

О: Черт. Простите. Не знаю, почему я все время говорю это слово. «Убила», «убил»... Но все это просто... короче, мы не занимались

сексом ни друг с другом, ни с кем-то еще на той вечеринке. А еще мы выпили слишком много сангрии. Половину вечера я расхаживал в шутовском колпаке, который нашел на полу, если вам это о чем-то говорит.

В: А вы четко помните события того вечера?

О: Да. Я помню все, что происходило. Я же не алкоголик какой-то. Всего-то три бокала сангрии.

В: Вы знали Аманду Грейсон?

О: Нет.

В: Вы видели женщину, которая вдруг резко ушла через черный вход?

О: Да.

В: Можете описать, что произошло?

О: Она спустилась по лестнице и попыталась уйти. Сначала через парадный вход, но там собралась целая толпа. Она выглядела расстроенной и явно куда-то торопилась, и я посоветовал ей выйти через заднюю дверь, правда, предупредил, что лучше бы этого не делать. В каком-то году такое уже было, и соседи Себа вызвали копов.

В: В котором часу это случилось?

О: В девять сорок семь.

В: Откуда вы знаете так точно?

О: Потому что прямо перед этим кто-то спросил меня, сколько времени.

В: Я хочу показать вам одну фотографию.

(Обвинитель подходит к свидетелю со снимком, на котором значится «№ 6».)

В: Это та женщина, которой вы указали на заднюю дверь?

О: Да.

В: Для протокола: на фотографии изображена Аманда Грейсон. Незадолго до того, как вы направили эту женщину к выходу, вы разговаривали с женщиной?

(Обвинитель подходит к свидетелю со снимком, на котором значится «№ 5».)

В: С этой женщиной?

О: Да.

В: Для протокола: на снимке изображен Зак Грейсон. Что Зак Грейсон сказал вам?

О: Велел убираться на хрен с его дороги.

В: А почему он так сказал?

О: Думаю, потому что он тоже очень торопился. Наверное, я загораживал ему дорогу. Как я уже сказал, я был навеселе.

В: А что случилось потом?

О: Потом он оттолкнул меня и ринулся к входной двери.

В: Вы уверены, что мистер Грейсон ушел раньше, чем Аманда?

О: Да, непосредственно перед ее уходом. Потому что после того, как я видел ее, я отправился на поиски уборной. В итоге я вырубился прямо на полу ненадолго. Когда моя жена нашла меня в начале одиннадцатого, она всерьез рассердилась.

Лиззи

11 июля, суббота

Сент-Коломб-Фоллс оказался сплошь фермерскими угодьями, но не был похож на необычные фермы в Вермонте, которые мне так приглянулись, когда мы с Сэмом отправились туда на его тридцатилетие. Я и сейчас вспоминаю тот день: очаровательные красные амбары, белые заборчики, и мы с Сэмом танцуем одни под доносившуюся издалека музыку кантри на залитом лунным светом заднем дворе нашего мотеля «Эко Лейк». Но теперь я еще припоминаю, как Сэм накидался коктейлями «Тьма и буря»^[12] и спал до обеда. Такое впечатление, будто признание Сэма о той сережке наконец сорвало с меня шоры, а заодно и верхний слой кожи. Теперь я поняла, что все мои воспоминания искажены алкоголизмом Сэма. И моим патологическим желанием было не обращать на это внимания.

В отличие от живописного Вермонта, в Сент-Коломб-Фоллс было полно работающих ферм, где сотни коров выращивали, чтобы отправить на скотобойню, а несушек запихнули в набитые перьями птичники длиной с футбольные поля. Грязь, песок, разруха. Фермы стояли поодаль от шоссе, проходившего через центр городка, который, как выяснилось, состоял из зданий почты, заправки, универмага и закусочной «Норма» — ржавой металлической коробки, в которой, судя по виду, посетителей не было уже пару десятков лет. На дальнем конце городка время от времени попадались следы пребывания туристов и площадки для автокемпинга, хотя сложно было вообразить какие-то природные красоты поблизости.

Большинство домов были весьма потрепанными, а некоторые уже полуразрушенными. Почему в Сент-Коломб-Фоллс было так пусто в десять утра в субботу? Как будто все прятались от какой-то угрозы, о которой я по своей глупости не подозревала. Я чувствовала излишнюю нервозность, может, из-за слишком раннего подъема. В попытке избежать Сэма и дальше, я выехала еще до рассвета. Но он в любом

случае проснулся, начал допрашивать, куда это я намылилась, а я отчаянно пыталась отбиваться.

Когда слева наконец показался дом Ксавье Линча, меня окатила легкая волна облегчения. Невысокое ранчо формой и размерами не отличалось от остальных, но было выкрашено в темно-серый цвет, декор был белоснежным, а дверь — жизнерадостно-красной. По обе стороны от крыльца стояли большие горшки с фуксиями и еще какими-то фиолетовыми цветами. Даже почтовый ящик покрасили в тон дому. Я перепроверила адрес. Определенно это то самое место. Разумеется, то, что у Ксавье Линча симпатичный дом, еще не делало его хорошим человеком. Но чудовище из ухоженного дома с меньшей вероятностью укокошит непрошеного адвоката из Нью-Йорка.

Мне нужно было во время первого визита удостовериться, что в этом доме действительно проживает Ксавье Линч, и было бы совсем уж отлично, если он признается, что Аманда — его дочь. Ну а потом я планировала чем-то занять себя до темноты. Под покровом ночи я проберусь к дому Ксавье, пороюсь в мусоре, чтобы найти что-то, на чем могли остаться отпечатки — какую-нибудь бутылку, консервную банку, пластиковую вилку.

Я сделала глубокий вдох, выбралась из машины и направилась вдоль подстриженного газона, громко постучала в дверь с проволочной сеткой от насекомых и собралась с духом, ожидая, что сейчас она распахнется, а потом на меня рявкнут: «Какого хрена ты тут забыла?» Или еще хуже — готовилась к боли, к тому, что ручища сожмет мое горло или мне двинут кулаком в челюсть.

Но дверь открылась медленно и спокойно. На пороге стоял огромный мужик, тот самый Ксавье Линч из статьи о церковной распродаже. На нем были брюки защитного цвета и рубашка в тон на пуговицах, огромные, можно даже сказать, модные очки закрывали половину его большого лица. Возможно, ромбовидного. Я не так хорошо в этом разбираюсь. Он был даже выше, чем на фотографии, а может быть, все дело было в угле зрения, или та дама, которую запечатлели на фото, тоже была необычайно высокой. Ксавье Линч был крупнее Сэма, метр девяносто, а то и выше, и весил, наверное, за сотню килограмм. Внезапно я ощутила, что при желании он с легкостью меня пристукнет.

— Чем могу помочь? — спросил он напряженным голосом и взглянул поверх моей головы, словно беспокоился, что я могла быть не одна.

— Меня зовут Лиззи Кицакис, я адвокат. Меня попросили найти наследников весьма внушительного состояния... — начала я, но это звучало — я сама теперь это поняла! — как спам, который присылают по электронной почте.

— Я очень сомневаюсь, что вы ищете меня, — сказал он скептически, но без агрессии, — я ни от кого ничего не должен унаследовать.

Он поправил очки таким жестом, что я усомнилась, уж не напоказ ли он их нацепил. А еще он отворил дверь чуть шире, надеюсь, это не означало приглашение войти. Моя стратегия заключалась в том, чтобы вести беседу в относительной безопасности на улице.

— Вы Ксавье Линч? — Я сделала шаг вперед.

— Да. — Он снова поправил очки, а потом сунул руки в карманы. В каждом движении чувствовалась осторожность, словно бы он тщательно изучил, как обычно ведут себя нормальные люди.

— Речь об имуществе Аманды Линч. Она не оставила завещания, а с учетом обстоятельств вы единственный наследник.

Это, разумеется, была неправда. У Аманды остался сын. Я понятия не имела, оставила ли Аманда завещание, но даже если не оставила, ее деньги переходили к Кейзу, а следующий в очереди на наследство — Зак. Да и денег никаких в любом случае не осталось.

— Аманда, — сказал он и опустил голову. Я увидела над его затылком большой крест на стене. *А вот и маленький Иисус.*

Но Ксавье поднял голову, и на его лице читалась скорее решимость, чем вина.

— Это вы мне звонили?

Я кивнула:

— Решила, может, проще будет приехать лично и объяснить.

Он смутился:

— Простите, что я повесил трубку.

Я кивнула:

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Я ведь изменился. То есть раньше-то я был именно таким, Господь свидетель. — Он потряс головой. — Когда-то

вешать трубку, когда звонит такая милая дама, было наименьшим из зол, что я успевал сотворить за день.

Милая дама. От того, как он это произнес, по спине пробежал холодок.

— Я понимаю, — сказала я, хотя не понимала.

— Я так старался все исправить, — сказал он, прижимаясь к дверному косяку и жестом указывая на что-то в доме, может, на распятие, может, на своих родных. Я, кстати, понятия не имела, проживает ли он один, однако наличие родных усложнило бы анализ впечатков. Что, если я заберу мусор с чьими-то чужими? — Я так старался и сам исправиться. Я бы предпочел все забыть. Но у меня есть дом, работа... я работаю контролером на птицефабрике в соседнем городе. Я даже подумываю жениться на моей подруге, если она помучает меня еще чуток. В любом случае я вел честный образ жизни. Не всегда это было просто, но теперь я справляюсь.

— Понятно, — снова произнесла я, а мой затылок похолодел от ужаса.

Ксавье Линч отвернулся и шмыгнул носом. Он правда плакал или притворялся?

— А как погибла Аманда?

Вот теперь нужно быть осторожнее. Он пытается выведать, что мне известно. Пусть это и невежливо, но в Ксавье Линче чувствовалась какая-то червоточина. словно бы каждая секунда, которая проходит, всего лишь очередная секунда, когда он не совершил чего-то чудовищного. Пока что беседа проходила нормально, но, может, лишь потому, что я не пыталась лезть куда не просят.

— Ее обнаружили мертвой у подножия лестницы в ее же доме. Она скончалась от удара по голове, — сказала я. Это были правдивые факты. — Полиция арестовала ее мужа.

Ксавье слегка поморщился:

— Она и так зажила на этом свете.

Хмм... интересно, что он имеет в виду?

— Она не рассказывала вам о своих проблемах?

— Кому?! Мне?! — Он покачал головой, нахмурившись. — Мы с Амандой не общались минимум двенадцать лет, а то и дольше, с тех пор, как... ну, вы понимаете... — Он сделал неопределенный жест.

— Нет. Я не знаю. С каких пор?

Его глаза сузились и стали холоднее.

— Напомните, а вы кто?

— Адвокат. — Я попыталась прикинуть, как далеко стоит машина. Как быстро я смогу повернуться и рвануть к ней. — Нужно разделить имущество Аманды.

Рот заполнился клейкой слюной, глаза жгло. Как будто я смотрела на огни приближающегося поезда. *Соберись*. Теперь Ксавье смотрел на меня совсем иначе. Не враждебно, но близко к тому.

— Почему бы вам не рассказать, зачем вы на самом деле приехали?

— Я здесь из-за завещания, как уже сказала, — произнесла я настолько спокойно, насколько это вообще было возможно. — Как отец Аманды, вы являетесь ближайшим родственником.

— Что? — В голосе Ксавье прозвучало что-то сродни обиде. Он яростно покачал головой. — Нет, нет, нет. Аманда — моя племянница, ну, то есть была...

Черт! Я потеряла впустую кучу времени. Я попыталась собраться.

— Простите за ошибку. А вы знаете, где можно найти отца Аманды? Мне правда нужно с ним поговорить.

Ксавье насупил брови, наклонив голову набок. Словно бы я над ним прикалываюсь.

— На кладбище Святой Анны.

— Он умер?! — спросила я. Сердце зашлось. — Что вы имеете в виду?! Когда?!

— Двенадцать, а то и тринадцать лет назад.

— Но это невозможно.

— Совершенно точно. — В его голосе явственно звучала злость. — Что за хрень?! Вы меня за нос, что ли, водите?

О чем, черт побери, он говорит? Ну как же умер?!

— Нет, нет, простите, мистер Линч. Я просто не понимаю. У меня нет никаких сведений о его кончине.

— А я не понимаю, как вы можете знать Аманду и не знать, что она убила своего отца. Ну, это не ее вина. Мой брат Уильям всегда был тот еще мерзавец.

У меня зазвенело в ушах. *Твою ж мать!*

— Простите, что вы сказали? — спросила я визгливо.

— Аманда прикончила своего отца. Двенадцать или тринадцать лет назад, — сказал Ксавье, в этот раз с надрывом. — Хотя он определенно

это заслужил.

— А что произошло?

— Вроде как Аманда застучала отца в ванной лежащим на одной из своих подружек. Они остались у нее с ночевкой в трейлере накануне выпускного. Уильям надрался и изнасиловал подружку Аманды, ну, или попытался. Копы сказали, что девчонка была уже мертва к тому моменту, Уильям ударил ее головой о ванну — полагаю, это несчастный случай. Он скорее всего даже и не заметил. Уильям был всегда огромным, даже крупнее меня. Ну, не то чтоб его это как-то оправдывало, но...

Ксавье посмотрел на меня. Во взгляде читались вина и стыд.

— Мне очень жаль, — машинально буркнула я.

— Думаю, Аманда пыталась спасти свою подружку. А на раковине как раз лежала опасная бритва. Вот так все и получилось. — Ксавье покачал головой, потупился и пнул дверной косяк. — Вот так все и получилось. Жизнь коту под хвост. Но мой брат с детства вел себя самым неподобающим образом. Он не был психом, просто плохой человек. А потом вырос в больного ублюдка.

Слюна стала такой клейкой, что я не могла открыть рта. Я с трудом сглотнула.

— А как звали подругу Аманды? — спросила я, впиваясь каблуками в крыльцо, поскольку земля уходила из-под ног. — Вы знаете?

Ксавье посмотрел на небо.

— Кэтти... или Конни...

— Кэролин?

— Точно. Кэролин. — Он кивнул. — Они с Амандой были как сестры. Так все говорили. Должен признаться, я уже не помню всех деталей. У меня тогда было много проблем. Именно поэтому я и бросил пить. Выпивка разрушает твою жизнь.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

2 июля

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о ходе расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

Результаты опросов

Всего по поводу взлома личной информации были опрошены члены пятидесяти шести семей. В каждом случае обнаружена кража личных компрометирующих сведений. Никто из опрошенных не пошел на поводу у шантажистов и не выполнил их требование перевести денежные средства. Тем не менее угрозы не были воплощены в жизнь и потенциально дискредитирующая информация не была опубликована.

Предварительные заключения

Собранная доказательная база позволяет предположить, что:

1. Обстоятельства, связывающие злоумышленника с Грейс-Холл, изменились в апреле или мае этого года.
2. Он получает от происходящего косвенную пользу, например, это может быть репортер, который потом напишет статью о мнимой утечке.
3. Возможно, это учащийся школы, который хотел бы причинить дискомфорт своим соученикам. Мы поработаем с администрацией школы, чтобы выявить таких учащихся.

Лиззи

11 июля, суббота

Из Сент-Коломб-Фоллс я поехала прямо в госпиталь Вейлл-Корнелл в Верхнем Ист-Сайде. Угнездившийся за воротами среди десятков деревьев госпиталь в лучах заходящего солнца скорее напоминал зеленый студенческий кампус, а не место, скрывавшее раковую палату Милли.

Когда я вышла из лифта на нужном этаже, то мимо, шаркая тапочками, сновали туда-сюда пациенты, таща за собой стойки для капельниц, словно упрямые собаки.

Я не была в больницах с тех пор, как безвременно скончалась мама, и забыла, каким клаустрофобным может ощущаться горе.

Но легкие и так были словно заперты в клетке с той минуты, как я отъехала от дома Ксавье Линча. Меня преследовала мысль, что все эти месяцы Аманда убегала от человека, которого не было в живых. По крайней мере, по заверениям Ксавье Линча. Не то чтобы я собиралась поверить ему на слово. Казалось, он совершенно уверен, однако от него исходила явная угроза. Может, он вообще выдумал всю эту историю от начала до конца и на самом деле он-то и есть отец Аманды.

Если же Ксавье Линч сказал правду, то ее очень трудно переварить. Аманда явно считала, что и ее отец, и Кэролин живее всех живых. Она писала об обоих в последних своих дневниках. В одной из записей Аманда во всех подробностях описала, как Кэролин пришла к ней в гости в дом на Центр-Слоуп. Или же она настолько глубоко погрузилась в воображаемый мир, и ей ужасно хотелось в это верить?

Меня тошнило при мысли о произошедшем, когда я припарковалась на потрескавшейся, заросшей сорняками парковке рядом с офисом начальника канцелярии округа. После долгого обмена любезностями и пространной вежливой беседы крошечная старушка в кабинете внутри кирпичного здания наконец подтвердила, что Уильяма Линча и правда убила его собственная дочь двенадцать лет назад после того, как он лишил жизни девушку по имени Кэролин Томсон, лучшую

подругу Аманды. В тюрьму никто не отправился, поскольку виновная — Аманда Линч, как сообщила мне старушка громким театральным шепотом, видимо, ради соблюдения конфиденциальности — по заключению суда защищала свою лучшую подругу.

Итак, отец Аманды и правда был мертв. Как и ее лучшая подруга Кэролин.

После визита в канцелярию я сидела под палящим солнцем и пыталась нагуглить хоть что-то, что могло бы дать понимание, каким образом Аманде удалось полностью стереть из памяти травмирующий эпизод и что галлюцинации говорят о ее психическом состоянии. В старых дневниках Аманды Кэролин всегда оказывалась в гуще событий. Не это ли произошло и в ту страшную ночь много лет назад? Что, если Кэролин с риском для жизни бросилась на выручку Аманды и в итоге погибла?

Если верить ненадежным интернет-источникам, у галлюцинаций Аманды могло быть множество причин: шизофрения, биполярное расстройство, психотическая депрессия. Некоторые болезни были серьезнее, чем другие, некоторые могли повлечь эпизодические приступы, а иные могли так сильно подорвать мышление Аманды, что даже странно представить, что она оставалась настолько работоспособной. Но я нашла то, что подходило под описание: бредовое расстройство. Если верить сайту медицинского факультета Гарварда, на котором я в итоге оказалась, человек, страдающий от бредового расстройства, «цепляется за ложные представления о действительности, несмотря на наличие явных доказательств обратного... В отличие от шизофреников, такие пациенты не имеют проблем в повседневной жизни и не проявляют никаких странностей, кроме поведенческих отклонений из-за иллюзорного контента».

Чертов Зак! Могла ли я с уверенностью заявить, что любой нормальный муж, которому не плевать на жену, заметил бы, что Аманде нужна помощь? И что ее даже можно было спасти от того ужаса, который произошел в последний день ее жизни? Нет, кому-кому, но не мне такое говорить. Я даже не могла утверждать наверняка, что Аманда действительно страдала от бредового расстройства, и уж тем более что это как-то связано с ее смертью. Но при мысли о том, какой трагически одинокой была Аманда, у меня болело в груди.

— Я к Милли Фабер, — сказала я дежурной медсестре.

Та изучила список пациентов.

— Палата шестьсот три. По коридору и налево, — сообщила она, не поднимая головы.

Я прошла по тихому коридору. Тишина казалась даже хуже толп больных. По крайней мере те пациенты были в состоянии передвигаться. А здесь все, похоже, были прикованы к постели.

Как могло получиться, что еще вчера Милли была бодрячком, а сегодня оказалась в палате для тяжелобольных? С другой стороны, моя мама прошла путь от совершенно здоровой до совершенно мертвой за несколько секунд. Да и Милли, если честно, не казалась совсем уж бодрячком.

Я тихонько постучала, открыла дверь с номером 603 и с облегчением увидела, что Милли, вытянувшись по струнке, сидит в кресле с ноутбуком на коленях, а на грязноватом линолеуме разложены бумаги. На ней была темно-синяя блуза, а не больничная ночнушка, и за эти сутки она не потеряла все свои волосы и не сбросила еще пару килограммов.

— Тебе обязательно это делать? — спросила я.

— Делать что? — хрипло спросила Милли, не отрывая глаз от экрана ноутбука. Но ее лицо просветлело в тот же момент, как она услышала мой голос.

— Работать.

Она пожала плечами:

— Тут или работать, или волноваться. Лучше чем-то заниматься.

Чем дольше я вглядывалась в Милли, тем хуже она выглядела.

— Все серьезнее, чем ты мне говорила, да?

Милли нахмурилась, уставившись в ноутбук. Она помолчала еще минуту, а потом наконец посмотрела на меня.

— К тому моменту, как рак обнаружили, он уже дал метастазы. В легкие, в кости и в печень. Троекратное «везение». Уникальный случай. Мне повезло.

— Милли, черт побери! — Я уселась на подоконник. — Мне так...

Милли подняла руку:

— Ты же знаешь, мне не хочется, чтобы меня жалели. А вот чего мне хочется, так это поговорить, какую глупость ты совершила, когда поперлась туда. Мне казалось, мы обо всем договорились?

— Поперлась куда?

Она нахмурилась:

— Ну, давай хоть в лицо мне не врать. Сэм мне все рассказал.

— Сэм? — переспросила я. — У тебя даже телефона его нет.

— Я проходила утром мимо вашего дома по дороге сюда, — безо всякого выражения сообщила она. — Прямо как чувствовала, что ты в самоволке. Я же детектив, не забыла?

Сэм знал, что я поехала в Сент-Коломб-Фоллс. Я же выдала ему это как угрозу: *если со мной что-то случится, то ты будешь виноват!* Во всем теперь виноват он.

— И что именно сказал тебе Сэм?

Милли положила какую-то папку себе на колени и накрыла ее ладонями. Руки стали костлявыми — руки старой женщины.

— Что ты поехала на север штата поговорить с отцом той погибшей девушки. Которого, если я не ошибаюсь, ты подозреваешь в ее убийстве. — Она подняла брови. — Но этого Сэм не знал. Казалось, он слегка недоумевал, почему ты вообще помогаешь не пойми кому в деле об убийстве. Похоже, он вообще многого не знает. Но он милый парень. Общительный.

— Что это значит?

Она что, застучала Сэма пьяным уже в полдень?

— Ну, помимо прочего Сэм понятия не имел, кто я вообще такая. — Она вскинула подбородок и устремила на меня взгляд воспаленных глаз.

Я пошевелила губами, пытаюсь что-то сказать. Но что? *Пожалуйста, только не сейчас? Пожалуйста, только никогда?* Милли, видимо, заметила панику в моих глазах. Ее лицо смягчилось.

— Ладно, — продолжила она. — Я могла бы отложить всю эту ерунду, если бы ты мне сказала, что поедешь туда одна.

— Это не могло ждать, — ответила я, жестом обвела палату. — И это нельзя отложить.

— Все всегда может подождать. Поверь мне. Этот парень не стоит того, чтобы рисковать жизнью.

— Это не могло ждать, — повторила я. — Ради меня же.

— Что это значит?

Я сделала глубокий вдох. Прятаться негде.

— Зак Грейсон вынудил меня работать на него. Угрожает раскрытием компрометирующей информации, если я не останусь, пока

его не освободят.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Ну так скажи ему, чтоб шел на три буквы! — закричала Милли.

— Ты же знаешь, как работает шантаж? — спросила я. — Говоришь шантажистам, чтобы шли на три буквы, а потом они делают всякие гадости, которые ты не хочешь, чтобы они делали.

— Погоди, это из-за...

— Нет. Об этом Зак не знает. По крайней мере, по моим сведениям.

— А что он тогда мог вообще нарыть на тебя? — Она фыркнула и, помолчав, вдруг подалась вперед, снова приподняв брови. — Стоп! Ты ведь не ходила на всякие там секс-вечеринки?

Я покачала головой:

— Все дело в Сэме. Он... алкоголик. — Слово больно царапнуло горло даже сейчас. — Отсюда все проблемы. Остальное берет начало отсюда. Сэм по пьяни попал в ДТП, на него подали в суд, и теперь мы должны целую кучу денег. Я солгала о своем финансовом положении, когда заполняла декларацию при приеме на работу в «Янг & Крейн», поскольку переживала, что они меня не возьмут. А нам ужасно нужна эта работа, чтобы выбраться из долгов. Разумеется, меня уволят, если Зак им расскажет. Меня лишат лицензии. Карьере конец.

— Вот же убудок! — Молли с отвращением покачала головой. — А как, черт побери, он это выяснил?

Я пожала плечами:

— Кто ж знает. Другие детективы?

— Готова поспорить, им-то он платит. — Она улыбнулась.

Вошла медсестра, неся на подносе иголки и маленькие бутылки с лекарствами. Она поставила поднос на тумбочку рядом с Милли и, не глядя никому из нас в глаза, начала суетиться, методично подсоединяя всякие трубочки.

— Готовы начать в десять, дорогая? — спросила она у Милли, ее голос на две трети был механическим, а на треть поистине добрым.

— А то! Сейчас только закончу со своей подругой.

— Конечно, дорогая, — рассеянно отозвалась медсестра, когда у нее зажужжал телефон. — Я скоро вернусь.

Она поторопилась в коридор, уже прижимая трубку к уху.

— Ладно. Я скоро придумаю, как разобраться с Заком Грейсоном, — сказала Милли, когда медсестра вышла. — А пока расскажи, что тебе удалось выяснить. Ты добыла отпечатки? Не хочу потакать такой бестолочи, как ты, но как только я выяснила, что ты поехала туда, я связалась с лабораторией и выбила из них согласие провести еще один сравнительный анализ в срочном порядке, как только у нас будет образец. Только один, может быть, с отпечатком на стене, может, с тем, что на сумке. Но по крайней мере они согласились выставить счет постфактум. Мне нужно только позвонить и дать отмашку.

— А как же Винни?

Милли отмахнулась:

— Всего-то один образец. Он переживет.

— Ты ему не сказала.

— Пока нет.

— Спасибо, — выдохнула я. — Но, к несчастью, в Сент-Коломб-Фоллс выяснилось, что все мои предположения в корне неверны. Оказалось, что Ксавье Линч приходится Аманде дядей, а не отцом. Отец Аманды не мог при всем желании ее убить, поскольку он мертв. Это случилось двенадцать лет назад. Отец напал на подругу Аманды, Аманда заступилась за нее. В итоге мертвы и отец, и подруга.

Милли присвистнула.

— Мне это подтвердили в окружной канцелярии. Аманда была несовершеннолетней, так что уголовное дело под грифом «секретно», но они мне достаточно рассказали.

— Но я думала, у нее целый дневник посвящен тому, как за ней следит папаша?

Я кивнула:

— И она рассказывала подружкам в Центр-Слоуп, что ее подруга жива-здоровая и живет на Манхэттене. Аманда тревожилась, похоже, у нее были галлюцинации, а значит, все ее наблюдения под большим вопросом. Ну, или так скажет прокурор.

— То есть ее никто не преследовал?

Я пожала плечами:

— Никто. Ну или кто-то, но не отец.

— Странно, что твой дружок Зак ничего не заметил. — Под словом «странно» Милли подразумевала *«черт побери, этого быть не*

может!».

— Очевидно, Аманда внешне вела себя как нормальный человек. Ее подруги тоже ничего особого не заметили. Но они знакомы-то всего пару месяцев. У нее была работа, она замечательно заботилась о сыне, все так говорят. Наверное, галлюцинации не переходили границ. Зак утверждает, что она за эти годы не упоминала своего отца, как и преследователя. Хотя они, похоже, не особенно много разговаривали.

— А ты ему веришь?

— В этом вопросе верю. Зак — нарцисс. Я не думаю, что ему было интересно слушать о проблемах Аманды. Думаю, он четко дал ей понять, что она должна сама их решать.

— Это ужасно, — сказала Милли. — И что в сухом остатке?

— В сухом остатке я застряла с этим делом и с клиентом, от которого предпочла бы держаться подальше. Но я уверена, что единственный способ покончить с этим — снять обвинения. На лестнице остались окровавленные следы неопознанного преступника. А значит, там в тот вечер был кто-то еще. Кто-то, кто не вызвал полицию и вообще никак не проявился.

— Разумеется, это не означает, что твой клиент не убивал жену. Он тоже мог там быть или же мог кого-то нанять.

— Я понимаю, — сказала я. — Но даже если так, мне нужно его вытащить, если я хочу сохранить работу. Если только я не найду какой-то другой выход, например, что-то, что можно использовать против самого Зака. Чтобы воздать по заслугам, а самой соскочить с крючка.

Милли кивнула:

— Эта идея нравится мне намного больше. В любом случае тебе надо завязать с этим. Жизнь слишком коротка для подобной чуши. Поверь мне. — Она подняла с пола одну из папок и протянула ее мне, но не ослабляла хватку. — Это все, что мне удалось нарыть. Но я отдам ее тебе при условии, что ты больше не станешь заниматься частным сыском. Если понадобится, я найду кого-нибудь, кто поможет за просто так.

Я слишком быстро кивнула несколько раз.

— Разумеется, не стану.

Она выпустила папку из рук.

— М-да. Ты говорила то же самое и вчера. Лгать умирающим плохо для кармы.

— Да ладно тебе, ты не...

— Я умираю, Лиззи. — Ее лицо было серьезным, но спокойным. — Такова реальность. Это может случиться в любой момент. Так сказали доктора. Без обиняков. И не один раз. Они не просят привести дела в порядок просто ради прикола. Вся эта химия — минимальный шанс на успех. Возможно, мне даже станет хуже, причем быстро. Вот почему я слала тебе письма. Я хотела удостовериться, что успею поговорить с тобой... на всякий случай. Ты же знаешь, я всегда была готова хоть как-то облегчить тебе жизнь. После всего, что сделала твоя мама для меня, когда заболела Нэнси, это самое малое, что я могу. Но я всегда была посредником, и это полумера... — Она помолчала немного, а потом посмотрела на меня, сощурившись. Мое сердце заколотилось быстрее. — Что конкретно знает Сэм?

— Он знает о мошенничестве. О том, что у мамы случился сердечный приступ, — вяло проговорила я. — Но Сэм считает, что папа тоже умер. Так все думают...

— Ты всем рассказываешь, что отец умер? — спросила Милли, на ее лице застыли досада и ошеломление. — Все это время?

— Мне нужно было дистанцироваться от ситуации, — заявила я. — Ты же меня видела. Я была раздавлена.

Я правда была раздавлена, долгое время. Разумеется, я в итоге сумела вытащить себя из депрессии. Этого хватило, чтобы поступить в колледж, потом на юрфак, заводить друзей, выйти замуж. Как давно это было. Но все равно я позволяла Милли решать мои проблемы, словно бы так и осталась семнадцатилетней девчонкой, объята горем настолько, что нет сил встать с кровати. И я не разговаривала с отцом вот уже восемнадцать лет.

За эти годы он прислал несколько писем. Не отчаянные мольбы, как можно было ожидать, не просьбы о прощении, не клятвы любви. Потому что это не в стиле отца. Он ничего такого не испытывал. Те несколько раз, когда он писал, он просто сухо рассказывал, как у него дела, механически, из чувства долга. Как будто он пытался оставить меня в игре на случай, если я пригожусь ему позже. Милли говорила, что он спрашивал обо мне конкретные факты. Хорошо ли я учусь в школе? Сколько я зарабатываю? Но никогда ничего обо мне как человеке. Он никогда не интересовался у Милли, почему я не

приезжаю. Она четко это давала понять, всегда. Милли не хотела, чтобы я чувствовала себя виноватой.

— Но расстояние и полная амнезия — разные вещи, Лиззи, — продолжила Милли. — И вы с Сэмом женаты.

— Я знаю. — Сердце глухо колотилось.

Милли уставилась на меня и ужасно долго не сводила с меня глаз. Все мое тело горело, меня изнутри обжигал стыд. Да, я стыдилась того, что натворил мой отец. Но еще больше — своей неспособностью взглянуть на это. Вместо этого я зарыла произошедшее поглубже, погребла под всеми остальными мыслями, которые пыталась силой воли вытеснить: о постоянных пьянках Сэма, наших долгах, карьере, пущенной под откос, несбывшихся мечтах о ребенке.

— Что ж, я могу и дальше притворяться, что он умер. Это твой выбор. Но без посредника все может стать иначе.

— Ты видела его в последнее время? — спросила я.

— Несколько месяцев назад. Я все еще пытаюсь навещать его раз в год. Он звонит с периодичностью раз в полгода. А в остальное время я получаю информацию от своих знакомых в Эльмире^[13]. Твой папа все такой же сукин сын: три четверти дерьма, четверть очарования, только старый, — сказала она. — Слушай, я не защищаю его и не оправдываю его поступок. Начнем с того, что он не лучший парень на земле. Но в итоге он выйдет, может, года через три или через четыре. И что тогда? У нас свободная страна. Он может приехать к тебе.

— Мне так лучше.

— Ой ли? — спросила Милли, и тревога в ее взгляде обожгла мои собственные глаза.

Я отвернулась, когда наконец подступили слезы, и попыталась придать голосу твердости:

— Мы обе знаем — то, что он сделал в тот вечер, не было несчастным случаем. Он зарезал того парня, Милли. Мой отец убил человека. Да, он расстроился из-за мамы, но ты же знаешь, что я думаю? Отца куда сильнее злило то, что этот прохвост присвоил себе его денежки. Он хотел возмездия.

Милли подняла руки, словно бы сдавалась:

— Не исключаю. Слушай, я в этих скачках не участвую. Я не пытаюсь уговорить тебя простить его. Я здесь потому, что любила твою маму, а она любила тебя. Она всегда старалась, чтобы ты

ощущала себя в безопасности и чтобы ты была счастлива. И я хочу, чтобы ты была счастлива. — Она протянула мне упаковку носовых платков, которую вытащила из сумочки, потому что я рыдала в три ручья. — Но как-то тебе это не слишком идет на пользу. Я не думаю, что тебе поможет, если ты будешь притворяться, что отец мертв. Даже на чуть-чуть.

Лиззи

11 июля, суббота

Я заехала на работу по дороге домой, намереваясь начать налаживать свою жизнь. Одну за другой я буду решать проблемы, которые пыталась игнорировать. Начну с декларации о доходах. Разберусь с ней, Заку нечем будет меня шантажировать, и я смогу покончить с ним и с этим делом. Убью двух зайцев одним выстрелом. Я надеялась в субботу найти Пола в офисе. Он часто приходил по субботам, как и многие юристы «Янг & Крейн» помладше. Признаться Полу в том, что я утаила информацию в декларации, было рискованно. Для начала нужно прощупать почву, поговорить на общие темы чисто гипотетически и как-то между делом вернуть в разговор декларацию. Может быть, мне простят один промах, особенно после того, как Пол продемонстрировал мне свою слабость в лице Вэнди Уоллес.

В офисе «Янг & Крейн» было тише, чем я ожидала. В кабинете Пола свет не горел, но в приемной Глория печатала что-то с кислой миной, причем определенно злила ее отнюдь не работа в выходной день. Глория обожала сверхурочные. Я глянула на часы. Половина седьмого.

— А Пол еще вернется? — спросила я.

Она покачала головой и осуждающе надула губы, но продолжала печатать.

— Вряд ли, разве не понятно? — Она многозначительно посмотрела на меня. Почему нельзя вернуть старую секретаршу Пола? Общение с Глорией утомляет.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, стараясь не выдать своего нетерпения.

Глория перестала печатать. В этот раз, когда она подняла голову, на ее лице появилась лукавая улыбка.

— А он тебе даже не сказал? Интересненько, — протянула она самодовольным тоном. — Вэнди Уоллес. Они пошли *выпить*. Ну или что-то типа, — жеманно пояснила Глория. — Она ведь взяла то твое

дело? Какая ирония. И это Пол, который считает, что у него есть право вести распутную жизнь, но при этом быть полицией нравов.

Я надеялась, по моему лицу не видно было, что я сочла это предательством. Пол пошел выпить с Вэнди Уоллес? После того, как я рассказала ему, как мерзко она себя повела, когда я пришла к ней? Разумеется, это самое настоящее предательство, пусть я и видела, что оно грядет.

— Точно, я забыла, — сказала я Глории. — Передай, пожалуйста, что я заходила.

Я побрела в свой кабинет, чтобы взять кое-какие документы домой. Такое чувство, будто меня ранили. Но не мне судить Пола. Я сама только и делала, что искажала правду: о своем браке, о своей семье, о себе. Но Милли я сказала правду: я не ставила перед собой задачу обманывать.

К началу первого своего учебного года я приехала к ухоженному кампусу Корнеллского университета в нормальном состоянии, но с трудом. К тому моменту я прошла достаточную терапию, чтобы двигаться вперед, но этого было мало, чтобы излечиться в общепринятом смысле слова. Я стояла посреди пустой комнаты в общежитии, куда меня привезли не родители, некому было помочь мне устроиться, некому было поплакать на прощание, и я ощущала, что снова соскальзываю в депрессию с пугающей скоростью. Словно бы где-то притаилась гигантская черная дыра отчаяния, которая засасывала меня. Но потом появилась моя соседка, жизнерадостная блондиночка с огромными невинными глазами и приветливыми родителями. И тут мне на выручку появилась новая версия моей собственной истории — круглая сирота, никто из родственников не сидит в тюрьме. С того момента именно это стало моей правдой.

Эта правда была куда приятнее действительности: папа в конце концов нашел постоянного клиента, который украл его деньги, разрушил бизнес и — как считал папа — убил мою мать, доведя ее до сердечного приступа. Они долго спорили в квартире у того мужика, куда, как доказало обвинение, отец вломился, хотя он настаивал, что поступил так исключительно, чтобы найти доказательства мошенничества. Завязалась борьба, в результате которой тот парень получил удар кухонным ножом в живот. Папа утверждал, что это

произошло случайно. Но присяжные ему не поверили, в итоге его признали виновным в преднамеренном убийстве и приговорили к двадцати пяти годам в тюрьме. Вот что бывает, если убиваешь кого-то, совершив взлом. Расстроился ли отец? Только я одна знала, что он вернулся вечером домой и как ни в чем не бывало поужинал, поглощая пищу с незаурядным аппетитом. А еще только я одна знаю, что он попросил меня солгать и обеспечить ему алиби. Я вежливо отказалась.

Так что я сказала своей соседке по Корнеллу, что *потеряла* обоих родителей, а потом то же самое повторила Виктории и Хизер в Пенсильванском, Заку и наконец Сэму. Но он «потерялся» всего лишь на севере штата в исправительном учреждении под названием Эльмира. Перед поступлением на юрфак я на законных основаниях взяла себе девичью фамилию матери, решив, что юридические фирмы могут отнестись предвзято. Так и было, я была права. Как и прокуратура. Я прошла проверку после нескольких раундов пугающих вопросов. Но я ошибалась в своей способности вытеснить правду.

Правда всегда была при мне.

Ожидая лифта, я снова, к своему раздражению, увидела Глорию, которая у глянцевого стойки администратора в дальнем конце помещения говорила с какой-то женщиной. Скорее даже не говорила, а выговаривала. Я без конца жала на кнопку вызова лифта.

— А вот и она! — крикнула Глория в мою сторону, когда я собиралась войти в лифт. *Черт.* — Привет, Лиззи, к тебе тут Мод.

Когда я повернулась, в мою сторону уже шла подруга Аманды. Она явно была огорчена, и мне совершенно не хотелось с ней общаться. Судя по виноватому выражению ее лица, мне не удалось скрыть неприязни.

— Простите, что вот так вот заявила, еще и в субботу. Но я оставила вам пару сообщений. Ко мне приходили из прокуратуры... и мне нужно кое-что вам рассказать. Я не думаю, что это может подождать.

Классно.

— Конечно. Без проблем, — соврала я.

— Не могли бы вы вернуться на минутку, чтобы мы могли поговорить?

Мы направились обратно в мой кабинет.

— Знаете, я до сегодняшнего дня даже не смотрела на вашу карточку. Я даже не знала, что вы здесь работаете... — Мод махнула поверх плеча в сторону Глории. Я не представляла, откуда они могут быть знакомы, и, честно говоря, не хотела знать. Мне хотелось как можно быстрее выдворить Мод. — Я даже не была уверена, что офис открыт, но попытка не пытка.

— Да, учитывая наш ненормированный рабочий день, нас несложно отыскать, — сказала я. Подразумевалось, что это прозвучит беспечно, но вышло скорее едко.

Я включила свет в кабинете и поставила сумку. Мод слегка шатнуло, когда она села.

— Ой, с вами все в порядке?

— Да. Наверное, сахар, — слабо предположила она. — Я диабетик. Все будет нормально, но нет ли у вас какого-нибудь сока?

— Конечно, — сказала я и метнулась к ближайшему автомату с закусками. Вернувшись, я протянула Мод небольшую бутылочку апельсинового сока. К счастью, ее лицо снова обрело краски. Меньше всего я хотела, чтобы она хлопнулась в обморок прямо у меня в кабинете.

— Спасибо, — сказала Мод и сделала жадный глоток.

— Мне кого-то вызвать?

В идеале кого-то, кто заберет вас домой, чтобы не надо было продолжать беседу. Я уже решила, что не стану упоминать о галлюцинациях Аманды, пока не пойму, что вообще с этим делать. Но меня так и тянуло спросить Мод, раз уж она тут. Может, она что-то заметила.

— Нет, все в порядке, — ответила она.

— Вы сказали, что к вам приходили из прокуратуры, — осторожно начала я. — А вы не запомнили имя?

— Все та же Вэнди Уоллес, — сказала Мод. — Она такая... грозная.

Не самые плохие новости для Зака. Раз Вэнди решилась лично нанести визит, значит, она хоть немного, но обеспокоена своим делом.

— А что именно она сказала?

— Ну, я рассказала, что мы с Заком были вместе... — промямлила Мод, и теперь сразу становилось понятно, что она врет. — А она

заявила, что если я скажу это под присягой, то она лично позаботится, чтобы меня на год упекли за решетку.

— То есть она имеет в виду, что вы лжете. — Я постаралась выразиться дипломатично.

— Видимо, да, — сказала Мод, хотя ее это не особенно утешило. — Но она еще упомянула о нашей вечеринке, мол, мы с Себом становимся соучастниками убийства. Она сказала, что родные Аманды засудят нас за причинение смерти по неосторожности.

— Ну, для начала вы не можете считаться соучастниками преступления, поскольку вечеринка имела место *до того*, как она погибла. У Аманды нет родных, так что гражданский иск маловероятен. Вэнди Уоллес блефует. А что касается лжесвидетельства, то вы еще и присягу-то не давали, — сказала я, хотя и не сомневалась, что с радостью бы уцепилась за алиби от Мод, если бы не могла иначе освободиться от дела, хотя у меня и имелись неподтвержденные сомнения относительно правдивости ее слов. Вот в кого я превратилась благодаря Заку: согласна подстрекать свидетельницу к даче ложных показаний, даже не удостоверившись наверняка, что занимаюсь именно этим. — Так что пока вам не о чем беспокоиться.

— Хорошо, — сказала Мод, но без особого облегчения. Когда она сжала губы, ее рот дрогнул. — Если честно, я тут из-за Себа.

Себа? Если Аманда и впрямь отправилась с кем-то наверх, как предположила Вэнди Уоллес на слушаниях, мог ли это быть Себ? Он очень привлекателен, и они с Мод предположительно практикуют секс с другими партнерами. Это их вечеринка. Я подалась вперед и схватилась за край стола.

— Что вы имеете в виду?

На какое-то мгновение мне показалось, что Мод сейчас зарыдает, но она скривилась и закрыла глаза. Черт побери. Неужели Себ прикончил Аманду? Такое возможно?

— Себ убедил меня, что нужно прийти и рассказать вам правду, — наконец произнесла она. Я схватилась за стол покрепче. — Я не была с Заком в тот вечер.

— Ох. — Это было все, на что я способна. Мод только что лишила меня единственного, что у меня имелось в весьма небогатом арсенале защиты — алиби Зака.

— Простите, — она говорила с неподдельной горечью. — Я пыталась... пыталась помочь. Знаю, это звучит смешно. Но я чувствовала свою ответственность из-за вечеринки и всего остального. Если честно, у меня серьезные проблемы с дочерью, так что я не в состоянии четко мыслить. Но Зак не убивал Аманду. Я уверена. Когда вы ко мне пришли, я подумала о бедняжке Кейзе. Аманда его обожала. Что с ним будет, если Зак окажется в тюрьме? Особенно если учесть, что у него нет родных?

— Я не знаю, — сказала я.

— Такой милый мальчик. — Мод прижала к губам дрожащий палец, покачала головой, ее глаза наполнились слезами. Наконец она сглотнула и попыталась собраться. — Мне жаль, что я усложнила вам задачу. Я никогда не прощу себя, если наврежу Кейзу.

— Слушайте. — Мне стало ее жалко. Я не сомневалась, что она искренне беспокоится о Кейзе, и на ее фоне я выглядела плохим человеком, которого ребенок особо не заботит. Моя злость на Зака стерла существование Кейза. — Не переживайте. Ваше алиби нигде официально не запротоколировано. Так что его вполне можно отозвать без ущерба для дел. Я рада, что вы мне сказали. Иначе это бы все усложнило.

Она кивала, потупившись, а потом наконец встала.

— Прошу вас... насчет Кейза... если Зак... если ему потребуется какая помощь... Мы поможем. Мы сделаем для Кейза все, что в наших силах.

— Я дам вам знать, — заверила я.

— Спасибо, — сказала Мод. На миг мне показалось, что она собирается сказать что-то еще, но она лишь неуверенно улыбнулась и направилась к двери.

Я забрала домой все по делу Зака — папку, полученную от государственного защитника, материалы защиты, предварительное ходатайство, то, что мне удалось накопать на Ксавье Линча, дневники Аманды, бумаги, касающиеся того давнишнего ордера, и документы, которые передала Милли. Я была полна решимости отыскать иголку в этом стогу. Иголку, которой я смогу заколоть самого Зака или же продырявить обвинения Вэнди Уоллес против него. Меня устроит любой исход. Нужна лишь ниточка.

Я добралась до дома в одиннадцатом часу. В квартире было пусто, и я постаралась не думать, куда мог деться Сэм, и просто порадоваться, что его нет. Можно сколько угодно копаться в себе, но мне по силам иметь дело лишь с одной проблемой за раз, а сейчас самая насущная моя проблема — как вырваться из лап Зака.

Я разложила все бумаги по делу Зака на полу в гостиной в надежде, что передо мной сама собой всплывет какая-то новая версия. Но разрозненные куски так и лежали там. Да, придется работать с дополнительными уликами, как только обвинение предаст огласке собственные наработки. Но я больше не могла угождать Заку.

Я взяла дневник Аманды и снова его пролистала, пытаюсь понять, как теперь читать его между строк, понимая, что ее отец и Кэролин мертвы. Описания звонков и молчания в трубке, те эпизоды, когда Аманде казалось, что ее кто-то преследует, были даны во всех подробностях. Они подходили под один шаблон. Звонили почти всегда днем, а слежка чудилась ей по вечерам. Неделя за неделей. Часто по средам и четвергам. Но какими бы подробными ни были описания, это могло быть отчасти ее галлюцинациями, хотя и странно, что плод воображения совпадал с такой вполне реалистичной моделью.

Затем мой взгляд упал на карточку из цветочного магазина. Да, был же еще букет от анонима. Это не может быть фрагментом ее больных фантазий. Кто-то послал цветы. Необязательно тот, кто ее преследовал. Аманда была красивой женщиной, у нее могло быть сколько угодно «тайных воздыхателей», но цветы откуда-то взялись.

Мог ли Зак разыгрывать эти преследования ради прикрытия? Не было ли это инсценировкой, чтобы потом убить ее и выйти сухим из воды? Я придумала страховку, когда отправилась побеседовать с Ксавье Линчем, но ведь смерть Аманды и правда должна была повлечь за собой крупные выплаты, и об этом стоило поразмыслить, особенно учитывая, как сильно Зак нуждался в деньгах для спасения своей компании. Я пожалела, что не показала фотографию Зака Мэтью из цветочного магазина. Он сказал, что у покупателя было круглое лицо. Мне кажется, у Зака оно как раз круглое. Даже одутловатое на самом деле.

Как предположила Милли, Зак мог кому-то заплатить за убийство Аманды, и отпечаток на лестнице принадлежит киллеру. При мысли,

что Зак нанял кого-то столь некомпетентного, в груди вспыхнула крошечная искорка удовлетворения.

Я взяла конверт с материалами по тому ордеру, когда Зака задержали за подозрительное поведение, вытащила бумаги и на этот раз вчиталась. Теперь мне было несложно вообразить Зака, который препирается с копами много лет назад. *Шестнадцатого апреля две тысячи седьмого года*, как значилось в бумагах. Стоп. Дата прозвучала в голове звоночком. И тут до меня дошло. В тот день мы с Сэмом познакомились. Да ладно, Зак, ты серьезно?

Я набрала в гугл-картах название улицы, где ошивался Зак. Как и ожидалось, синяя точка загорелась на углу улицы позади Риттенхауса, вычурного здания, где устроили вечеринку студенты-медики. Зака арестовали, поскольку он отказался покинуть то место, где ждал меня, следил за мной? Интересно, прятался ли Зак в тени в тот момент, когда мы с Сэмом впервые поцеловались? А что было бы, если бы полиция не выдворила Зака?

Я поежилась, складывая в конверт бумаги, и взяла папку с результатами работы Милли, выудив результаты по отпечаткам и увеличенные фотографии того окровавленного следа, который Милли сфотографировала вечером, когда я ее вызвала в дом Грейсонов. На фотографии он выглядел совершенно безобидно, просто коричнево-красный завиток, едва заметный на темном металле. Но были и другие, куда более наглядные фотографии, которые Милли сделала, отойдя на пару шагов назад, снимки пропитанных кровью ступеней и стен, которые рассказывали гораздо более душераздирающую историю.

Столько жестокости в обычно пустой комнате. Столько крови повсюду. Сила, с которой был нанесен удар. Ярость.

Зак. Не исключено.

Рядом со снимками с места преступления и анализом отпечатков пальцев лежал свод поисковых допросов, старые распечатки информации о Заке с сайта корпорации ЗАГ, данные о фонде, карты района, но, насколько я могла судить, никакой информации о новой компании Зака. Еще были заметки, сделанные рукой Милли. Похоже, она переговорила минимум с одним из патрульных. В верхней части листа было нацарапано большими буквами «НЕ ДЛЯ ПРОТОКОЛА», очевидно, чтобы повеселить его. Это был список свидетелей, с кем они

успели пообщаться, с указанием даты. «Гости 02.07», а ниже список приглашенных.

Я пролистала остальные документы в папке, и взгляд зацепился за предварительное заключение судмедэксперта (травма от удара тупым предметом), который Милли и Винни определенно раздобыли не совсем законными методами. Там значилось предполагаемое время смерти: между 22.00 и 23.00 в четверг второго июля? Второго июля был четверг? Я-то думала, что вечеринка была в субботу или в воскресенье. Но в пятницу третьего июля объявили выходной, поскольку День независимости выпал на субботу, так что можно было уйти в отрыв в четверг. С учетом выходных предъявление обвинения Заку вполне могли отложить до понедельника.

Итак, вечеринка была в четверг. В позапрошлый четверг.

В ту самую ужасную ночь, когда у Сэма был провал в памяти.

Я заставила себя сосредоточиться, быстро пролистывая оставшиеся документы, задержавшись на описи личных вещей, которые также сделал судмедэксперт. Это был список одежды, обуви и аксессуаров, которые были на Аманде в день смерти, вместе с фотографией каждой из вещей: «Пара черных сандалий “Ив-Сен Лоран”, белые джинсы, белый топик, серебряные часы “Картье”, одна серебряная сережка». Я начала было читать следующий документ, анализ отпечатков, и тут кровь застучала в ушах. Погодите-ка... Я резко вернулась на предыдущую страницу. *Одна серебряная сережка*. Руки затряслись с ужасающей силой, мне стало сложно различать, что изображено на снимке.

Но это была она — тонкая длинная сверкающая сережка из серебра. Я уже видела такую. Ну конечно. Ее близняшку, свернувшуюся змейкой на моей ладони.

Я вспомнила Сэма, которого нашла в пятницу посреди гостиной. Он был весь в крови: руки, рубашка. Я тогда перепугалась, что муж серьезно ранен. Раз он покрыт кровью.

Я вскочила, но успела сделать всего один шаг, как меня вывернуло наизнанку прямо на деревянный пол.

Свидетельские показания перед большим жюри

Джессика Ким вызвана в качестве свидетеля восьмого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Миссис Ким, спасибо, что согласились дать свидетельские показания.

О: Да. Пожалуйста.

В: Вы, кажется, нервничаете.

О: Ну да. Меня эта ситуация очень нервирует.

В: Вам не о чем беспокоиться. Ваше поведение никто не собирается расследовать.

О: Я не из-за этого нервничаю. Я не сделала ничего противозаконного. Но я слышала, что вы тут творите. Мои друзья уже давали показания. Мы же все друг друга знаем, а вы пытаетесь нас смутить.

В: Наверное, стоит продолжить.

О: Ага. Давайте.

В: Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, второго июля этого года?

О: Да.

В: А как вы там оказались?

О: Как и все. Получила приглашение. Обычно так попадают на вечеринку.

В: Откуда вы знаете Мод и Себа Лагё?

О: Мои дети учатся в Грейс-Холл. Но с Мод мы познакомились, когда покупали у нее произведения искусства.

В: Кто это «мы»?

О: Я и мой муж Дэвид.

В: Дэвид тоже присутствовал на той вечеринке?

О: Ну да. Можно, я сэкономлю время, и мы не будем тянуть кота за хвост, а перейдем к тому, на что вы явно намекаете. Да, я трахалась кое

с кем в тот вечер, и это был не мой муж. Да, мой муж в курсе случившегося. Нет, я не думаю, что он с кем-то трахнулся. Хотя вполне мог бы, если бы ему кто-то приглянулся. Честно говоря, мы уже шесть лет ходим на эту вечеринку и не спрашиваем друг друга о деталях. Нам так нравится. Зато мы не ходим в туалет друг при друге. Каждому свое. Думаю, каждая пара сама устанавливает границы дозволенного.

В: Вы видели Аманду Грейсон, когда поднимались наверх в тот вечер?

О: (неразборчиво)

В: Простите, я не слышу, что вы говорите.

О: Я видела на лестнице женщину.

В: Эту женщину?

(Обвинитель подходит к свидетельнице и протягивает ей фотографию № 6.)

О: Да.

В: Для протокола: свидетельница опознала в Аманде Грейсон ту женщину, которую видела на лестнице. В котором часу это было?

О: Я точно не помню.

В: А примерно?

О: Давайте посмотрим... Думаю, около половины десятого.

В: На этой вечеринке кто-то поднимался наверх ради чего-то другого, кроме секса?

О: Сомневаюсь.

В: Почему нет?

О: Ну, это сбивало бы с толку. Те, кто не был заинтересован, держались подальше от лестницы, чтобы всем все было ясно.

В: То есть Аманда на вечеринке поднялась наверх?

О: Поднималась, да. Но я не знаю, поднялась в итоге или нет. Я понятия не имею, что с ней случилось после того, как я встретила ее на лестнице.

В: Очень даже имеете, миссис Ким. Вы отлично знаете, что с ней случилось. Она погибла.

Аманда

Вечеринка

У Аманды было прекрасное настроение, когда она наряжалась на вечеринку Мод и Себа. Лучше, чем когда-либо за последние дни. Да, всего пару часов назад ей снова два раза позвонили и бросили трубку, ее кто-то преследовал в парке, не говоря уж о поведении Кэролин, но она собиралась рассказать обо всем Заку. По крайней мере частично. Наверное, начнет она не с папы. Но это нормально. Разговор с Заком, перемены в жизни — это целый процесс.

Кроме того, она и так ведь уже кое-что сказала, правда? Она ведь потребовала, чтобы Зак пошел с ней на вечеринку. И он пойдет. Аманда с удовольствием натянула белые джинсы-капри, топик без бретелек с рюшами, сунула ноги в черные сандалии и собрала волосы в высокий конский хвост. Ах да, еще длинные серебряные серьги, мило, но не кричаще. Наконец-то она научилась подбирать правильные наряды.

Разумеется, они все еще молчали, пока спускались по ступенькам их дома, и удовлетворение от того, что Зак в принципе согласился, вытеснила реальность происходящего. Они с мужем незнакомцы, которым неловко в обществе друг друга. Вот их реальность. Это не было новостью, но сейчас раздражало сильнее обычного.

Пока Аманда и Зак шагали по Монтгомери-Плейс, усаженной деревьями, мимо прилизанных особняков, она думала, что им положено как минимум болтать обо всякой ерунде. Но все, что приходило на ум, казалось неправильным. Когда ты в браке одиннадцать лет, нелепо заводить разговор о погоде, о том, что влажность усилилась. Поэтому они шли молча.

Сейчас от этой тишины Аманде хотелось кричать. Она бросила взгляд на Зака, который едва заметно улыбался, когда они свернули направо на более оживленный двухполосный Проспект-Парк-Уэст. Он был почти красив в белой льняной рубашке и искусно состаренных дизайнерских джинсах. Странно довольный для человека, который

ненавидит вечеринки и людей в принципе. Аманда отвернулась и посмотрела на другую сторону улицы, где какой-то парень в гордом одиночестве бежал по велосипедной дорожке, а миниатюрная старушка выгуливала гигантскую белую псину. С их стороны улица была пустынной и темной, если не считать квадратов света, которые отбрасывали входы в здания, развернутые к парку.

И тут Зак начал свистеть. С чего вдруг? Все, что делал муж, казалось Аманде бессмысленным. Но это было даже хуже, чем молчание. Вгоняло в тоску. У этого разговора не будет счастливого конца, да? Зак не превратится по мановению волшебной палочки в такого мужа, каким она хотела его видеть, внимательного и любящего. Люди не меняются просто потому, что ты так хочешь. Но как минимум Аманде нужно поговорить о ребенке. Если уж не себя защитить, то хоть сына. Если Зак рассердится, то так тому и быть. Аманда не была уверена, что ее это вообще теперь заботит.

— Да, у меня был чудесный день. Большое спасибо, что спросила, — язвительно сказал Зак, когда они миновали перекресток Проспект-Парк-Уэст и Гарфилд. — Наконец на работе все налаживается. И еще как.

— Это хорошо... А чем вообще занимается твоя новая компания? — спросила Аманда. Она планировала начать не с этого, но, может, это и не плохое начало. — Я ведь даже не знаю, а должна знать. Я же твоя жена.

— Ты хочешь знать о моем бизнесе? — спросил Зак. Похоже, его это позабавило. — Что тебе выложить? План капиталообразования или стратегию развития?

— Я просто хотела узнать, чем ты занимаешься целыми днями.

— Подробности тебе смертельно наскучат, поверь, но если у меня все получится, то мы станем еще богаче. Как обычно с такими проектами, главное — это инженерия. Люди, особенно всякие там члены правлений, даже не понимают, насколько важны технические детали. Но благодаря моей креативности в итоге все получилось. Идет бета-тестирование. Это ключевой момент.

— Ничуть не скучно. Мне бы хотелось, чтобы ты делился со мной проблемами, — сказала Аманда. — Может быть, я бы тебе помогла.

— Вот уж не знал, что ты у нас программный инженер. — Зак засмеялся. — В следующий раз обращусь к тебе.

Аманда сжала кулаки.

— Я твоя жена.

— И что? Какое это имеет отношение хоть к чему-то?

Она остановилась.

— А то, что это должно иметь отношение ко всему.

— Ты знаешь, в чем твоя проблема, Аманда? — Зак остановился в нескольких шагах впереди нее. — Ты всегда преувеличиваешь значение связей между людьми. Я не говорю, что связи не важны. В этом заключалась философия компании ЗАГ: связь людей и вещей, которые они купили, их связь с жизнью, которой они для себя хотели. Концепция на миллиард долларов. Но связи между людьми? Лично я считаю, что от них лишь проблемы. Вот в чем суть моей новой компании.

Он казался таким самодовольным, когда повернулся к ней спиной и зашагал прочь.

Аманда не двигалась. Ее глаза горели, когда она испепеляла взглядом спину мужа. *Прощение — побочный продукт любви.* Себ не ошибался. Вот только правда в том, что она не прощала мужу его недостатков. А все потому, что их связь не имела ничего общего с любовью. Но в результате их союза появился кое-кто, кого Аманда любила больше всего на свете, — Кейз. Аманда подвела его, когда позволила Заку перевезти их в Центр-Слоуп ради какого-то бизнеса, о котором она даже ничего толком не знала. Но теперь она будет делать то, что должна — защищать своего сына.

— Подожди! — крикнула Аманда и ринулась догонять Зака. — Нам нужно поговорить о Кейзе. Переезд слишком тяжело ему дался. Думаю, он еле дотянул до конца года в Грейс-Холл. Это на него не похоже.

— Дотянул? С каких это пор он «тянет»? — Зак фыркнул. — За ту круглую сумму, что мы отстегиваем школе, я, разумеется, надеюсь, что меня хотя бы поставят в известность, если им кажется, что у него какие-то проблемы.

— А разве тебя не известили?

— Меня? С чего бы вдруг?

— Ну, у них же есть твой адрес электронной почты.

— Уверен, что нет, — буркнул он. — Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Можно, конечно, давать ключ от входной двери каждому

встречному и поперечному. Кстати, я думал, ты собиралась починить сигнализацию, а чертова дверь в шкафу в моем кабинете все так же заедает.

Понятно. Вот кем Аманда была для Зака. Еще одной подчиненной.

— К нам придут чинить дверь и сигнализацию на следующей неделе, — процедила она.

Она просто выполняла свою работу, а Зак мог уволить ее в любую минуту. Он даже мог отобрать у нее Кейза, если решит с ней расстаться, ну, или если у нее хватит духу уйти от него. Черт возьми, да она даже школу не закончила. Какой глупой она была. Она не могла рассказать Заку об отце. Что, если он попробует впоследствии использовать это против нее? Как бывает в битве за опеку. Это будет настоящий кошмар. Аманда и так уже подписала драконовский (как шепнул ей адвокат) брачный контракт. А Зак сильнее всего верил в месть. Нет, ни за что на свете нельзя рассказывать ему об отце.

— Напомни, к кому мы идем? — спросил Зак на подходе к перекрестку с Первой улицей, когда они миновали компанию хихикающих подростков.

Он любил быть во всеоружии. Мог притвориться очаровашкой, но только если был в чем-то заинтересован в ограниченный период времени. Поскольку Зак лишь вел себя как нормальный человек, это требовало от него усилий. Может, это единственное, что объединяло их с Амандой — притворство.

— Это вечеринка Мод. У нее своя галерея. А ее муж Себ — врач, — сказала Аманда, стараясь не обращать внимания на жжение в груди. — Их дочка учится в Грейс-Холл, но она старше, чем Кейз. В последнее время у нее неприятности.

Аманда даже сама не знала, зачем это добавила, но, к ее удивлению, Зак замедлил шаг и с любопытством взглянул на нее.

— Какие неприятности? — спросил он.

Аманде не нравилась мысль, что она выдаст тайну Мод, если расскажет Заку о Софии. Но Зак так редко проявлял интерес хоть к чему-то, и он будет вгрызаться, пока не выступит кровь. Уж лучше ответить хоть что-то. По крайней мере, сплетня дальше никуда не уйдет, ведь у Зака нет друзей.

— Ее дочь сделала кое-что, о чем сожалеет.

— И что же? — не унимался Зак, сосредоточив на ней внимание, словно луч лазера.

— Речь о каких-то компрометирующих фото, как мне кажется, — сказала Аманда. — Обычное дело у подростков.

— Ох. — Зак чуть вздернул подбородок и устало выдохнул, а потом снова направился к Первой улице. — Мир полон дураков.

Еще от угла Первой и Проспект-Парк-Уэст Аманда слышала легкомысленный смех и музыку, доносившиеся с заднего двора Мод и Себа и заполнявшие теплое ночное небо. Она на мгновение прикрыла глаза и втянула в себя приглушенные звуки чужой радости.

— Люди всегда беспокоятся не о том, их волнуют банковские счета и кредитки, — продолжил Зак, словно бы Аманда о чем-то его спросила. — Никто не думает о том, что делает нас по-настоящему уязвимыми. Вот почему я так трепетно отношусь к информации о нас. Вот почему я преуспел в бизнесе. Я всегда знаю, что людям потребуется, раньше, чем они сами поймут.

Какой же придурок ее муж. Придурок, да и только.

Тут внезапно из дома Мод вышла, спотыкаясь и истерично смеясь, какая-то парочка. Они были чуть старше Зака и намного старше Аманды, может быть, лет пятидесяти с хвостиком. Но оба привлекательны, в хорошей спортивной форме и явно под мухой. Женщина зажимала рукой рот, мужчина покраснелся, они так неистово хохотали, что задыхались. У них на шее болтались цветочные гирлянды, а мужчина держал под мышкой большой пляжный мяч.

— Ну, хва-а-а-атит, — сказала женщина мужу, хихикая.

— Давай уже, — приструнил ее муж, — возьми себя в руки, а то мы никогда не выберемся с этим мячом.

Они бросили взгляд на Аманду и Зака, прежде чем притвориться, что трезвы, как стеклышко, и неровной походкой поковыляли в сторону Седьмой авеню. Только при виде этой пары Аманда вспомнила, что на вечеринке предполагаются «походы наверх». Что, если Заку нечаянно проболтается об этом кто-то из гостей? Если уж речь пойдет о «рискованных связях». Зак ведь может прямо в лицо брякнуть, что считает собравшихся идиотами. Просто он не сомневается, что его мнение — это факты, и никогда не сомневается, стоит ли доносить его до окружающих. Он уверен, что правда не может обидеть.

— Ты должен кое-что знать до того, как мы войдем, — сказала Аманда, когда Зак с явным блеском в глазах направился к лестнице. — Они там... поднимаются наверх.

Он поднял голову и посмотрел на четырехэтажный особняк.

— Понятное дело.

— Нет, я имела в виду... они меняются партнерами. Наверху, — выпалила она. — Не все. Даже не большая часть приглашенных, как мне кажется. Но только если ты хочешь. Ну, то есть если кто-то хочет. Не ты. Я не это имела в виду. — Она покраснела. — Я просто говорю, чтобы ты знал. Это все не всерьез.

— Не всерьез? — Зак рассмеялся. С минуту он громко хохотал, согнувшись пополам. — Это просто уморительно! — Зак вздохнул, пробуя сдержать смех, и еще немного поразглядывал дом. — Люди полны... глупости. Следи, чтобы не проболтаться никому про новую компанию. Я не хочу, чтобы слухи просочились раньше, чем надо, и испортили официальное объявление. — Он ткнул пальцем Аманде в лицо. — Ты хочешь, чтобы я тебе доверял, и я доверяю. Не подведи, мать твою.

С этими словами он поднялся на крыльцо, а Аманда осталась стоять на тротуаре и размышлять обо всем, что муж мог бы сказать жене, когда перед ним открылась перспектива попасть на свингерскую вечеринку. Он мог бы сказать что-то типа: *Нужно поговорить об этом. Какие у нас правила? Мы ведь не будем таким заниматься? Или какие у нас на этот счет мысли?*

Они могли бы вместе похихикать. Вместе поизумляться. Они могли быть парой, которая обсуждает все, даже непонятное. Но это не случай Зака и Аманды. Потому что нет никаких «мы». Они никогда не были настоящей парой. И никогда уже не будут.

Свидетельские показания перед большим жюри

Стив Арбуцци вызван в качестве свидетеля восьмого июля, подвергся допросу и дал следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Мистер Арбуцци, спасибо, что согласились дать свидетельские показания.

О: Не за что. Рад помочь. Но все ведь строго конфиденциально?

В: Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, второго июля этого года?

О: Да.

В: Вы проводили время на вечеринке с Джессикой Ким?

О: Да.

В: Вы женаты, мистер Арбуцци?

О: Да.

В: На Джессике Ким?

О: Нет.

В: Ваша жена в курсе, что вы с миссис Ким были вместе в тот вечер?

О: Да.

В: А чем конкретно вы занимались с миссис Ким?

О: Вам нужны детали?

В: Это была сексуальная активность?

О: Да.

В: У вас был половой акт?

О: Да.

В: Громче, мистер Арбуцци. Мы вас не слышим.

О: Да, был.

В: У вас есть дети, мистер Арбуцци?

О: Какое это имеет отношение? Вы пытаетесь выставить меня плохим человеком?

В: Прошу, отвечайте на вопрос.

О: Да, у меня есть дети. Разумеется, они не присутствовали на вечеринке. Им ничего об этом не известно. Поверьте. Мы храним все в тайне. Ну, кроме таких вот случаев, как сейчас. Обычно никто после вечеринки не обсуждает, что там было.

В: Ваши дети учатся в Грейс-Холл?

О: Да.

В: Там вы познакомились с Мод Лагё?

О: Я знаком с Сарой и Керри. Моя жена познакомилась с Сарой в родительском комитете. Мы с Керри дружим. Иногда мы с Себом и Керри ходим на концерты. Обожаю группы, которые играют инди-рок. Но Керри в тот вечер не было. Он мне написал сообщение, искал Себа.

В: В котором часу вы поднялись вверх, чтобы совершить половой акт с Джессикой Ким?

О: Обязательно так говорить?

В: Как именно?

О: Неважно. Мне кажется, около половины десятого или в десять. Что-то типа того.

В: Вы встретили кого-то по дороге вверх? На лестнице?

О: Да, за нами шла женщина. Но я ее не знал.

В: Я покажу вам одну фотографию, мистер Арбуцци.

(Обвинитель подходит к свидетелю с фотографией № 6.)

В: Эту женщину вы встретили на лестнице?

О: Да.

В: Для протокола: мистер Арбуцци опознал в Аманде Грейсон ту женщину, которую видел поднимающейся по лестнице в вечер убийства.

О: Если все это конфиденциально, зачем вы ведете записи?

В: Это только для протокола, мистер Арбуцци. Не более. Один последний вопрос. Вы сказали, что кто-то искал Себа Лагё. А вы обратили внимание, где был Себ Лагё, пока вы находились наверху?

О: Да.

В: И где же?

О: В одной из комнат с миссис Грейсон.

Лиззи

11 июля, суббота

Я не слышала, как вошел Сэм, но внезапно он возник в дверях спальни. Он посмотрел на свою скомканную одежду, и его яркие глаза стали печальными, но при этом он не особенно удивился. Я перевернула вверх дном нашу квартиру в поисках улик. Открывала каждый шкаф, каждый ящик, искала подозрительные следы на его футболках, раскидала его носки по всей комнате. Все это время меня колотила дрожь, а в голове клочотала ярость.

Я схватила с кровати сережку. Глаза от слез жгло так, что казалось, будто они вот-вот начнут кровоточить.

— Это вещь Аманды Грейсон. — Я покачала сережкой в воздухе. — Она была на ней в день смерти.

Сэм скрестил руки на груди и прислонился к стене напротив меня. Я приготовилась к заезженным отговоркам, к избитым приемам защиты. Интересно, смогу ли я слушать их и не наброситься на него. Я уже чувствовала, как мои ногти впиваются в его симпатичное лицо.

Он потупился.

Скажи что-нибудь, Сэм. Не молчи, мать твою.

— Ты ее знал! — Это было утверждение, не вопрос. Я не могла больше вынести вопросов.

Сэм поднял голову и посмотрел на меня широко распахнутыми глазами.

— Нет, ее не знал. — В голосе звучала паника. Он тут же опустил взгляд. — Ну то есть мне ничего об этом не известно...

— А почему тогда ты не удивляешься, что у тебя ее сережка?! — Сердце билось с такой силой, что даже голова заболела.

— Я удивляюсь, — выпалил он, — но... как только ты сказала, что по соседству погибла женщина, я прочитал об этом убийстве. Я помню, как сидел на скамейке на пляже около Проспект-Парк-Уэст в тот вечер. Отрывочное воспоминание, как вспышка. Мне кажется, это

могло быть рядом с той маленькой спортивной площадкой неподалеку от Монтгомери-Плейс. Она ведь там жила?

— Что, черт побери, это значит?

— Это значит, что я не знаю.

— Я не понимаю! — Мой голос перешел на визг, и в нем паника чувствовалась даже сильнее, чем в голосе Сэма. Мне казалось, будто из комнаты выкачали весь воздух. — Если ты ее не знал, как ты мог очутиться у нее дома? Откуда у тебя могла взяться ее сережка?

Он не отвечал, просто стоял, застыв на месте, не сводя взгляда с кипы одежды на полу. Потом внезапно начал быстро ходить туда-сюда, словно испуганное животное. *Остановись, Сэм*, мысленно взмолилась я. *Прошу тебя*. Но я была слишком испуганна, чтобы произнести хоть слово.

— Я не думаю, что мы были знакомы, — наконец произнес он, продолжая мерить шагами комнату. — Но мне кажется, я видел ее в «Блю Боттл».

— Что еще за «Блю Боттл»?

— Это кафе.

— Явно не у нас в районе. — Желчь снова подступала к горлу.

— В Центр-Слоуп. Недалеко от ее дома. Я видел ее фотографию и подумал, что, возможно, пару раз видел ее саму в «Блю Боттл». Она читала там, когда я работал.

— С каких это пор ты работаешь в кафе в Центр-Слоуп? — рявкнула я. — Ты же ненавидишь этот пафосный район!

— Мне нужно было сменить картинку, — оправдывался он. — А тебе не сказал потому, что чувствовал себя виноватым, что трачу деньги на модные кафешки. В любом случае я не знаю, она ли это, но она была потрясающе красивой, похожей на фото убитой девушки.

— Потрясающе красивой? Ты издеваешься, мать твою? — заорала я. — И что? Хочешь сказать, что вы перепихнулись в тот вечер?!

— Вряд ли, — промямлил Сэм. — Я просто пытаюсь рассказать тебе все, что знаю. Так сказать, выложить начистоту.

— Отлично, — прошептала я. — Отлично, твою мать!

Внезапно Сэм перестал расхаживать туда-сюда, подошел к куче вещей и принялся в ней рыться, словно бы искал что-то определенное. *Нет*, только и могла подумать я. *Я не хочу больше ничего знать*.

Он разогнулся, держа одну из своих белых баскетбольных кроссовок, а потом ткнул в длинный коричневый след на боку, примерно в десять сантиметров в длину и три в ширину.

— Я обнаружил это сегодня.

— Что это?

Сэм поставил кроссовку на комод.

— Возможно, это кровь, да?

— Сэм, какого черта ты... — У меня сорвался голос, я даже поморщилась.

— Я не знаю, Лиззи.

— Ты же тогда ударился головой. Это наверняка твоя кровь, — сказала я, хотя мне уже было плохо от всей этой крови.

Сэм покачал головой:

— Я оставил кроссовки в коридоре. Наверное, чтобы прокрасться потихоньку. Я видел их, когда мы вернулись домой из больницы. А туда я ездил в вансах^[14].

Я встала. Комната закружилась вокруг меня.

— Ну, тебя же кто-то должен был видеть в тот вечер. В то время, когда ее убили. — Я попятилась и оперлась о подоконник, чтобы не рухнуть. — Бармен после баскетбольного...

— Я уже спрашивал, — перебил меня Сэм. Теперь на его лицо густо падала тень, оно было красивым, но грозным. — Он меня не помнит.

— Ну а чеки из бара, — не унималась я, иступленно ища соломинку, что-то, что спасет нас. — Время смерти примерно между десятью и одиннадцатью. Баскетбол у вас раньше десяти не кончается, правильно? Даже если ты просидел там до начала двенадцатого, ты вряд ли успел бы так надраться. На это нужно больше времени.

Сэм снова покачал головой:

— Мы в тот вечер вообще в итоге не играли в баскетбол. Не набралось достаточное количество народу, начало лета, и все дела. Так что были в баре «У Фредди» к семи. Кто-то предложил выпить. Не я, клянусь. Но я выпил несколько шотов подряд. Это я еще помню.

— Ради всего святого, Сэм! — заорала я так громко, что у меня заболело горло. — Сколько, черт побери, ты мне недоговариваешь?

Сэм даже не взглянул на меня. Мы оба знали, что это значило. При такой скорости он мог сильно нажраться к обозначенному времени.

— Больше ничего, Лиззи. Это все...

— Подумай, Сэм! — завопила я в ужасе и ярости.

— Да я только и делаю, что думаю! — крикнул он в ответ. — Прости, Лиззи. Мне бы хотелось заверить тебя, что я не мог быть с ней в ту ночь, а уж тем более причинить ей вред. Что я вообще не мог бы причинить вред кому-то. Да еще так... — Он осекся, а когда снова наконец заговорил, то в голосе явственно слышалась печаль: — Но я не могу больше врать, Лиззи. Я столько раз уже страдал провалами в памяти, что сбился со счета. Я садился бухой за руль, сказал боссу — парню, который мне нравился, — чтоб он шел на три буквы. А я ничего этого не помню. У всех есть темные стороны личности, которые надежно спрятаны. Когда ты так сильно напиваешься, то хватка ослабевает, и темное «я» вылезает на свет божий. А что, если это темное «я» способно на убийство? Я уверен, что нет, но я не могу утверждать, ведь мы с ней никогда не встречались!

Все способны на любые поступки. Я ведь это знала, правда? Сколько раз я представляла, как мой родной отец втыкает нож в живот человеку, а потом приходит домой как ни в чем не бывало и ест спагетти? Моя кожа горела. Мне так хотелось, чтобы Сэм все отрицал. Я хотела, чтобы все распутывалось, а не отправлялось в свободное падение.

Отпечатки пальцев, перепачканных кровью Аманды. Что, если они принадлежат Сэму? Я представила лестницу в ее доме, всю в крови. О той силе, с которой Аманду ударили по голове клюшкой для гольфа. Я прижалась к окну еще сильнее, ощущая под пальцами холодное стекло. Интересно, если надавить еще немного, я вывалюсь или нет?

Зазвонил телефон. Я рванула к тумбочке, молясь, чтобы звонящий, кто бы это ни был, сказал мне что-то, доказывающее, что мужчина, которого я любила и так часто прощала, не мог быть убийцей. Звонили с мобильного какого-то нью-йоркского оператора. Это мог быть кто угодно. Но кто угодно был лучше, чем этот разговор.

— Алло! — выдохнула я.

— Эт Сара Новак. — Голос звучал нетрезво.

Не просто нетрезвая, а пьяная. Но этот ее книжный клуб с распитием спиртного был вчера. Почему все вокруг постоянно под градусом?

— Уже поздно, извините... Простите, я утратила чувство времени. Муж сказал, вы вчера приходили. Мне стало любопытно...

— Да. — Я тут же ощутила замешательство. Не припомню, чтобы я называла ему свое имя, но, наверное, Сара предупредила, что я могу нагрязнать.

— И зачем вы приходили, позвольте поинтересоваться?

— Я поговорила с бухгалтером фонда, — сказала я, тут же переключаясь на профессиональный тон.

Повисла долгая пауза.

— Ага...

И все. Даже пьяная Сара слишком хорошо соображала, чтобы нечаянно начать признаваться.

— Может быть, я неверно вас поняла, когда мы разговаривали, — продолжила я, выделив слово «неверно». — Я не знала, что вы в итоге встречались с Тедди Бакли, бухгалтером фонда, сами.

— Да. В итоге я с ним встретилась. — Она растягивала слоги, как недовольная маленькая девочка. — А вам не сказала, потому что волновалась, что он может... вернее, я была уверена, что он наговорит про меня кучу гадостей. — Ее развозило все сильнее, судя по голосу. — Но в любом случае ваш клиент еще сильнее кажется виноватым, когда стал банкротом.

— Тедди Бакли упомянул, что вы очень расстроились, что потеряете работу из-за того, что в фонде нет денег.

Она снова сделала вдох.

— Это так. Если это единственное, что он сказал обо мне, то он очень мил, я ведь на него по-настоящему сорвалась. Слушайте, мой муж только что потерял работу. Я беспокоилась, что вы начнете задавать вопросы, почему это я так расстроилась, потеряв эту мизерную зарплату. В итоге всплыло бы, что мой муж безработный. Мне эта мысль невыносима. Это абсурд, я знаю, что мне так стыдно, хотя это даже не меня уволили. Чертов брак... — Теперь она шептала, отчего казалась еще более пьяной. — Мы оба считаем, что мужу стоит пойти работать. Я же пошла. Но что-то он не обивает пороги в поисках работы.

«Потому что он смотрит Уимблдон, — хотела сказать я. — И жрет пиццу».

Она театрально вздохнула.

— Теперь я зарабатываю на корочку хлеба. Ну, или на крошечку. Не то чтоб я на такое добровольно подписывалась, вы же понимаете, о чем я.

Я и правда понимала.

— Вы рассказали Аманде?

— Смеетесь? — воскликнула она. — Я никому не рассказала. Какую часть высказывания «я в ужасе, что мой муж безработный» вы не поняли? Я знаю, плохо, что я врала подругам. Я люблю своих подруг. Но иногда легче оставаться в браке, если притворяешься. Умышленное неведение — так вы, адвокаты, это называете?

Легче притворяться. Тут Сара права.

— Я не про работу мужа. Передали ли вы Аманде то, что сказал бухгалтер об отсутствии денег у фонда?

— Ах, это... Я собиралась сказать, но не на вечеринке у Мод. Это же типа весело, не хотелось ее расстраивать. Да и Зак там был. Вышло бы неприятно. Мод говорила, что в любом случае надо сказать Аманде. Но у Мод мысли путались из-за всей этой ситуации с Софией.

— Вы рассказали Мод о финансовых проблемах фонда?

— Разумеется. Как только увидела ее на вечеринке. Ну, типа фонд лопнет, а все эти миллиарды Зака туфта. Это ж классно! Знаю, это мелочно, но я никогда и не претендовала на идеальность, — сказала она, еще сильнее прожевывая слова. — Но Мод больше заботило расследование, касавшееся электронной почты.

— Расследование?

— Ну да, у родителей некоторых учеников Грейс-Холл хакнули компьютеры, — вздохнула Сара. — И выставили на всеобщее обозрение все их грязное белье. Я сказала Мод, что это кто-то из своих, из родителей, как думают детективы, мне один проболтался. Мы с Мод провели полчаса, повторяя: «Только никому не говори, что я тебе сказала, но...» Мод талдычила то же самое, когда сказала мне про клюшку для гольфа. Сначала брякнула, а потом такая: «Только никому не говори».

— Про клюшку? — переспросила я, вспомнив, как Сара бросила мне эти слова в лицо, как доказательство того, что Зак чудовище. — А я думала, вам сказала полиция...

— Полиция? Я вас умоляю. Они только выпрашивали, кто был на вечеринке, но сами ни черта мне не рассказали, — Сара фыркнула. —

Мне рассказала Мод. Сказала, что ее нашли у подножия лестницы в доме Аманды прямо рядом с телом. Зак с таким же успехом мог оставить автограф на месте преступления.

— А когда Мод вам рассказала?

— На следующее утро после гибели Аманды, — ответила Сара. — Наверное, ей сообщила полиция.

Но Мод ни с кем не говорила до сегодняшнего дня, когда Вэнди Уоллес заявила к ней домой. Определенно, она не могла ничего знать про клюшку для гольфа спустя всего несколько часов после того, как ею забили насмерть Аманду. Трудно соображать, когда у меня так шумит в ушах. Я посмотрела на Сэма, который пялился на меня, не отлипая от стены.

Я сжала телефон крепче. *Мод, а не Сэм. Искорка надежды.*

Аманда

Вечеринка

Целая толпа гостей с большими красными пластиковыми стаканами, в которых плескался розовый пунш, сгрудилась у входа в особняк Мод и Себа. Это напомнило Аманде одну вечеринку в Университете Олбани, куда она ходила со знакомой, которая одно лето подрабатывала в мотеле. Так же много людей, так же шумно, как здесь, но здесь гости выглядели странным образом одновременно и старыми, и молодыми.

Аманде пришлось несколько раз крикнуть «Простите!», чтобы хоть кто-то ее услышал на фоне орущей «Нирваны». Она испытала облегчение, когда ей наконец удалось протолкнуться между чужих тел и найти прибежище в более просторной гостиной, заполненной изысканными картинами, яркими сувенирами, которые Мод и Себ привозили из путешествий, и великим множеством семейных фотографий, более гламурных, чем у Сары и Керри, но не менее искренних. На столике стояли маленькие пакетики со смесью сухофруктов и орешков, картами для игры в «Охоту за мусором»^[15], груды цветочных гирлянд и другие приятные сюрпризы для гостей.

Аманда покрутила головой в поисках Зака, но он уже ускользнул прочь из поля зрения в скопление парочек — высоких и миниатюрных, модных и немодных, красивых и обычных. Одна пара поблизости обменялась едкими репликами, но уже миг спустя они уже, казалось, простили друг друга, улыбались, а вскоре и вовсе смеялись, приблизив лица вплотную, рука на талии, пальцы переплетены, бедра соприкасаются. Неидеальны, но связаны.

Зак ошибался. Связи между людьми — это хорошо. Только они и имеют значение.

Аманда заслуживала такого, разве нет? Настоящей связи. Любви. Зак ее спас, да. Но и она посвящала ему свою жизнь вот уже одиннадцать лет, подарила ему сына. Она выплатила свой долг.

Единственное правильное решение — уйти от Зака. Она уже знала это какое-то время, если уж быть честной. Она не могла даже рассказать ему о папе. Как она может защититься? Как может защитить сына? Их брак не просто не держит ее на плаву, она уверена, что он, наоборот, в итоге утянет ее на дно.

— Простите, — раздался голос за ее спиной.

Она отошла в сторону, освобождая дорогу, чтобы могли войти новые гости, и заметила Мод, которая готовила сангрию на мраморном островке посреди гламурной кухни с открытой планировкой. Она улыбалась и наслаждалась вечеринкой. Ну, или так казалось. Когда Аманда подошла поближе, то заметила, что у Мод дрожат губы.

При виде Аманды лицо Мод немного просветлело, но когда она чмокнула Аманду в щеку, ее кожа была влажной на ощупь.

— Рада тебя видеть, — механически сказала Мод.

— Зак тоже пришел, — сообщила Аманда, которой было стыдно, что, несмотря ни на что, она чувствовала потребность подчеркнуть эту маленькую грустную победу. — Я не знаю, куда он делся, но мы пришли вместе.

— Ох. — Мод рассеянно улыбнулась. — Отлично.

— Да, великое событие! — Аманда хмыкнула, сама удивляясь глубине своей враждебности, которую теперь с трудом сдерживала. — Зак даже удосужился рассказать мне, чем занимается целыми днями.

— И чем же? — спросила Мод. Она сосредоточенно резала крупными ломтиками фрукты, но поскольку выбрала для этого неправильный нож, в итоге получалась неаппетитная каша. Аманда подумала, не стоит ли предложить забрать у Мод нож, пока она не порезалась.

— Говорил что-то про людей, про их связи, про то, что нужно быть впереди всех. Что-то, связанное с логистикой, как я думаю. Неважно. — Аманда внезапно поняла, что Зак не сказал ей ничего конкретного. — А Сара тут?

— Да, рассказала новости о расследовании насчет школьных рассылок. — Мод прижала палец к губам, а ее глаза наполнились слезами. — Прости, — пробормотала она, вытирая лицо. — Я просто говорила с Софией несколько минут назад. Я пытаюсь как-то держаться, но это сложно..

— Ты говорила с ней сегодня вечером? — спросила Аманда, оглядывая хаос вокруг. — Прямо посреди этого?

— Да знаю я... — Мод кивнула с мрачной усталостью. — Но они только тридцать минут назад вернулись из похода, и мы смогли пообщаться по мобильнику.

— Ты... она в порядке?

Мод с каменным лицом кромсала очередной апельсин.

— Нет. Все даже хуже... Те, кто грозился опубликовать ее фотки, если мы не заплатим, стали шантажировать ее напрямую. Сказали, что запостят снимки, если она не будет делать всякие вульгарные штуки на веб-камеру. А когда она согласилась... — Мод с отвращением передернула плечами.

— Бедняжка София, — охнула Аманда.

Мод уставилась вдаль, все еще сжимая нож.

— Она сказала, что оторвалась от группы, когда они разбили лагерь, и пошла к океану. Она хотела идти и идти так вечно, по ее собственным словам. Очнулась на берегу спустя пару часов. Каким-то чудом... — Мод осеклась.

Аманда заключила Мод в объятия. У нее даже не было времени подумать, что нужно делать в такой ситуации. Она уже делала это. Потому что она нормальный человек, мать и подруга.

— С ней все будет хорошо, — прошептала Аманда в густые кудри Мод. Подруга казалась ей сейчас такой хрупкой. — Родители любят ее, несмотря ни на что.

Она разжала руки, а Мод покачала головой:

— Сотрудник лагеря сейчас везет ее домой. Так быстрее, чем если бы мы полетели за ней. Так что моя дочь сейчас где-то далеко, совершенно разбитая. А я устраиваю вечеринку у себя дома для толпы надравшихся парочек, которые занимаются сексом на верхнем этаже. Фантастика!

— Хочешь, я помогу тебе всех выставить? — Аманда направила руку Мод так, чтобы нож оказался на столе. — Можно сказать, что ты заболела или еще что-то.

— Все нормально, — сказала Мод. — Сейчас я все равно не могу ничего поделывать. Пока не найду человека, который стоит за всем этим. Сара сказала, что, по их мнению, это один из родителей. Он даже может быть здесь в эту самую минуту. — Она обвела взглядом

комнату. — Грейс-Холл — маленькая школа. Короче, пусть остаются. А потом я попрошу Себа помочь и выгнать всех на фиг.

Аманда шагнула к Мод и положила руку ей на талию.

— С ней все будет в порядке. Когда я была подростком, то мне пришлось пережить... неважно. Подростки очень быстро восстанавливаются. Вот увидишь.

— Но почему она мне не рассказала... — Мод осеклась. — Я же с самого начала чувствовала, что что-то здесь не то.

— Мы часто упускаем из вида какие-то моменты. Я только что нашла в ящике стола Зака письма от школы, которые пришли несколько недель назад — о проблемах Кейза. А я понятия не имела, что у него какие-то неприятности. Мы в итоге так и не ответили на предложение о встрече с возможными датами.

— Ты нашла письма с датами встреч? — Мод нахмурилась. — От Грейс-Холл?

— Ага, — продолжила Аманда, уже жалея о сказанном. — Они почему-то пришли Заку, хотя он клянется, что у школы нет его почты.

— Тогда как он их получил? — спросила Мод.

— Я не знаю. Но я нашла распечатки в его рабочем столе.

— Распечатки, значит... — Челюсть Мод сжалась.

Аманда знала, что не стоило это упоминать. Глупо сравнивать с тем, что случилось с Софией.

— Мод! — крикнул Себ со ступенек на заднем дворе. Задняя дверь была открыта нараспашку. — Можешь подойти? Нужно твое экспертное мнение.

Мод уставилась в направлении Себа.

— Если мы с Себом переживем этот кошмар, это будет чудо. Он всегда спокойный и рациональный. Настоящий врач. Ему все равно, кто за это в ответе, лишь бы с Софией все было нормально. А я хочу, чтоб он жаждал крови, как и я.

— Мод! — снова крикнул Себ с виноватым выражением лица. — На секундочку! Пожалуйста!

На лице Мод читалось раздражение.

— Я сейчас. Извини.

Она пошла через кухню в сторону задней двери с кувшином сангрии, но на полпути обернулась:

— Я хочу познакомиться с Заком. Хотелось бы поболтать с ним.

Аманда огляделась и увидела, что Зак кружит по набитой битком гостиной. Наблюдает за всеми.

— Вон он. — Она ткнула пальцем. — Я вас попозже представлю.

Хотя Аманда надеялась, что ей не придется это делать. Ей не хотелось, чтобы Зак говорил с Мод, которая и без того расстроена.

— Отлично! — Мод улыбнулась, хотя и натянуто. — Я скоро вернусь.

Мод скрылась в толпе. Мобильный Аманды зазвонил. Она замерла. Не-е-е-ет. Не сейчас. Телефон зазвонил снова. Она морально готовилась, роясь в сумочке. Номер был не определен. Можно было бы сразу перевести звонок на голосовую почту. Но он ведь сразу же перезвонит, да? Аманде надо перестать убегать, раз и навсегда. Ото всего. Ото всех. Она стиснула зубы, снимая трубку.

— Алло?

Молчание.

— Алло?

Вновь молчание.

И тут она проявила характер. Она оказалась куда сильнее, чем сама от себя ожидала. Когда Аманда снова заговорила, то это прозвучало как грозный рык:

— Оставь меня в покое, сукин ты сын!

Лиззи

12 июля, воскресенье

Первым делом с утра я помчалась в дом Мод и Себа в надежде наконец услышать историю целиком. Историю, благодаря которой, как я молила бога, удастся полностью оправдать Сэма. Разумеется, Мод не обязана мне ничего рассказывать, но она уже вплотную к этому приблизилась. Я уверена, что она именно за этим тогда приходила. Она хотела выложить все начистоту. Сейчас у меня появились доказательства, которые помогут убедить Мод, что именно так нужно поступить.

Только по счастливой случайности бутылочка сока, которую Мод выпила у меня в кабинете, никуда не делась и стояла на углу стола, когда я рысью прискакала накануне вечером в «Янг & Крейн». По моей просьбе Милли позвонила в «Гало Диагностику», чтобы сделать еще один последний тест и сравнить отпечатки. Прямо посреди ночи. В выходной. Когда сердитый эксперт наконец вышел из лаборатории, было уже почти три ночи. Этот невысокий человечек подошел ко мне, размахивая рукой, как солдат на параде, и сунул мне конверт.

— Ваш образец совпал с окровавленным отпечатком на лестнице. И на сумке для ключек.

— Вы уверены?

Он вскинул подбородок.

— Разумеется. Это же не ДНК. Отпечатки или совпадают, или нет. Точка.

— Хорошо. Спасибо.

— Кстати, скажите Милли, что это за счет фирмы. Мы тут все к ней питаем нежные чувства, поэтому ей нужно срочно поправиться и вернуться к работе.

Дверь открыл Себ. Он не особенно обрадовался моему приходу, но и не слишком удивился.

— Она в гостиной, — буркнул он, не спрашивая, почему я пришла.

Мод сидела на диване, обхватив себя руками. Она посмотрела на меня, потом на конверт в моих руках с крупной надписью «Гало Диагностика».

Я протянула конверт ей.

— Отпечаток вашей руки, перепачканной кровью Аманды, нашли на лестнице в ее доме, и такие же отпечатки обнаружены на сумке для ключек. Думаю, они же будут и на ключке.

Мод не шелохнулась.

— Простите, — наконец сказала она, и тут слезы тихо покатались по ее щекам с пугающей скоростью. — Я несколько раз уже почти вам сказала.

— Я не ваш адвокат, — сказала я, присаживаясь на краешек стула напротив Мод. — Хочу прояснить. Я не буду хранить в тайне ничего из сказанного. Более того, я даже обязана буду оповестить полицию, что мне известно об отпечатках на месте преступления, чтобы помочь Заку. Он мой клиент. Но я... прочла выдержки из дневника Аманды. Я знаю, что вы с ней дружили. Если есть что-то, что я могу рассказать полиции и пояснить, что же там произошло, то я бы хотела знать.

Это правда. Как правда и то, что мной двигала куда более эгоистичная цель — полностью обелить Сэма. Для этого мне нужно, чтобы Мод рассказала мне все, как было. Мне нужно было, чтобы она это произнесла — что это ее рук дело. Ее, а не Сэма.

— Мод, — резко перебил ее Себ. — Она уже второй раз призывает тебя вызвать собственного адвоката. Тебе стоит это сделать. *Нам* стоит. Прежде чем ты будешь дальше что-то говорить.

Мод закрыла глаза и покачала головой.

Она похлопала по дивану, приглашая Себа сесть рядом. Как только он сел, Мод взяла его за руку, и они переплели пальцы.

— Он всегда пытается защитить меня от меня же самой, — сказала она мне. — Вы знаете, он даже вернулся в дом Аманды, чтобы поискать кое-что, что, я боюсь, там обронила. Его едва не арестовали, а то и что похуже, и все ради меня.

Тест-полоску? Ту, что лежала у меня где-то в кармане. Разумеется, это была полоска для проверки уровня глюкозы, а вовсе не тест на овуляцию. Мод же сказала, что она диабетик. Это Себ приходил в дом Грейсонов, когда я там была, и его отпечатки наверняка найдут на задней двери.

— Я пытаюсь защитить тебя, — сказал Себ. — Поэтому я советую тебе ничего больше не говорить.

— Да ладно тебе, Себ. — Мод положила руку ему на плечо. — Как мы можем говорить Софии, что нужно отстаивать правду и не стыдиться, когда нам самим не хватает смелости посмотреть в глаза собственным ошибкам? А в ту ночь я совершила ошибку, совершенно точно. Мне не стоило идти в дом Зака и Аманды.

Аманда

Вечеринка

Когда Аманда повесила трубку, то чувствовала, будто у нее выросли крылья. Она никогда никого не посылала за всю свою жизнь. Тем более своего папу! Она отстаивала свои интересы. Подала голос. И земля не разверзлась. Мир не исчез. Аманда улыбалась, глядя на телефон.

Может, Зака и не изменить, зато можно изменить мир. Ну, не одним разговором и не одним-единственным криком. Потихоньку. Как короткие щелчки сложного замка, когда каждый щелчок приближает ее к свободе.

Но когда Аманда подняла голову, сердце ухнуло вниз. Сара и Зак разговаривали в дальнем конце комнаты. Зак жестикулировал так, как он обычно делает, когда объясняет что-то кому-то очень и очень тупому. Сара хмурилась, как она хмурилась, когда беседовала с человеком, который ей ненавистен. И снова Зак все разрушает.

У Аманды снова завибрировал телефон.

ГУБУ ЗАКАТАЙ ЧЕРТОВА СУКА

Ярость пульсировала на экране. Аманде казалось, что руку обожгло. Она едва не выронила телефон.

Она осмотрелась в поисках Мод. Она не может рассказать Заку о папе, но ведь можно рассказать друзьям. Они попробуют ей помочь. Но прежде, чем она отыскала Мод, телефон снова завибрировал.

Смотри получше. Я тут.

Аманда дернулась, натолкнувшись на грудастую женщину с короткими кудряшками, которая стояла позади с полным бокалом вина. Оно расплескалось на белую блузку.

— О господи! — ахнула Аманда.

Но женщина только рассмеялась, глядя на пятно, расплывшееся на ее огромном бюсте. Она заметно покачивалась.

— Да плевать! Дети в лагере. У меня еще есть целый день завтра, чтобы отстирать чертову блузку.

Телефон в руке Аманды опять завибрировал.

Попробуй найди меня. Постарайся больше ничего не пролить.

У Аманды закружилась голова, когда она вглядывалась в лица. Он здесь, наблюдает за ней. Он в доме. Но он выделяется в толпе. Он наблюдает через окно? Как те любители подглядывания, о которых говорила Сара. Если он снаружи, то выходить небезопасно. Аманда в ловушке.

Ей нужно какое-то спокойное место, чтобы подумать.

По лестнице уже поднималась, пошатываясь, какая-то парочка. Они болтали и смеялись. Мужчина, бритый налысо, у женщины короткая стрижка. Симпатично смотрятся вместе, но не состоят в браке, определенно нет. Они вели себя игриво, но вежливо, словно бы оставляя друг другу возможность передумать.

Аманда остановилась, чтобы они успели подняться, а потом помчалась наверх. Она осмотрела коридор, быстро прошла мимо двух закрытых дверей, пока не нашла маленькую открытую комнату в дальнем конце. На двери напротив был прилеплен изолентой большой знак «Посторонним вход воспрещен!». Наверное, спальня Софии.

Аманда зашла в открытую гостевую комнату и закрыла за собой дверь. Едва она успела запереться, как кто-то постучал. Он преследовал ее. Аманда бешено озиралась в поисках выхода — окно, но слишком высоко, она не сможет спрыгнуть.

Она попыталась сделать глубокий вдох. Голова начала кружиться. Неужели все так надрались, что запросто позволили папаше впорхнуть в дом и подняться по лестнице?

Аманда попятилась, чтобы оказаться подальше от двери, но в итоге оказалась на другом конце комнаты.

— Аманда, это я, Себ. — Она узнала его акцент. — Ты в порядке? Я увидел, как ты убежала наверх. И лицо у тебя было расстроенным.

Аманда снова метнулась к двери и открыла ее. Себ вздрогнул, когда она рывком открыла дверь.

— Что случилось? — спросил он. — Ты в норме? Ты такая бледная.

Она попыталась что-то сказать, но разрыдалась.

— Прости, — задыхаясь, сказала она.

— Не извиняйся, — сказал Себ. Он положил руку ей на плечо и проводил к постели, оглядываясь на дверь, а потом вернулся и

зафиксировал дверь открытой с помощью стопора в форме кролика Питера.

— Садись, садись. Что случилось? — Он так и стоял и даже отступил на шаг назад.

Аманда хотела было показать ему сообщения на телефоне. Но получать такое от собственного отца? Ей слишком стыдно было признаться в этом. Во всем этом.

— Ничего... Просто я не люблю вечеринки. Это от переизбытка чувств.

Себ нахмурился.

— Но есть что-то еще, да? — В этот раз он спросил более обеспокоенно, в типичной для доктора манере. — Ты сама на себя не похожа.

Аманда подпрыгнула, когда телефон снова завибрировал, но на сей раз это было всего лишь сообщение от Зака: «Ушел. Нужно заскочить в офис. Увидимся дома».

— Кто это? — спросил Себ.

— Зак, — сказала Аманда хриплым голосом. — Он ушел. Даже не потрудился найти меня, чтобы попрощаться или предложить проводить до дома. Какой муж так поступает?

— Не особенно хороший, — деликатно сказал Себ и наконец сел на кровать рядом с ней.

— Вообще-то Зак — ужасный муж, — сказала Аманда. Она впервые позволила себе сказать что-то такое о своем браке: печальную и уродливую правду. — И всегда таким был. Он меня не любит. Думаю, он вообще никого не любит.

Себ помолчал немного.

— Мне очень жаль, — наконец произнес он. — Хочешь, я провожу тебя домой?

Аманда очень старалась не разрыдаться.

— Может быть, я не...

Телефон завибрировал снова.

ОТВАЛИ НА ХРЕН ОТ СЕБА

Аманда вскочила и понеслась стрелой. Себ кричал ей что-то в спину.

Когда Аманда выскочила в гостиную, перед входом скопилась огромная толпа. Слишком много народу. Но стоило попытаться. Она

была так испуганна, что могла растолкать всех локтями, но все были настолько пьяны, что даже не заметили бы.

— Можно через черный ход, — сообщил пьяный парень в шутовском колпаке по дороге в уборную, тыча пальцем в нужном направлении. — Там аллея, по которой можно выйти на улицу. Самые ленивые задницы там и выходят. Соседка-расистка полицию вызывает. Ну и хрен с ней!

Аманда выбежала через черный ход и рванула по аллее, ожидая, что кто-то закричит ей вслед и чьи-то руки схватят ее, пока она несется по Проспект-Парк-Уэст в сандалиях на платформе. Но она не слышала ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и отчаянного стука сердца.

Лиззи

12 июля, воскресенье

— На вечеринке я наконец сложила два и два, — продолжила Мод. — Все были так пьяны и забили на конфиденциальность расследования и взлом через рассылку по почте. Я вскоре узнала, что за взломом стоит кто-то из родителей, и все началось в апреле. А потом Аманда рассказала мне о распечатках писем от Грейс-Холл, которые нашла в ящике стола Зака, хотя он утверждал, что у школы нет его адреса. А ведь именно так злоумышленники и проникали внутрь наших компов — через рассылки расписания встреч. Зачем ему хранить распечатки? Сара добавила, что Зак — банкрот. Все это вместе... — Она покачала головой. — Разумеется, я не была уверена на все сто. Вот почему я решила спросить у Зака в лоб. Думала, все пойму по его реакции. Но когда я попробовала найти его на вечеринке, он уже ушел.

— Мод, прошу тебя, — прошептал Себ и закрыл глаза.

Она снова сжала его руку и не отпускала, пока он не открыл глаза.

— Я люблю тебя, Себ. Но нельзя с этим покончить иначе, кроме как рассказать правду. — Мод повернулась и посмотрела на меня: — Я не говорю, что Зак напрямую контактировал с Софией. По мнению специалистов из компании по кибербезопасности, действовала целая группа хакеров. София сказала, что у нее было ощущение, что ей писал кто-то совсем юный. Но это не важно. Зак наверняка руководил ими, и ответственность на нем. За все, что произошло. Софии пятнадцать, и какой-то человек заставлял ее делать всякие неприличности в прямом эфире. — Она побледнела, закрыла глаза. — И наверняка записывал.

Зак влез в компьютеры своих соседей? Такое возможно. Он определенно владел всеми нужными технологическими ноу-хау. Судя по описанию в «Нью-Йорк таймс», логистика ведь тоже имеет дело с большим количеством личных данных. А сейчас Зак уже способен на

все. Что касается моей декларации и алкоголизма Сэма, то он влез и в мой комп тоже?

— Что случилось, когда вы не смогли найти Зака на вечеринке? — спросила я, стараясь не отвлекаться. Мне требовались доказательства, чтобы оправдать Сэма.

— Признаюсь — я была не в себе. В полной ярости. Я хотела, чтобы Зак признался в том, что сотворил с Софией. Кто-то сказал, что он пошел домой, поэтому я отправилась к ним. Но когда я пришла, дома их не оказалось. Но я не согласна была сдаться. Я решила пойти и найти те распечатки, о которых говорила Аманда, а потом отправиться с ними в полицию. Мне казалось, этого будет достаточно, по крайней мере, чтобы они проверили версию. А я видела, где Аманда хранит запасной ключ.

— Жаль, что ты мне не сказала, куда идешь, — тихо сказал Себ.

— Ты наверху говорил с Амандой. Кто-то сказал, что она убежала наверх, а ты пошел следом, — сказала Мод с такой уверенностью, что дальше разговоров дело не зашло, значит, у них с Себом все-таки есть границы дозволенного. — Я хотела пойти, пока Аманда у нас, не хотелось спускать всех собак на Зака при ней. Я знала, что она будет чувствовать себя виноватой. Кроме того, ты бы меня остановил.

— Но Аманда пришла домой, пока вы еще были там? — спросила я. Это несчастный случай. Наверное, именно так все и произошло. Мод нечаянно ударила Аманду.

— Я сначала даже не поняла, как это случилось. По глупости оставила дверь незапертой и находилась наверху в кабинете Зака, когда услышала, как кто-то вошел. Я там успела пробыть всего секунду, сначала долго искала, где там его кабинет... короче, я услышала, как кто-то пришел, и спряталась в шкафу. Только там я и увидела сумку с клюшками для гольфа.

— Мод, — прошептал Себ, поморщившись.

— София чуть не покончила с собой, Себ, — взмолилась Мод. Она перевела взгляд с Себа на меня. — Она сейчас в клинике. Надеюсь, с ней все будет нормально. Подростки быстро восстанавливаются. Но кто же знает... И из-за чего? Знаете, тот парень все еще с ней общается, что доказывает, что это был не сам Зак, учитывая, что он в Райкерсе. А еще я слышала, что еще один из родителей получил письма с угрозами только вчера. Зак-то в тюрьме, но его верные

солдаты продолжают свое черное дело. Что, если они сделают что-то такое же с другой девочкой?

Я отказываюсь проигрывать. В ушах зазвенел голос Зака из прошлого. Но зачем Заку вообще этим заниматься? Явно не из-за денег. Таким способом много не заработаешь. Но ради удовольствия Зак ничего бы делать не стал. Чем бы Зак ни руководствовался, он, без сомнения, намеревался снова подняться на вершину. Я достаточно хорошо знала Зака. Ему плевать, кто и как проиграет, главное, чтобы он сам выиграл.

— И что случилось после того, как вы увидели клюшки для гольфа? — спросила я. Мод приняла Аманду за Зака. Наверное, так.

— Я вытащила одну из клюшек. Думала только о том, как со всего размаху ударю клюшкой по голове Зака. — Мод посмотрела на меня в упор: взгляд дерзкий, кулаки сжаты. — Знаю, у меня даже доказательств толком не было. Но в тот момент я чувствовала такую уверенность, и мне дико хотелось, чтобы Зак сдох.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

*Охраняется адвокатской тайной
Строго конфиденциально*

9 июля

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Отчет о важных событиях в ходе расследования инцидента с утечкой данных и нарушением кибербезопасности.

Настоящим извещаем совет директоров, что изучение компьютера семьи 0006 завершено. На указанном компьютере обнаружено множество порнографических материалов. Фотографии были удалены и перемещены на флешку с целью провести дополнительное расследование.

Несмотря на то что специалисты «Крелл» провели требуемый анализ, мать продолжает настаивать, что материалы были закачаны на компьютер хакерами. Младший детектив объяснил, что есть доказательства обратного. Порнографические материалы были загружены на компьютер за несколько месяцев до взлома.

Однако женщина продолжает угрожать, что обратится в суд или же предаст огласке ход расследования, обратившись в местные СМИ.

Мы считаем, что при этих обстоятельствах совет директоров должен знать о том, кто зашифрован под кодовым названием «семья 0006», поскольку ситуация продолжает развиваться.

Это Сара Новак и Керри Таннер.

Аманда

Вечеринка

Аманда не оглядывалась через плечо и не смотрела больше на экран телефона, пока не добежала до своего крыльца. К счастью, за ее спиной никого не было и новых сообщений тоже не было. Аманда осмелилась на секунду понадеяться, что она просто все придумала. Но когда она наконец преодолела лестницу и проверила телефон, все эти мерзкие пугающие сообщения были там. Аманда все их удалила.

Когда она повернула ключ, замок не издал привычный щелчок. Зак дома? Он и раньше уходил с собраний, где ему не хотелось быть, под предлогом занятости. Войдя, она заметила, что кресло в вестибюле слегка отодвинуто. Словно бы об него запнулся кто-то пьяный. Зак не пил, и он не был неуклюжим. В доме царила темнота, если не считать двух горевших лампочек — на верхней площадке лестницы и перед гостиной. У Аманды снова зашло сердце.

— Зак! — крикнула Аманда, подходя к лестнице. Никто не ответил. — За-а-а-ак!

Раньше папа с легкостью вскрывал замки. И он был полон решимости. Если он хотел попасть в ее дом, он без труда нашел бы способ.

— Зак! — снова позвала она. Надо уходить. Куда-ни...

Чья-то рука зажала ей рот. Кожаная перчатка коснулась губ. Она ощутила ее запах. Голова дернулась назад с такой силой, что Аманде показалось, что ее шея сейчас сломается. От папы пахло мускусом. Как от животного.

— Успокойся! — раздался хриплый шепот. Это был отвратительный голос ее папы. — Успокойся, я тебя не обижу.

Она мотала головой, пытаясь освободиться от гигантской лапищи, но он потянул ее голову назад с еще большей силой. Аманда вскрикнула от боли.

Теперь понятно. Понятно, к чему все идет. В этот раз папа ее просто так не отпустит. Это не какой-то случайный взломщик, который

отвалил бы после того, как она выполнила бы его требования. Отец пришел завершить начатое — убить ее. Она чувствовала ярость в его хватке. Нужно как-то подать голос. Закричать. И она закричала. Так громко, как только могла. Она брыкалась и толкалась. Но звук получился приглушенным. Он держал ее крепко. Аманда с трудом могла двинуться.

— Эй! Успокойся. Я тебя не обижу! Я тебя отпущу!

Но это ложь. Аманда знала это. Она знала своего отца. Он обижал ее раньше, и не один раз. А еще он причинил вред единственному человеку, которого она любила, не считая матери — Кэролин. Он это сделал. Сделал! И тут она все вспомнила.

Аманда пыталась укунить его за пальцы. Но рука с такой силой зажимала ей рот, что она даже губы разжать не могла. А еще этот вкус... Кровь... она прокусила себе щеку. Она почувствовала, как в порыве борьбы он выдрал из ее уха сережку.

Он никогда не отпустит ее. Придется его убить. Она сможет. Она ведь раньше это делала. Да... теперь она все вспомнила... Неподвижная Кэролин под его тушей в ванной. Бритва, кровь по всему ее платью из тафты цвета морской пены. Как же было холодно и сыро, пока она неслась через заросли в «Норму» за помощью. У нее горели подошвы ног, в них врезались ветки и камни.

Кейз. Ее словно ударило молнией. Она любила сына больше жизни. Ради него нужно было выжить. Она снова убьет его, чтобы защитить сына. Она убила бы его столько раз, сколько потребуется. Все ради Кейза. Аманда резко ударила локтем и попала папе в живот, за годы ставший дряблым.

— Черт... — Он закашлялся и слегка ослабил хватку. Аманда с силой стукнула его по колену. — Черт!

Он снова на секунду отпустил ее, и Аманда метнулась вперед на несколько ступеней. Единственный путь — вверх. Дорогу вниз он преграждал.

— Какого черта ты творишь? — прорычал он. — Всего-то нужно послушать...

Его огромные ноги прямо за ней. Жар его тела с кислым запахом. Аманда почти на самом верху лестницы, там можно уже повернуть и бежать в коридор. Закрыться в спальне. Вызвать полицию. Сигануть из окна. У них под окном большое дерево. Может, допрыгнет.

И тут тысяча острых игл вонзилась в череп. Он схватил ее за волосы, собранные в хвост. Аманда снова попыталась вырваться. Она дергалась из стороны в сторону и кричала: «Отпусти меня, мерзкая свинья!»

Затем он подтолкнул ее. Не сильно, но этого оказалось достаточно. На верхней ступени лестницы она внезапно и неожиданно ощутила себя свободной.

Аманда находилась в состоянии свободного падения. Паника набирала обороты. Аманда потянулась, чтобы за что-то уцепиться, хотя успела подумать: «Не надо». Рука ударилась о металлический поручень, но это не замедлило падения. И тут из нее выбили дух. Аманда лежала на полу. Ступени взорвались над ней, а потом наступила темнота.

Свет. Аманда лежала у подножия лестницы. Боль. Везде. Но она была жива. Это шанс. Перед глазами все плыло. Что-то — или кто-то — на вершине лестницы. С ног до головы в черном. В маске. Такой огромный и высокий. Он загораживал свет. Аманде нужно встать. Ей нужно бежать. И тогда она может. Она выживет и в этот раз. Снова. Ради Кейза.

Аманда встала на ноги, но поскользнулась. Что это на полу? Она ударилась головой о поручень и снова сползла вниз. Потом лестница... Пол мокрый, теплый и скользкий. Зрение помутилось... Но она видела что-то красное. По всему полу. И его на вершине лестницы.

Аманда снова попыталась встать. Сквозь пелену слез она видела его на вершине лестницы. Она ощущала привкус железа...

Потом она снова упала. На этот раз ударилась головой о край ступени. Нужно перестать биться головой. Кругом звезды... Кейз. Он любил звезды. Сколько их... Как в ту ночь, когда она неслась прочь из Сент-Коломб-Фоллс, ощущая ветер в волосах. Живая. Свободная. Ах, звезды. Дальше темнота...

А потом...

Лиззи

12 июля, воскресенье

— Это голос Аманды вы слышали из шкафа? — спросила я.

— Нет, сначала кричал кто-то другой, — сказала Мод. — Потому что потом пришел кто-то еще. И вот это точно была Аманда, потому что она с порога позвала Зака. Я решила, что первым пришел Зак, и решила подождать, пока они не отправятся спать, а потом улизнуть потихоньку. Если честно, я не оставила мысли найти те распечатки. Это была идея-фикс. — Голос Мод дрогнул, и она замолчала.

Я попыталась проявить терпение, чтобы она собралась с силами и закончила историю, но не могла ждать. Передо мной стояло лицо Сэма. Мне нужно было, чтобы Мод произнесла: «Это сделала я».

— И что потом? — поторопила я.

У Аманды снова начались галлюцинации, и она свалилась с лестницы? Хоть это и ужасный трагический несчастный случай, но это, на мой взгляд, не умаляло вины Зака.

— Аманда закричала. Это был такой ужасный вопль. Никогда в жизни ничего подобного не слышала. Потом до меня донеслись еще какие-то звуки. Какое-то пыхтение и борьба. Словно животное вырывалось. После этого раздался громкий удар. Я хотела помочь. У меня в руках уже была клюшка, но когда я подергала дверь шкафа, то она не открывалась. Я не могла выбраться. Решила, что меня кто-то запер там. — Она снова осеклась. — Затем снова грохот, еще один крик, громче первого. Когда я наконец открыла дверь и миновала первый пролет, то увидела... Аманду у подножия лестницы. А еще успела заметить убегающего парня.

— То есть это был парень?

Черт.

— Да, определенно. Но я видела его только долю секунды. Весь в черном и в лыжной маске, поэтому я не видела его лица. Но я убеждена, что это не Зак. Как бы я ни ненавидела его, но уверена, что

это не он. Я видела Зака на вечеринке. Он довольно низкий. Ниже, чем я. А тот человек был намного выше.

Сэм высокий. Но человек, выбегавший из дома Аманды, был в лыжной маске. Неужели внутри Сэма живет такое чудовище?

— Не просто высокий, но и здоровый, крупный... — Мод раскинула руки, демонстрируя. — По крайней мере, мне так показалось. Насчет этого я не уверена. Я видела его всего секунду, и он уже поворачивал за угол.

Сэм не такой крупный. Зато под описание подходит Ксавье Линч. *Черт*. Я так быстро сбросила его со счетов, поскольку его история оказалась правдой. Но это не значит, что он вообще не причастен. По крайней мере теоретически.

— Какие-то еще особые приметы? — не унималась я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Я видела перед собой только Аманду. — Мод была мертвенно-бледной. — Там было целое море крови. Везде у подножия лестницы. Я побежала туда, но пульса у нее уже не было. Я тут же попыталась ее реанимировать. Я умею. А потом позвонила Себу. Я собиралась позвонить в службу спасения, но потом посмотрела на себя и увидела, что я с ног до головы в крови: ладони, руки, рубашка. Наверное, и лицо тоже. А еще на ключке полно моих отпечатков. Она валялась в луже крови Аманды. Как я объясню это полиции? Как вообще объясню, зачем сюда приперлась и пряталась в шкафу?! Мои отпечатки повсюду. Простите, надо было все равно их вызвать. Но я могла думать только о том, что нужна Софии, и запаниковала.

— Я добрался быстрее любой «скорой», — встрял Себ. — Могу заверить, что Аманда к моему приходу была уже мертва. Травмы на голове были несовместимы с жизнью. Мне кажется, это результат многочисленных ушибов или ударов. Может, тот парень чем-то ее ударил, или она сама несколько раз ударилась головой, когда падала. Даже на вскрытии трудно определить разницу между ударом длинной стороной ключки для гольфа и ударом о закругленный край ступеньки. Судя по следам, там кто-то поскользнулся на крови. Это могла быть Аманда.

— Да, крови было очень много, — снова заговорила Мод. — Себу пришлось выносить меня на руках, чтобы я все не перепачкала. Я не специально оставила там ключку, чтобы запутать следствие. Хочу

пояснить. Я выронила ее, когда пыталась помочь Аманде. Но уверена, за мной бы все равно пришли, когда полиция нашла бы ее. Наверняка клюшка вся в моих отпечатках. Но полиция не пришла, даже когда я по глупости проболталась про клюшку Саре. Честно говоря, какое-то время мне казалось, что после того, что он сделал с Софией, Зак заслуживает тюрьмы. — Она покачала головой. — Но после того, как его побили в тюрьме, я поняла, что не могу так поступить, не могу дать его убить, из-за Кейза. Потом я подумала о человеке, который действительно напал на Аманду. О том, что он гуляет на свободе, потому что полиция арестовала Зака... поэтому предоставила Заку алиби. — Она подняла голову. Ее глаза снова сияли. — Я даже не хотела намекать, что у нас был секс. В контексте нашей вечеринки, как вы понимаете, это понятно... — Мод скорчила гримасу. — Ситуация с Софией выбила меня из колеи. Но в итоге алиби и не пригодилось.

— У вас нет идей, кем мог быть тот парень в доме Аманды? — спросила я.

— Знаю только, что он был весь в черном и огромный. Я стояла наверху на лестнице, а он рванул прочь. Я не успела толком ничего разглядеть. Ой, вот еще что! На нем были красные кроссовки.

У меня перехватило дыхание. *У Сэма баскетбольные кроссовки белые. У Сэма баскетбольные кроссовки белые.*

— Красные? — переспросила я. — Вы уверены?

— Да, они очень приметные. Красные и высокие.

Стоя на дрожащих ногах, я задержала дыхание и считала этажи, пока лифт скользил вверх по зданию, где располагались офисы «Янг & Крейн». Теперь ясно, что я слишком большие надежды возлагала на отпечатки Мод. А я-то была уверена, что их будет достаточно, и отпечатки докажут, что Мод — случайно! — убила подругу, а значит, обвинения с Зака снимут, и это вычеркнет Сэма из списка подозреваемых. Оказалось, что Мод всего лишь свидетель с места преступления, который может весьма расплывчато описать настоящего убийцу: здоровяк в красных кроссовках.

Ксавье Линч. Он вполне может оказаться виновным в смерти Аманды, по крайней мере я считала именно так. Он мог охотиться за деньгами племянницы или же им двигал более запутанный мотив. Он же намекнул на криминальное прошлое. Позвоню в полицию Сент-

Коломб-Хилс, там кто-то наверняка знает побольше. Городишко маленький.

Я подумала, а не написать ли Сэму сообщение, но что? *Хорошие новости, я почти доказала, что ты не убийца?* В свою защиту замечу, что Сэм и сам очень беспокоился, что он убийца.

За столом администратора никого не было, когда я провела по двери магнитной картой и рванула к своему кабинету. В моем крыле несколько дверей были открыты, внутри горел свет, и до меня долетали из приемных голоса секретарей, работавших по выходным.

Дверь Пола в дальнем углу тоже была открыта. Он накануне вечером прислал мне несколько писем по электронке с тремя разными просьбами по трем разным делам, никак не относящимся к Заку. Видимо, он уже двигался дальше. Я повернула к своему кабинету в надежде не встретиться с Полом.

— Ох! — воскликнула какая-то женщина. Повернув за угол, я врезалась в Глорию, и у нее из рук все посыпалось на пол.

— Прости, пожалуйста, — залепетала я, согнувшись, чтобы помочь собрать бумаги.

— Блин! — выругалась она с кислой миной. — Нигде теперь порядка нет.

— Мне правда очень жаль, — пробормотала я. Мы обе присели на корточки и суетились прямо напротив двери Пола. — Я зазевалась.

— Оно и видно.

Я стиснула зубы, удержавшись от того, чтобы отвинтить ей голову. Я собрала документы так тщательно, как только могла и сунула ей эту не слишком аккуратную стопку.

— Хочешь, я помогу тебе?

— Нет, все нормально, — отрезала Глория.

Я услышала голос Пола. Нужно убраться из коридора и спрятаться за закрытой дверью своего кабинета.

— Еще раз прости, — сказала я и начала пробираться мимо Глории.

— Слушай, а откуда ты вообще знаешь Мод? — Это прозвучало как обвинение. — Я не могла глазам поверить, когда она позвонила снизу. Да и она, когда узнала, что ты работаешь тут. Она сказала, что она не твоя клиентка, а я не захотела допытываться.

— Вы знакомы? Она проходит по делу, которым я занимаюсь, но она не клиентка, — ответила я.

— Х-м-м... — протянула Глория, сощурившись. Она поняла, что я уклоняюсь от ответа. — Мод красивая и приятная девушка, да? Мы с ней встречались всего один раз, на вечеринке. Я там знала только одного человека, и Мод была настолько добра, что половину вечера болтала со мной.

На вечеринке? Явно не на одной из легендарных вечеринок Мод.

— Классно, — сказала я. — Мне правда нужно...

— Это была вечеринка по случаю дня рождения моего бывшего босса, — продолжала между тем Глория. — Он был старшим партнером. Не знаю, ты в курсе или нет. А я много лет проработала у него секретарем. Он закатывал прием каждый год в Центр-Слоуп, но у меня получилось пойти только в тот раз, два года назад. Очень гламурно. Но все кончилось благодаря ему. — Она кивнула на кабинет Пола. — Твой лицемерный дружок сделал так, что моего босса уволили. Знаешь, все эти младшие юристки, которые на него пожаловались, просто хотели денег. Хештег «Я тоже»^[16], чтоб им пусто было. Все только и жаждут получить отступные.

Я даже не знала, что вы здесь работаете, сказала мне Мод, так? У меня закружилась голова, а руки стали ледяными, когда я шагнула в сторону Глории.

— А как звали твоего бывшего босса?

— Керри Таннер, — сказала Глория с ностальгической улыбкой и явной гордостью. Потом ее лицо помрачнело. — Против него попросту сфабриковали обвинения. Я проработала на него восемнадцать лет, и он никогда не позволял себе ничего такого. Спроси Мод. Она была шокирована, когда я ей сообщила, что его уволили. Я думала, она упадет в обморок прямо тут. А я ведь даже не успела рассказать, за что его попросили на выход.

Когда я оказалась у себя в кабинете, у меня ушла ровно секунда на то, чтобы вывести на экран портрет Керри Таннера — портрет крупным планом, который, видимо, висел на сайте фирмы до того, как его уволили. Да, я его точно видела — у крыльца Сары Новак с пиццей и упаковкой пива под мышкой. Керри Таннер женат на Саре Новак и дружит с Мод. Определенно знал Аманду. И он определенно знал, кто

я такая, поскольку больше всех выигрывал от того, что Зака упекли в тюрьму.

Я рванула обратно к кабинету Пола, сохранив портрет Керри Таннера на телефоне. Когда я заглянула внутрь, Пол что-то сердито бормотал, глядя через очки для чтения в экран компьютера. Я сделала глубокий вдох.

— Прости, что прерываю, — начала я, — но мне нужно кое-что спросить.

— Если ты сможешь разобраться, почему я не могу вернуться к тому делу, которое я читал в этой чертовой программе «Уэстло»^[17], я смогу тебе ответить, — проворчал Пол. — Секунду назад читал его, а потом что-то кликнул и оказался в деле, которое меня вообще не интересует.

Полу не нравилось общаться по электронной почте. Если он взялся сам изучать дела онлайн, значит, кто-то мощно накосячил. Я встала за его спиной и, пару раз ударив по клавишам, вернула его к изначальному делу, которое он читал.

— Не кликай на все отсылки к другим делам, а то попадешь туда, — пояснила я.

— Я ничего и не кликал, — сказал он довольно агрессивно, глядя на свой компьютер. — Если бы решение, вынесенное в порядке упрощенного судопроизводства, не было составлено сикось-накось, я бы вообще туда не полез.

— Скажи, ты узнаешь этого человека? — спросила я максимально нейтральным тоном. Не хотелось бежать впереди паровоза. Я протянула ему фотографию.

Пол нахмурился:

— Еще бы не знать! Это же Керри Таннер. Партнер, про которого я тебе говорил. — Он поднял голову и с раздражением посмотрел на меня: — Тебе заняться нечем? Если я правильно помню, ты должна мне несколько...

— Он знал жену Зака Грейсона, — выпалила я. — Они жили по соседству на Центр-Слоуп и дружили.

Пол посмотрел на меня, вскинув подбородок:

— Правда?

— Да.

— Он и правда жил в Бруклине, — задумчиво протянул Пол, а потом помолчал немного и спросил: — Ты думаешь, он...

— Я не знаю. Но Аманду кто-то настойчиво преследовал, а у Керри Таннера были такие эпизоды в прошлом, правильно? Слишком много совпадений. Но мне нужно проверить еще кое-что, чтобы удостовериться.

Пол кивнул:

— Ну, я бы ничему не удивился, раз речь про этого парня... У меня тут целое досье на него. Он преследовал женщин, постоянно маячил на горизонте, домогался по эсэмэс. «Всего-то нужно послушать». Мерзкий тип. Не говоря уж о фото, которые он сделал, и порно, которое мы нашли у него на компьютере. — Он поморщился. — Насколько мы поняли, он практиковал подобное годами. Пять лет, а то и десять, кто знает. Готов поклясться, другие партнеры закрыли бы на это глаза, если бы не фотки. Такое уже не проигнорируешь.

Я сделала еще один глубокий вдох. Мне нужно было сказать кое-что еще. Больше не буду убегать. И притворяться. Милли была права. Это не сослужит мне добрую службу.

— Я хочу сказать тебе еще кое-что. Насчет своей декларации. Там есть некоторые неточности. Намеренные.

Челюсть Пола напряглась. Его глаза чуть сузились, почти незаметно, в остальном его лицо оставалось спокойным.

— Мой муж алкоголик, он попал в аварию, и на нас подали в суд. Мы все уладили и выполняем обязательства. Долг мы выплатим, но он огромный. Мне нужно было включить это в декларацию.

Пол нахмурился еще сильнее и наморщил лоб. Затем он снял очки для чтения и пристально, молча смотрел на меня пару минут, показавшиеся мне вечностью. Я не отводила взгляд. Ничего другого не оставалось. Мод права. Нельзя с этим покончить иначе, кроме как рассказать правду.

— Да, стоило включить, — наконец произнес Пол, затем снова нацепил очки и уставился в монитор. — Позвони в отдел кадров и в понедельник первым же делом внеси изменения.

Хозяйка цветочного уже заперла магазин на ночь, когда я постучала в дверь. Ее волосы были начесаны даже сильнее, чем раньше, одета она была в ярко-желтую блузу, а на лице было все то же солнечное

выражение. Женщина покачала головой, виновато улыбнулась и показала на табличку, где значились часы работы. Похоже, она меня не узнала.

Я продемонстрировала ей телефон с портретом Керри Таннера.

— Для Мэтью, — сказала я в надежде, что она надо мной сжалится. — Думаю, вот он, круг.

Она посмотрела через стекло на фото, а потом я увидела, как в ее мозгу что-то щелкнуло. Она отперла замок.

— Входите, входите. — Она жестом пригласила меня войти и заперла за мной дверь. — Погодите, поищу Мэтью. Мне кажется, он на заднем дворе.

Спустя пару минут появился Мэтью со скейтом под мышкой и в наушниках.

— Это тот человек, для которого ты подписал карточку?

Мэтью улыбнулся:

— В яблочко. — Он протянул мне ладонь, и я дала ему пять. — Видите, форма лица — идеальный круг. Сирень. Я теперь вспомнил! Он купил сирень. Якобы та, что жена посадила на заднем дворе, засохла.

Я шла от цветочного магазина, повернула на Плаза-стрит, миновала несколько величественных зданий, где на входе дежурили привратники, и наконец очутилась на Проспект-Парк-Уэст. Я добралась до крайней точки Монтгомери-Плейс и остановилась рядом со скамейкой у каменной стены, окружавшей парк. Может быть, именно на этой скамейке вырубился Сэм. Я села на нее, залитую золотистым светом заходящего летнего солнца.

Мне не хотелось делать последний звонок, который предстояло все-таки сделать. Я нашла в мобильнике телефон Сары и перезвонила. Она ответила после первых нескольких гудков.

— Привет, Сара, — поздоровалась я. Голос казался напряженным и каким-то чужим. — Это Лиззи Кицакис, адвокат Зака Грейсона.

— Да? Чем могу помочь?

Мне послышалось что-то в ее тоне. Трепет? Может, Мод уже передала ей слова Глории, что на самом деле Керри уволили несколько месяцев назад? Но Мод же не знала, из-за чего его уволили. Честно сказать, я думала, что и Сара не знает всей правды. Как мне

показалось, она не из тех женщин, кто будет и дальше спать со своим мужем, узнав о нем такое. И я не думала, что она как-то связывала мужа со смертью Аманды, иначе я представления не имею, как она собралась с духом, чтобы снять трубку.

— Думаю, вы были правы, — сказала я.

— Насчет чего?

— Что мы могли встречаться, поскольку живем по соседству. Думаю, наши мужья могли вместе играть в баскетбол. Вечером по четвергам.

Я вспомнила, что Сэм рассказывал, что был в баре вместе с каким-то парнем, у которого крутая работа, жена и дети. Может быть, это адвокат, решивший не упоминать, что его уволили. А Сара говорила, что у него по четвергам спорт, где он «пытается сломать бедро». Совсем как Сэм.

— А, — выдохнула она с едва заметным облегчением. Я звоню только из-за этого? Другое меня не интересует? — Да, он играет в баскетбол. Трудно поверить, что у него на все хватает времени, если учесть, что я недавно открыла его ненасытную страсть к порнографии, — вдруг выпалила она. Сара в ярости, без сомнения. Но не раздавлена, как была бы, знай она все до конца. — Но успевает и в баскетбол сыграть. Может, я видела вашего мужа. Дайте угадаю. Один из молодых сексуальных парней.

Она сердилась, но сквозь злость пробивался черный юмор, словно бы она готова простить мужа даже за любовь к порнухе и все еще любит его. Я почувствовала себя опустошенной, подумав о том, какой удар будет нанесен Саре, когда она узнает всю уродливую правду о человеке, с которым прожила всю жизнь. Даже просто тень такой возможности разбила мне сердце, и я уже видела катастрофу на нашем горизонте.

— Я не знаю, — ответила я. — Мой муж...

— Вам стоит как-нибудь прийти и посмотреть самой. Это забавно. — Теперь ее тон стал язвительным. — Если пойдете, то моего мужа точно не пропустите. Придурок в дебильных красных кроссовках.

Лиззи

15 июля, среда

Когда Зак вошел в маленькую комнатку, предназначенную для встреч адвокатов с клиентами, он выглядел крайне довольным собой. Я сжала кулаки и постаралась успокоиться.

— Я же говорил тебе, что я этого не делал, — нараспев произнес он. Никаких бегающих глаз. И нога перестала дергаться. Передо мной предстала обновленная версия Зака, как на тех постановочных фото.

— Ты уже в курсе?

— Кто-то был на слушании, и там прозвучало, что за убийство Аманды арестовали кого-то еще. Какого-то «крутого корпоративного адвоката», — продолжил он с улыбкой. — Может, я и не особо усердно учился после первого курса юрфака, но даже я знаю, что нельзя за одно и то же преступление предъявить обвинения двум разным людям. То есть меня отпускают?

Мод лично сходила к прокурору вскоре после моего ухода. Я согласилась, что так будет лучше, чем если новости сообщу я. Если она будет ассоциироваться со мной, то вряд ли заслужит хоть какую-то благосклонность Вэнди Уоллес. Я попросила Мод подчеркнуть, что она уверена, что видела кого-то другого, а не Зака.

Был уже вечер, когда я поговорила с Глорией, с Полом, с Мэтью из цветочного магазина и наконец с Сарой. Но Вэнди Уоллес я позвонила только на следующий день. Она не слишком обрадовалась, услышав о Керри Таннере, но, к ее чести — скорее всего после уговоров Пола, — все-таки меня выслушала. По крайней мере, у нее появился новый подозреваемый, а дело по-прежнему обещало быть достаточно шумным, чтобы в итоге усадить ее в кресло окружного прокурора Бруклина. Когда я в то утро отправилась в Райкерс, Керри уже заключили под стражу.

— Прямо сейчас готовят бумаги на твое освобождение, — сообщила я Заку. — Тебя скоро должны выпустить.

Зак прикрыл глаза и резко выдохнул. Он волновался куда сильнее, чем можно было бы судить по его нахальной улыбочке.

— Отличные новости, просто отличные. Спасибо.

— Можно я тебя кое о чем спрошу?

— Валяй. Почему бы и нет?

— Это ведь ты разослал фальшивые письма по списку контактов Грейс-Холл? — Именно эта часть разговора меня интересовала больше всего. Это была настоящая причина моего прихода. — Очень умный способ хакнуть родительские компы.

Ничего не могло помешать Заку сейчас мне солгать. Ничего, кроме собственного высокомерия. Но на высокомерие Зака всегда можно было полагаться. И еще на желание удостовериться, что я знаю, как он разбил всех в пух и прах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Зак, но я уже видела по лицу, что он сдерживает улыбку, огоньки плясали в его глазах.

— Ну, фишинговые письма, — пояснила я. — Ты влез в компьютеры родителей учеников Грейс-Холл и вытащил на свет божий их грязное белье. Впечатляет. Только вот непонятно, как это спасет твою тонущую компанию.

Зак закатил глаза.

— Для начала, *тонущую* — это громко сказано. Мир стартапов — всегда огромный риск, но и награда немаленькая. — Он немного помолчал, а на лице читалась решимость, словно бы он пытается держать язык за зубами. Но я-то знала, что если подождать, то Зак не сможет удержаться. — В любом случае новая компания выстрелит. Люди понятия не имеют, насколько они не защищены и почему. Ты хочешь спросить, откуда я это узнал? Пока работал в логистике. Об этой отрасли обыватель скорее всего и не слышал. А если и слышал, то думал, что это что-то про грузоперевозки. Но мы знали *все* про сотни тысяч людей — знали, что у них младенец, поскольку они начинали заказывать подгузники, когда они собираются в долгое путешествие, поскольку они заказывали портативные блоки питания, знали, что не стоит покупать их дома, когда они закупили весь спектр средств по борьбе с плесенью. А ведь все думают, что это просто покупки онлайн. Но это не просто товары, это их подноготная. Как только люди поймут, насколько это может быть опасно, они будут бежать, роняя тапочки,

чтобы заплатить сто баксов за годовую подписку за мое семейное приложение, обеспечивающее кибербезопасность.

Я кивнула, пытаясь напустить на себя заинтересованный вид, но не слишком заинтересованный, чтобы Зак не останавливался.

Он подался к плексигласовой перегородке:

— В Грейс-Холл меня привлекло то, что у них уже были проблемы с кибербезопасностью в прошлом. Они не стали бы легкой добычей. Я решил, что вся эта шумиха со взломом дойдет и до прессы из-за истории школы, и в итоге мое приложение, когда я приду на выручку в решающий момент, выгодно подсветят. Но в итоге родители учеников Грейс-Холл скорее помогли решить технические проблемы. Нам нужно было усовершенствовать наши программы, наблюдая, как настоящие жертвы могут отреагировать на подобного рода вторжение.

— То есть ты нанял хакеров?

— Если хочешь защитить людей от хакеров, нужно нанять хакеров, чтобы они продемонстрировали свои умения.

— Один из этих хакеров шантажировал пятнадцатилетнюю девочку, заставив ее раздеваться на камеру и делать всякие непристойности, — сообщила я. — Он продолжает с ней контактировать. Ты в курсе?

— Сложно найти хороших парней. — Зак пожал плечами. — Но я впечатлен, что ты состыковала многие факты. Я всегда знал, что ты особенная, Лиззи. Вот почему, когда я увидел тебя на фермерском рынке, то мне стало любопытно, как ты живешь. Понятное дело, я не догадывался, что вскоре мне потребуется адвокат, да и вообще не вспоминал о тебе годами. Минимум лет десять. Но вот она ты, и я все сразу понял. — Он замолчал, едва заметно улыбаясь. — А ты поняла?

— Поняла что?

— Что ты сделала неверный выбор.

— О чем ты, черт возьми?

— Предпочла мне Сэма. Ох, я знаю, что ты порвала со мной еще до знакомства с ним. Та история про «другого парня» была вымыслом. Я всегда это знал. Признаюсь, я даже какое-то время злился. Или скорее расстраивался. Мы ведь с тобой одной крови — всегда сосредоточены на победе. Ну, может, не во всем похожи, как можно было предположить по моим рассказам о «простой трудовой семье». — Зак показал кавычки в воздухе. — Но я думал, это найдет в тебе отклик

скорее, чем история о парочке любителей крэка из Покипси. Но ведь и ты кое-что утаила. Например, не упомянула про исправительное учреждение Эльмира. — Он хмыкнул. — А я думаю, что у нас все могло получиться. Это правда. Но ты вместо этого выбрала мужа с нулевым КПД. А ведь все могло закончиться для тебя совсем иначе.

— Да, могло. — Я смотрела на него в упор. — Я могла упасть замертво у подножия твоей лестницы. Кстати, и Аманда могла бы остаться в живых, если бы ты уделял ей больше внимания.

— Да брось ты. У Аманды была куча проблем задолго до нашего знакомства. — Зак фыркнул, а потом его лицо снова просветлело. — Но я удивился, что ты безо всяких колебаний кликнула на ту ссылку, приглашающую обновить подписку «Нетфликса». Ну, то есть я-то думал, ты умнее. Щелк — бум! — и я внутри. — Он улыбнулся уголками губ. — Разумеется, это я сделал сам. Я не собирался тебя поручать кому-то. Несколько минут, и я уже знал все про тебя и Сэма. Чисто по-дружески хочу заметить: ты можешь ежедневно изучать сколько угодно реабилитационных центров для алкозависимых, но куда эффективнее, если Сэм отправится в такую лечебницу. А еще тебе стоит купить жалюзи, если ты и дальше собираешься ходить перед окнами раздетой. — Он покачал головой, улыбнулся и поднял брови. — По крайней мере, я точно знаю, где ты была в тот вечер, когда погибла Аманда, и ты теперь понимаешь, почему я не горел желанием признаваться, где был я.

Вот чего Зак поистине хотел, даже сильнее, чем изначально планировал — этого момента. Момента, когда он унизит меня так, как я унижала его все эти годы. Когда он наконец победит.

Вот только ему было неизвестно, что многое из рассказанного мне уже известно, хотя я не догадывалась, что он шпионил за мной через окна. Я отнесла ноутбук знакомым детективам из манхэттенского отдела по борьбе с киберпреступностью. За несколько секунд они нашли шпионскую программу, которую установил Зак. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что так легко попала на его удочку, но двадцать с лишним спецов твердили мне, что это могло случиться с каждым.

Затем я анонимно позвонила на «горячую линию» по вопросам этики коллегии адвокатов, чтобы понять, как мне дальше вести себя при сложившихся обстоятельствах, чтобы меня не лишили статуса. По

крайней мере теперь я четко понимала, что делаю и что мои действия законны.

— Знаешь, я тут размышляла о том, что ты мне сказал, — начала я.

— О чем же? — спросил Зак, довольный, что я готова вступить в игру.

— О том, что самое важное знать не сильные стороны, а слабости человека.

— Ну да. Думаю, это правда.

Я прижала обе руки к столу, кивнула, не поднимая глаз, а потом встала.

— Знаешь, в чем твоя слабость, Зак?

Он расплылся в улыбке. Самодовольный урод.

— Не знаю. Ну же, открой мне, в чем моя слабость.

— Ты считаешь людей вещами, которые можно завоевать.

Он нахмурился:

— Я не знаю. Но в итоге все складывается для меня благополучно.

— Твоя жена погибла. — Он даже не поморщился. — А киберпреступления считаются нарушением федерального уголовного законодательства.

— Да брось, Лиззи. — Он ухмыльнулся. — Ты не можешь рассказать властям о том, что я тут тебе поведал, даже если бы захотела. Ты мой *адвокат*, помнишь? И должна хранить адвокатскую тайну, не то лишишься статуса. А ты печешься о своей работе куда сильнее, чем обо мне.

— А вот тут ты ошибаешься, Зак. — Я покачала головой и нахмурилась. — Может, тебе и правда стоило лучше учиться на юрфаке. Потому что вредоносные программы, которые ты установил на компьютеры родителей из Грейс-Холл, и сейчас там, а твоя команда шантажирует новые семьи. Тот тип, который обрабатывал пятнадцатилетнюю девочку, все еще с ней на связи. Это значит, что преступление еще в процессе совершения, а значит, все, что ты тут мне рассказал, попадает под так называемое исключение при содействии преступлению. Я не обязана молчать о преступлениях, которые ты совершаешь прямо сейчас. — Я наклонилась к перегородке. — Так что наслались свободой, когда тебя выпустят, Зак. Это ненадолго.

Имя: Керри Таннер

Адрес: Вторая улица, 571, Бруклин, 11215

Дата рождения: 28 июня 1969

Возраст: 51

Телефон: 718-555-2615

Полицейское управление Нью-Йорка

Бруклин

Дата 15 июля

Время 15.00

Номер дела: 62984415

Я, Керри Таннер, добровольно даю признательные показания детективу Роберту Мендесу, который, как мне известно, служит в полиции Нью-Йорка. Я знаю, что не обязан делать никакие заявления и любые показания могут быть использованы против меня в суде. Перед тем, как я дал эти показания, мне зачитали мои права. Я понимаю свои права и подписал письменный отказ, прежде чем сделать признание.

Подпись: _____

Заявление

Я даю сегодня признательные показания потому, что люблю свою жену Сару и это она меня попросила. Может быть, всю ситуацию удастся разрешить без суда. Мы были вместе больше тридцати лет, и Сара — все для меня. У нас удачный брак. А еще я люблю своих сыновей. Это ужасный несчастный случай. Но все произошло неумышленно. Разумеется, я никого не убивал.

Мы с Амандой дружили. Очень близко. Она знала мою жену Сару. Постепенно у нас возникли взаимные чувства. Я не хотел, чтобы так произошло, и это не меняет моей любви к жене. Некоторые вещи ты просто не в состоянии контролировать. В течение нескольких месяцев мы с Амандой делали друг другу приятные вещи, чтобы как-то выразить симпатию. Аманда покупала мне подарки с умом, а я помогал ей, поскольку ее мужа никогда не было дома. Тот еще козел. Как бы то ни было, наши отношения становились все ближе, и мы держали их в тайне. Благодаря этому повысилась моя самооценка. Это все Аманда.

Но тут Себ, еще один наш друг, решил встать между нами. А у него открытый брак. Я не мог такого допустить.

В тот вечер я вообще не планировал видиться с Амандой или идти на ту вечеринку. Но потом мой баскетбольный матч отменился, я пошел пропустить по стаканчику, и так одно привело к другому. В итоге я остался с парнем, у которого проблемы с алкоголем. Он решил прилечь на лавочку неподалеку от дома Мод и Себа, поскольку был так пьян, что вырубился. Я бросил его там и пошел один. Решил зайти на вечеринку буквально на пару минут. Я не хотел попадаться на глаза Саре, иначе она весь вечер таскала бы меня за собой и общалась бы с гостями. Я люблю свою жену, и все ее любят. Я просто жаждал увидеть Аманду и увидел, но потом кто-то сказал, что она уединилась наверху с Себом. Признаюсь, это меня взбесило.

Я послал Аманде пару сообщений, пока она шла домой. Хотел, чтобы она поняла, что нуждается во мне. Если создать какую-то пугающую ситуацию, то потом можно прийти ей на выручку. К счастью, в спортивной сумке нашлось кое-что, что позволяло замаскироваться, чтобы она не знала, что это я. Я имею в виду: я был уверен, что с ней все будет в порядке, иначе зачем мне скрывать лицо?

Но все пошло не по плану. Аманда дико испугалась. Начала меня бить. Мы в тот момент находились на лестнице. Я был вынужден защищаться. А потом она просто упала. Это был несчастный случай. Она ударилась головой о перила. Встала, поскользнулась и снова ударилась о ступеньку. Это произошло еще несколько раз. Много раз. Наконец она перестала двигаться. Повсюду была кровь.

Я запаниковал и убежал. Я побежал в парк, чтобы прийти в себя. По дороге я заметил, что к моему рукаву прицепилась сережка Аманды, а тыльная сторона ладони вся в крови. Я старался обойти лужу крови, но, видимо, мазнул по стене, когда спускался. Мой приятель все еще был в отключке. Он лежал на спине, а одна нога свешивалась на землю. Я сунул ему сережку в карман и вытер руку об его кроссовки. Как я уже говорил, я был в панике и не отдавал отчета в своих действиях. Но он же этого не делал. Я решил, что полиция в

итоге придет к такому же выводу. А мне нужно было позаботиться о своей семье. Я сделал это, чтобы защитить их.

Эти показания даны мной добровольно. Я прочел показания, записанные с моих слов. Все верно и корректно.

Подпись: _____

Дата: _____

Засвидетельствовал: _____

Дата: _____

Лиззи

15 июля, среда

Сэм ждал меня рядом с офисом «Янг & Крейн», когда я наконец вернулась из Райкерса. Рядом с ним на скамейке стояла спортивная сумка. Он сидел, подставив солнцу лицо, скрытое за солнечными очками. «Он от меня уходит», — подумала я.

Печаль. Вот что я чувствовала. Печаль оттого, что Сэм захотел уйти. Печаль оттого, что мне казалось, что это не худший вариант для нас обоих. Что нас ждало бы дальше? Нашей семье причинен такой ущерб. Сэм признался, что он мог бы мне изменить. Я поверила, что он способен на убийство. Разумеется, я отчаянно хотела доказать, что это не так. Но я допускала такую возможность. А что я сама натворила? Я смотрела сквозь пальцы на зависимость Сэма, прикрывая все любовью. Не говоря уж о моем вранье.

Я села рядом, закрыла глаза и тоже подставила лицо солнцу. Какое-то время мы сидели так бок о бок. Долго молчали. Наконец Сэм взял меня за руку.

— Куда-то едешь? — спросила я.

— Да. Начинается дорога длиной в три месяца. Минимум.

Я распахнула глаза и уставилась на него.

— Правда?

— Да, все уже организовали. Я позвонил маме. Она оплатит мое пребывание в лечебнице. Она была на удивление добра. В своей обычной уклончивой манере. Не уверен, что она расскажет отцу. Но, может, оно и к лучшему. — Он вздохнул. — Прости, что у меня ушло на это так много времени. Я прошу прощения... за все.

Я сжала руку Сэма.

— И я.

— Я хочу все исправить, — продолжал Сэм. — По крайней мере, исправиться. Обещаю. — Он замялся и потупился. — Я обещаю попробовать.

У меня сжалось горло.

— Знаешь, ты не единственный, кто совершает ошибки.

Сэм посмотрел на меня:

— О чем ты?

Сейчас сложно было вывалить на него всю историю о моем отце, да я и сама пока еще не решила, какую роль в ней отведу отцу, а какую себе. Но я не сомневалась, что недоговаривать и обманывать — это одно и то же. А я больше не буду врать, никому.

Я покачала головой:

— Это не касается нас. Это касается моей семьи, но кое-чего, о чем ты имеешь право знать. Вернее, имел, с самого начала. Особенно если учесть, что это было с нами всегда. Но это может подождать, я обещаю. Сейчас важно, чтобы тебе стало лучше. Ты должен сосредоточиться на этом. Просто знай, что и я не идеальна. И никогда не была.

Мы еще немного помолчали.

— Как думаешь, если у меня получится, этого будет достаточно?

«Для нас», — хотел он сказать. Я заглянула в его глаза в поисках будущего, которое никто из нас не мог рассмотреть. А потом сделала единственное, что было правильным — наклонилась и поцеловала его. А потом сказала ему правду:

— Я надеюсь.

Благодарности

Моя самая глубокая благодарность — моему мудрому и проницательному редактору Дженифер Барт. Спасибо за то, что сразу поняла, какой должна быть книга. Я буду всегда благодарна за твой острый редакторский взгляд, за незаурядную цепкость и неустанную отдачу. Мне повезло работать с тобой.

Спасибо блистательному Джонатану Берману и щедрому Доу Джонсу за вашу поддержку и преданность. Я счастлива назвать «Харпер» своим вторым домом. Передайте спасибо всем, кто занимался продвижением, рекламой, продажами и взаимодействовал с библиотеками вместо меня. Особая благодарность неутомимой парочке из отдела маркетинга — Лесли Коэн и Кэти О'Каллаган. Девушки, вы просто звезды! Спасибо за помощь Саре Рид, а также редактору по производству Лидии Вивер, выпускающему редактору Миранде Оттвелл и всем остальным редакторам в «Харпер» за усердный труд, благодаря которому моя идея превратилась в настоящую книгу.

Спасибо моему прекрасному агенту Дориану Карчмару за многое, прежде всего за то, что ты интуитивно понимаешь меня и мою работу и постоянно бьешься за то, чтобы каждое предложение — а ты наверняка можешь цитировать теперь весь текст по памяти — стало настолько отменным, насколько это возможно. Мне крайне повезло иметь такого одаренного и творческого партнера. Спасибо моему чудесному агенту Анне Дерой за ее проницательность и неугасающую преданность. Благодарю Матильду Формс Уотсон и Джеймса Мунро, а еще Алекса Кейна и всю компанию WME за тяжелый труд.

Спасибо крутому адвокату и моей дорогой подруге Виктории Кук за советы и любовь на протяжении долгих лет. Благодарю Ханну Вуд за умные комментарии и за то, что всегда была рядом, чтобы протянуть руку помощи, а Кэтрин Фоу — за то, что постоянно спасает меня.

Самые искренние благодарности упорному и доброму адвокату по уголовным делам Эрику Францу, который вложил всего себя в написание этой книги, отвечал на мои бесконечные вопросы, позволял мне присутствовать на заседаниях и никогда не давал чувствовать себя обузой, даже когда я не сумела найти номер автомобиля в Райкерсе.

Эрик, твоя преданность делу и профессионализм поистине незаурядны, поэтому, если меня вдруг арестуют, я позвоню именно тебе. Спасибо Авиве Франц, которая принимала меня как родную, и Гульноре Тали, благодаря которой я почувствовала себя частью команды.

Спасибо Эллисон Меерханс, бывшему помощнику прокурора в Бронксе, которая помогла причесать рукопись, деликатно указывая на мои промахи. Советы были бесценны.

Спасибо Уильяму «Билли» МакНиди, который был настолько любезен, что прочел большую часть рукописи и отвечал на вопросы по электронной почте, а также долго общался со мной по телефону — благодарю за помощь в деталях. Ничто не могло бы заменить вашей мудрости.

Выражаю благодарность всем остальным выдающимся экспертам и очень щедрым людям, которые терпеливо отвечали на мои порой глупые, часто очень специфичные вопросы или находили того, кто мог это сделать: Эндрю Галло, доктору Таре Галовски, Халли Левин, доктору Тео Маншреку, Терезе Малони, Брендану Макгуайру, Даниелю Родригезу, профессору Линде Рурке, Дэвиду Шумахеру и Рону Станилусу.

Моя безграничная любовь Меган Крейн, Хиттер Фаттон, Николь Кир, Таре Пометти и Мотоко Рич — ваши великолепные качества как первых читателей превосходит только фантастическое умение дружить. Я бы хотела пообещать, что не буду просить никого из вас, мои дорогие, читать очередной черновик, но это была бы ложь. Спасибо, Ник Арроволо, мне не хватит слов, чтобы отблагодарить тебя за тепло и усердие.

Спасибо моей семье и друзьям, которые всегда поддерживали меня. Вы даже не представляете, сколько это для меня значит.

Особая благодарность Мартину и Клэр Прентис за все, что вы для меня сделали.

Спасибо, Эмерсон, за терпение и прекрасное напоминание, что такое неистовство. Спасибо, Харпер, за то, что поражала меня каждый день своей красотой и острым умом. Я обожаю вас обоих.

А еще спасибо Тони — абсолютно за все.

Примечания

1

Филли — шутливое прозвище города Филадельфия. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Любая дистанция больше 42 км 195 м.

3

Программа «Воспитание испугом» — популярная в США методика работы с трудными подростками.

4

Кентукки Дерби — конные скачки, которые устраивают в крупнейшем городе штата Кентукки, Луисвилл, в первую субботу мая.

5

Джон Пирпонт Морган — американский предприниматель, банкир и финансист (1837–1913).

6

ПрайсуотерхаусКуперс — международная сеть компаний, предлагающих услуги в области консалтинга и аудита.

7

Теория разбитых окон — теория, рассматривающая мелкие правонарушения не только как индикатор криминогенной обстановки, но и как фактор, который влияет на уровень преступности.

8

Убийство первой степени — убийство при отягчающих обстоятельствах.

9

Фишинг — вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей.

10

Отсылка к католическому святому Франциску Ксаверию.

11

Мальчик-кадди — мальчик, который подносит или подвозит на тележке клюшки для игроков.

12

«Тьма и буря» — коктейль на основе темного рома и имбирного пива.

13

Эльмира — государственная тюрьма строгого режима, расположенная в округе Чемунг, штат Нью-Йорк.

14

Vans — фирма, производящая спортивную обувь и одежду с середины 60-х годов XX века.

15

«Охота за мусором» — игра, суть которой в том, чтобы собрать конкретные предметы по выданному организаторами списку.

16

«Я тоже» — хештег против сексуального насилия и домогательств.

17

«Уэстло» — онлайн-служба юридических исследований и база данных для юристов и адвокатов.